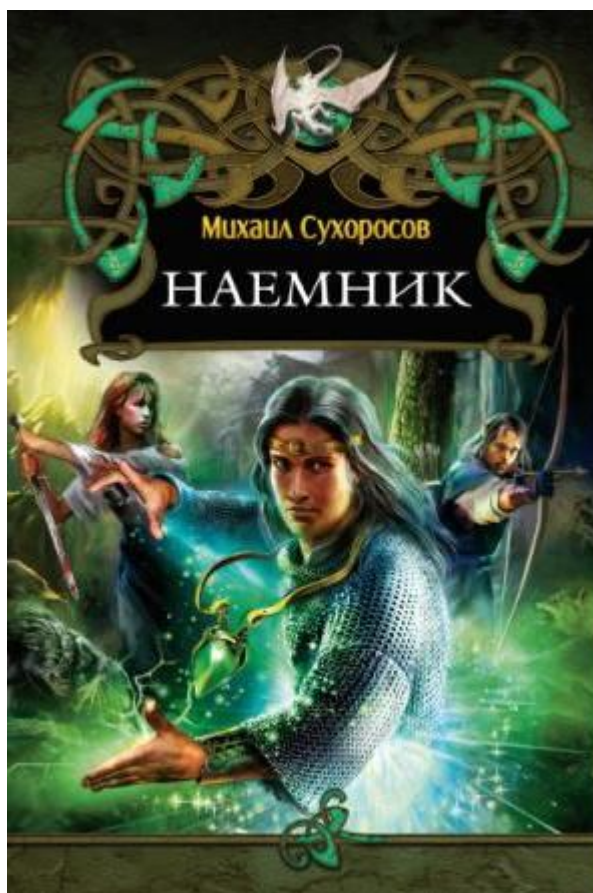

Михаил Сухоросов Наемник

Пришлые – 1

«Наемник»: «Ленинградское издательство»; СПб; 2010
ISBN 978-5-9942-0609-8

Аннотация

Художник Михаил Ордынцев, «командированный» в средневековый мир, ласково именуемый Преисподней, становится объектом охоты: его преследует могущественный Орден Чародеев и не менее могущественное Серое Братство, корпорация оборотней. Но что еще хуже, в охоту за ним включается загадочный Институт, научная корпорация, засылающая в мир Преисподней пришлых – агентов-смертников из других миров. Разгадка этого интереса в прошлом героя, и Ордынцев – а ныне странствующий Чародей Мик Меченосец – во что бы то ни стало должен найти ответ на свои вопросы...

Переплетение изощренной магии и высоких технологий, готической легенды и жесткой игры конкурирующих спецслужб – все это в первом романе цикла «Пришлые».

**Сухоросов Михаил
Наемник
(Пришлые - 1)**

Никогда не убегайте крысёй побержкой на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте... ждите, пока к вам придут.

М.Булгаков "Белая гвардия"

ГЛАВА 1

Знаете ли вы северный ноябрь? Нет, вы таки не знаете северного ноября! И честно скажу, не приведи вам судьба его узнать, если вы уже битый час торчите на автобусной остановке, на плечах у вас выдавшая всяческие виды курточка на рыбьем меху, а на голове — кепчонка, несущая чисто декоративные функции, то есть абсолютно не греющая. На улице во-первых, пятница, во-вторых, десятый час вечера, в-третьих — совершенно гнусный ветер — куда ни повернись, он все равно дует в лицо, забирается под одежду, швыряется какой-то паскудной, не желающей таять снежной крупкой...

Самое скверное во всей этой ситуации, что, стоя на автобусной остановке, роет слежавшийся снег носками тупорылых «вибрамов» не кто-нибудь, а ваш покорный слуга, Михаил Ордынцев, а для друзей просто Майк, возраст — двадцать три года, рост — 170, вес — 65, по профессии художник, по характеру — ненормальный.

Нет, окружающую обстановку я воспринимаю вполне адекватно, с людьми схожусь легко, дело свое знаю... Но при этом не могу долго жить на одном месте — не то что тяга к странствиям или что-то такое, просто через некоторое время после очередного переезда наваливается на меня нечто вроде мании преследования, ощущение постоянного и пристального взгляда на спине, что-то наподобие шарящего прожектора. Словно меня ищет кто-то, с кем бы мне очень не хотелось встречаться. И тогда я срываюсь, переезжаю на другое место, а там вскорости повторяется та же история. И при этом я ничего с собой поделывать не могу, хотя полностью сознаю абсурдность подобных действий...

Вот так же получилось и на сей раз. Я уволился из маленького театра в маленьком

северном городке Н-ске, продержавшись четыре с небольшим месяца. Только вот расчет получить не успел... Так что придется мне тут до понедельника куковать, а возвращаться в свою малюсенькую квартирку с маркированными зелеными стенами смерть, как неохота, а как подумаешь, что там еще два дня сидеть... Конечно, можно бы забуриться в гости к кому-нибудь, но ирония судьбы есть ирония судьбы — тех, к кому можно бы, то есть артистов Н-ского театра, как раз сегодня унесло на гастроли. Да что в этом городе — все автобусы кончились?!

Кстати, насколько я помню, вчера мы с артистами давали друг другу могучую отвальную — они провожали меня домой, я их — на гастроли. И, помнится, из того невероятного количества пойла что-то еще уцелело... Точно! Есть же початая бутылка коньяка! Так, получается, живем! А вон и автобус, настоящий, живой, теплый автобус! Нет, жизнь все-таки вещь неплохая.

Я пристроился у окошка и уставился в проносящуюся мимо темноту, изредка прорезаемую огоньками газовых факелов. Вот странно: мой бзик сильнее всего наваливается на меня в моем родном городе, в Бурге. А не заехать туда мне никак нельзя — меня там помимо всевозможных друзей и товарищей, а так же коллег, ждет Ларико, она же Лариса Карцева. Может, конечно, и не ждет, но это уже детали. Хорошо, что есть на свете женщины, способные понять тонкую и ранимую душу художника... Несмотря на то, что художник этот, свин пропойный, чуть что слетает с нарезки и мчится неизвестно куда, задравши хвост.

Я выскочил на своей остановке, и на меня тут же снова набросился ветер, так что для начала мне пришлось долго и нудно гоняться за своей кепкой. Но это все, господа хорошие, ерунда. Сейчас я закрою за собой казенную дверь казенной хаты, плюхнусь в казенное кресло, задеру ноги на казенный столик и налью первый стопарь. И пропади все пропадом!

Естественно, мне пришлось с минуту хлопать себя по карманам в поисках ключей. Согласен, потеряй я их — было бы куда как смешнее... Но теперь непогода и прочие гадости остались снаружи. Куртку на вешалку, замок — на два оборота. Теперь — чайник на плиту... И наконец, смотр припасов.

Со жратвой оказалось относительно неплохо, во всяком случае, до понедельника с голодухи не подохну. Только с хлебом напряжно — обнаруженную мной пару бубликов вполне можно использовать в качестве кастетов...или кастаньетов, это уж как кому нравится.

А вот в комнате бардак: на подоконнике грязная посуда, на полу стопки книг, на столе шмотки вперемешку с кистями... Гадюшничек. Что называется, в лучших традициях. Ну не хлестать же нормальный коньяк в обстановке такого развала? Ладно, ограничусь чисто косметической уборкой. Упаковываться сегодня не буду — мебели и сервизов у меня как-то не наблюдается, а краски и кисти места много не займут, так что остается только книги нормально упаковать. Мой обет... пардон, психоз запрещает мне иметь больше имущества, чем можно утащить на своем горбу.

Минут через пять у меня уже все было готово, я разместил в пределах досягаемости папиросы, спички и стакан, установил поудобней настольную лампу. Коньяк оказался там, где я его и оставил, в тумбочке за банками с краской.

Ну вот, теперь порядок. И даже уезжать никуда не хочется. Все-таки затягивает Север... Жаль, что Ларико сюда выбраться не смогла... Хотя, может, и к лучшему — я ж кочевник, пусть и поневоле. Ну ладно, приступим к церемонии торжественного прощания со славным городом Н-ском... Но для начала надо взять книжку. Что ж я сегодня буду перечитывать? Ага, вот она, "Харчевня в Шпессарте". Ничего с собой поделывать не могу, обожаю сказки.

Я в последний раз окинул комнату взглядом, прикидывая, не упустил ли чего, показал язык вьюге за окном и плюхнулся в кресло. Ну-с, приступим.

Я хватил коньяку и раскрыл Гауфа. Но сосредоточиться на чтении почему-то не получается, есть какой-то дискомфорт во всей ситуации. Ветер, что-ли?.. Нет, не ветер. А мандраж почему-то растет... И ощущение пристального взгляда на спине вдруг стало

предельно четким, ощутимым почти физически. Вот теперь я точно знаю: в квартире есть еще кто-то, кроме меня. И сразу страх побрел мокрыми холодными лапами пор спине прямоком к затылку.

Черт, да не может там никого быть! В этой квартире даже шкафа нет, в котором можно спрятаться. А влезть в окно на пятом этаже — извините, не верю. Надо еще коньячку хлобыстнуть, успокоиться.

Напиток тепло скользнул внутрь, но беспокойство не пропало. Так, готово. Съехал. Вот, значит, как оно происходит — пять минут назад был вполне нормален, а сейчас — все, готовый кандидат в дурку. Надо будет психиатрам сдать... Если доживу до того момента. Да обернись ты, духовидец несчастный, убедись, что там никого нет! Но вцепившийся в затылок страх не дает повернуть голову. А еще бьется и пульсирует в затылке неизвестно вообще откуда взявшаяся мысль: "Выследили..." Да кто выследил?! Обернись, псих ненормальный, посмотри своими идиотскими гляделками — нет там никого, и быть не может! Но пересилить себя и обернуться не получается.

Ну и как же быть? Сидеть и трястись весь вечер, не решаясь обернуться? Так дело не пойдет. А значит, выход только один. Вот, на столе второй стакан, из-под чая. А если там и в самом деле никого нет, по крайней мере, ржать надо мной будет некому.

Горлышко бутылки противно дребезжит о край стакана. Вот гадство, лапы трясутся...

— Эй, кто там? Не прячься, давай лучше выпьем.

— Узнаю характерную реакцию, — негромкий, чуть насмешливый голос. Владелец голоса вошел в круг света и как ни в чем не бывало расположился в кресле закинув ногу на ногу.

Вот так-так... Знакомые все лица. Высокий, плечистый, моих где-то лет, волосы светлые, чуть выющиеся, очки в тонкой металлической оправе, породистый нос. Типичная белокурая бестия...

— Дэн?!

— Именно. Собственной персоной, — он завладел стаканом, сделал в мою сторону приветственный жест, блеснув стеклами очков и выплеснул коньяк себе в пасть.

Я машинально последовал его примеру, не чувствуя вкуса, проглотил напиток как воду. Нет, всему происходящему может быть только два более-менее разумных объяснения: либо меня попросту глючит, либо... Либо Дэн и в самом деле здесь. И в том и в другом случае совершать какие-то ритуальные телодвижения и орать: "Сгинь-пропади!" глупо, а главное — бессмысленно.

Меня хватило только на то, чтобы тупо осведомиться:

— Тебя каким ветром сюда занесло?

— Попутным, — толстые губы чуть заметно раздвинулись в улыбке. Не бойся, я не глюк.

Очевидно, у меня на роже отразилось такое сомнение в последнем утверждении, что Дэн решил выложить один из козырей. Поставив на колени кофр, он двумя пальцами извлек из него за горлышко поллитровку водки:

— Этот довод моего существования, надеюсь, опровергать не собираешься?

Я ошалело потряс головой:

— погоди... Давай еще по тридцать капель опровергнем, а то башка кругом.

— Годится, — он хрустнул пальцами и взялся за бутылку. — Прозит.

Я снова выхлебнул коньяк одним глотком, втайне все еще лелея надежду, что Дэн растворится в воздухе. Он и не подумал ничего подобного сделать, а наоборот, устроился поудобней, раскурил сигарету и небрежно уронил зажигалку в карман джинсовой куртки. Пижон... Сколько я его знаю, а знаю я его не один год, всегда таким был. И всегда обожал в секреты играть.

Некоторое время мы молчали, Дэн сосредоточенно крутил на столе пустой стакан, а я раздумывал, как бы поделикатней подойти к вопросу о его здесь появлении. А, ладно, у нас в конце концов не дипломатический раут..

— Так откуда ты здесь взялся?

— Из Бурга. Решил, знаешь, провести старого знакомого. Как-никак, год с лишним не виделись.

Я чуть не ляпнул: "И слава богу!" В самом деле, разлуку с ним я как-то без особых переживаний переносил.

— Допустим. А что теперь в Бурге — мода такая: в гости сквозь стены ходить?

— Нет, в Бурге такой моды нет, — Дэн оставил в покое стакан и занялся цепочкой с брелком, покручивая ее между пальцами. — Ты удовлетворен?

— Нет, конечно. Ты что — не мог по-человечески, в дверь?

— А ты бы открыл?

— Сомневаюсь, — честно ответил я. — Ладно, долго мы еще будем всухую сидеть?

— Алкоголик, — проворчал Дэн, хрустнул пальцами и потянулся к бутылке. — И чем ты в последнее время занимался? — да, сам тон вопроса исключает предположения о какой-либо осмысленной деятельности.

Я, не глядя, протянул руку и взял с тумбочки папку с десятком графических работ, перебрал ему на колени:

— Остальное раздарил. Плюс к этому, оформил спектакль.

Он раскрыл папку, подержал ее на коленях, глядя на нее, как старый холостяк на грудного младенца, потом закрыл и бережно, как хрустальную, переложил на подоконник:

— Я ожидал худшего.

— Слушай, а ты вообще вваливаешься ко мне, как черт к Ваньке Карамазову, только затем, чтоб мои работы обсудить?

— Я же тебе сказал: решил повидать старого знакомого.

— Ладно, не лепи мне горбатого! — я потихоньку начинаю закипать. Что ж он, змей, мне все удовольствие от коньяка портит? — У тебя ж на роже написано, что ты с какой-то целью!

— Блестящий анализ. Догадлив, мерзавец! Я бы даже сказал, умен не по годам.

— Ну так колись! Как ты вообще сюда попал?

— Как черт к Ваньке Карамазову.

Я беззвучно выругался и раздавил в пепельнице недокуренную папиросу. Дэн, развалившись в кресле, наблюдал за мной с легкой, чуть снисходительной усмешкой, щуря глаза за стеклами очков. Цепочка в его пальцах снова начала вращаться. Ладно, если я буду психовать, ничего не прояснится.

— Допустим. И что ж тебе в таком случае от меня надо?

— Для начала хочу задать тебе пару вопросов. Неприятных.

— А с чего ты взял, что я на них отвечу? Во-первых, не я к тебе приперся, а ты ко мне, так что рассказывай, с чем пришел.

— Давай договоримся так: ты удовлетворяешь мое любопытство, а я — твое.

— Лично я ничье любопытство удовлетворять не собираюсь. Я Собираюсь пить коньяк и прощаться со славным градом Н-ском.

— Не только с ним, — тихо уронил Дэн.

Я всем корпусом подался к нему:

— Что ты этим хочешь сказать?

— Пока замнем для ясности. Вот такой вопрос: тебе что-нибудь говорит такое имя — Леша Зеленый?

— Как же, как же... Это в Бурге, Заводской район держит, чуть не самый крутой из тамошней мафии. Так?

— В общих чертах, — он внимательно смотрел на меня поверх края стакана. Уж мне его следовательские манеры...

А он, убрав пустую бутылку со стола, выстрелил в меня следующим вопросом:

— Далее: тебе знакома некая Лариса Карцева?

Опаньки! Не нравится мне упоминание Ларико в таком контексте. И как он вообще о

ней узнал? Общих знакомых у них, вроде бы, только я.

— Допустим.

— И в каких ты с ней отношениях?

— В хороших, — сквозь зубы ответил я. Терпеть не могу распространяться о женщинах, и уж меньше всего намерен посвящать Дэна в свои дела с ними.

А он не унимается:

— Конкретней, пожалуйста.

— Да какое твое собачье дело?! — взорвался я. — Я ж в твои дела нос не сую, так какого лешего ты...

— У меня есть на то причины, — перебил он веско, потом добавил, словно оправдываясь:

— Тем более, эти вопросы я задаю тебе не по своей воле.

— Та-ак... А по чьей же тогда?

— Тебе это знать ни к чему. Пока.

— Интересное кино. Слушай, а что мне вообще позволено знать? И с чего ты взял, что я на твои вопросы отвечать собираюсь?

— Повторяю еще раз: у меня есть на то причины.

— Слушай ты, агент дьявола, либо рассказывай, какого черта это представление затеял, либо забирай свою бражку и катись отсюда.

На Дэна мое красноречие никакого впечатления не произвело, бражку забирать он явно не собирался, вместо этого извлек из кармана миниатюрный кнопарь и четким, почти профессиональным жестом срезал пробку с бутылки:

— Ты правильно определил: я бы не стал появляться здесь, да еще таким способом, только для того, чтобы общением с тобой насладиться.

— Мне, между прочим, такое общение тоже удовольствия не доставляет, — уведомил я.

Дэн хрустнул пальцами, плеснул в стаканы водки и сообщил:

— Ладно. Неприятных вопросов больше не будет.

Так, а я уже настолько разозлился, что меня даже его присутствие здесь не удивляет.

Я склонился в комическом поклоне:

— Ой, обрадовал! Спасибо, отец-благодетель! А теперь, может, снизойдешь, просветишь дурака...

— Не юродствуй, — строго прервал меня Дэн. — У тебя тоже ко мне возникли вопросы, так? Задавай, чтобы я знал, с чего начать.

Я проглотил водку и, жуя ломтик колбасы, беспечно предложил:

— Ладно, начни с самого худшего.

Он смерил меня тяжелым взглядом:

— Думаешь? Хорошо. Через две недели тебя убьют.

Ба-бах! Ну и приколы у него. Тут еще вопрос, кто из нас спятил, я или он? Или оба? Как хотите, но это бред. Цветной и объемный.

Я принужденно рассмеялся:

— Откуда такая точность? По законам драматургии, ты теперь должен мне сообщить, что именно тебе поручено привести приговор в исполнение, — а потом поглядел на него и осекся. Дэн не шутил.

Он протирал очки полой куртки, стараясь не смотреть на меня. Да, вид у него не блестящий: я только теперь заметил, что он осунулся, под глазами темные круги, на щеках — сероватый налет щетины, глаза как у больного пса.

А он, перехватив мой взгляд, снова стал прежним Дэном — помесью рейнджера с Великим Инквизитором:

— Это не тема для шуток. Мое дело — предупредить тебя. И, возможно, предложить вариант дальнейших действий.

— Ага. И завещание заверить. Кому это я помешал, чтоб меня убивать?

— Помешаешь, — поправил он.

— Так. И кому же?

— Помешаешь ты упоминавшемуся уже сегодня Леше Зеленому.

— Да? А как насчет колумбийской наркомафии? Им я еще не мешаю жить?

А Дэн выпрямился в кресле, точно аршин проглотив, и жестко отчеканил:

— А подставит тебя ему так же упоминавшаяся уже сегодня Лариса Карцева.

Вот это уж совсем никуда не гоже. Слишком я к Ларико хорошо отношусь, чтобы позволять бухому эпигону Дж. Бонда ее имя в своих параноидальных речах трепать.

— Слушай, ты определи какие-нибудь границы своему вранью, если хочешь, чтоб тебе верили!

Дэн оставил мой сарказм без внимания. По-прежнему глядя в стену, он тусклым, невыразительным голосом спросил:

— Ты хочешь знать, как это произойдет?

— Сгораю от нетерпения.

— Хорошо. Смотри.

И тут я УВИДЕЛ.

Все события прокрутились у меня в голове за какие-то пять-десять минут, все три дня, как одно тошнотворно-подробное воспоминание. Я видел все как бы со стороны, и в то же время ощущал на себе, до мельчайших деталей, до самых незначительных впечатлений, которые можно получить с помощью пяти чувств. И при этом знал, что все, что я вижу сейчас происходит (происходило? произойдет?) в действительности. Я видел начало этой истории, легкое приключение с налетом романтики и то, что было потом. Совершенно четко запомнилось мое тогдашнее состояние — сначала недоумение, обида, сменяющаяся отчетливым ощущением того, что меня подставили, чувство гадливости от всей этой истории. И — Страх. Тот, который каждой клеточкой чувствуешь. Ужас загнанного зверя. И ночная, животная побегка по городу — уйти, спрятаться, лечь на дно... Я узнал переулок, где меня настигли летящие фары, запомнил волну замораживающего ужаса. А потом мелькнувшее в голове коротенькое, спокойно-мертвящее "Все.", глухой удар, грохот тысячи военных оркестров, внезапно оборвавшийся темнотой и тишиной. Как со стороны я видел свое тело — тряпичная кукла, плавающая в кровавой луже на асфальте, слышал сухой щелчок контрольного выстрела. И то, что когда-то было моим лицом...

И все заканчивается. Я снова в Н-ске, в своей квартире. Не осталось ни мыслей, ни эмоций, только какое-то ватное безразличие. В голове — ровное, как от трансформатора, гуденье. Как в замедленной съемке вижу, что Дэн приподнимается, берет бутылку... Странно, пальцами не хрустит... Потом с тупым удивлением смотрю на стакан в своей руке. Как он тут оказался?.. Прозрачная жидкость налита до половины. Глотаю, как воду, закашливаюсь мучительно, до головной боли, судорожно вгрызаюсь в осколок бублика.

Ч-черт, десну поцарапал... Зато, кажется, вынырнул из толщи кошмара. Нет, ерунда какая-то. Не могла Ларико... Могла.

И все же я выдавил из себя:

— Не может этого быть.

— Ты сам все видел.

— И что?

— У тебя есть две недели.

— А зачем ты мне все это показывал? — говорю негромко, скрипуче, сквозь зубы. — И зачем ты вообще пришел? Предлагаешь не ждать две недели, а скопытиться прямо сейчас? Или опять достоевская ситуация, а ля Кириллов и Петенька Верховенский? А может, и записочку посмертную надиктуешь?

— Прекрати истерику, — негромко и резко бросил Дэн. А из меня тоже как-то сразу вышел весь пар.

— Уже... А как ты все это... — я сделал неопределенный жест стаканом. Даже не знаю,

что именно я собирался спросить — то ли как он узнал, то ли как показал мне.

— Это неважно. То, что ты видел, в достаточной степени подстроено.

— И кем же?

— Этого я тебе не имею права сказать.

— Тогда какого лешего? А если я все хитрые планы расстрою? Я ж теперь предупрежден. И могу вообще в Бург не поехать, так что через две недели там некого будет убивать.

— Это отсрочка, Майк. Только отсрочка.

— И что ж мне, по-твоему, делать? "Удалиться от женщин и ядов"? Ты мне предложить что-то хочешь, или попросту решил со мной на моих же поминках нажраться?

Он резким, почти фехтовальным движением отбросил со лба непокорную прядь, щелчком сбил с сигареты пепел:

— Предложить, — потом улыбнулся углом широкого рта. — А ты, надо сказать, неплохо держишься.

— Сходить с ума надо с достоинством, — я приподнял стакан. -

За это и выпьем.

Мы прикончили наши стаканы, Дэн снова принялся вертеть свой на столе:

— Ты не сошел с ума. Ты нормален. Но при этом — не совсем посредственность.

— Спасибо на добром слове.

— Просто хотел тебе ложку меда предложить.

— Ты хочешь сказать, мне еще предстоит бочку дерьма выхлебать?

— Предстоит.

— Ну-ну... Хочешь мне отпущение грехов дать, так, что ли?

— Твои грехи и грешки меня не интересуют. Я хочу, чтоб ты знал: все это звенья одной цепи.

— Кто ж ее такую сковал?

— Со временем узнаешь. Есть такая вещь, как несовместимость со средой. Отсюда и твои вечные переезды, ряд конфликтов, один из которых я тебе показал, злоупотребление алкоголем...Доступно?

— Вполне. Среда, значит, заела. А так же четверг и пятница. И какой же отсюда практический вывод?

— Это не твой мир.

— Вот это опера...У тебя, можно подумать, еще парочка-троечка на подходе. Или ты меня готовить к переходу в лучший мир собрался?

Дэн некоторое время молча смотрел на меня, потом неожиданно осведомился:

— Ты когда-нибудь слышал о параллельных во времени мирах?

— Понял. Тлетворное влияние циклодола.

— Сам знаешь, я не употребляю.

— Ладно, излагай.

Дэн помолчал, глядя в стол, поправил очки:

— Так вот, в этом мире много дерьма. Ты, конечно, и без меня это знаешь. Но тот мир, куда тебе предстоит отправиться, еще грязнее. И опасней в несколько раз. Зато ты там выживешь. Возможно.

— Нравится мне это "возможно"...А потом, что значит — предстоит? Я, может, мечтаю умереть на родине...

Дэн снова налил водки и объяснил терпеливо, как ребенку:

— Твое место в этом мире занято.

— Кем это еще?

— С ним я и хочу тебя познакомить. Не возражаешь?

Возражений с моей стороны естественно, не предполагается...Я вяло пробормотал:

— Валяй, чего уж мелочиться...Где он, в кармане у тебя?

— Сейчас.

И тут...То, что в комнате возник третий, меня в принципе, не удивило. Но этого третьего я тоже определенно раньше видел, причем в зеркале: такие же как у меня, острые скулы, мощный нос, чуть раскосые зеленые глаза, жесткие темные волосы, торчащая борода...Одним словом — я! В завозюканной краской клетчатой рубашке и джинсах и, по моему, слегка поддатый.

И тут двойник заметил меня. Нет уж, охренеть — так с музыкой! Кажется, Дэну сейчас придет заслуженный конец.

— Идиота кусок! — завопил мой двойник, стуча себя по темени. — Ты вообще соображаешь, что делаешь?! Так любого с ума свести можно. Меня в том числе.

— Брэк, — Дэн вскинул ладонь. — Он уже знает, Майк. Возможно, ему сегодня отправляться.

— Куда еще? — нахмурился мой дублер. Дэн, не глядя на нас, тихо сообщил:

— Преисподняя.

Дубль-я запустил руку в волосы:

— Вот маму их, умнички-затейнички...Дубье злокачественное, — после чего выдал длинную и витиеватую фразу, имевшую отношение к происхождению неизвестных мне умников. — Слушайте, такое дело запить надо.

— Сейчас, стакан принесу, — приподнялся было я.

— Сиди уж, двойничок. Сам принесу.

— В кухне, на столе.

— Без тебя знаю. Я ж вроде тут должен был быть, — он выкатился из комнаты.

Я ошалело повернулся к Дэну, тот, поймав мой взгляд, чуть заметно усмехнулся:

— Ты, кстати, в курсе, что ты уже две недели, как вернулся в Бург?

— Даже так? Слушай, он кто? Двойник?

— Полный. До отпечатков пальцев.

— Робот? — предположил я, только для того, чтобы не молчать, и тут же грубо выругал себя за идиотизм.

— Сколько раз можно объяснять? — Дэн наставил на меня раскуренную сигарету. — Он — это ты, но такой, которого не убьют, — он собирался сказать еще что-то, но тут вернулся двойник, таща чистый стакан, придвинул поближе колченогий стул, плюхнулся на него:

— Слушай, двойничок, а чего это у тебя вся посуда загажена?

— От двойничка слышу, — мы посмотрели друг на друга и хором хрюкнули, потом дубль-я приподнял бутылку:

— Да, я вижу, вы тут времени не теряли...Разливаю? Стоп, так у вас и закуси нет?

— А у тебя что — есть? — быстро осведомился Дэн.

Дубль-я пожал плечами, отошел за пределы светового круга, а потом просто и без затей растаял в воздухе. Сначала превратился в трехмерный набросок, а потом вообще исчез. Я уставился на Дэна:

— Ни фиги себе! Как вы это делаете?

— Дело техники, — туманно пояснил он. — Ну, Теперь убедился?

— Как сказать...Ладно, убеждением больше, убеждением меньше

— мне все равно смирительной рубашки не миновать. Куда вы хоть засунуть-то меня собрались? Двойничок, похоже, от тамошних курортов не в восторге. Где ты его, кстати, откопал?

— В другом мире.

— Это там, куда мне предлагается отправиться?

Дэн покачал головой:

— Там, куда ты должен отправиться, — он слегка поднапер на «должен», — сейчас средневековье. Раннее.

— Ну, пусть так. Допустим. А такой вопрос: а что я там делать буду, как по-твоему? И зачем тебе и твоим...хозяевам эта петрушка?

— Там нужен человек твоего склада, твоих способностей.
— Каких еще способностей?
— Не знаю. Тебя там встретят и подготовят, а потом твоя задача — смотреть и анализировать.

— Куда смотреть? Что анализировать?
— Поймешь на месте. Важны твои впечатления.
— Путевые заметки, — хмыкнул я. — И еще: я что-то сомневаюсь, что там по-русски говорят.

— На этот случай разработана система языковой адаптации. Автоматически начинаешь говорить на языке той местности, где оказался. "Град обреченный" помнишь?

— Само-собой, — нет, пропади все пропадом, напьюсь сегодня. В дрезину, в мат, до поросычьего визга. Раз уж у меня планку снесло, надо это отметить.

И тут, словно приняв телепатическое сообщение, снова появился дубль-я с пакетом в одной руке и бутылкой в другой. В пакете оказалась парочка квелых соленых огурцов и бутерброды с колбасой, на которые тут же набросился Дэн, а дубль-я плеснул понемногу в стаканы:

— Ну что, двойничок, за встречу?
Мы глотнули синхронно, закусили огурцом, я раскурил новую папиросу:
— Ты бы хоть рассказал поподробней, куда вы меня засунуть хотите. Как твои впечатления?

Дубль-я почесал бороду:
— Да как тебе сказать... Не Рио де Жанейро, — а потом резко подался вперед. — Погоди-ка... Тебе что, Дэн ничего не рассказал?

— Ну, сказал, что там средневековье...
— И все? — Двойник повернулся к Дэну. — Знаешь, так не честно.
— По-моему, это проще тебе сделать, — миролюбиво предложил Дэн. — Вы друг дружку быстрее поймете, — а потом снова занялся цепочкой.

— Может, ты и прав... С чего хоть начать-то, двойничок?
— С начала, вероятно.
— Ладно, сам напросился. Итак, в общих чертах тебе известно что-то о параллельных мирах? Я не физик, да и ты тоже, так что упростим все до предела. Этих миров великое множество, они совпадают по положению в пространстве, но отличаются расстоянием от некой условной точки отсчета по оси времени.

— Это я уже читал. Азимов?
— Не совсем... То есть, наша земля, потом еще одна, отстоящая от нее, допустим на секунду, еще, еще...
— Решили, значит, меня в прошлое зафитилить... А не боитесь, что я вам там всю историю насмарку пушу?

Дубль-я снисходительно усмехнулся:
— Слушай, двойничок, все эти парадоксы времени — ерунда. Их не бывает. Это все — совершенно разные миры, имеющие к нашему очень отдаленное отношение. В некоторых все совпадает — история, прочая лабуда... Я ведь только поэтому здесь. А в некоторых даже география отличается.

— А почему так?
— А шут его знает... Мне один физик знакомый пытался объяснить, так я бы и трезвый ничего не понял. Ну так вот, это еще не главное. Там, куда тебя забросить собрались, как ты понял, средневековье. А кроме того, там есть очень многое из того, что у нас невозможно. У нас это сказки.

— А подробней?
— А подробней — помесь Толкиена с Саймаком... Короче, там имеет место быть всяческая нечисть: эльфы, гномы, вурдалаки, ведьмы, колдуны...
— Вот уж райское местечко! А ты почему из этого заповедника свалил?

— Да понимаешь, — смущенно улыбнулся двойник, — меня там, вроде как, убить должны были.

— А меня там за твои грешки не грохнут?

— Да я и нагрешить-то толком не успел.

— И сколько ты там пробыл?

— Месяца два.

— А меня, стало быть, на вечное поселенье?

— Как знать...

— Ладно, сдаюсь, — я поднял лапы. — Я готов. Я согласен поверить в параллельные миры, гномов, драконов, черта с рогами, но только вы, граждане, скажите: кого мне там держаться?

Дубль-я открыл было рот, но его опередил Дэн:

— А вот тут мы тебе советовать не имеем права. Ты — кондотьер. Ум и меч для найма.

— Хм... Забавно. Я и наблюдатель, и кондотьер... За кем же там наблюдать?

— Видишь, двойничок, какая петрушка... В свое время, когда еще переброс отлажен не был, в тот мир поналезла и провалилась прорва левого народа.

— Вроде нас с тобой?

— Вроде, да не совсем... Мы-то там не случайны.

— Так ты согласен? — Быстро спросил Дэн.

— А, — махнул я рукой, — пропадай моя головушка. Еду.

— За новоявленного кондотьера, — мы чокнулись и осушили стаканы. Хорошо хоть вставать по этому поводу не пришлось... Фу-ты, пьян как, перед глазами все так и плывет...

— Слушай, я, а ты-то как в Бурге устроился?

— Нормально. В старой мастерской, твоей, сам понимаешь. Черныш к себе в художники зовет, собрался "Маленькие трагедии" делать, на меньшее никак не согласен.

— Ну, точно сделает, пробормотал я заплетающимся языком. — Ты там меня не опозорь... Ладно, братцы, еще по одной — и айньки, а то я совсем готов.

Дело окончилось тем, что мы дербалызнули еще по паре-тройке, а потом я провалился в сон, успев еще кое-как добраться до кровати.

Сдается мне, я проснулся. Ох, лучше б мне этого не делать! Башка квадратная, да еще при этом, кажется, вдвое больше туловища, во рту — будто стадо обезьян ночевало... И шевелиться невмоготу.

Стоп, Майк. Есть что-то нездоровое в ситуации. А именно?

Мать моя женщина, башку припекает! Это настолько меня поразило, что я тут же рывком сел и открыл глаза — и тут же снова зажмурился. Нет, надо посмотреть снова.

Первое, что я разглядел — солнечный блик на листе громадного дерева, потом — все дерево целиком, до того места, где его вершина тесно переплеталась с другими кронами. Так, а стволов тут... Раз... Два... Много. Это что ж получается — я в лесу?! Мало того, кругом, изволите видеть, лето, травка, чтоб ее, зеленеет, солнышко блестит и припекает основательно... Браво, Ордынцев. Допился. Конечно, всякое бывало, но чтоб уснуть зимой в квартире, а проснуться летом в лесу... Валяюсь, как идиот, на расстеленном покрывале из моей Н-ской квартиры, из одежды на мне — джинсы, тельник и старые кроссовки. И ничего больше. И никаких признаков цивилизации. Ч-черт, как же отсюда выбираться? Ну, первым делом на ноги встать.

Так я и поступил, а потом прямым ходом двинулся к ближайшему дереву, на ходу расстегивая ширинку.

Не успел я ее застегнуть, как воздух над моей головой вспорол резкий короткий свист, оборвавшийся щелчком. Я поднял глаза. Примерно сантиметрах в тридцати над моей макушкой из морщинистой коры торчала стрела с сизым опереньем. Короткая стрела, толстая. Арбалетная. Надо же, никогда не видел арбалетной стрелы, а вот ведь — догадался...

И тут же на мои больные мозги обрушился громовой голос:

— А сейчас — руки за голову и медленно поворачивайся, а то следующая из твоей башки торчать будет!

Да, это, наверно, неприятно... Что ж, слушаю и повинуюсь...

— Ага, порядок. Вижу, что ты. Руки-то опусти, — из зарослей какого-то кустарника метрах в шести от меня торчал по пояс здоровенный рыжеволосый и бородатый детина, он сосредоточенно разряжал арбалет. — Ты ведь Ордынцев, верно?

— Вчера, вроде, так звали.

Бородач выломился из кустов:

— Ну, тогда давай знакомиться, — ростом он оказался разве что на какой-нибудь сантиметр ниже двух метров. — Вообще-то меня зовут Алекс, но я так же откликаюсь на остроумное прозвище Малыш. С прибытием, — он протянул мне широкую, как лопата, ладонь. — А кстати о птичках: у нас, Пришлых, настоящие имена не в почете.

— У нас — кого?

— У Пришлых. Ну, агентов-наблюдателей из других миров, инструкторов вроде меня.

Я пожал ему руку, несколько ошалело разглядывая его. Удивление мое вызвали не кольчуга, не громадный боевой топор за поясом, не длинный кинжал в ножнах — здесь, как я понимаю, это обычный элемент костюма. Кольчуга доходила Малышу почти до колен, а ниже начинались старые, вытертые почти добела джинсы, и были они заправлены в высоченные армейские ботинки.

ГЛАВА 2

Время летит быстро. Я уже полтора года здесь, в этом странном и страшном мире. На плечах моих — куртка из толстой воловьей кожи, надеваемая обычно под кольчугу, а давно не чесанные волосы схвачены медным обручем — знаком Ордена Чародеев.

Я очень изменился с тех пор, как попал сюда — и чисто внешне: я похудел, загорел и окреп, и внутренне. В первый же месяц я четко и на всю жизнь усвоил, что лучше убить самому, чем быть убитым — когда ретивый латник из Торианского пограничного патруля чуть не снес мне башку. В патруле было трое, с двоими разделался Малыш.

И вот я сижу в Берлоге — школе, лаборатории, резиденции и не знаю что еще Магистра Ордена Грентвига и ожидаю своего рода посвящения. Сегодня я стану почти полноправным бойцом Ордена и получу свой Камень... Но раз уж потянуло на воспоминания, лучше вспоминать по порядку.

Первые два с половиной месяца в этом мире я провел на базе, хотя я лично считаю такое название слишком громким для хибары на берегу озера, в которой обитали два инструктора, то есть Малыш и Старый, и один инструктируемый, то есть я. Все это время меня обучали, в основном, обращению с оружием, и Малышу удалось меня натаскать, так что мечом "полторы руки" я владею вполне прилично, а нож метая даже лучше Старого... Но он ножах разговор особый. Старый так же пытался обучить меня стрельбе из лука и арбалета, но не дано — значит на дано, так что стреляю я очень неважно.

Оба моих инструктора оказались ребятами на редкость бесшабашными и феноменальными по вменяемости пьяницами, языками они работали ничуть не хуже, чем мечами — я, бывало, ржал до истерики, слушая их перебранки, которые они затевали с самыми серьезными рожами. Уговор был весьма суровый — кто первый не выдержит и хотя бы улыбнется, тот и моет посуду. Я, как признанный повар, был от этой повинности освобожден: когда ребята узнали, что я не только прилично стряпаю, но даже умею печь хлеб, они хором заорали, что мне цены нет (ну, или почти так).

А вообще-то они настолько разные, насколько могут быть два инструктора по выживанию, живущие под одной крышей. Малыш, каланча рыжая, — шумный, неугомонный сорви-голова. У нас, Пришлых, в общем-то не принято рассказывать, а тем более расспрашивать о своем прошлом «там». Малыш своего не скрывал: по его словам, он в свое время считался подающим надежды математиком, до тех пор, пока не влетел в какую-то

отдающую криминалом историю (в этой части своего рассказа он был, как правило, довольно невнятен). Естественно, он прибег к наиболее простому способу разрешения конфликта с властями — ушел добровольцем в десантные части. Там его и выловил вербовщик из Преисподней, как называем этот мир мы, Пришлые. С учетом того, что вся агентура должна была погибнуть в своих мирах, да там их наверно и считали погибшими, это название обретает определенный и довольно жутковатый смысл...

Старый — почти полная противоположность Малышу, даже внешне. Невысокий, жилистый и крепкий, всегда спокойный и ироничный, с цепким взглядом вечно слегка прищуренных карих глаз... Вообще-то он был ненамного старше меня и Малыша, но в его черных, прямых, как у индейца, волосах и аккуратной мушкетерской бородачке явственно прослеживалась седина. О прошлом своем он не рассказывал, да и разговоров на эту тему не любил. А когда такие разговоры все же заводились, он усмехался и ронял, сузив глаза: "Все мы здесь Пришлые, то есть смертники". Когда-то Малыш обмолвился, что «там» Старый был каскадером...

А в общем и целом, жили мы с ними душа в душу. Иногда забредал на огонек кто-нибудь из нашего брата, из Пришлых, и тогда надолго начинались пьянка и треп, но такое случалось нечасто. Однажды кто-то из этих ребят оставил на недельку гитару, и тут уж я оторвался — попел ребятам кое-что из наших старых песен. Особое впечатление на них произвела древняя студенческая: "И налево наша рать, и направо наша рать, хорошо с перепоем мечом помахать", с тех пор они горланили ее чуть не каждое утро, вытаскивая меня на разминку. Первые две недели я ближе к вечеру походил на мокрую тряпку — тренировались без дураков. Тут мне очень пригодились навыки каратэ и начатки сценического боя, когда-то на заре туманной юности мной усвоенные.

Хибарка, то есть база, стояла фактически на ничейной земле. К западу от нас находилось герцогство Торианское, одно из карликовых государств, которые более сильные соседи к себе не присоединяют ввиду труднодоступности (болота) и полнейшей никчемности. А к востоку на многие километры простерлось громадное государство, скромно и безо всяких там экивоков именуемое себя Империей и представляющее из себя конгломерат таких же карликовых герцогств и княжеств под протекторатом короны.

Граница постоянно находилась в состоянии до зубов вооруженного нейтралитета, хотя и по ту и по другую сторону говорили на одном и том же языке. Пограничные конфликты в основном сходились к дракам из-за перешедшей границу скотины или украденной курицы, но иногда латник герцога и имперские егеря на какое-то время трезвели ми переходили в активное состояние, очевидно с похмелья. В такие периоды они в зависимости от настроения, принимались хватать или рубить в капусту все, что движется через границу в ту или другую сторону. К базе они при этом соваться избегали. Когда я спрашивал ребят о причинах этого, они только загадочно усмехались.

И еще один момент: с наступлением темноты здесь фактически замирала вся жизнь. Хотя по словам Старого, те, кого все опасались, то есть всевозможная нежить и нечисть, с тем же успехом атаквали и днем...

В конце концов, после двухмесячного усиленного курса обучения ребята решили, что я вполне созрел для первого "выхода в свет", то есть в маленький пограничный городок на территории герцогства. Меня ознакомили со всеми местными достопримечательностями: замком-гарнизон, смахивающей на сарай часовней (издали) и двумя харчевнями (в подробностях). Окончание этой прогулки я запомнил довольно слабо. Помню, Малыш снял каких-то девиц, потом мы их где-то потеряли, а потом шли в обнимку по узкой немощеной улочке и горланили "Нашу рать"... Короче, вживались в образ нормальных средневековых гуляк.

И вот, через пару недель, во время нашей вылазки в точно такой же городок в пределах империи, моя судьба вдруг сделала резкий поворот.

Вышли мы с утра пораньше — только по Торианскому тракту до городка было километров пятнадцать. К тому же полил дождь, так что когда дошли до места, настроение к

нас троих оказалось крайне скверным. Городок оказался таким же невзрачным как и тот, в котором мне довелось побывать раньше, разве что замок чуть повыше и помассивней. Но нам было не до архитектурных красот, мы ввалились в фактически пустую корчму и шумно потребовали выпивку. Кроме нас там находилось еще человек пять посетителей, но только один из них привлек мое внимание. Наверно, такие вещи и называются "зовом судьбы"...

Высоченный горбатый старикан в черном камзоле с отворотами, украшенном узором металлических колечек на груди и плечах, он сидел отдельно от всех, ни на кого не обращая внимания. Темно-серый плащ брошен на скамью, тяжелый двуручный меч прислонен небрежно к столу, но заинтересовало меня не это и даже не его лицо, кстати довольно примечательное — худое, с острым подбородком, выступающим вперед, длинный ястребиный нос, сивые космы, доходящие до плеч, перехвачены серебряным обручем... Просто я внезапно почувствовал, что он чем-то отличается от обычного человека, и что под камзолом на груди у него скрыто что-то живое, обладающее громадной мощью. А поскольку был я тогда щенком, ни в чем толком не понимающим, то и пялился я на него во все глаза, без зазрения совести.

И тут он, словно перехватив мой взгляд, резко обернулся и посмотрел на меня в упор. Я, как ни в чем не бывало, продолжал его изучать, и тогда он поднялся из-за стола и зашагал к нам. Я было приготовился к проверке своих бойцовских навыков, но Малыш со Старым повели себя как-то странно: когда длинная сгорбленная фигура приблизилась, они вскочили, вытянулись чуть не по стойке «смирно» и хором гаркнули:

— Приветствуем тебя, Магистр!

Я последовал их примеру, несколько удивляясь такому ревностному отношению к субординации — до сих пор я был уверен, что мои инструктора способны сломать любой нос и наступить на любую ногу.

А старик, не обращая ни малейшего внимания на их приветствие, продолжал буравить меня взглядом из под насупленных косматых бровей. Наконец он осведомился неприятным лязгающим голосом:

— С каких это пор вы якшаетесь с ведьмаками, вольные охотники?

— Он не ведьмак, он из Пришлых, — попробовал вступиться за меня Малыш. Горбун неприятно усмехнулся:

— Ведьмак есть ведьмак, будь он хоть трижды Пришлым.

Я почувствовал, что пора бы и мне свое веское слово сказать:

— Я даже не знаю, о чем идет речь.

— Магистр, — голосом, похожим на опасную бритву, напомнил старик.

— Я не знаю, о чем речь, Магистр, но чем угодно клянусь, что подобными вещами никогда в жизни не занимался.

— Кому они нужны, твои клятвы... — пробурчал он. — Я ведь могу и проверить твои слова.

— Я готов, Магистр.

— Как твое имя, храбрец? — В вопросе послышалась ирония.

— Мик Меченосец, Магистр, — ответил я по наитию. Краем глаза мне удалось поймать одобрителный взгляд Старого.

Я почти физически чувствовал в тот момент, как напряглись ребята. Кто бы там ни был этот Магистр, они против него явно не тянули, и признавали это. Если бы он решил что-нибудь со мной сделать, они едва ли смогли бы ему помешать.

— Что ж... — Магистр извлек из под камзола крупный, чуть не с грецкий орех, зеленый самоцвет на цепочке. — Что ты скажешь об этом, Мик Меченосец?

Ребята за моей спиной затаили дыхание, а сам Магистр улыбался как тиранозавр в предвкушении завтрака. Все это меня насторожило... вернее, должно было насторожить.

Я некоторое время в упор смотрел на Камень, потом поднял взгляд и уставился прямо в светло-серые пронзительные глаза горбуна:

— Оно живое, Магистр. Очень сильное. Не в обиду тебе будет сказано, сильнее тебя.

— Что толку обижаться на правду, — буркнул он, потом голос его стал совсем медовым: — Прикоснись к нему, Мик Меченосец.

— Не вздумай, — еле слышно прошипел Старый у меня за плечом, а Малыш так наступил мне на ногу, что я едва не взвыл. Но раз уж я завелся меня не остановишь даже танком. Я решительно протянул руку, и пальцы мои коснулись блестящих граней.

В первый момент показалось, будто меня сотня киловольт долбанула, в пальцы вонзились тысячи микроскопических иголок, руку до плеча пронзило ледяным холодом. Но длилось это примерно секунду, потом ощущение пропало, сменившись чувством контакта с чем-то, что понять можно разве что интуитивно, но расшифровать и объяснить словами...

Справа от меня гулко сглотнул слюну Малыш, Старый слева шумно перевел дух, но самое сильное впечатление эта сцена произвела на Магистра. У него на роже появилось такое выражение, словно он нос к носу с живым драконом столкнулся, он поспешно убрал Камень обратно, потом не без усилия восстановил каменное выражение лица:

— Однако... Ты точно уверен, что ты Пришлый?

— Разумеется, Магистр.

Он, казалось, задумался, потом складка между его бровями разгладилась, и на его худой, вытянутой и словно граненой физиономии появилась все та же опасная, не показывающая зубов улыбка:

— Ну что же... Мик Меченосец. Я беру тебя в ученики и сделаю из тебя Чародея. Через три дня, в это же время, будь в этой харчевне. Тебя будет ждать мой человек. Скажешь, что ты к Магистру Грентвигу, и он отвезет тебя ко мне. Ясно?

Чисто из духа противоречия я попробовал заартачиться:

— А меня, значит, уже не спрашивают?

— А зачем? — усмехнулся он. — Ты ведь хочешь владеть таким Камнем, Мик Меченосец? — с этими словами он круто повернулся, подхватил с лавки плащ, небрежно закинул на плечо перевязь с мечом и, не оглядываясь, вышел.

— Вот так дела, — выдохнул Старый. — Сколько живу, но чтобы так...

— Слушайте, мужики, а что это за явление было? — поинтересовался я. Малыш присвистнул:

— Так это ж Магистр, тундра. Из Ордена. Обруч серебряный видел?

— Ты не забывай, родной, я тут без году неделя. Почем мне знать, что за Орден такой? Монашеский? Рыцарский?

— Ладно, слушай, — Старый за все время нашего знакомства впервые смотрел на меня с неподдельным уважением. — Не рыцарский этот Орден, тем паче не монашеский. Чародейский, врубаешься? Государство во всех государствах. По всему континенту куда ни сунься — везде их знают и уважают. И боятся.

— Да я сам их боюсь, — вставил Малыш. Вот это уже дало мне пищу для размышлений — раз уж Малыш кого-то боится, значит этого кого-то стоит бояться.

— Так вы считаете, стоит к ним идти?

Старый усмехнулся, а Малыш — тот просто заржал:

— И он еще спрашивает!

— Да вы мне хоть растолкуйте, чем этот Орден занимается!

— Они — Чародеи, — растолковал Старый. — И именно благодаря им нас еще не сожрала всяческая нечисть. Они официально не вмешиваются в, скажем так, мирские дела, но если они захотят, так любой из тутошних царей и царьков будет бегать и лаять, лишь бы им не перечить.

— Они все могут, — снова влез Малыш. — Воду в вино и так далее.

— Слушайте, мне нужен ответ только на один вопрос: стоит ли мне-то туда идти?

— Знаешь, — Старый снова смерил меня взглядом, — с точки зрения личной безопасности — нет. Отчасти чем этот Орден занимается: шатаются по деревням, хватают именем Ордена пацанят — не всех, кого выберут, — а потом, годам к двадцати, эти пацаны становятся Чародеями. Тебе, кстати, сколько лет?

— Н-ну... Если правильно помню, двадцать три. Еще раз, только понятней: чем они занимаются?

— Всякую нежить уничтожают, — объяснил Малыш.

— М-да... Получается, я, когда полный курс пройду, дедушкой буду? Ладно, это все пока мимо денег. Я-то им зачем?

— Ну, дураком не притворяйся, — усмехнулся Старый. — Тебя кем сюда прислали? Наблюдателем? Ну так будет тебе понаблюдать. Учти, пока в Ордене никого из Пришлых нет.

— Из наших Пришлых, уточнил Малыш.

— А, все об одном, — махнул я рукой. — Как я понял, деваться мне некуда.

Если честно, вопросы задавал и сопротивлялся я только для видимости. На самом деле я сразу, скорее всего, инстинктивно понял: чародейство — это мое, и никуда я от этого не денусь. Так что через три дня, в назначенное время, я был на месте.

Из своей прежней экипировки я сохранил только шерстяной тельник, да еще армейские ботинки, подаренные мне ребятами на прощание.

Появившись в харчевне, я первым делом назвался — кто я и к кому. А навстречу мне поднялся паренек — невысокий, плотный, курчавый и черноволосый, который в одной краткой фразе сообщил мне, что я должен следовать за ним, а лошади на конюшне. Мне осталось только пожать плечами и подчиниться. Всю дорогу — четыре с гаком часа — я пытался разговаривать своего провожатого, но вытянул из него от силы слов шесть, и то по преимуществу односложных. Попутно, кстати, вспомнил, как ездят на лошадях — в шестнадцать лет я, помнится, чуть не всю Башкирию верхом пересек с геологической партией.

Но Грентвиг соизволил меня принять практически сразу по приезду. Он сидел в своей каморке внутри Берлоги — низкого одноэтажного строения, обнесенного частоколом. Его комната выходила на двор и оказалась более-менее освещенной. Сам Магистр восседал за грубо сколоченным столом, поигрывая маленьким кинжальчиком, насколько я понял, из серебра. Позже я узнал, что он необходим старому звероящеру, как мне табак.

— Итак, ты решился, — констатировал он после долгой паузы. — Похвально.

— Я ожидаю не похвал, Магистр. Я — ученик. Учи.

— Так ты говоришь, ведовством не занимался?

— Нет, Магистр.

— Хм-м... Вообще-то в тебе виден боец. Здоров, — он как бы заново оценивал мои параметры. Кстати, по здешним меркам я выгляжу довольно внушительно — в этом мире средний рост где-то на голову меньше моего.

— Не жалею, Магистр.

— И не жалуйся, бесполезно... Нож метать умеешь? — неожиданно спросил он.

— Само собой, — я даже обиделся. Метание ножей — мой конек, и я до сих пор считал, что могу всадить в яблочко с расстояния десяти метров любой огрызок стали.

— В притолоку, надеюсь, попадешь? — вопрос был задан таким тоном, что я даже и отвечать не стал — вместо этого я отработанным за два месяца движением выхватил из-за голенища кинжал, круто обернулся и всадил его точно посередине притолоки. Не знаю, то ли старый звероящер меня раззадорил, то ли что еще, но клинок вошел в плотное дерево пальца, наверно, на три.

А Грентвиг словно того и ждал.

— Почему ты задерживаешь руку после броска? — быстро спросил он. Я пожал плечами:

— Привык так.

— Попробуй еще раз, только сейчас отдергивай руку сразу после того, как нож ее покинет.

Я снова пожал плечами, не без усилия высвободил клинок (для этого мне пришлось упереться ногой в косяк) и отошел на исходную позицию.

Когда я последовал рецепту Магистра, клинок воткнулся сантиметрах в пятнадцати от центра и едва держался. Грентвиг наставительно воздел палец:

— Вот видишь!

— Ну так если я его левой рукой кину, он вообще не воткнуться может...Магистр.

Старый звероящер неожиданно хрюкнул и осклабился:

— Ну так пусть это будет твоим первым уроком...Меченосец. Весь фокус в том, что задерживая руку, ты тем самым вкладываешь в бросок ножа заложенную в тебе чародейскую Силу. Мои ученики обучаются у меня лет по десять, причем большая часть этого времени уходит на то, чтобы вытащить на поверхность их Силу. А у тебя она просто лежит сверху — бери и пользуйся. Остается научить тебя пользоваться ей сознательно, — после этих слов у него на роже появилось такое выражение, словно он и сам не понял, что сказал, так что он глубокомысленно заключил:

— Думай, — с чем и оставил меня в одиночестве.

Никуда не денешься — я принялся думать.

Ничего хорошего мне придумать так и не удалось. А Грентвиг, ящер старый, словно и забыл о моем существовании. Мне отвели порядком сыроватую келью с какими-то доисторическими шкурами на полу вместо постели и предоставили меня самому себе. В течение недели я слонялся бездельно по двору, ища, чем бы занять руки и голову. А потом Грентвиг заявил, что хватит мне прохлаждаться, пора браться за работу. Где-то с полмесяца он, забросив все дела, пытался сделать из меня Чародея. Каких только цветистых эпитетов я за это время не наслушался! Не помогло. Я, в принципе, понимал, про что он мне толкует, но чтобы извлечь из этого что-то, хотя бы отдаленно напоминающее практическую пользу...

Наконец Учитель плюнул на это бесполезное занятие, и в результате я еще месяц страдал от безделья и хватался за любую работу. А потом Грентвиг снова заявил, что хватит прохлаждаться, и теперь он возьмется за меня всерьез и сделает из меня Чародея, даже если ему придется меня убить. И тут же, не откладывая, приступил к осуществлению этой идеи, и выразилось это в том, что он изготовил едва ли не бочку какого-то мерзкого на вкус и вонючего пойла, которое мне пришлось глотать чуть ли не стаканами. Снадобье это оказалось, плюс ко всем своим прелестям, каким-то мощным наркотиком. Нет, от своей тени я после него не шарахался, крыс и шмыгающих собак не ловил, зато, например, чувствовал, что происходит за стенкой, определял на слух восход луны, и так далее. Да еще, к тому же, наглотавшись этой дряни, я оказался не в состоянии воспринимать что-либо кроме чародейской науки. Как я понял, Грентвиг своим снадобьем довольно серьезно подстегнул мой обмен веществ, так что усваивал я все это с быстротой просто невероятной.

Самое сложное в искусстве Чародея — воспринимать себя как часть мира, как один из элементов большой картины. Звучит просто, а вот попробуйте-ка... К тому же Чародей постоянно живет как бы в четырех измерениях, и восприятие его от нормального человеческого отличается весьма существенно, и оно — восприятие — один из ключей к использованию Силы, умению придать ей какую-либо форму: огонь, удар... А когда поймешь, то оказывается, что Силу Чародейскую использовать примерно столь же просто, как и физическую, только надо знать, откуда она идет и куда ее прикладывать. Мы, Чародеи, обычно используем для этой цели начерченный в воздухе знак.

За те полгода или чуть больше, что я глотал снадобье, я умудрился пройти шестилетний курс чародейской науки — убейте меня, если знаю, как. Я в подробностях изучил все виды местной нежити и нечисти, а так же способы ее изничтожения, а потом Грентвиг, старый звероящер, решил, что хватит с меня.

Глотая гадость, я матерился на все корки, а оставшись без нее, почувствовал себя, мягко говоря, нехорошо. Две с лишним недели меня так ломало и коржило, что я чуть не отдал душу грешную богу, или кто там в этом мире вместо него. Когда я оказался в состоянии выползти на свет божий, меня шатало и разве что ветром не уносило, а уж видок был такой, что лошади шарахались. Меченосец, ха-ха! Да я и ложку едва мог поднять...

Грентвиг, старая сволочь, увидев меня, кажется, был очень удивлен, во всяком случае, он вскинул бровь и усмехнулся:

— Гляди-ка! Живой!

Однако, надо отдать ему должное, много времени на удивление он тратить не стал, приволок новую жижу, еще более вонючую, и велел мне ее пить.

Мужественная и постоянная борьба с тошнотой была вознаграждена: уже дней через десять я был в состоянии по утрам переведываться на мечях с Ардахом, тем самым молчаливым и коренастым парнем, который меня сюда сопровождал. Спарринги эти были довольно опасны — махались мы без доспехов. И тут мне впервые сослужили службу навыки каратэ — Ардах, помнится, очень удивился, когда я снес его пинком в щит... Мы с ним вообще как-то сошлись — потому, вероятно, что были ближе всего по возрасту. Как-то мне удалось его разговорить, и я узнал, что у Грентвига он уже десятый год. Чародей он был не ахти, какой, звезд с неба не хватал, зато уж трудяга — просто сверхъестественный, на нем же держалось и все хозяйство Берлоги. Остальные мои соученички — школяры как школяры, зубоскалы, задиры, зубрили в возрасте от восьми до пятнадцати-шестнадцати лет...

Естественно, спаррингами на мечях дело не кончилось, и вскорости мне пришлось учиться применять Силу на практике.

Со стороны чародейское состязание выглядит довольно забавно — этакий гибрид поединка взглядов с бесконтактным каратэ на расстоянии метров пяти, но вот когда в таком сам участвуешь, может получиться довольно жарко... Но пользу подобная практика приносит — я уже прикончил своего первого лешака.

Достаточно быстро я привык к тому, что зубная щетка здесь не в почете, а с горячей водой тяжело, меня перестала раздражать привычка некоторых моих однокашников сморкаться и рыгать за столом, а всевозможные вредные насекомые, заставлявшие всю Берлогу чесаться, аки бобиков, меня не донимали. Вероятно, они привыкли к пище экологически чистой, так что отравленный с рождения всем, чем только можно, сын XX столетия им по вкусу не пришелся...

И вот сегодня, наконец, я должен получить свой Камень — исторический момент...

За время обучения я постарался разузнать о Камнях все, что только возможно. Эта занятная вещь носит в себе своего рода отпечатки личностей прежних владельцев Чародеев, и злое, и доброе. Также Камень является аккумулятором Силы, предупреждает об опасности своего хозяина и помогает понять, что это за опасность. Плюс к тому несет функции карманного справочника по чародейским приемам, компаса, оружия, и т. д., и т. п... Все существующие Камни изготовили и подчинили себе давным-давно, а мастера, которые этим занимались, если верить всевозможным легендам, сгинули опять же во времена незапамятные, и вместе с ними сгинули секреты изготовления.

Так что, выходит, получить такой Камень — своего рода честь, не всякому адепту Ордена его и доверяют, так как число их (Камней) ограничено.

Вообще-то сказать, что получив Камень, я стану полноправным Чародеем — преувеличение. Отбор в Орден идет жесточайший, иначе бы он не стал могущественной ассоциацией, своего рода государством во всех государствах — почище католической церкви.

Орденские цитадели раскиданы от северного побережья до пустынь южного Гэлфоста, от Диких Земель за Пограничным хребтом на западе до далеких, с абсолютно произносимыми названиями, стран на востоке. В задачи Чародеев входит защита людей от всяческой, в изобилии здесь водящейся, нежити и нечисти, отражение набегов эльфов и прочих нелюдей, владеющих Силой, борьба со всевозможными колдунами и т. д., и т. п. Короче говоря, скучать на такой работе не приходится.

Для начала новичка, вроде меня, отправляют служить в одну из Орденских цитаделей — своего рода преддипломная практика. Там происходит проверка кандидата: уровень владения Силой, храбрость, реакция, интеллект и прочие боевые качества. Если его шеф

считает, что человек подходит, то кандидат приносит орденскую клятву и становится полноправным бойцом.

А уж ежели кандидат показался совсем уж подходящим, он получает повышение — направляется в какую-нибудь дыру погорячее с особо опасным заданием, а еще бывает, что такого отличившегося отправляют куда-либо странником, а это ничто иное, как разведка опасностей, а далее, по возможности, их устранение.

Но, предположим, справился наш обобщенный кандидат и с этим заданием. Думаете, это конец карьеры? Ха-ха! Он получает очередное повышение — в том же стиле, что и ранее. Вернулся живым — честь тебе и хвала. И очередное повышение.

Чародей, прошедший через все эти передрыги и повышения, а так же умудрившийся при этом проявить незаурядные организационные способности, становится Магистром. При таком раскладе само собой разумеется, что их единицы, а сегодня мне, похоже, предстоит увидеть троих разом. Ребята говорили, что один приехал с юга, второй — еще откуда-то, набирают бойцов в свои отряды...

— Мик! Меченосец! Учитель зовет!

Так, вот сейчас-то я их и увижу...

Я поднялся и, мужественно давя в себе мандраж, двинулся навстречу своей судьбе.

В самой обширной комнате с закопченными стенами и низким потолком, гордо именуемой главным залом, царил застоявшийся, чадный полумрак. Тем не менее, прибрано, пол присыпан свежими опилками. Неверное, коптящее пламя факелов заставляет тени извиваться на полу в странном танце, другой источник света — массивный семисвечник на столе, покрытом — чудо из чудес! — чистой скатертью. А через стол на меня в упор уставились три пары глаз.

В центре, само собой, сидел Учитель, по своему обыкновению поигрывая крошечным серебряным кинжальчиком, и поглядывал на меня довольно-таки угрюмо. Справа от него раскинулся в кресле дородный, лысеющий старикан — рожа обветренная, под глазами мешки... Напоминает скорее не Чародея, а этакое старого морячину, отставного боцмана, любителя темного пива с солеными историями.

Человек в кресле слева наблюдал за мной с выражением скептического интереса, чуть прищутив слегка раскосые цыганские глаза. Этот помоложе остальных, на вид — лет тридцать пять или около того, на плечах щегольской черный с золотом камзол, серебряный обруч Магистра почти теряется в черной вьющейся шевелюре. Лицо — тонкое, породистое, почти иконописное, тонкий нос с горбинкой, роскошная ассирийская борода. И преспокойно покуривает трубку, что меня сразу удивило — Учитель курува не одобряет.

Повисла тяжелая пауза — я изучал Магистров, Магистры — меня. Молчание нарушил чернобородый:

— Так это и есть твой хваленый Меченосец, Грент?

Вульгарное «Грент» меня несколько покорило, но в то же время я чуть было не напыжился — оказывается, я еще и «хваленый»! За Грентвигом как-то раньше не наблюдалось, чтоб он своих учеников хвалил, тем паче, в глаза.

А Учитель ответил коротко:

— Да, это он. Хоть он из Пришлых, но Силой владеет очень неплохо. Может стать хорошим бойцом.

— Хм-м... — с сомнением протянул бородач, продолжая меня изучать. — А ты что скажешь, Меченосец?

— Учитель уже все сказал, Магистр...

— Даэл. Так значит, бойцом, говоришь? — внезапно он коротким, почти неуловимым движением направил в меня парализующий знак.

Это нам знакомо, этим нас не возьмешь. Разворачиваю Силу в ладонях, прокручиваю в воздухе воображаемый шест... Ч-черт, я и не знал, что точечный удар можно нанести так быстро и таким коротким движением. Быстро рисую в воздухе первое, что в голову пришло — знак Щита, эту атаку я взял! Следующий удар достигает цели, в глазах темнеет, только и

успеваю пошире растянуть защиту, но на какую-то секунду все же выключаюсь. Придя в себя, обнаруживаю, что сижу, привалившись к стенке, левая нога куда-то нелепо вытянута, правая подвернута чуть не под самую задницу, на полу копит сбитый мной факел. Локоть ноет... А, это когда я в стенку вцепился...

Поднимаюсь, не смея поднять глаз на Учителя. Тоже туда же — хваленый Меченосец... Орел, что и говорить — бит, как мальчик, мебель крушит... И тут с удивлением замечаю, что на хищной физиономии Грентвига до сих пор блуждает тень довольной улыбки.

— Зря ты так, Дазл, — басит отставной боцман. — Так ведь и покалечить человека недолго...

— Ничего, пусть привыкает. На орденской службе тоже покалечиться недолго. У него точно нет Камня, Грент?

Так, теперь дошло. Получается, я и впрямь орел, да еще какой! Без Камня продержаться — и против кого! Против Магистра!

— Ты, Дазл, слышал, чтоб я лгал?

— Да, пожалуй, и в самом деле неплохо, — вынужден был признать Дазл.

— Ну что ж, — жизнерадостно потер руки толстяк, — как я понял, предстоит последнее испытание. Ему, насколько я помню, придется подчинить себе Юрд?

А вот это мне уже не нравится... Нехорошо, когда кто-то, кроме тебя самого, знает имя твоего Камня. Не знаю, какие тут могут быть последствия, и узнать бы не хотелось. Хотя, с другой стороны, пока владелец Камня жив, никто другой его Камнем воспользоваться не сможет.

— Подойди, Меченосец! — теперь голос у Грентвига торжественный до безобразия. Сейчас, чего доброго, устроит мне выпускной вечер с платочками, конфетти и прочей шелухой...

Однако я решил торжественность момента не портить и приблизился самым гордым шагом. Учитель протянул мне черный резной ларец:

— Имя этому Камню — Юрд, он из самых могучих и древних. Если тебе удастся его подчинить, он будет служить тебе до самой смерти. Твоей смерти, я имею в виду.

Я бережно принял ларец, откинул крышку — и замер. Меня просто окатило Силой, аж в висках заломило. А еще я понял, что Юрд — крупный, темно-зеленый почти до черноты, самоцвет хозяина не хочет. Мне уже для того, чтобы приблизить к нему руку, пришлось над собой форменное насилие учинить, а если его цапнуть... Да, тут возни будет выше крыши.

Не знаю, сколько времени все это длилось — наверно, долго. Медленно, микрон за микроном, я разматывал защиту Юрда, проникая сознанием в его глубины — в глубины времени, я чувствовал всех его прежних хозяев, могучих, недобрых и властных Чародеев, словно читая кровавую повесть, начало которой терялось во тьме столетий... И наконец я пробился! Я добрался до ядра этой мощи, до сути, до ее средоточия — до Силы, нерастраченной и чистой. И ощутил контакт с Камнем: Юрд могучий согласился сотрудничать со мной.

Я надел на шею цепь с Камнем и, ничуть не скрываясь, перевел дух и вытер с физиономии трудовой пот. Толстяк смотрел теперь на меня с ободряющей улыбкой:

— Ну вот ты и Чародей, Меченосец.

— Чисто сработал, — не удержался от похвалы и Учитель. Дазл молча что-то прикидывал. Отставной боцман снова потер огромные красные ладони:

— Теперь остается определить, куда мы его направим. В южном Гэлфосте людей не хватает, в Побережных топах...

— Минуту, — вмешался Дазл. — Я беру его себя в отряд Ловчих.

— У тебя полный комплект, — нахмурился толстяк.

— Мне нужен человек для особых поручений. Этот подходит. И такая служба поопасней, чем гонять змей в южном Гэлфосте. Кто-нибудь хочет поспорить?

Желающих не нашлось. Дазл обратился ко мне:

— Собирайся. Поедешь со мной.
— Как скажет Учитель, Магистр Даэл.
— Скажи ему, Грент.
— Что ж, Меченосец, — Учитель поднялся. — Отныне наши пути расходятся. Ты поедешь с Магистром Даэлом и будешь служить ему и Ордену. Прощай.

И тут я по-настоящему растерялся: Учитель, звероящер старый, протянул мне узкую, костлявую, в старческих веснушках ладонь. Я буду не я, да ведь ему жалко меня отпускать!

Идиллию прервал Даэл:

— Полчаса на сборы, Меченосец.

Я четко кивнул и выкатился.

Однокашники — теперь уже бывшие — насели на меня со всех сторон. Те же нехитрые школярские шуточки, то же вечное "Ну, как?"... Я, собирая нехитрые шмотки, бодро отругивался в ответ на подначки, но на душе кошки скребли. Не нравится мне этот Даэл...

Тем не менее я продолжал собираться. Благо, шмотья и в самом деле немного — в сумке, помимо жратвы и курева, потрепанный альбом с набросками, которые я давно забросил. Короткий кольчужный жилет — на плечи, поверх — пояс с флягой и кинжалом, метательный нож на голень. Перевязь с мечом через плечо, на левую руку — тяжелый шипастый наручень, поверх всего пятнистый егерский плащ. Еще арбалет и колчан — дороги беспокойны.

Как только я собрался, появился Даэл, при ближайшем рассмотрении оказавшийся невысоким и щупловатым, хлопнул меня по плечу:

— Не дрейфь, Меченосец, все к лучшему!

Мы вышли во двор Берлоги, Даэл легко запрыгнул в седло, я взгромоздился на своего одра — и мы растворились в густой весенней метели.

ГЛАВА 3

И вот я опять в седле. Мы возвращаемся с очередной охоты — трое ловчих-Чародеев, пятеро егерей. Мы довольны — охота была удачной, хоть и стоила жизни троим егерям и одному нашему, но нам в Западной Цитадели к потерям не привыкать.

Мы истребили за последние сутки не меньше дюжины вурдалаков — для Чародея эта работа не столько опасна, сколько тяжела и неприятна. Вурдалаки эти — твари хитрющие, как и большинство местной нежити, владеют Силой, хоть и несколько своеобразной, внешне смахивают на людей, правда, рожи зеленоватые и страшненькие, а уж зубки в два ряда чего стоят... Физически выносливы невероятно: могут сутки гнаться за скачущей во весь опор лошадью, и, что характерно, в конце концов догонят.

Льет мерзостный холодный дождь, да и вообще не жарко — самое начало лета. Мы вымокли, в грязи по уши, измотались, как собаки — но при этом довольны. Егеря мокрой, угрюмой кучкой трусят позади — нас они боятся едва ли не больше, чем вурдалаков.

Лошади оскальзываются на раскисшей дорожной глине, но вот уже за поворотом показалась Западная Цитадель — холодная, мокрая, неприветливая. Еще пятнадцать минут — и копыта коней гулко грохочут по булыжнику внутреннего двора-колодца с громадной четырехугольной башней посередине. Подбежавшие егеря принимают у нас лошадей, Даэл, чуть не по пояс высунувшись из окна на третьем этаже — ни дать ни взять, кукушка из часов — прокричал нам:

— Значит, так, охотнички: полчаса передохните, потом подниметесь ко мне.

— Ясно, Магистр, — отвечает за всех старший группы, Вильм Одноухий, широкий и разлапистый, как краб, с коротким ежиком седеющих волос. Отсутствующее ухо — предмет постоянных шуток, на которые он давно перестал обижаться: все равно каждый Чародей знает, что лучшего загонщика, чующего любую нежить на расстоянии километров, не найти на всей западной имперской границе и во всем Ториане.

Мы поднимаемся на второй этаж главной башни — нечто среднее между кают-

компанией и караульным помещением, я с отвращением сдираю с себя короткую кольчугу, подкольчужник и рубаху. Ополоснувшись из бочки, напяливаю на себя кое-что посуше и вытягиваюсь на скамье у очага с трубкой в зубах и чашей горячего вина, приготовленного специально к нашему приезду — всякий знает, что люди, только что вернувшиеся с чародейской ходки, как правило, устали и злы, как собаки, так что тут нас ни о чем не спрашивают.

Пошел уже третий месяц моей службы в Западной Цитадели Ордена, и за это время я повидал и на своей шкуре проверил такое, что мне раньше и не снилось. Скучать тоже как-то не приходится: во-первых, Даэл совсем не из тех, кто дает поблажки новичкам, а во-вторых, работой мы сейчас просто по уши завалены — то в болотах на границе Ториана с Империей появилась невесть откуда целая куча изголодавшихся випперов — зверюги на вид весьма неприятные, да к тому же еще и человечинкой балуются, то команда эльфов с неделю назад откуда-то с юга визит нанесла, Даэлу вот чуть руку не оттапали.

"Там" бытует представление о эльфах несколько своеобразное: либо их по Толкиену оценивают, либо считают, что это-де такие малютки с крылышками... Хотел бы я того, кто это придумал, с живым эльфом нос к носу столкнуть! «Малютки» эти ростом под три метра, хоть и тощие, и любой из «малюток» своей легкой саблей до седла любого развалит, Даэлову руку до сих пор не смогли зачинить даже искусные целители из Ордена.

Вообще-то некогда эльфы были господствующей расой, и говорят, посейчас эти времена вспоминают. Сгубила их непривычка к оседлому образу жизни и вечная грызня: война для эльфов состояние самое естественное, сами они изготавливают исключительно оружие и украшения, но им и в голову никогда не приходило что-то строить и выращивать, или даже заставлять других. В общем, раса воинов и бродяг. Людей они переносят плохо, их шайки кочуют повсюду... Как видите, и до Империи добираются.

А вот насчет "особых поручений", про которые Даэл говорил — глушняк полнейший. Нет их, просто как факт! Трое суток с седла не слезать — это еще семечки. А неделю не хотите?! Только вот что в этом особого — ума не приложу. Обычная нагрузка для Ловчего-Чародея...

Команда здесь, в Цитадели (само собой, я имею в виду Чародеев) подобралась, в принципе, неплохая, в драке на любого положиться можно — но и только. И ведь не скажешь, что совсем тупые, просто слишком уж держатся за то, что им в головы вколотили. Так что разговаривать мне с ними особенно не о чем.

Поначалу надо мной, как и над любым другим новичком, пытались грубо подшучивать, но когда мои коллеги узнали, что у меня кроме высокого (по здешним меркам) роста, довольно острый язык и, что куда важней, тяжелая рука, подшучивания как-то сами собой из моды вышли. А уж когда ребята увидели, как у меня лихо получается всякую нежить крошить — тут уж меня зауважали даже начинающие сидеть ветераны, вроде Одноухого.

Но так или иначе, сходитьсь с ними накоротке меня не тянет, а больше тут вообще не с кем общаться. Присылаемые с поручениями монахи тупы до святости и похабны, как павианы, егеря исчерпываются тремя потребностями: желудочной, половой, и как бы где кому в рог заехать, но при этом, упаси боже, самому не пострадать. Сосланный из Столицы капитан прилично владеет мечом, но на этом все его достоинства и заканчиваются. Формально он начальник и над нами, но всерьез к этому ни один из Чародеев не относится, и беднягу чуть ли не открытым текстом посылают. Тем большее удовольствие, что он при этом бесится, орет, брызжет слюной и тому подобное. Обычно кто-то в это время кто-то выслушивает его с показным смирением, а другой в это время прицепляет ему какую-нибудь гадость на шляпу или наливает помойки ему в ботфорты. Это считается проявлением тонкого юмора...

Так что в самой Цитадели я бы с тоски зачах, но в подвалах тут, как выяснилось, собрана куча книг и свитков, так что я, периодически подкупая старого недужного хрена, который всем этим делом заведует, все свободное время просиживаю там. По чародейским делам там подборка неплохая, а кроме того, попался мне там старенький, приплесневевший и

довольно бестолковый трактат по магии (прошу не путать! магия и чародейство — две большие разницы!)

А еще кое-что мне удалось подчитать по местной истории, главным образом имперской — творчество в духе исландских саг, да еще все это с точки зрения летописцев Ордена. Что-то близкое к реальности относится уже к временам человеческого владычества, нынешняя Империя — от побережья до отрогов Свинцового — тогда была всего-навсего периферией гигантской Коренной Империи с центром на где-то территории нынешнего Гэлфоста. Орден, в принципе, существовал и тогда, но в те времена, веков этак шесть назад, существовала довольно развитая религия, о которой сообщения отсутствуют, и нашего брата, случалось, варили в масле при большом стечении народа. А Чародеи, тем не менее, продолжали заниматься своим делом.

Все расставила по своим местам и показала, кто чего стоит, так называемая Великая Напасть, тут в рукописях тоже туман. Как я понял, это было что-то вроде экспансии всяческой нежити, что сопровождалось визитом в Коренную Империю орды эльфов, поборовших на время взаимную неприязнь. Они, как я понял, вовсе не прочь были вернуть себе господство. Длилось все это безобразие около сотни лет, но, разумеется, наши победили.

А по окончании Напасти, лет этак четыреста назад, Коренная Империя с треском развалилась, потом еще лет сто, если не больше, весь континент от пустынь до побережья весь континент просто бурлил и кипел, как котел на огне, и в грохоте междоусобных войн сначала возник союз нескольких крупных феодальных родов, а затем и нынешняя Империя, вдающаяся на севере в море широким языком-полуостровом, на котором расположена Столица (ребята здесь явно предпочитают не мудрить с названиями).

Все это время Орден, насколько я понял, стоял над схваткой и попутно укреплял свои позиции. Старый был прав: все нынешние, да и тогдашние правители изо всех сил старались заручиться орденской поддержкой, но тут они и обламываются: правила запрещают Чародеям в политику соваться.

Хватает и конкурентов: на севере, в Побережных Топях, окопались колдуны, народ, по слухам, весьма неприятный, есть еще Клан Ведающих, вольношатающиеся ведьмы и ведуны, да еще маги — и все это помимо нежити... Еще есть гномы, по слухам, большие мастера и воевать, и колдовать, но их в последнее время не видно и не слышно. Опять же по слухам, гномы сохранили и умение с Камнями работать, но на какого, спрашивается, человека подойдет камень, сработанный гномом?..

— Э, облава, к Магистру!

Так, а это уже по наши души... Ну, к Магистру так к Магистру. По идее, сейчас нас должны хвалить — поработали мы хорошо. Но появиться надо при полном параде. Вот чем мне все это не нравится — так это тем, что до противного напоминает службу в армии, а я всегда был противником всяческой дисциплины. Ну да ладно, тут уж ничего не попишешь...

Я набросил плащ, перекинул через голову перевязь с мечом и присоединился к ожидавшим меня Одноухому и Шорту, второму ловчему. Мы, нарочито неторопливо проходя мимо егерской стражи, поднялись на третий этаж башни.

Даэл занимает в Цитадели две смежных комнаты, единственных, в которых более-менее приличные витражи. Нас он встретил довольно хмуро. Он сидел за обширным столом, заваленным разнообразнейшими предметами, бумагой, пергаментом... Поверх всего этого творческого беспорядка он бережно уложил забинтованную руку. Не будут нас хвалить...

И я угадал: некоторое время Даэл смотрел куда-то мимо нас, что-то тихо насвистывая, потом резко повернулся к нам и начал раздачу слонов:

— Плохо, охотнички. Очень плохо.

Тут уж даже у меня чуть челюсть не отпала, не говоря о ребятах, для которых Даэл был чуть ли не богом живым. А он, насладившись нашим замешательством, продолжил:

— Ладно, покروшили вы вурдалаков. Здорово, что и говорить. Тут, милые ума не требуется. Выловили сброд, потрясающе! А где ж их вожак? Нету? Далее: в тех же краях, где

вы веселились, за этими упырями гоняясь, примерно в то же время объявилась ведьма. Ну, пусть на нее у вас кишка тонковата — так уж лешака взбесившегося вы могли вычислить и убить? Ну да, на вурдалаков я вас посылал. Так вы же Чародеи! Вы ж должны сами искать, кого ловить. Выполнять приказы — это и егеря умеют. Ладно, поработали вы неплохо. Во всяком случае, старались. Будете трое суток отдыхать, только не отлучайтесь никуда. Свободны.

Мы потянулись к выходу, и тут в спину мне прозвучало:

— Меченосец, задержись, — так... "А вас, Штирлиц, я попрошу остаться"... Я послушно остановился.

— Дверь на задвижку закрой, — скомандовал Даэл.

— Хорошо, Магистр.

— Ладно, — усмехнулся он. — Сегодня обойдемся без чинов. Снимай меч и плащ, усаживайся поудобней. Выпить хочешь?

Я изобразил на физиономии гримасу, означающую: "Неплохо бы, но...", он ухмыльнулся:

— Ладно, ради такого разговора... — а потом, ловко действуя одной рукой извлек откуда-то из-под стола два бокала, бутылку коньяка (самого настоящего, "Хенесси") и пачку сигарет. Так, а теперь главное — не упасть со стула. Я здесь без малого три месяца, а так ни о чем и не догадывался... Хватило меня только на то, чтобы округлить глаза и тупо спросить:

— Ты что, тоже?..

— Тоже, — опять усмехнулся Даэл, отвинчивая пробку. — Только, в отличие от тебя, не афиширую этот факт. Закуривай, не стесняйся, — он плеснул понемногу в бокалы, я откинулся на спинку кресла, лихорадочно соображая. Наблюдатель. Меня закинули сюда наблюдателем. Очевидно, решили, что Чародея пришлого так использовать нерационально. Я должен был, по словам Дэна, смотреть и анализировать. А Даэл меня взял для "особых поручений". Агентурная работа? Как можно небрежнее я осведомился:

— Пора приступать? Что за работа?

Даэл некоторое время смотрел на меня, не понимая, потом разразился хохотом. Отсмеявшись, он все еще хриплыми голосом произнес:

— Не так быстро... Пей лучше коньяк.

— Погоди, — я отхлебнул из бокала. — Как я понимаю, ты хотел мне что-то предложить? Я ведь, вроде, должен...

— Да нет, — он досадливо отмахнулся. — Не в том дело. Просто я хотел бы узнать, как ты себя чувствуешь в роли подопытного кролика?

— А опыт ты ставишь?

— С какой стати? Твои хозяева.

— Какой еще опыт? И какие хозяева? — чем-то мне все это не нравится...

— Тебя ведь прислали в качестве наблюдателя?

— Верно. Вот я и наблюдал.

— Ну и каковы результаты?

— А именно?

— А тебе не кажется, что посылать наблюдателя с неконкретной задачей попросту противоречит здравому смыслу?

— Честно говоря, да.

— И в своем мире ты должен был погибнуть?

— Точно. Не спрашиваю, откуда ты это знаешь...

— А зря. Мог бы поинтересоваться. На самом деле — догадываюсь. Твои хозяева обычно так и действуют.

— Какие хозяева?

— Те, кто якобы спас твою жизнь.

— А ты хочешь сказать, что ты из другой команды?

— Примерно, — он выпустил дым через ноздри и уставил в меня через стол зажженную сигарету: — Ты вообще представляешь, что им надо? В чем эксперимент заключается? И не над одним тобой.

Куда он клонит? Я, вроде, не совсем тугодум, но...

— И в чем же он заключается?

— Так вот...наблюдатель, это — прежде всего экологический эксперимент, я имею в виду так называемую историческую экологию. Берется тип, вроде тебя или тех, у озера, забрасывается в дикий мир, в этот, например, а потом смотрят, как изменяется мир и как изменяется сам тип. Я же думаю о другом:

— Погоди...А ты, значит, к этому эксперименту отношения не имеешь?

— Ну, твои, скажем так, наниматели вообще едва ли знают, кто я такой.

— И кто ж ты такой?

Даэл долил коньяка в свой стакан, приглашающе покачал бутылкой, плеснул мне:

— Я — человек, который хочет этому эксперименту помешать.

— Стоп...А вообще, зачем ты мне все это рассказываешь?

Он хохотнул:

— Перевербовываю, — потом посерьезнел. — Хочешь, Меченосец, я тебе сейчас скажу, о чем ты думаешь?

Ну, такого уровня чтения мыслей нет даже у Магистров. Кроме того, чтоб мысли читать, надо войти в контакт, а такой вариант я бы очень чутко определил.

— И о чем же? — скептически поинтересовался я.

— Да просто сидишь и мечтаешь о том, как явишься ты к своим, ну, к тем, кто тебя туда послал, сдашь им меня, а тебе за это медальку к кольчуге приколют, а то и вообще обратно в твой мир отправят. Так?

— С чего ты взял?! — вот черт, следить за собой надо. Люди с чистой совестью так не протестуют. В самом деле, что-то такое у меня мелькало.

Даэл невесело улыбнулся:

— Взял...Тебе ж ничего не известно, так что в данном случае то, что я предположил — наиболее логичный путь. Хочется ведь вернуться?

— Само-собой! — я напрягся. Так, а вот ради возвращения я на многое готов. — Есть вариант?

Он горько усмехнулся:

— А вот тут не обольщайся... Кому оно «там» нужно, наше возвращение? Ты — смертник, для тебя путь закрыт. Для меня, вероятно, тоже.

— Я не совсем твои цели понимаю. Ты постоянно говоришь: " Твои хозяева", так хотелось бы знать, что ты имеешь в виду?

— Ты не поймешь.

— Не такой уж я дурак, — обиделся я.

— А я этого и не утверждаю. Но вот только исходной информации у тебя — нуль.

— Ну так можешь мне ее дать.

— Не сейчас. Мне нужно, чтобы ты работал со мной.

— Зачем?

— Знаешь, я бы мог тебя использовать, выдавая себя за одного из твоих нанимателей. Как по-твоему, почему я этого не делаю?

Я вопросительно уставился на него; он прищурился еще сильнее чем обычно:

— Хочу, чтоб ты знал, на кого работаешь. И на что, на какой результат.

— Так...И на какой же результат я работаю?

— Мне нужен толковый помощник, так что покуда ты работаешь на меня. Поскольку мы с тобой обречены, судя по всему, остаться здесь, я хочу взять под контроль последствия эксперимента.

— Какие последствия?

— Всех не назовешь, а большей частью не поймешь, не имея исходной информации.

Ну вот тебе некоторые: банды автоматчиков на Свинцовом. Нравится? В Столице появились какие-то мафиози. В южных степях орел, вроде тебя, научил тамошних дикарей самогонку варить, теперь вождем у них... В Диких землях... — он не договорил. Нас прервал стук в дверь.

— Зараза, поговорить не дадут, — он проворно убрал бутылку со стола. — Погляди, кто там? За дверью оказался ловчий из отряда, с ног до головы в жидкой болотной грязи, от усталости чуть с ног не падающий — но так и сиял, что твой начищенный пятак.

— Ну, что там у вас? — недовольно спросил Даэл.

— Ведьму схватили, Магистр!

— Ну так давайте ее сюда.

Ловчий высунулся за дверь, что-то крикнул. Через полминуты двое егерей ввели в комнату женщину. Руки связаны за спиной, на голову наброшен мешок, простенькое холщовое платье разодрано чуть не до пояса.

— Открой ей лицо, — скомандовал Магистр.

Один из егерей сдернул мешок с головы ведьмы. Ч-черт, да она ведь девчонка совсем, лет восемнадцать-девятнадцать, не больше. Невысокая, ростом едва по плечо мне, она стояла, чуть пошатываясь. Губы разбиты, во рту кляп... А еще я почувствовал ее Камень — как в душном помещении чувствуется струя свежего, холодного воздуха.

— Да, хорошо вы ее... — пробормотал Даэл. — Долго охотились?

— Да нет, — с напускной скромностью отмахнулся ловчий, потом деловито осведомился: — Допросить?

— Зачем? Наше дело — ловить, а допрашивать... Сама она ничего не скажет. Выбивать сведения — работа не наша. Отвезем в Столицу, там как раз их для какого-то праздника коллекционируют. Заодно и допросят. А вот Камень с нее снять надо бы. Меченосец, это по твоей части.

— Но, Магистр... У нее чистый Камень.

— Делай, что говорят! — рявкнул он. Ладно. Я подошел к ведьме, взялся за Камень, в ладонь вонзились сотни ледяных иголок. Потом он трепыхнулся, как пойманная птица и затих. Я снял с ее шеи цепочку, уложил Камень в подставленный ловчим ларец. А еще я на момент встретился с ведьмой взглядом. В ее глазах, зеленых и глубоких, как лесное озеро, не оказалось ни ненависти ни мольбы, только бесконечная тоска и предчувствие смерти.

— Вот завтра ее и отправим, — подытожил Даэл. — Группу в конвой назначу сам. Уведите, — когда ведьму вывели, Даэл запер дверь на задвижку и повернулся ко мне с кривой усмешкой:

— Что, не нравится, Меченосец?

— Не нравится, — честно ответил я. — Она носит чистый Камень, да еще в серебре...

— Мне тоже не нравится, но такова необходимость. Считай, что это и к нашему с тобой разговору относится.

— Мы ведь не закончили его, так? Какая ж тут необходимость, на что я должен работать по твоей версии?

— На то, чтоб не дать твой мир, вот этот вот самый, в свинарник превратить. Экологический эксперимент, социальный — называй ты его как хочешь, но пора с ним кончать, — он заметно раздражился.

— А с нами? С Пришлыми?

— Скрывать не буду. Кое-кому придется уйти. Ладно, в тех мирах они все равно мертвы.

— Но в этих-то живы!

— Врать не хочу, трупов будет много. Всех истреблять незачем, но кое-кого придется.

— С моей стороны, если я соглашусь, это будет предательством, — скулы у меня онемели.

— Ладно, не бросайся красивыми словесами. Что угодно можно назвать как угодно. Ты — Чародей. Ты работаешь на меня. Хочешь сохранить статус кво в этом мире. С другой

стороны, как ты можешь предать тех, кого не знаешь? Чьи цели, даже в отношении тебя, неизвестны?

— Д-допустим... А с ведьмой-то необходимость в чем? Ты вот ее в Столицу отправил. Там, думаю, с ней церемониться не будут.

— Даже если ты правильно думаешь... Не забывай, я — Магистр Ордена. Что я, по-твоему, должен был сделать — отпустить ее?

— А, собственно, почему бы и нет?

— Ты в Ордене без году неделя... Запомни, я еще и его интересы блюсти обязан. Во-первых, за ведьм платит имперская казна. Если, допустим, кто-то доносит, что я держал в руках ведьму и упустил, автоматически возникают трения у Ордена с Императором, — он заметил мой протестующий жест, остановил меня, вскинув ладонь: — Это еще не все. Предвижу твои возражения: Чародеи-де в политику ввязываться не должны... Запомни, они в нее давно уже ввязаны. А сейчас без поддержки военной силы нам не выдержать. Камень чистый? Тем лучше. Пока она жива, Камнем никто воспользоваться не сможет, а у нас Камней катастрофически не хватает, это первая причина. А вот тебе вторая: всякое ослабление Ордена или усиление любого конкурента сразу скажется, тем более, сейчас.

— Что значит — "тем более"?

— Поясняю. Сейчас активизировались ребята из Побережных топей, это раз. В Диких землях и за Ингерном затевается большая буча, это два. Отсюда тебе и необходимость имперской поддержки и охота на Пришлых и охота на ведьм... Могу на сто золотых имперских поспорить, твоя протеже держала путь в Побережные топи. Доступно?

— Вроде бы... — нехотя промямлил я.

— Ну, а раз так, — неожиданно обрадовался Даэл, — то вот тебе мое первое особое поручение: завтра поедешь в Столицу с конвоем, повезешь Камень. Своим боюсь доверять, мало ли что может ведьма выкинуть... В Столице будешь дожидаться меня. Я поеду следом. Глупить не пытайся, бесполезно. Вопросы есть?

Конечно, приглашением задавать вопросы это не назовешь, но один я все ж решил задать:

— Главный вопрос: а почему, собственно, я должен тебе верить?

Даэл вылез из-за стола, обошел его, опираясь здоровой рукой, придвинулся почти вплотную, остановился, покачиваясь с носка на каблук и внимательно глядя на меня:

— Да потому, Меченосец, что выбора у тебя нет. В случае, если ты попробуешь что-нибудь выкинуть, у меня есть способ об этом узнать. И в таком случае я могу гарантировать тебе отлучение от Ордена. Знаешь, чем это пахнет?

Еще бы не знать! Смертью это пахнет, и ладно бы просто смертью. С отлученными, случается, разделяются весьма круто, Орден их не жалуется...

Даэл с легкой усмешкой наблюдал за мной, потом его плечи внезапно опустились, он вздохнул:

— Вот так-то... Ладно, выпей еще и катись.

Некоторое время я поборолся с желанием выплеснуть коньяк ему в насмешливые глаза, на его подлую бороду, но в конце концов осушил бокал лейб-гусарским жестом, поставил на стол. Затем подхватил меч и плащ, выкатился.

Я напрямик направился в свою каморку, намереваясь перед сном обмозговать все увиденное и услышанное — но благие намерения не осуществились, я вырубился, едва голова моя коснулась подушки.

ГЛАВА 4

Разбудили меня на рассвете, но все же позже остальных — группа, назначенная в конвой уже в сборе. Ну, да нищему собраться — только подпоясаться, так что минут через пятнадцать я уже готов и даже перекусил. Всего имущества у меня — оружие да Камень.

Когда я прогрохотал ступенями и сбежал во внутренний дворик, вся команда, то есть,

двое ловчих, двое егерей, уже ошивалась там. Утро выдалось серенькое и промозглое, но без дождя. Самая дорожная погода..

Двое егерей вывели ведьму, руки ее по-прежнему связаны за спиной, во рту кляп. Егеря посадили ее на лошадь, привязали к седлу. В солнечном свете она кажется еще более молоденькой.

Вот, кстати, странность: те, кто со мной в конвой назначен, в полном боевом вооружении, разве что без тяжелых лат. Хотя, если вдуматься, ничего странного, сейчас на дорогах активно пошаливают. Причем «шалуны» избегают забредать во владения какого-нибудь местного феодала, который сам не прочь такими шалостями подзаработать, и выбирают для своих забав имперские тракты, которые охраняются армией, то есть вообще не охраняются...

Мы взгромоздились на лошадей, гулко прогремел под копытами подъемный мост. Итак, начался путь в Столицу.

Где-то через полчаса мы в клочьях уже рассеивающегося утреннего тумана выехали проселком на Торианский тракт. Солнце светило неярко, зато почти прямо в лицо. До Столицы нам скакать еще почти четверо суток. Лес посыпается, вернее, уже проснулся — какие-то пичуги верещат, не умолкая, солнце играет на темных листьях...

Некоторое время за нами, прячась в зарослях, крался один из местных трусоватых лешаков, но в конце концов он справедливо решил, что расправиться с тремя Чародеями у него не получится и смылся. Еще чую эльфов, но это уж где-то совсем далеко.

Юрд у меня на груди молчит, как будто дремлет. Есть у него такая особенность — в себя уходить. Хорошо, хоть на охотах с ним такого не случается...

Так, а вот порядок нашей кавалькады мне совсем не нравится. Впереди — двое егерей, ведущие в поводу лошадь с ведьмой, а ловчие — Борах и Дикс — держатся четко шагах в пятидесяти позади меня, при этом у каждого поперек седла ненавязчиво брошен взведенный арбалет. Интересное кино... Даэл ребятам на мой счет оставил какие-то инструкции, это ясно, как божий день. Я их обоих неплохо знаю, бывал с ними на охотах и в переделках, и знаю так же, что ни тот, ни другой не задумаются ни на секунду перед тем, как пристрелить меня по приказу Магистра. Кольчужку мою арбалетная стрела с раздвоенным наконечником прошибает навывлет шагов с восьмидесяти, шлема на мне и вовсе нет. Так что если рыпнусь — хана мне.

Нет, все-таки какой-то несходнячок во всем этом есть. Даэлу бы, после того, как он мне рассказал, глаз бы с меня не спускать, а он меня в Столицу отправил. С чего бы это? В честность он, что ли, играет? Вот, дескать, я хороший какой... Не похоже. Может, "проверка на вшивость" — испытание моей лояльности Ордену? Когда за спиной пара стрелков маячит, волей-неволей лояльным будешь... Значит, получается, ему во что бы то ни стало надо, чтоб я там оказался как можно скорей? Опять же, зачем? Что-то такое должно быть, что меня окончательно по рукам и ногам свяжет? Или хочет, чтоб я в этом шоу с ведьмой поучаствовал? Типа, все — вляпался?..

Ладно, пес с ним, с Даэлом. Мне б решить, что я в этой ситуации делать должен. Вариант первый: сидеть спокойно и не рыпаться, держать путь в Столицу. Допустим, так я и поступлю. Пока у меня хоть какая-то надежда на возвращение есть, один шанс из миллиона, а так я его себе навсегда отрежу. Все ж начинания, наподобие даэловской борьбы за экологию, обычно подаются с обильной подливкой из красного соуса. Да и претит мне это — участвовать в охоте на таких же как я смертников.

Есть еще вариант номер два: смыться от них, разыскать инструкторов или, еще лучше, Дэна, выложить им все, что знаю. Ладно, допустим. А кто за ними стоит? Ему-то я уж ничем не обязан. А потом, такой простой и банальный вопрос: а что я с этого буду иметь? На меня набросится Орден, если я кому-то из наших Чародеев на глаза попадусь — с меня ж с живого не слезут! Рассчитывать на эвакуацию из этого мира?.. Тут Даэл вчера меня ловко ушучил. Есть такая тайная надежда. Двойничок-то здесь был, а сейчас он в Бурге, с Чернышом всякие там "Маленькие трагедии" оформляет, а я, как буриданов ишак, ломаю голову, какой из двух

вариантов предпочесть.

Ладно, смоделируем ситуацию. Вот, допустим, нашел я Дэна, и что он мне скажет? "Ты сам тогда выбрал", вот что он мне скажет и, самое обидное, возразить будет нечего. Как говорится, взялся за гуж полезай в кузов, или как там у нас по-русски?

В любом случае далеко вперед загадывать — не мой конек. Если вариант номер два — лучше решить, как я буду добираться до торианской границы, а главное — как я отсюда смоюсь. Так-то вариант хороший, только некоторые технические неувязочки типа четверки сопровождающих и того, что дороги я не знаю. Если я по тракту попрусь, мне с гарантией головы не сносить. А провожатым к отлученному орденцу кто наймется? Взять за шиворот какого-нибудь бродягу? А где его взять?

Так, стоп, но ведьма-то наверно местная! И тропы все знать должна. А потом, жалко, если такая симпатичная девочка на костер угодит. Даэл, конечно, насчет пользы дела вчера лихо заворачивал, да только не верю я в эту пользу. И к тому же... К тому же, эта ведьма мне нравится.

Стоп, Меченосец, ты в своем ли уме?! Она же — ведьма, так что возможно, я уже как-то под ее чары попал. Кто ее знает, какими методами она пользуется... А результаты могут быть плачевными, не говоря уж о том, что свалить вместе с ней будет потрудней, не говоря уж о том, что, если эта чертова авантюра мне удастся, она вполне может сказать мне «спасибо», или даже не сказать, а потом учапает в свои Побережные топи. Далее: сматываться даже одному достаточно сложно, эти ребята позади стрелки неплохие. Значит, их надо будет как-то нейтрализовать. Допустим, егерей я могу на время выключить. Так остаются еще два Чародея, а с ними этот номер не прокатит, следовательно, придется их просто и тупо убить. А они едва ли на это согласятся, да и у меня к таким делам душа как-то не лежит. Ладно, будем дальше думать...

Думать, проскакав рысью часов пять в седле — занятие не слишком благодарное. Когда солнце медленно перевалило зенит и бросило длинные тени на тракт перед нами, я понял — привала не будет.

Пеших путников мы не встречали, очевидно, заслышав стук копыт они спешили сойти с обочины, а вид вооруженного отряда никак не побуждал их показаться. Только раз навстречу нам попало около двух десятков конников в боевом вооружении, совершенно разномастных, похоже, из дружины какого-то местного сеньора. Завидев нас, они принялись базлать, выкрикивать угрозы — короче, сперва приняли нас за лопухов, с которых можно шкурку содрать. Однако, разглядев медные обручи — знак Ордена Чародеев — резко переменились и поспешно уступили нам дорогу. Да, оставшись здесь, я буду в авторитете, только вот какой ценой все мне достанется... Переоценил Даэл мою сознательность, плевать мне на судьбы мира, со своей бы собственной разобраться...

Уже порядком стемнело, когда Борах, осадив заплывавшего коня, объявил:

— Привал!

Когда я соскочил с лошади, мне первым делом показалось, что ноги мои крайне неудачно отлиты из свинца, а суставы забиты песком и мелкими щепками. А что до ведьмы, то ее егеря поволокли к месту стоянки волоком.

— Ноги ей свяжите! — крикнул им Дикс.

— Боишься, убежит? — засомневался я, он передернул плечами:

— Да кто ее знает... Ведьмы эти — хитрющие твари, может, у нее и на ноге амулет какой запрятан...

— Или между ног, — подхватил Борах, оба хохотнули. Да, вот он непритязательный простонародный юмор... Вообще Даэл отобрал в эту поездку самых исполнительных ребят, они даже внешне похожи. Борах повыше и с густыми черными усами, Дикс светловолосый и курносый — вот и все различие. Бобчинский с Добчинским...

Мы привязали лошадей на длинный повод и вышли к разведенному егерями костру. Я направился к ведьме, отстегивая от пояса флягу.

— Э, ты куда это? — насторожился Дикс.

— Попить ей хочу дать.

— Ничего, обойдется.

— Ты что — хочешь до Столицы ее труп довезти?

Он нахмурился, но все же уступил:

— Ладно, валяй... жалостливый ты наш. Она б, в случае чего, тебя не пожалела.

Я, уже не слишком обращая на него внимание, вынул кляп у ведьмы изо рта и поднес флягу к разбитым, пересохшим губам, она жадно припала к горлышку. Варварство это — таких на костер отправлять... Оторвавшись от фляги, она, с трудом ворочая языком, выдавила:

— Спасибо... — неудивительно, почти сутки с кляпом во рту.

— Не за что, — я подмигнул ей тайком от своих спутников. Не волнуйся, девочка, крутой Чародей Мик Меченосец постарается тебя вытащить. Ему это может оказаться выгодно. Я направился обратно к костру.

— Когда имеешь дело с ведьмой, не забывай затыкать ей рот, — наставительно заметил Борах, вставляя кляп на прежнее место.

— Учту, — равнодушно ответил я. Будем делать вид, что все идет, как надо...

Мы подсели к костру и принялись за нехитрый ужин. Лучший местный походный провиант — сухари и вяленое мясо. Несколько однообразно, зато сытно и почти ничего не весит. Ведьма тоже протянула к огню босые ступни. Когда я увидел, как глубоко врезались веревки, мне пришлось стиснуть зубы. Спокойно, Мик, спокойно... Все идет как положено. Главное — действовать с полнейшим хладнокровием.

Наевшись, егеря отвалились, приткнувшись спинами к деревьям и принялись обсуждать, в какой кабак зайдут в Столице, чем нажгутся до поросычьего визга, каких девок возьмут и что будут с ними делать. Диалог ловчих отличался разве что большей изобретательностью в отношении девок — тут впору было даже мне покраснеть. На ведьму же вообще не обращали внимания, словно ее и на свете-то нет. Что ж, с их точки зрения так оно, вероятно, и есть. Противоречить не буду. Мне и без того хватит пищи для размышлений. Доблестный солдат Ордена из меня не получился. Уж если надо рисковать своей шкурой ради кого-то, то пусть этот кто-то будет своим братом, Пришлым, а не одной из потных морд у костра. Ради тех же Малыша и Старого я согласен. И ведьма... Вот он, ее Камень, в моей поясной сумке. И человек, который такой носит, сволочью оказаться не может. В людях я, может, и не разбираюсь, зато разбираюсь в Камнях. А с другой стороны, убивать тех же Дикса и Бораха я не хочу. И в героя играть не собираюсь. Ладно, будет день... То есть, ночь — будет пища...

Но ближе к ночи меня ожидал неприятный сюрприз... Хотя почему сюрприз? Стоило ждать чего-нибудь в этом духе. Дело в том, что вахты поделились следующим образом: первую половину ночи караулит Борах с одним из егерей, вторую — Дикс с другим.

— А ты, Меченосец, отдыхай. Тоже Магистр придумал — уставшего человека в конвой отправлять...

Так, ясен болт — Магистр ребятам сказал глаз с меня не спускать ни днем ни ночью, вот и выполняют, как умеют. И, похоже, такое положение сохранится до самого нашего прихода в Столицу. А оттуда, судя по действиям Даэла, мне пути назад не будет. Черт бы их всех подрал! Что Дэн, что Даэл — в принципе, один шут. Не любят они выбор оставлять, ох, как не любят... Ладно, раз я не хочу из себя героя корчить и не имею шансов в открытом бою с двумя Чародеями, придется ждать удобного случая. Впереди еще три дня и четыре ночи, что-нибудь должно подвернуться. А моя задача — такой случай не упустить. Подожду.

Как справедливо было замечено, кто ищет, тот всегда найдет, но совсем необязательно то, что искал. Ночь уже подходила к концу, когда меня одновременно с холодком вдоль спины и сигналом Юрда "Опасность!" разбудил истошный вопль Дикса:

— Черные Монахи!!!

Не успев еще ничего толком сообразить, оказываюсь на ногах, меч уже у меня в руках. Хотя толку тут от оружия, даже от серебряного... Монахов им не достанешь.

По идее, это чуть ли не самая опасная местная нежить, вроде и призраки, но неизвестно чьи, возникают ниоткуда, исчезают в никуда, число их обычно четное — от двух до восьми, каждый раз меняют оружие и тактику боя и расправляются с любым теплокровным существом, оказавшимся в пределах досягаемости. Везет, как утопленнику — на сей раз теплокровными существами будем мы.

Почти сразу вижу их — четыре длинных горбатых силуэта у кромки леса. В самом деле, напоминают фигуры в рясах, хотя четко известно, что никаких ряс и вообще ничего материального там нет — это я отмечаю как-то задним числом, словно некий определитель во мне включился — нас, Чародеев, на то и натаскивают.

Мы впятером застыли неровной шеренгой, обнажив оружие, Монахи пока тоже неподвижны. Несколько секунд зловещей тишины, слышно только наше хриплое дыхание, остальные звуки словно выключены, потом черные фигуры как-то внезапно, словно провалившись под землю и снова из-под нее выросши, оказываются пугающе близко, в каких-то десяти метрах. Из всех сил вглядываюсь в них, глаза даже режет, боковым зрением вижу, как оба егеря устремляются вперед неровной пошатывающейся походкой, словно пьяные... нет, словно заводные игрушки с испорченным механизмом, руки их вытянуты вперед, как будто нащупывают дорогу.

Две крайние фигуры резко вскидывают ...руки?.. рукава?.. навстречу бредущим егерям, змеясь, рвутся ветвистые лиловые молнии. Успеваю заметить, как оба егеря оседают в высокую траву, будто тонут в ней, а черные силуэты рывком, сменой кадра, придвигаются почти вплотную. Замираю, поводя клинком — и тут начинается атака.

Молний пока нет. Пока им это ни к чему — мы Чародеи, мы лакомство... Сильный рывок вперед — словно чья-то рука сдавила со страшной силой мозг и потянула его на себя. Перед глазами все подергивается дымкой, теперь вижу и лес и Монахов как из-под воды, пытаюсь вскинуть меч — хоть как-то защититься, — но мускулы не слушаются. Ноги пока еще упираются в землю, но корпус уже подается вперед. Поддержка приходит неожиданно — откуда-то сзади, оттуда, где сидит, привалившись к дереву, связанная ведьма. Получаю словно инъекцию Силы, опять напрягаются руки, ощутив тяжесть меча. Черные фигуры вперебой издают сиплое карканье, на момент слепну от молний. Пока еще не в нас, пока мимо...

И тут в игру вступает Юрд — вобрав в себя лиловую молнию, выбрасывает ответную — зеленую, одна из фигур исчезает в ней с глухим воем, меч у меня в руках вспыхивает метровым языком зеленого пламени.

Видеть такой бой, а тем более участвовать в нем мне пока не приходилось — напряжение всех сил просто на пределе возможного, движения превращаются в какой-то невероятно сложный танец, кажется, лишенный смысла, Сила утекает от меня по лезвию меча, клинок Дикса тоже полыхает. Как-то словно со стороны, отмечаю странную красоту происходящего — теперь место схватки освещено почти постоянно, особенно когда зеленые молнии сшибаются с лиловыми. В такие моменты все становится предельно четким и застывает как на фотографии — заваливающийся назад Борах... Дикс, подавшись корпусом влево и жутко оскалившись, парирует молнию... обезумевшая лошадь, сорвавшаяся с привязи, застывает в прыжке, уносящем ее куда-то в чащу...

Ведьма откуда-то сзади продолжает подкачивать мне Силу. Очень кстати. Перепрыгиваю через упавшего Бораха, с хриплым воинственным воплем бросаюсь в атаку.

Не знаю уж кому — мне или Диксу — наконец удастся достать одного из Монахов — и тут все кончается. Тишина. Меч, померцав еще секунду гаснет, напряжение пропадает. Словно ничего и не было... Наваливается дикая, нечеловеческая усталость, стягивает виски словно железным обручем. Что-то я хотел сделать...

Возвращаюсь поближе к костру, валюсь на спину в траву, закрываю глаза, всем телом

ловя исходящую от земли прохладу. Боже, какое блаженство — вот так вот лежать и не шевелиться... Наконец нахожу в себе силы сесть, привалившись спиной к дереву, Дикс пристраивается рядом, хрипло выдыхает:

— Хорошо, что они не возвращаются...

Да, правда. Есть у них такое свойство. Что ж я все таки хотел сделать? Еще до боя...

Мы вынимаем трубки и некоторое время молча курим, сил не хватает даже на то, чтобы разговаривать. Наконец Дикс поднимается:

— Пойду гляну, что с лошадьми, — и пошатываясь, уходит во тьму. Гадство, что ж это я вспомнить не могу, что ж я собирался сделать? Во время драки все из головы вылетело. Не Дикса же мне об этом спрашивать...

Я тоже с трудом поднялся, подошел к лежащему на земле Бораху, перевернул его. Бесполезно — мертв. В панцире — дыра где-то в ладонь, края оплавлены. От запаха горелого мяса меня чуть не вывернуло. Для очистки совести я осмотрел тела обоих егерей. Та же картина... Я повздыхал, накрыл трупы плащами и поплелся назад к костру.

Возвратившийся чуть раньше меня Дикс сообщил:

— Лошадей у нас — одна. Две удрали, а остальные...

И в этот момент я поймал взгляд сидевшей по другую сторону почти догоревшего костра ведьмы. Дикс продолжал еще что-то говорить, но я его не слышал. Так вот от какой, мой шанс... Ох, не так я себе все это представлял...

Я вполголоса пробормотал:

— Боливар троих не выдержит.

— Чего? — не понял Дикс.

— Как, спрашиваю, поедем? Нас трое, а лошадь одна.

— Сейчас двое будет, — успокоил он. Я напрягся:

— То есть?

— А ведьму-то нам на кой с собой тащить? Привезем обратно в Цитадель ее Камень и голову.

Так, прежде всего попробую решить дело миром:

— Слушай, она ведь нам с Монахами драться помогала...

— А кому охота, чтоб его Монахи хлопнули? Потом сам, говорят, в такого превращаешься. Ладно, чтоб долго не откладывать, сейчас я ей горлышко перережу... — произнес он самым будничным тоном. Да здесь, похоже, это в порядке вещей.

Я ненавязчиво закинул на плечо меч, на который опирался до сих пор, взялся за рукоять обеими руками:

— А у меня другое предложение есть: девочку мы сейчас отпустим, славная девочка, верно? Лошадку мы тоже ей отдадим — негоже даме пешком ходить. А чтоб с ней по дороге чего не случилось, я ее провожу, а то уж загостился я в Ордене, пора и честь знать.

Его рука бешено зашарила у пояса. Наивный! Думает, я не заметил, что он свое оружие по ту сторону костра оставил.

— Ты... Ты...

— Ладно, не булькай соплями. Ты жив куда? Цени. А если хочешь отношения выяснить — валяй, я не против. Только учти, на мечах ты супротив меня не тянешь, да и против моего Камня с твоей стекляшкой не выстоять. Решайся, пока я не передумал — пешком тут до Цитадели дня два ходу, три от силы. Магистру скажешь, что в драке с Монахами только ты и уцелел.

Он долго молчал, буравя меня взглядом. Дождется ведь — мне и в самом деле его убить придется...

Наконец Дикс нехотя буркнул:

— Ладно.

— Ну вот и отлично, — улыбнулся я и направился к ведьме, вытаскивая из ножен кинжал.

То ли я что-то в ее глазах увидел, то ли сигнал Юрда, то ли холодок вдоль спины — не

знаю, что именно заставило меня обернуться одновременно с голосом Дикса:

— Повернись, Меченосец!

Змейство, вот это я лопухнулся! И, похоже, последний раз в жизни: Дикс, потный и оскаленный, как во время боя с Монахами, целился в меня из тяжелого боевого арбалета, принадлежавшего одному из егерей:

— Магистр предупреждал меня, что ты можешь оказаться предателем. Я ему не поверил, а зря.

Повисло молчание. Да что ж он не стреляет?

Дикс где-то через полминуты заговорил снова:

— Итак, Меченосец, ты знаешь, что по закону эта смерть для тебя слишком легкая...

— Ну так кончай ты эту комедию, придурок! Стреляй, а если в штаны наложил — беги жаловаться папочке-Магистру, — все таки ничего не понимаю... Он что — решил меня грохнуть с соблюдением всех формальностей? Не просто пристрелить, а привести приговор в исполнение?... Хе, да он же меня боится так же, как я его! И ему не хуже известно, что ни один механизм мгновенно не срабатывает...

Я сосредоточил все внимание на его пальце, побелевшем от напряжения на спусковой скобе арбалета. Теперь нас разделяет не больше десятка коротких, мизерно коротких метров... Молча, напрягшись, мы описали дугу вокруг почти полностью угасшего костра, как два кота перед дракой, пока Дикс не оказался рядом со своим оружием. Не слишком доверяет арбалету... Я бы на его месте тоже не доверял... И тут я опять уловил поддержку ведьмы. Вовремя, девочка, очень вовремя. Сила мне сейчас нужна, как никогда.

А Дикс заговорил опять — напряженным голосом, сквозь зубы:

— Мне жаль убивать тебя, Меченосец. Ты сильный Чародей. Поедем в Цитадель вместе?

— Да прекрати ты этот словесный понос! Ты стрелять будешь, или решил меня до смерти заговорить?

— Мне очень жаль, — повторил он все так же негромко. Ну, теперь у кого первым нервишки сдадут...

Я замер, как вратарь перед одиннадцатиметровым. Разница только в том, что в случае ошибки я останусь здесь навсегда... Только не пропустить движение... Есть!

Короткий отводящий знак, стрела свистнула в каком-то сантиметре от моего левого уха. Кажется, даже оперенье по щеке мазнуло. Что ж он так? Нацелься он мне в грудь или в живот — и все было бы кончено. Верит, похоже, что Пришлого можно только выстрелом в голову убить...

Дикс не дал мне времени поразмышлять о пользе суеверий — он подхватил с земли меч и маленький круглый щит, перемахнул через тлеющие угли и налетел на меня так стремительно, что я едва успел приготовиться к защите. "Полторы руки" против короткого меча и щита — какие пустяки! Первым делом я попробовал снести его пинком в щит, правую ногу словно кипятком ошпарило. Так, попробуем обойтись без кавалерийских наскоков...

Фехтовал он неважно, и я медленно, но неотвратно прижимал его к дороге. Он раскрылся уже пару раз, но я никак не мог решиться на смертельный удар — а на то, чтоб воспользоваться Силой, меня попросту не хватило бы. Его, к счастью, тоже... Наконец он сделал особенно глубокий выпад, я перехватил левой его руку с мечом, бросил свой, с силой рванул Дикса на себя и вlepил ему ребром ладони чуть пониже уха. Он лег. Я забросил в ножны свой меч, подобрал его оружие, потоптался немного в раздумье над упавшим Диксом. Черт, не убивать же дурака, в самом-то деле! Потом сплюнул и двинулся обратно к костру, в левом ботинке противно захлюпало. Зацепил-таки, стерва! Вроде бы, конечно, царапина, но вот в лесу может очень дорого обойтись...

Я бросил ведьме:

— Подожди минутку, — а потом направился к своей седельной сумке. Тряпки, вроде бы, там были.

Кое-как я перемотал ногу, и только разогнулся, как на тракте топотнули копыта и голос Дикса прокричал:

— Эй, Меченосец!

Я подхватил с земли арбалет, взвел, наложил стрелу и ринулся к дороге, матерясь и хромя.

Дикс был уже в двух-трех десятках метров, он горячил лошадь, заставляя ее плясать, чтобы сбить мне прицел:

— Увидимся в Западной Цитадели, когда тебя притащат туда на веревке! Сдайся сам, и тебе, возможно, сохранят твою презренную жизнь!

Он развернулся и поскакал на запад, я вскинул к плечу арбалет. Дикс как на ладони, даже я при всей своей никудышной меткости могу всадить в него стрелу. Но заставить себя надавить на спусковую скобу... Ч-черт, в открытом бою нос к носу, я еще могу его завалить, но вот так вот послать кому-то в спину стрелу... Не достойно это Пришлого, Чародея... да и человека, в конце концов. А ведь со мной в такие тонкости вдаваться не будут...

Я снова вжал приклад в плечо, но Дикс, ясное дело, не стал ждать, пока я с этическими проблемами разберусь, и скрылся за поворотом.

Бормоча себе под нос все известные мне нехорошие слова, я направился обратно к костру, присел на корточки рядом с ведьмой и вынул кляп у нее изо рта, потом разрезал веревки. Лиловые следы, оставленные ими, отчетливо видны даже в сереньком предутреннем свете. Для начала я поднес к ее губам флягу с вином, а когда она напилась, взял измятую и опухшую кисть в свои руки и принялся разминать запястье. Она застонала.

— Ничего, терпи. Бывает хуже.

Когда она оказалась в состоянии сама растирать себе лодыжки, я поставил рядом с ней флягу и сумку с едой:

— Подкрепляйся. Как рассветет, надо драть. Чем дальше мы отсюда окажемся, тем лучше, — а сам присел на поваленное дерево и закурил.

Значит, упустил я Дикса... На рысях мы от Цитадели сюда добирались с полсуток, значит, галопом, загоняя лошадь, Дикс окажется там часов через восемь. Еще столько же, не меньше, будет добираться погоня, да прибавим где-нибудь часок на ее снаряжение... И все равно у нас меньше суток в запасе. У нас?

Я повернулся к ведьме:

— Как хоть тебя ругают?

— Ругают?

— Ну, звать тебя как?

— Гельда.

— А я — Мик Меченосец. Вот что я тебе скажу, Гельда: во-первых, коню понятно, надо убираться отсюда, да поскорей. А во-вторых, теперь, получается, ты мне кое-чем обязана, так? Мне от тебя нужно только одно — чтоб ты мне до Торианской границы добрать помогла. Годится?

Она передернула плечиками:

— Ладно. А потом ты меня не прогонишь?

"Нор-мально!" — стукнуло в голове от виска к виску. Сейчас она скажет, что теперь, как честный человек, я обязан жениться...

Я обалдело поскреб в затылке и пробормотал:

— Н-ну... Как тебе сказать... Вот ведь — нашел, называется, спутницу жизни неожиданно-негаданно.

— А ты думаешь, тебя в Ториане искать перестанут? А насчет спутницы жизни — так мне просто деваться некуда.

— Ладно, пусть так. Здешние места хорошо знаешь?

— Да уж знаю.

— Ладно, женщина, в таком случае собери в комок свой речевой аппарат и дай мужчине подумать.

Она послушно замолкла. Молодец все-таки девчонка — за эту ночь фактически дважды мне жизнь спасла. Пока что не жалею, что ее вытащил, а дальше видно будет, если, конечно, будет какое-то дальше. А значит, надо подумать, как мы пойдем.

Прямоком на запад топать — дело дохлое заведомо. Даэл знает о существовании базы у озера и должен предполагать, что я стопы свои именно туда направлю. А раз он это предполагает, естественно, расставит там такие кордоны, через которые мне не прорваться. А значит, придется дать большой-пребольшой крюк и выйти к базе с запада, со стороны Ториана. На восток топать абсолютно ни к чему, на севере — орденцев кучи, если уж на меня внимания не обратят, то на Гельду обратят, да еще как. Да еще учесть, как быстро распространяются сведения об отлучениях по орденским каналам... А уж на мою поимку сил не пожалеют, это уж можно быть спокойным. Ладно, до южной границы добраться меня хватит, и концентрация орденцев там поменьше, доберусь до ребят с базы, передам информацию — и путь прячут меня где хотят. Или, на худой конец, что-нибудь подскажут.

Я повернулся к Гельде:

— Значит, прямо к границе не пойдем, там Западная Цитадель под боком, а меня к ней теперь и калачом не заманишь. Думаю, перевалим Свинцовый и подадимся в Гэлфост. Реально туда незаметно пробраться?

— В двух днях отсюда Забытый Тракт.

Оригинальное совмещение пространства и времени...

— В двух днях чего?

— А у нас что — лошади есть?

— Логично... Значит, ходьбы. Ты идти-то в состоянии?

— Если нужно, то да.

— Еще бы не нужно... Из арбалета стрелять умеешь?

Она не ответила, но подарила мне такой насмешливый взгляд, что я понял — умеет.

— Забытый тракт, говоришь... А он хорошо забытый?

— Годами по нему никто не ездит.

— Устраивает. Ладно, пока отдыхай, а я мародерством займусь.

Шмонать трупы своих бывших товарищей — занятие на редкость неприятное, но что тут поделать — не до брезгливости — надо же привыкать к своему новому статусу в этом мире. Теперь я уж точно отлученный. А дорога предстоит дальняя, и есть, товарищи, такое мнение, что деньги и припасы в дороге ой-ой, как понадобятся.

У обоих егерей в общей сложности набралось около трех золотых, да парочка у Бораха. Хотя нам придется избегать оживленных мест, так что отсутствие денег не очень скажется. А припасы... Если пиров не закатывать, хватит дней на десять. Во фляжках егерей обнаружился местный ром — пойло, омерзительное на вкус, зато крепкое, как серная кислота, его я слил в одну флягу, вино перелил в другую, снял с Бораха пояс, пристегнул к нему с одной стороны фляжку с вином, с другой — длинный кинжал, протянул Гельде:

— Надевай.

Еще в число трофеев попал пятнистый егерский плащ, его я накинул на плечи ведьмы:

— И не скандализируй местное зверье.

— Какое еще зверье?

— Какое-какое... Двухногое вертикальное. Да, еще момент, — я вынул из поясной сумки ларец с Камнем, протянул ей — не оставлять же девчонку без защиты.

Она как ни в чем не бывало надела Камень на шею, провела по нему рукой и осведомилась:

— Выходим?

— Погоди, трубку выкурю... Копи Силу.

— А чего ее копить, вся со мной, — и спокойна, вернее, старается казаться спокойной. Черт, меня-то, по всему судя, живым брать не будут, а вот ее...

Неожиданно даже для себя я хриплым, севшим голосом выдавил:

— Вот что, родная... За мной сейчас охота пойдет, как за бешеным волком. Со мной

тебе опасней, чем одной. Хочешь уйти — топай сразу.

— Ты чего? — неподдельно удивилась она. — Что мы — не прорвемся? А потом, я ж тебе говорила — деваться мне некуда.

— Ну, смотри...Потом не жалуйся. Я просто к тому, что ты, может, к себе в Побережные топи торопишься. Кстати, у тамошних, если что, отсидеться можно?

— С ума сошел?! Я же из-за тех колдунов вашим и попалась.

— И как же так вышло?

— А, не поверишь, — махнула она рукой и принялась рассказывать, сопровождая свою историю мимикой и жестами. Несмотря на ровный и более-менее спокойный голос, я видел, что иногда ее почти трясет.

Соли рассказа я как-то не уловил, но история весьма увлекательная...в ее исполнении. Честно говоря, я не столько слушал, сколько смотрел. И есть на что посмотреть — на Гельде просто глаз отдыхал после тех задастых и грудастых коров, которых иногда тайком протаскивали в Цитадель Ловчие и егеря. Симпатичное, кругленькое личико, носик чуть вздернутый, слегка кошачий разрез больших зеленых глаз, выющиеся волосы до плеч отливают рыжиной...И вся она какая-то удивительно ладная, гибкая и крепенькая, как молодое яблочко, стройная, но не худышка...Я поспешно отогнал мысли о том, что слишком долго постился.

Надо вот о чем подумать: а как быть со знаком Ордена, медным обручем? С одной стороны — особая примета, много ли в этом мире верзил (под метр семьдесят) с орденскими знаками? И знак этот вызывает почтительный, но корыстный интерес а вот без него мы автоматически становимся законной добычей любого феодала, в чьи земли нас занесет. Правда, с помощью чародейства можно отбиться без потерь, но тогда против нас будут мобилизованы все оказавшиеся поблизости ордены. А потом, с чего я взял, что меня много народу в лицо может знать? Фотографию и стенды типа: "Их разыскивает..." здесь, по моим подсчетам, изобретут лет через пятьсот, не меньше. Ну да ладно, уже почти рассвело, туманом потянуло. Пора бы двигать. Только сначала докурю — когда еще придется?..

Докурив, я выбил трубку о каблук:

— Ладно, Гельда, извини, все это очень интересно, но давай я в следующий раз дослушаю. Драпать надо просто со страшной силой.

— Что, пошли? — таким тоном, словно речь идет о прогулке в ближайший парк.

— Ага, — я закинул на плечи мешок побольше. — Погоди секунду, — скрепя сердце и не без некоторой торжественности я предал огню свои наброски — не оставлять же врагу...

А медный обруч на лбу я решил не снимать. Какого черта, в конце концов? Официального уведомления об отлучении я покуда не получал!

ГЛАВА 5.

Мы топали довольно долго какими-то оленьими тропами. Солнце стояло высоко, но в той чащобе, куда мы забрались, висел тенистый сырой полумрак. Хорошо, что хоть подлесок не густой...И к тому времени, как подоспеет погоня, росы не будет, а трава след не держит.

Петлять мы не петляли, шли быстро, как только возможно. Правда, когда вместо травы пошел мох, мне пришлось прыгать с коряги на корягу — своими шлепанцами на тройной подошве и с подковками я б там превосходнейшим образом наследил.

Еще где-то с полчаса мы шлепали вверх по течению ручья — чистого, прозрачного и, естественно, ледяного. Едва ли по нашему следу пустят собак, но осторожность еще пока никому не вредила. Ноги у меня после этого абсолютно заоченели, а уж каково Гельде, которая босиком шла, можно себе представить. Когда мы выбрались на сухое место, я, невзирая на протесты, растер ей ноги и заставил выпить глоток рому из фляжки, попутно рассказав о живущем в ручьях злом духе Катаре. Сам я тоже хлебнул — для профилактики. Но простуда как раз меня меньше всего беспокоила — у меня начала сильно кровить рана на ноге, штанина густо пропиталась кровью. Я, понося Дикса самыми скверными словами (про

себя), уселся на землю и размотал тряпицу. Вот гадство, только воспаления не хватало! И так-то едва ползем... А навыкам целительства, даже на начальном уровне, Грентвиг меня не учил, уверяя, что мне на это жизни не хватит.

Мои тягостные раздумья прервала Гельда:

— Ну кто так делает? Дай сюда.

— Ну на, — я протянул ей ногу. Она наморщила лобик, что-то поприкидывала в уме, а потом начала водить своим Камнем над раной и не то бормотать, не то напевать. Я сосредоточено занялся своей трубкой, стараясь не обращать внимания на боль, ставшую жгучей. А потом она утихла.

— Все, забирай свою ногу.

Я ошалело уставился на рану, но никакой раны не обнаружил. Там, где полагалось быть разрезу сантиметра в полтора глубиной, остался только розоватый шрам.

— Ты что — целительница?! С этого и надо было начинать.

— А что я тебе там, на поляне, по-твоему, втолковывала битый час? — возмутилась она.

А потом опять шли и шли — молча, чтобы сберечь дыхание, целенаправленно. Я уже почти ни на что не обращал внимания и видел перед собой только мелькающие в траве ноги Гельды. Вымоталась она посильней меня, но ни словечка жалобы. Молодчина она все-таки...

Орденская выучка сказывалась — я отмечал почти произвольно: эльфы. Далеко, неопасно. Лешак. Сматывается подальше...

Дотемноты мы остановились только один раз — перекусить... А кроме усталости, дожимала меня мысль о том, что сейчас по нашим следам с гиканьем и свистом торопят коней целая орава Чародеев из Западной Цитадели. Эту мысль я старательно отгонял: для Чародея мандраж роскошь непозволительная. Помогает его обнаружить, в частности.

Мы пересекли ближе к вечеру низинку, заросшую чахлым ельником, и нас тут же атаковали зудящие полчища здоровенных, наглых и рыжих комаров. Уж не знаю, как насчет всего остального — но эти гады прямо как у нас, на Урале. Даже чем-то родным повеяло... Выбрались мы оттуда только затемно, искуанные, исцарапанные, уставшие до помертвения. Быстро перекусили — еду пришлось буквально запихивать в себя — а потом повалились, как мертвые, на расстеленном плаще, укрывшись другим. Хотите верьте, хотите нет, но я хотел только одного: спать, и никакие мысли о слишком долгом воздержании мне даже в голову не лезли.

Проснувшись, я обнаружил во-первых, что уже рассвело, во-вторых, что Гельда еще дрыхнет, и голова ее лежит у меня на плече, а моя рука у нее на бедре, на ощупь Гельда показалась мне очень мягкой и теплой. Я приподнялся на локте, рассматривая ее лицо. Вот сейчас оно совсем детским кажется... Черт, если б никаких других причин оставить Орден не было, кроме нее, я б и то не слишком жалел...

И снова бесконечный дневной переход. У меня жутко гудели ноги, а пот, стекающий по спине, пропитал насквозь, кажется, даже кожаный подкольчужник, когда мы вышли к деревушке, прилепившейся под высоченным глинистым обрывом. Как сообщила Гельда, забытый тракт начинался там, наверху.

Местные встретили нас недоверчиво, несмотря на мой обруч на лбу, но когда Гельда с помощью непонятных мне знаков и словес умудрилась вылечить две лихорадки и затянула громадную язву на плече худенького голозадого пацана со вспученным животом — как оказалось, сына старосты — мы стали героями дня. Денег у забытых, объясняющихся по преимуществу мычанием крестьян не было, да и со жратвой оказалось не густо, но нас накормили от пуза, да еще и на дорогу дали. Этим людям все равно — Орден там, не Орден, лишь бы польза была. В общем-то верно... Предложение ночлега мы решительно отклонили — во-первых, погоня должна уже почти на хвосте быть, а во-вторых, меня ночевать в какую-либо из этих копченых, кишачих насекомыми хат не заманить никакими пряниками.

Обрыв оказался не таким крутым, как выглядел снизу, поднялись мы минут за пять,

миновали густой перелесок и вышли на излучину Забытого тракта. Похоже, забыли его и в самом деле основательно: неровная, извилистая просека, заросшая высоченной, по грудь мне, травой, кое-где пробивается молоденький осинник... Раскаленный медный шар солнца уже валился за горизонт, окрашивая листву в самые невероятные цвета, без умолку голосили какие-то птицы... Несмотря на высокую траву, идти легко — во всяком случае, легче, чем по лесу.

Правда, далеко мы не ушли — перед очередным поворотом замерли, не сговариваясь. И тут же из-за него нам навстречу вывернулись четверо всадников в доспехах, двое остановились где-то в полусотне метров, двое поскакали к нам. Я только и успел шепнуть Гельде:

— Спокойно. Я поговорю с ними, — незачем раньше времени затевать склоку, тем более, численный перевес не на нашей стороне.

Подъехавшие к нам, судя по вооружению и одежде, из благородного сословия и на имперской службе не состоят. Передовой — широченный краснорожий детина, заросший густой бородой, в кожаном шлеме и плаще с меховой оторочкой осведомился грубым и пропитым голосом:

— Кто вы такие и куда идете?

Примат. такого залечить — делать нечего.

Я принял вид гордый и надменный, прикоснулся к медному обручу:

— Кто мы — надеюсь, видишь, рыцарь. А куда идем... С каких это пор Чародеи должны давать отчет в своих действиях непосвященным?

Мой апломб подействовал: краснорожий, кажется, слегка растерялся, но рука его осталась на рукояти меча, а сам меч — выдвинутым из ножен сантиметров на пятнадцать. Мда, похоже, не очень забытый этот тракт...

Спутник краснорожего — тщедушный, сморщенный, с выбивающимися из-под круглой каски жидкими седыми прядями — тронул поводья:

— Не в обиду будет сказано, Чародей, сейчас многие прикрываются именем Ордена. Попадаются среди них и отлученные...

Как-то не нравится мне все это... Да еще сморчок этот так и буравит Гельду своими выпцветшими глазенками...

— До меня в моих странствиях не доходили слухи об отлучениях, — важно ответил я. — А кто этот отлученный?

— Некий Мик Меченосец. Он тебе известен?

Так, а это уж совсем плохо. Ладно, пока прикинемся ветошью:

— Помнится, я встречал его в Западной Цитадели, — нахмурился я. — Странно, он всегда считался преданным бойцом Ордена.

— Вот что, Чародей, — влез в разговор красномордый. — Я, граф ал-Эллес, предлагаю тебе свое гостеприимство. Дороги нынче опасны, а поблизости видели эльфов.

А вот если на сейчас потащат в какой-нибудь поганый замок — разьяснить — нам это совсем ни к чему. Так что надо это предложение с достоинством отклонить, то есть напустить на себя вид совсем уж гордый и неприступный:

— Долг Чародея — искать опасностей, граф. А что до эльфов — я ведь не безоружен, — и я как бы невзначай взялся за торчащую из-за плеча рукоять меча.

И тут со стороны тракта прозвенел пронзительный мальчишеский голос:

— Чего увы ждете, хватайте их! Это ваши две тысячи монет!

В таких случаях лучше не думать, а действовать, так что я даже выругаться не успел. Двое напротив меня потянулись к оружию, и надо сказать, очень поспешно, но я оказался быстрее — моментальный обездвиживающий знак, и оба поползли с седел, обмякнув, как чучела. Оставшиеся пришпорили коней и ринулись на нас. Странно, мы для них отличной мишенью были... Решили, видно, взять нахрапом. Зря они так...

Гельда не зря хвасталась умением стрелять — передовой всадник откидывается назад со стрелой в горле, разгоряченная лошадь проносится в метре от меня, волоча зацепившееся

за стремя тело. Второй чересчур близко, знаком не снести... Выпрыгиваю перед лошадиной мордой, скорчив рожу пострашней и издав нечто среднее между боевым кличем оленеводов и воплем: "Банзай!", лошадь шарахается, седок равновесия не потерял, но удар ему не удается, ныряю под свистнувший в воздухе клинок — и мечом снизу вверх! Достал! Меч едва не вырвало у меня из руки, меня развернуло почти на 180 градусов, напавший на меня роняет палаш, свешивается на лошадиную шею, медленно заваливается вбок... Мой меч в крови. Я его убил?... Ранил? Неважно, некогда.

Вытираю клинок травой, потом полою плаща, забрасываю в ножны, подхватываю под уздцы лошадей седого и красномордого:

— Гельда! В седле усидишь?

Вместо ответа она лихо заскакивает на коня, не прикасаясь к стремяни. Да, молодец девчонка... Однако времени терять нельзя, взлетаю в седло:

— Ходу!

Шпор нет, безжалостно колочу каблуками в конские бока, летим вперед по Забытому, выворачиваем за поворот. Впереди на тракте всего один всадник, торопит коня, удирает. Привстаю в стремянах, чуть подавшись вперед, подбадриваю коня голосом и каблуками. Надо его догнать... Но Гельда, похоже, лучше меня знает, что делать — краем сознания ловлю брошенное вслед беглецу непонятное заклятье, конь под ним внезапно останавливается, как вкопанный, всадник через его шею летит в высокую траву.

Подскакав, я спешился и перебросил Гельде поводья. Сейчас выясним, что это за птица... Силой владеет, но жиденько. Мать честная!

В траве, очумело моргая, сидел мой однокашник по Берлоге, Виган, веснушчатый и лопоухий пацан лет четырнадцати. Две, значит, тысячи... Целое состояние. Как-то уж слишком по-дурацки все...

Виган, увидев меня, побледнел так, что веснушки объемными стали, но все же яростно выкрикнул:

— Ну, убей меня, предатель!

— Слова-то какие знаешь, — процедил я, за ухо поднимая его. — А я тебя, недоноска, еще на мечях драться учил...

Он искоса посмотрел на меня, потом опять крикнул, уже не так уверенно:

— Предатель! Ну, убей меня, если не боишься!

— Заладил, как пересмешник: "Убей, убей..." Тут и уши тебе толком надрать некогда. Вот что: если не хочешь без своих лопухов остаться, скажи-ка ты мне, кто это такой щедрый, что за меня две тысячи обещал? Ну? — я крутанул его ухо.

— Не скажу.

— Ох, Виган, не носить тебе серьги... Девки засмеют. Я ж у тебя ничего особенного не спрашиваю. Ну, так кто раскошелился?

— Эмиссар короны.

— Имперской?

— Да...

Вот это уже номер... Такую награду обычно назначают за особо опасных государственных преступников, да и то редко.

— А тебя, прогульщик, чего так далеко от Берлоги занесло?

— В погоню послали всех, кто знает тебя в лицо.

— М-да, все просто чудесно, — пробормотал я, привязывая Вигана к дереву его же ремнем. — Ладно, стой спокойно. Тебя скоро найти должны, не пошлют же по мою душу одного малолетку.

Потом я забрал у Гельды поводья и снова запрыгнул в седло.

Да, что и говорить, лопухнулся я снова — недооценил Даэла, что вообще глупо, а с моей стороны — в особенности. Не стал он слать погоню по нашему следу, просто перекрыл все возможные пути отхода. Но вот с чего такая серьезная облава? За свое инкогнито он, что ли, боится? Да еще с привлечением имперской казны, так что все войска этой проклятой

Империи осведомлены, что надобно изловить (и повесить, вероятно) Мика Меченосца...

Мы уже отъехали на порядочное расстояние, когда Гельда вдруг осведомилась с возмущением:

— Слушай, а почему ты его не убил?

Однако... Пора бы мне привыкнуть к тому, что здесь такие приколы в порядке вещей.

— А зачем?

— А ты не понимаешь?! Он же погоню на нас наведет! И того, на Торианском тракте, ты мог застрелить. Не сделал этого — и вот, пожалуйста.

— Издержки воспитания, родная. Понимаешь, вбили мне в голову в раннем детстве, что нехорошо стрелять в спину и убивать детей.

— С тобой, если что, думаешь, церемониться будут? Ха! Жди!

— Если помнишь, дня этак два-три назад мне то же самое говорили насчет одной очень симпатичной ведьмочки. Ну да, я извращенец: видеть тебя целиком мне приятней, чем одну твою голову.

— Ничего, ты со своим благородством дурацким еще на нее полюбуйся, когда твою на пику взденут рядом с моей.

— Ладно, не каркай... Прав был Борах, покойничек: когда имеешь дело с ведьмой, не забывай затыкать ей рот.

Она совсем остервенилась и, кажется, собиралась врезать мне Силой, но я вскинул руку:

— Ну-ка, стой!

Впереди на тракте маячили еле различимые в сумерках силуэты пяти-шести всадников. Метров сто до них... Но вот на сей раз, сдается мне, влетели мы посерьезней — среди них двое Чародеев, насколько я могу судить, где-то моего уровня. Одного я узнал сразу — нам, владеющим Силой, необязательно для этого видеть друг друга. Дикс, гадина! А я ему еще жизнь сохранил...

Он тоже узнал меня, привстал в стременах и прокричал:

— Сдавайся, Меченосец! На сей раз тебе не уйти! Хочешь жить — сдавайся!

Так, а я потихоньку начинаю закипать... Что они, в самом деле думают, что я на такую дешевую уловку куплюсь?

Я негромко бросил Гельде:

— Заткни уши, — а потом, обернувшись к всадникам, заорал.

Могу на что угодно спорить — такого они еще не слышали. В кратких, но сильных выражениях я растолковал им, кто они, где их место и как туда лучше добраться, отчего они родились и почему умрут...

— А ты, Дикс... — То, что я предложил ему совершить, он бы ни за какие деньги не согласился и уж тем более не смог бы. Голос я, конечно, сорвал, но душу отвел.

— А теперь — ходу!

Мы повернули коней и пустились галопом. Мой монолог подействовал лучше любого чародейства — всадники еще с полминуты топтались на месте, постигая всю глубину оскорблений, потом, разразившись проклятиями и негодующими воплями, ринулись вдогон. Ну, фору нам я обеспечил...

И тут же, одновременно с этой мыслью, приходит импульс Юрда: «Опасность». И впереди тоже Чародеи, чтоб им всем... Ору Гельде:

— Засада! — и в тот же момент они вылетают на нас в какой-то сотне шагов, все конные. Вижу арбалет, направленный мне в грудь, успеваю только поднять лошадь на дыбы, заслоняясь от стрельбы ее корпусом, выбрасываюсь из седла, уже зная, что конь подо мной убит, лечу в траву, невольно ударяюсь бедром, кувырок, перекат. С легким удивлением смотрю на вонзившуюся в землю между моим локтем и боком арбалетную стрелу, потом, как в замедленной съемке вижу, что крупный мышастый жеребец под Гельдой словно споткнулся на все четыре ноги, заплясал, взмыл свечой. Гельда, как птичка, вылетает из седла, бросаюсь к ней, пригнувшись и по-заячьи виляя, подхватываю чуть не на лету:

— Ходу! — и мы углубляемся в чащу, несемся, как шальные лоси. По левую руку от нас вздымается чадное зарево на полнеба, тянет гарью — и я уже знаю: это полыхает приютившая нас деревня. Да, охота пошла всерьез.

Приходилось ли вам бегать в темноте по пересеченной местности, да еще в кольчуге? Настоятельно рекомендую, отлично укрепляет мышцы. Ветки хлещут по физиономии, под ноги, как нарочно, подворачиваются всякие скверные корешки и корни, плащ норовит зацепиться за кусты, колчан, словно подгоняя, лупит по заднице...В общем, все удовольствия.

Мы неслись, как скаженные, где-то полчаса, последние несколько километров Гельду мне пришлось буквально на себе тащить. А потом и у меня дыхание закончилось, мы повалились под дерево, переводя дух. Воздух — классная вещь, но иногда его так не хватает...

Сердце бешено колотится о ребра. А погони пока не слышно. Если вдуматься, ничего хорошего в этом нет, это означает только то, что мы обложены, как лисы в норе, и завтра нас начнут не торопясь выкуривать. Гельда, похоже, тоже поняла это:

— Ну вот и все, Мик.

— Похоже на то, — дыхание все еще сбито, голос хриплый. — Одно скажу: недешево им это обойдется, ох, как недешево...

Мы привалились спинами к дереву, сидя на одном плаще и завернувшись в другой, отхлебнули по паре глотков из моей фляги, потом Гельда положила голову ко мне на колени и моментально уснула. Натерпелась за последние трое суток. Я укутал полой плаща ее босые ноги, положил рядом с собой обнаженный меч и принялся набивать трубку.

Облава облавой, но вот одно плохо: табаку осталось до черта мало. Хотя завтра-послезавтра он мне едва ли понадобится — когда орденские до меня доберутся. Со стороны Забытого ветром доносит многоголосый лай. Значит, все-таки собаки...Это совсем плохо, они-то ни в чем не виноваты. А вот с людьми я бы поговорил, особенно с той сволочью, что деревню спалила.

Но Дикс какова скотина! Я его для начала тайком не заколол, что было б спокойней, потом — когда он в отрубе валялся, потом на тракте не пристрелил, а он меня в награду за это дважды обвел, как пацана. Наверно, в этом мире я пацан и есть...

Две тысячи золотых. Однако...Император платит за все. Ладно, я, может, и не первый меч Империи, и не самый выдающийся Чародей, но завтра у погони без жертв не обойдется. Самое гнусное — перед тем, как сам убит буду, придется прикончить этого галчонка — Гельду. Если она им живой попадется, так с нее и за меня взыщут. Вот так и не успел с ней толком побыть...И с Юрдом расставаться жалко. После того, как меня завалят наконец, его снимет с моей шеи какой-нибудь ублюдок-недоучка. Камень, конечно, неповторим, но ведь ему все равно, кому служить.

И тут приходит отклик на мои мысли от Юрда, словами это можно перевести как: "Ты так думаешь?"...Мне даже показалось, что я уловил нечто похожее на горькую усмешку. Вот это дела! Так мы еще повоюем, похоже — по крайней мере, завтра. Вот и получается, что погибну я довольно бесславной смертью. Передать ребятам предупреждение мне не удалось, охота на Пришлых состоится, и я буду первым ее объектом. Ничего. Странно, и весь мандраж куда-то пропал. В драке, наверно, и помирать веселей...Это вам не под грузовик угадать. Я не герой какой-нибудь, но и дубинкой в руках Даэла не стану. А ради этого, да еще ради той девушки, что спит, положив голову мне на колени, стоит умереть. Все-таки, выходит, спасибо Дэну: о такой смерти я и мечтал.

ГЛАВА 6.

Наверно, под утро я все-таки задремал, а разбудил меня громкий высокий голос:

— Эй, человек!

Я моментально оказался на ногах, подхватив меч и заслонив собой Гельду. Маловато во

мне осталось в этот момент от человека разумного — неандерталец, готовый до последней капли крови защищать свою жизнь и свою самку.

А тут, прямо скажем, есть, чего испугаться — метрах в трех-четырех от меня стоял, небрежно покручивая в руках две тонких сабли, здоровенный эльф в полном боевом наряде — коротком рыжеватом плаще и кожаном камзоле с нашитыми стальными пластинами. Это называется: из огня, да в полымя...

Вообще-то эльфы со спины напоминают длинных, под два с лишним метра, и неправдоподобно тощих людей, но лица сразу портят впечатление: желтая кожа, безгубые рты, подбородки почти отсутствуют, носы маленькие и напоминающие ястребиные клювы — и громадные, на пол-лица, почти без белков глаза. Напоминают таких големов из плохих фильмов ужасов. Есть в них что-то насекомое... Но в оружии они профессионалы, причем все. С эльфийками я, слава Аллаху, не сталкивался, но говорят, они от мужей не отстают. Да и чародейством эти эльфы владеют очень неслабо.

Мы замерли друг напротив друга, я все прикидывал, как бы мне половчей достать эльфа клинком, когда он снова заговорил:

— Не беспокойся, человек. Если б я убить хотел, я бы уже сделал это. Вы б и не заметили.

А кстати, почему я его не заметил? У моего Юрда на эльфов чутье просто сверхъестественное, да и я их отлично на расстоянии различаю.

— Логично, — согласился я, не опуская меча. — А почему ты этого не сделал?

Эльф оскалил мелкие желтоватые зубы — я не сразу догадался, что это улыбка:

— Да просто кровожадному и вероломному эльфу интересно, чем это занимаются в его лесу Чародей и ведьма.

Его лес? Он что — оседлый?! Бред какой-то. Не бывает оседлых эльфов, это любому полудурку известно. ладно, пока не буду на этом внимание заострять.

— Отдыхают, — буркнул я. — После трудов праведных.

— Так это вы вчера устроили тот небольшой тарарам на Забытом?

— А кто ж еще? Больше некому, вроде, — я оглянулся на Гельду — она смотрела то на эльфа — глазами испуганного котенка, то на меня — явно не понимая, почему это я не спешу рубить его в капусту и как это вообще можно — стоять и с ним разговаривать.

А тот постоял еще немного, не мигая глядя на меня, потом тряхнул длинными прямыми волосами цвета опавшей листвы и забросил оба клинка в ножны удивительно небрежным движением, снова оскалился:

— Что ж, понятно. Тех, за кем гонится орден, я не трогаю.

Я тоже опустил меч, но в ножны его убирать не торопился, кто их знает, эльфов этих... Ладно, он пока мирно настроен.

— Погоди-ка... А как получилось, что я тебя не заметил?

Эльф поправил шапку из нескольких полос вороненой стали с серебряной насечкой и коротко пояснил:

— Магия.

Все страньше и страньше... Насколько мне известно, эльфы и магия — вещи несовместимые, даже Чародеи из Ордена магией не занимаются, чтоб реакцию не притупить. Тем более, магия требует такой тщательности и скрупулезности, такого педантизма, что не всякому человеку под силу. А у эльфов, в ходу что-то вроде нашего чародейства, где главный закон — быстрота. Ну, в любом случае пока лучше во все эти тонкости не вникать.

— Ну что ж... Надеюсь, такому искусному магу не покажется оскорблением предложение позавтракать? — я широким жестом указал на траву, вбросил в ножны меч и занялся сумками. Гельда уставилась на меня так, словно я в Монаха превратился, эльф, кажется, вообще не удивился. Хотя я в их мимике не разбираюсь...

— Годится, — и он уселся на траву напротив Гельды.

— Да, — уведомил его я, — чтоб не возникло непонимания: я ведь тоже орденец, хотя

и бывший.

— Кто и кем был, меня не волнует, — отрезал эльф. Вы, люди, меняете кожу не хуже змей.

Ну как, спрашивается, к этому отнестись? Как к оскорблению или как к комплименту?

— И еще, — предупредил я, — нам могут весь завтрак испортить. За нами, видишь ли, погоня. Скоро здесь должны объявиться.

— Они здесь уже были, — невозмутимо информировал эльф.

Мы с Гельдой так и подскочили:

— Как?!

Эльф передернул худыми плечами:

— Пешком. Обшарили каждый куст, с собаками, еще с чем-то. Искали какого-то Меченосца. Не тебя ли?

— Меня...А почему не нашли? разве трудно...

— Я ж говорю — магия, — в голосе эльфа, кажется, прозвучало легкое раздражение. — Вечно вам, людям, надо все объяснять. На этой земле, если я захочу, заметить кого-то трудно.

Чудо чудное, диво дивное...А я что-то никаких эманаций не почувствовал. Гельда по-прежнему молчала, с подозрением щурясь на эльфа. Ладно, магия так магия, кто бы спорил, а я не стану.

— Итак, мое имя ты знаешь. Мою спутницу зовут Гельда, а тебя?

Эльф на секунду задумался, потом неторопливо сообщил:

— По-вашему, по-человечески, мое имя звучит, пожалуй, как Хельг.

— Ладно, Хельг, — промямлил я, набивая рот солониной и сухарями, — а зачем тебе их вообще понадобилось их от нас отводить?

— Ох, мне эти люди...Я же ясно сказал: я не люблю Орден. А потом, я такой же изгнанник, как и вы.

Ладно, условимся считать это вразумительным объяснением...

Но тут Хельг внезапно, одним движением, поднялся на ноги, заставив мою руку дернуться к рукояти меча:

— Осторожность не повредит. Пойду гляну на этих охотников еще раз, — и с этими словами он просто растворился в листве — совершенно бесшумно. Гельда тут же вцепилась в мою руку как клещ:

— Пошли, Мик! Вставай и пойдем.

Я мрачно усмехнулся:

— Куда?

— Куда угодно, только от эльфов подальше. Думаешь, он на разведку ушел?

— Может, да, может, нет. Только лучше попробуем его подождать, я как-то не горю желанием на засаду нарваться.

— Да он же сейчас толпу сородичей приведет! Ты этих эльфов не знаешь...

— Зато слишком хорошо знаю Орден.

— Эти эльфы — они коварные, как крысы!

— Знаешь, то же самое мне говорили о ведьмах.

Она прищурилась:

— Думаешь, я не коварна?

— Коварна, коварна, только успокойся. Деваться нам все равно некуда.

Гельда надулась и замолчала, я слопал еще пригоршню сухарей, отхлебнул из фляжки и принялся набивать трубку.

Ждать пришлось недолго. Эльф возник рядом так же внезапно, как и пропал. И как ему удастся настолько бесшумно перемещаться?..

— Осторожность была не напрасна. Они готовят повторную облаву. Что-то учуяли.

М-да, положение хуже губернаторского...Я поднялся:

— Ну что, Хельг, спасибо за компанию. Пойдем мы, пожалуй.

— И куда? — поинтересовался он. Я пожал плечами:

— На юг, вероятно. Попробуем прорваться.

— Не прорветесь, — безапелляционно заявил он.

— Значит, такая наша судьба... А ты нам что-то посоветовать можешь?

Он кивнул:

— Я даже могу пойти с вами. Если, — он насмешливо покосился на Гельду, — эльф годится вам в провожатые.

— Не соглашайся, — прошипела Гельда, я остановил ее жестом:

— Знаешь, в одном она права: мы должны знать, куда идем. Итак?

Он помялся, потом нехотя сообщил:

— Люди туда не ходят.

— Ладно, мы не совсем Люди. Чародеи все-таки. Так что это за путь?

— Через Зачарованный лес.

Ого себе! Тут даже я открыл рот. О Зачарованном лесе никто из орденских четкой информации не имеет, все на уровне слухов, но если хоть половина этих слухов правда — соваться туда прямое самоубийство... А Гельда — та просто взвилась:

— Ну нет, Мик! Куда угодно, только не туда! Уж лучше Орден!

— Я тебе сейчас такой Орден покажу... — мрачно посулил я. — Слушай, Хельг, насколько я знаю, оттуда пока никто не возвращался.

— Да — той же дорогой, что пришел.

— Мик, это ловушка, ты что — не понимаешь?

Да, как-то подозрительно все это... Хотя с другой стороны, если он решил с нами разделиться, стоит ли нас ради этого в Зачарованный заманивать?

— А что, в других местах не стоит и пробовать?

— У границы Зачарованного цепь слабей.

Пожалуй, логично. Ни один человек в здравом уме и твердой памяти к Зачарованному и близко не подойдет. Так что сильный заслон там ни к чему. Хотя кто его знает, с чем там придется столкнуться?..

— Ладно, а ты-то уверен, что мы оттуда выйдем?

К моему удивлению, эльф коротко ответил:

— Нет, — и прибавил после паузы: — Вдоль западной окраины ведет тропа, на ней безопасней, чем в других местах.

— И что за тропа? Кто по ней ходит?

— Почти никто. Вдоль нее укрытия стоят. Должны стоять, — поправился он.

М-да, звучит заманчиво... И неизвестно, выйдем ли, и укрытия эти непонятные, да еще и неизвестно, можно ли этому эльфу доверять...

— Извини мою недоверчивость, Хельг, но откуда мне знать — может, ты решил спасти свою жизнь, выдав орденцам нас?

Эльф стал оранжевым, потом взялся накрест за рукояти сабель, гордо выпрямился и отчеканил:

— Ложь и предательство изобрели вы, люди. Моему народу они ни к чему.

— Не обижайся. Я плохо знаю твой народ. Давай поставим вопрос иначе: для чего тебе рисковать жизнью ради двух людей, один из которых к тому же бывший орденец?

— Повторяю, человек, я изгнанник. И помимо долга, мне самому приходится уходить из этих краев в степи. Моей земли все меньше и меньше.

— Ладно, приношу свои извинения. По рукам? — я протянул ему руку. Некоторое время он смотрел на не, не понимая, потом аккуратно взял своей узкой четырехпалой ладонью:

— Странные обычаи у вас, людей. Это что — клятва такая?

— Вроде того. Гельда, собирайся.

Она так и подпрыгнула:

— Ты что — в самом деле туда идти собрался, ненормальный?

— Угу. С тобой. Ты сама пойдешь, или тебе по чайнику дать, а потом на себе переть?

— Я не понимаю...

— Что тут непонятного? Тропа, понимаешь? Вдоль нее укрытия стоят.

— Вы идете? — как ни в чем не бывало осведомился эльф. Шмоток у него — только маленькая поясная сумка. Да, судя по тому, что я об эльфах читал, поклажей себя обременять они не любители, даже припасы на себе не носят.

— Идем, — я подарил Гельде многозначительный взгляд. Хельг снова усмехнулся своей пугающей улыбкой:

— А твоя недоверчивая спутница пусть идет сзади с арбалетом. Если я вас попробую обмануть... Надеюсь, рука у нее не дрожит? — насколько я понял, для него это потрясающе длинный монолог...

— Не дрожит, — зловеще уверила Гельда.

— Ну, идем.

Гельда со вздохом покорила судьбе, усвоив, что со мной спорить бесполезно, мы взвалили на плечи наши мешки и двинулись в чащу.

Всю дорогу мы старательно изображали индейцев на тропе войны, минус дикие вопли. Правда, я не ахти, какой мастер незаметно пробираться в густом ельнике, но уж тут я изо всех сил постарался. Требовалось для этого в общем-то не много: я замыкал шествие, ступая след в след за Гельдой. А у нее на лице застыло чисто конвойное выражение, так что я во-первых, с трудом сдерживал хихиканье, во-вторых, постоянно опасался, как бы она ненароком не пристрелила Хельга. Эльф, естественно, тоже двигался абсолютно бесшумно. Когда мы миновали какую-то ему одному видимую границу, он предупредил:

— Здесь кончается моя магия.

После такого предупреждения даже я двинулся тише бабочки.

А идти пришлось недолго: Хельг жестом велел нам остановиться, пригнулся, двинулся вперед, сжимая кинжал, потом мотнул головой, подзывая нас. Мы двинулись вслед за ним туда, где между деревьев пробивался яркий дневной свет.

Так, вон он, Зачарованный, сотнях в двух метров. Сразу ясно, что он — даже при солнечном свете сохраняется над ним какая-то хмарь, отдельных деревьев не различить, но кажется, что они могучие, массивные, древние, приглядишься — опять сплошное синее-зеленое пятно...

Хоп, Ордынцев, приглядишься-ка лучше вон к тем пятнышкам, что по полю двигаются. Пусть меня вурдалаки покусуют, но это егерские плащи. Не меньше пятерых. Хотя я еще не всех вижу... Хельг дает последние ЦУ:

— Бежать к вон тому дереву, — указывает на высокую сосну с разбитой молнией вершиной. — Далеко не растягиваться.

— Сейчас. Пусть поближе подойдут, — одними губами отвечаю я, метательный нож перемещается из ножен в ладонь. Хорошо, что они Чародеев в эту цепь не поставили, а то б на раз рассекретили...

Один из передовых уже совсем близко. Молоденький парнишка, лет восемнадцать, щекастый, безусый, кровь с молоком, явно деревенский, из последнего набора. Эмоции, Майк. Нельзя. Сейчас или мы их, или они нас. И лучше все-таки мы их. И без сантиментов.

Выждав, пока парень приблизится метров на шесть-семь, стискиваю зубы и четко, как на тренировке, сажаю нож ему в горло, хватаюсь за рукоять меча обеими руками, бросаюсь вперед. Навстречу выскакивает еще один, вскидывает арбалет, тут же валится сам, замечаю только оперенную стрелу, торчащую у него из лба, словно нелепое украшение. Где-то слева надсадно и хрипло воет рог. Сейчас они все сюда слетятся... Задерживаюсь на секунду, наклонившись над трупом — вынуть нож — потом разгибаюсь, тяжелый кинжал с лязгом отскакивает от стальной пластины на кольчужной груди. Свезло...

Цепь, очевидно, сдвоенная — передо мной вырастает сначала один здоровяк в пятнистом плаще, потом второй, у обоих топоры и щиты. Уклоняюсь нырком от первого, прыжок влево, отбиваю удар секирой сверху, сшибая в сторону, с круга рублю по шлему,

пятнистый уворачивается, отскакиваю, чтоб не попасть под удар первого, его рот приоткрыт от напряжения. Приседаю, секира свистит над головой, рублю наотмашь по ногам. Есть! Не обращая внимания на крик, поворачиваюсь ко второму, наступаю, крутя клинком, заставляю его повернуться против света. Мельком вижу эльфа — тот рубится с тремя, причем ощущение такое, что он одновременно находится в нескольких разных местах. Мой противник меня пока не слишком хорошо видит, пишу мечом «восьмерки» вокруг него, во время оно мы с Малышом и Старым прогоняли «вертушки» и покруче. Ложный выпад, отбив, снова ложный — и рубящий удар снизу вверх! Белое и красное: кровь на запрокинувшемся лице...

Резко оборачиваюсь, против меня — никого. Где Гельда? Так. Здоровенный егерина повалил ее в траву, пытается завернуть руки назад, Мечом рискую ее зацепить. Подхватываю с земли секиру, два прыжка, на третьем, еще не приземлившись, бью с маху обухом по гребню шлема. Уфнул, отвалился.

— Живая?

— Слева, Мик!

Оборачиваюсь, как ужаленный. Вот так номер: Хельг, у которого только один противник остался, неожиданно валится спиной в траву. Оступился?.. А егерь заносит длинный меч, и добежать не успею... А секира на что? Упреждая удар, со всей дури швыряю ее. Эх, не умею — значит не умею, обухом прилетела. Егерь, однако, садится в траву и тупо пялится на секиру, явно не понимая, как она тут очутилась, да еще при этом его стукнула. Чувствую, как Гельда бросает Силу на тех, кто бежит к нам:

— Справа чисто.

— Молодец, — отвечаю коротко, дыхание надо поберечь. Влево — мощный Силовой посыл, направленный на обездвиживание. Вообще-то грязная работа: чтобы чистенько обездвижить, надо видеть объект. Но задержать — задержит. Плохо одно: Чародеям уже известно, где мы. Уж то, что тут пользуется Силой кто-то из нас, они поняли.

Эльф уже на ногах:

— Бежим!

Подхватываю за руку Гельду, несемся к опаленной сосне.

— Справа!

Поворачиваюсь на крик эльфа, вижу шестерых всадников, скачущих нам наперехват. Расстояние пока достаточное...

— Контакт! Подключайте Силу! — иначе их не остановить.

Контакт находится необыкновенно быстро, обычно на это требуется куда больше времени. Соединяем наши Силы в одну, в замкнутое кольцо. Работа с объединенной Силой вызывает обычно что-то похожее на эйфорию, но такого удовольствия, как сейчас, мне от этого получать еще не приходилось, хотя я работал и в паре, и в тройке. Чувствую стремительность Гельды, маневренность Хельга, сам я, как обычно, в роли тарана.

Несущиеся на тебя во весь опор всадники — есть ли зрелище красивее? Летят по ветру плащи и конские гривы, солнце играет на клинках и панцирях...

— Давай!

Швыряю во всадников Силу, сведя ее в увеличенный знак Щита, растянув на весь их фронт.

Эффект великолепный: повывлетали из седел все, кроме одного. Если б я его Силу не узнал, то уж его-то самого точно можно узнать: ярко-синий плащ, великолепная черная борода, на лбу — серебряный обруч Магистра. Удар огнем мне едва удастся погасить, некоторое время обмениваемся точечными ударами. Да, по сравнению с Даэлом я щенок... Даже имея в распоряжении нашу утроенную Силу, мне с трудом удастся сдерживать его атаки. Бросаю в него знак Силы, а потом, не дожидаясь ответа, свожу кисти рук в знаке Захвата.

Пропущенный мной удар вполне мог бы оказаться смертельным, но в момент его нанесения Даэл уже находился на полпути к земле. Иногда две ноги надежнее четырех: я

направлял знак не на Магистра, а на его лошадь. Согласен, нечестно, но у нас же не клуб единоборцев...Если б сил хватило, я б вообще коня вверх копытами поставил. Прессинг сразу заканчивается. Надеюсь, Дазл сломал себе шею...

— Ходу!

Несемся к лесу, где-то сзади остаются вопли и свист. Далеко, не догонят. бежим, пригнувшись, заячьими зигзагами. Гельда впереди меня неожиданно вскрикивает, летит ничком в траву, в один прыжок оказываюсь рядом:

— Что?

— Нога...

У нее из бедра, сантиметров на пятнадцать выше колена, торчит стрела, на сероватом холсте платья медленно расплзается темно-багровое пятно. Поднимаю ее, закинув себе на шею руку, Хельг подхватывает Гельду с другой стороны, тащим ее к лесу. Вот он, уже метрах в десяти...В пяти...

Сильный толчок в плечо, такое ощущение, что кто-то изо всех сил рванул его вниз, чувствую сползающую вниз по рукаву липкую горячую струйку. Зацепили-таки, жабы...Не успев выругаться, вскрикиваю — левая ладонь прошита стрелой, по счастью с краю, не между костями вошла...Еще три шага...Еще один...И над нами смыкается тишина. Мы вступили в пределы Зачарованного леса.

Тишина неприятная, как перед грозой, душная какая-то, давит на плечи, наваливается тоннами ваты. Тропа видна четко — даже в полумраке, царящем здесь, а слабый свет исходит явно не от солнца. Тропу стискивают мощные, не меньше обхвата, деревья, сизые от лишая или почти черные, листва неопределенного цвета, разные оттенки серого. Останавливаюсь, глядя на торчащую из ладони стрелу. Да, левую руку мне всерьез отключили...Хельг возмущен:

— Не стойте! Опасно! Тут укрытие рядом!

— Не могу я бегать, когда из меня две этих штуки торчат!

Эльф одним движением обнажает саблю, неуловимый взмах — и древко стрелы обрублено в десятке сантиметров от раны, следующий взмах — то же происходит со стрелой, попавшей в Гельду. Протягиваю левую ладонь, сжав правой древко стрелы:

— Сруби наконечник.

Удар, зазубренный раздвоенный кусок стали пропадает, зажмурившись, выдергиваю стрелу из раны, хватаю Гельду, из последних сил бежим дальше.

Успеваем пробежать метров сто, не больше, Хельг, что-то учуяв, орет:

— Сверху! — голос кажется заглушенным, как из-под земли. Вскидываю голову: на нас стремительно опускается черная кипящая туча, сбиваясь все плотней и плотней. Только приглядевшись обнаруживаю, что она состоит из живых существ — здоровенных летучих мышей, во всяком случае, эти твари на них похожи. На какой-то момент меня удивляет тишина, с которой совершается нападение, а потом на нас обрушивается чужая Сила, Сила этой стаи. Наши способности все еще объединены, мы стоим — все трое — спина к спине. Хельг еще успевает бросить:

— Они почуяли кровь, — а потом начинается бой. Мы раз за разом бросаем вверх круги огня, ограждая себя. Напасть они пока могут только сверху.

Теперь никакой эйфории и в помине нет, остается только борьба за существование, выматывающая все силы, мы действуем почти как автоматы. Нас освещают багровые сполохи, сверху — дождь обгорелых трупов, запах паленой шерсти почти невыносим. Одна из тварей медленно, крутясь в воздухе, как горящий лист, пролетает мимо меня, на какой-то миг вижу ее морду. Несмотря на отнимающее все силы напряжение, меня передергивает от страха и отвращения — морда напоминает человеческое лицо, вроде даже знакомое, но сведенное до неузнаваемости жуткой гримасой ненависти. Все происходит в странной глухой тишине, ни хлопанья крыльев не слышно, вообще ничего.

А потом тишина внезапно взрывается пронзительным многоголосым воплем, стая рассеивается так же внезапно, как и налетела.

— Быстро!

Пробежав еще с километр, мы внезапно свернули с тропы вслед за эльфом, спустились в какой-то окоп не окоп, подвал не подвал, Хельг рванул на себя тяжелую деревянную дверь, мы влетели внутрь, дверь захлопнулась. Ну и темно ж тут...

Я привалился спиной к стене, продолжая поддерживать Гельду и тяжело переводя дух. Гадство, левая рука вообще ни к черту, даже теперь дрожит. Слышу, как эльф возится с чем-то в темноте. Сначала затлел огонек трута, потом ярко занялся факел на стене, осветив внутренность землянки. Да, построено надолго... Бревенчатые стены и потолок, вдоль двух стен широкие лавки, у третьей — очаг, пол пересекает ручей, а в четвертой стене — дверца, непонятно куда ведущая.

— Кто ж это выстроил?

— Не эльфы.

— Понял... — я помог Гельде улечься на лавку. — Маленькая, давай-ка нашими дырами займемся.

Из нас троих дешево отделался только эльф — ему прострелили лишь плащ.

— Сейчас? — непритворно удивился он.

— Знаешь, Хельг, у нас, людей, есть такая неприятная особенность: иногда кровью истекать. Гельда, ногу свою починить сможешь?

— Да какой тебе целитель свои раны лечить может?

— Ч-черт... Ладно, что-нибудь придумаем. Хельг, ты-то лечить умеешь?

— Есть у меня одно средство... Не знаю, подействует ли на человека.

— Ну так давай его сюда!

— Его надо кипятком заваривать.

— Так за чем дело встало? Вода есть, уголь тоже...

— А ты его разжечь сможешь?

Да, что правда, то правда. Силы у меня сейчас не хватит даже на то, чтоб трубку раскурить. Уголь без дров не разожжешь, а вот их-то тут запастись и не догадались. Опять, значит, мне героя изображать — эльфа работать не заставишь...

— Ладно. Гельда, хоть руку-то мне подправить сможешь?

— Попробую. А ты что — собрался куда-то?

— За дровами.

— Нет, ты точно ненормальный! Жить надоело?

— Не стоит, — подтвердил эльф. — За нами кровавый след.

— А куда денешься... Действуй, Гельда.

Стрела, угодившая мне в плечо, находилась уже на излете, да и направлена была не слишком точно. с ладонью дело обстояло куда хуже, поэтому я первым делом протянул Гельде ее.

Да, Сила не только у меня на исходе — на то, чтобы кое-как затянуть мне ладонь и остановить кровотечение в плече, у Гельды ушло минут двадцать. А когда я увидел, что она побледнела, как перед обмороком, то поспешно отдернул руку:

— Не геройствуй, ворона! Что толку, если ты тут свалишься? Хельг, топор есть?

— Вон, в углу, — при этом он даже не дернулся помочь мне или пойти вместо меня. Вот они, эльфы. Все они в этом.

Гельда было попыталась еще раз наставить меня на путь истинный, но я отмахнулся и выкатился. Свой меч я, естественно, не оставил, но к моему удивлению, сожрать меня никто не пытался. Правда, ощущение, что за мной пристально наблюдают из-за каждого дерева, не пропадало ни на секунду. Меня колотил мандраж, плечо болело, словно расплавленным свинцом залитое, но нужную мне лесину я отыскал без приключений. Правда, свалить ее, пользуясь только одной рукой, оказалось делом далеко не простым — топор, хотя и острый, на такое не рассчитан, так что намахался я — будь здоров.

Но все прошло благополучно, наверно, потому что я не сходил с тропы. Кое-как оттяпав с упавшего дерева ветвистую верхушку, я всадил в него топор и взвалил на здоровое

плечо. Так, а теперь обратно. Вон оно и укрытие...

И тут бугорок, на вид такой надежный, предательски проваливается под ногой, пытаюсь высвободиться, но обнаруживаю, что ввяз уже по пояс и продолжаю стремительно погружаться. Бросаю лесину с тем расчетом, чтоб грудью лечь на нее, опираюсь локтями. Лес тем временем куда-то пропал, вместо него — болото, заросшее исполинскими сизоватыми хвощами, бурая жижа поднялась почти по грудь, и багровое солнце, непривычно большое, лупит прямо в глаза. Ч-черт, да не может быть того! не мог я из леса переместиться в какое-то мезозойское болото! Надо проснуться... Но смрад от болотной воды потрясаяще реален, реален жар от раскаленного солнца и гуденье гигантских насекомых. Нормальненько... Показать, как я буду вылезать... Пока положение ничем, вроде, не грозит, но не будешь же век так сидеть.

Из бурой воды в нескольких метрах от меня стремительно взлетает что-то тонкое и длинное, смахивающее на облепленный водорослями хлыст, сердце проваливается куда-то в желудок. Мать твою, да это ж шея чья-то! А вот и голова, малюсенькая и длинная, на первый взгляд — сплошная пасть, усаженная кинжалоподобными зубами. Ну и тварь! Дегенеративный плоский череп, черно-зеленая блестящая чешуя, малюсенькие безжизненные глазки цвета болотной жижи. Вот они как раз на мне сфокусировались. Приятного мало: интерес у этого монстра ко мне явно гастрономический. И что ж делать? Засев по грудь в болоте, попробовать вытащить меч? Как-то затруднительно. Кинжал? Сдается мне, им тут немного сделаешь. Остается Сила. Не знаю, боится ли эта зверюга огня... Ничего, обожжется — испугается... А она вон уже ко мне подбирается. Ладно, родная, будет тебе сейчас пообедать.

Выбрасываю навстречу зверю огненное кольцо, тот отшатывается с хриплым рыком, но тут же снова переходит в наступление. Да что ты будешь делать! Он что, и в самом деле огня не боится? Так, а мое огненное колечко вон уже ко мне приблизилось... Она теснит его! Ну нет, меня на такое не возьмешь! Голова раскалывается, Сила на пределе, удерживающая знак рука от напряжения сведена судорогой... А плоская голова все ближе, и мой огонь уже обжигает мне лицо, и вонь от дыхания зверя обволакивает...

— Мик! Меченосец, проснись! — вслед за этим — мощный удар чьей-то Силы по мозгам, на миг все завлакивает темнотой.

Ага, валяюсь я мордой вниз в траве, никакого болота и в помине нет, в воздухе гаснет огненное кольцо, а под грудью у меня — моя лесина. Поворачиваю голову: надо мной наклонились Гельда и Хельг. Хрипло выдавливаю из себя:

— А где зверь?

— Какой еще зверь?

— Который тут был.

Гельда даже возмутилась:

— Да никого тут, кроме тебя, не было! Приходим, а ты лежишь, весь белый, огнем садишь во все стороны.

Хельг, поправляя пояс с ножнами, коротко пояснил:

— Морок это был.

— То есть, мне все примерещилось?

— Почти так. Никто, кроме тебя, этого зверя не видел. Но вот если б он до тебя добрался...

— То есть, откуси он от меня половину, вы бы нашли только то, что осталось?

— Примерно.

М-да, если твое подсознание считает, что ты мертв, значит, ты мертв. А если оно считает, что у тебя откушена голова...

Гельда тем временем забеспокоилась:

— Пойдем-ка обратно в укрытие, тут что-то не так.

Действительно, не так: обернувшись, обнаруживаю, что нас взяли в кольцо Черные Монахи. Тянусь к мечу, но движения медленны, полное ощущение, что вместо воздуха

какая-то вязкая субстанция. Почему они не нападают? Нет даже того прессинга, который предшествует атаке с молниями. Юрд молчит. Почему Монахи не нападают, не понимаю. Они просто движутся по кругу, а в центре — мы. Так или иначе, но надо прорываться. Но каждое движение — как против ветра, перед глазами все плывет, боковым зрением вижу, как оседает на землю Гельда. Лес окончательно расплывается, единственной реальностью остается призрачный хоровод, он приобретает все более четкие очертания.

Внезапно, отделившись от шествия, одна из фигур замирает передо мной:

— Меченосец, ты слышишь меня?

— Да, знакомый голос. И внезапно я узнаю стоящего передо мной. Странно, ведь под капюшоном не видно лица...

— Борах?

— В прошлом, — его голос абсолютно бесстрастен.

— Но ведь тебя убили, — теперь я не слишком уверен в этом. А в голосе из-под капюшона звучит нечто похожее на сочувствие:

— Это тебе так кажется, Меченосец.

— Но ведь я сам видел твой труп, — я не испытываю ни малейшего удивления, последняя фраза — просто один из аргументов в споре.

— Ты видел только оболочку.

— Получается, что здесь — сущность?

— До некоторой степени.

Теперь для меня важнее всего на свете становится этот разговор, а что будет со мной и остальными двоими... Это уже второй вопрос.

— Борах, я всего навсего человек. Я своими глазами видел, как тебя убили Монахи. Я осматривал твоё тело. И теперь не могу понять, почему ты здесь?

— Ты решил, что меня убили, только потому, что видел мое тело? Но ведь это неважно. Я перед тобой, какие доказательства тебе еще нужны?

— Ты жив?

— В твоём понимании этого слова — едва ли.

— Тогда ты мертв.

— Ошибаешься. Меня просто подготовили к высшему служению. Тебе что ты принял за бой, и было этой подготовкой.

Да, в рамках этой подготовочки, оказывается, надо выжечь человеку внутренности. Но ирония здесь неуместна. Я должен все выяснить:

— Но кому же вы служите, Борах?

— Мы? Мы слуги вечной мудрости, высшей. Мы стоим над добром и злом. Когда ты видел меня в том состоянии, я ненавидел тебя, ты помнишь? Теперь я свободен от ненависти и любви. Я обрел мудрость и покой.

И тут наваливается на меня беспричинная, звериная какая-то тоска, я вдруг понимаю, что устал от всего, что было и что еще предстоит. Что мне нужен отдых, по возможности, вечный. Покой.

— Борах, странствия утомили меня. Нельзя ли и мне обрести мудрость и покой?

Тихо, но величественно, как в церкви вступает орган, голос Бораха становится еще более глубоким и проникновенным:

— Что ж, Меченосец, для тебя, пожалуй, путь не закрыт.

Наверно, это лучший выход — стоять над схватками...

— Что я должен делать?

— Отрешиться от всего, что привязывает тебя к земле. Принести в этом клятву, — теперь Борах повелевает. — Повторяй слова клятвы за мной...

Станный хоровод вокруг нас с ним притягивает, завораживает, все громче и громче звучит органная fuga... Странно, откуда в этом мире может быть кому-то известен Бах?

Резкий толчок в грудь. Досадная помеха. Еще один. Боль от него становится обжигающей.

Лес вдруг обретает прежние очертания, обнаруживаю, что стою, как столб, посреди тропы, а вокруг меня водят хоромы тени — абсолютно бесплотные, не представляющие никакой опасности. И интереса тоже.

А вот с ребятами не все благополучно: Гельда стоит на коленях, беззвучно шевеля губами, Хельг кружится на месте, сражаясь с видимым ему одному врагом — сабли мелькают, что твои пропеллеры. Прикасаюсь к Юрду и тут же отдергиваю руку — мой Камень раскален. На груди, наверно, ожог... Но ребят надо вытаскивать.

Первым делом подлетаю к Гельде, трясую ее, бью по щекам:

— Э, подъем! Приехали!

Нуль реакции. Своим шестым (чародейским) чувством понимаю, что просто взвалить ее на плечо и унести отсюда — не выход. Надо вытаскивать ее из объятий морока, или что там еще, прямо здесь, на месте. Ладно, мы пойдем другим путем... Сосредотачиваюсь, врезаю ей по мозгам со всей чародейской дури. Только вздрогнула. Что ж делать-то, а? Я сам только с помощью Юрда выкрутился. А если попробовать сработать через ее Камень? Я ж его более-менее знаю, хоть в руках держал...

Попытки с третьей мне удалось это сделать — Гельда тихо вскрикнула и обеими руками ухватилась за Камень.

— Вставай, маленькая. Надо убираться.

— Да... А что вообще было?

— Психическая атака.

— Какая?

— Неважно. Помоги-ка.

Соединив Силу, нам кое-как удалось выдернуть из забвения Хельга. При этом, правда, пришлось довольно бойко уворачиваться от его сабель, но мы провернули всю операцию настолько быстро, что я даже запыхаться не успел. Эльф, очнувшись, на расспросы и благодарности времени тратить не стал, просто встряхнулся, окинул нас быстрым взглядом и потребовал:

— Возвращаемся в укрытие. И быстро.

— Кто бы спорил... Только бревнышко возьми, я как-никак за него жизнью рисковал.

Что самое удивительное — эльф не стал спорить, хотя и особо доволен не был, так что до укрытия мы добрались без лишних приключений.

Измотались мы, конечно, до предела. Хорошо хоть рана у меня на плече не кровила, зато левая ладонь находилась в состоянии просто развратном. Через пять минут после того, как мы пришли, я уже развел огонь в очаге, повесил над ним котелок с водой.

— Ну, Хельг, где там твоё средство хваленое? А то Гельда сейчас кровью изойдет.

— Сейчас будет. Если, конечно, ведьма не откажется от помощи презренного эльфа.

— Пусть только попробует, — я сумрачно поглядел на Гельду. — Наверно, для начала надо стрелу из нее вынуть?

— Додумался! — в ее голосе прозвучала насмешка. — Да любой тебе нормальный целитель с этого бы и начал.

Меня очень сильно потянуло проехаться насчет ее нормальности, но я удержался. В конце концов, ей больно...

Эльф уже занимался своим средством. Перехватив мой выжидательный взгляд, он пояснил:

— Вы, люди, по-другому устроены. Вытаскивая стрелу, могу что-нибудь повредить, — а потом снова занялся варевом, от которого уже по всей землянке распространился достаточно гнусный аромат. Гельде он, однако, сказал больше чем мне:

— Так эльфы это тоже используют?

Хельг не удостоил ее ответа, я тоже молчал и крепился. Сейчас мне, похоже, предстоит дебютировать в качестве хирурга... Средство средством, но стрела-то зазубренная.

Ладно, глаза бояться — руки делают. Я прокалил над огнем кинжал, отплеснул из фляжки на рукав, протер его и протянул флягу Гельде:

— Пей. До дна, ясно?

— С чего это вдруг?

— Пей, сказано. Так, а теперь ложись. Буду из тебя эту хрень вытаскивать.

Она скептически хмыкнула, но все же улеглась на лавку лицом вниз. Да, еще свезло — наконечник, кажется, сидит неглубоко. Может, выдернуть? Так мало ли с чем я его выдерну? Изувечу девку, чего доброго... А если надрез? Чуть больше сантиметра в глубину... Ох, чем дольше собираюсь, тем сильнее лапы трясутся.

Я отрезал от плаща полосу, наложил жгут выше раны, потом легонько потянул на себя стрелу и сделал два коротких надреза. Не знаю вообще, как это у меня получилось, но зазубренный наконечник сразу вышел из раны. Я ж говорил — глаза боятся, руки делают...

— Ну, Хельг, где там твое снадобье? Тряпки для перевязки у меня в сумке.

Вдвоем мы наложили повязку, я вытер лоб рукавом:

— Ну вот, а говорят, из меня целителя не получится...

— Бараньи ноги тебе в тарелке целить, — проворчала Гельда, эльф заржал. Странное у него чувство юмора.

— Ладно, Хельг, а с моими дырами что делать?

— Сейчас.

С его помощью мне удалось стянуть кольчугу, кожаную куртку и тельник. Теперь, похоже, он не боялся вред причинить: когда я покрепче сжал зубы, ожидая, что он вытащит стрелу, эльф врезал изо всех сил ладонью по древку — так, что наконечник вышел с другой стороны. Я от неожиданности глухо взвыл. Вот она — современная полевая хирургия, пропасть бы ей! Но эльф приложил к ране непонятную растительность, смоченную в горячей воде, и боль слегка утихла.

Закончив с перевязкой, эльф объявил:

— Завтра — дневка здесь. Припасы тут есть, а раны быстро не срастаются. А сейчас — еще одна процедура, которая и мне не повредит, — он небрежно швырнул в угол пояс с саблями и ушел в непонятную дверцу, за которой, как я понял, находилась кладовка. Оттуда через пару секунд донесся его голос:

— На это вино здешние чары не действуют, — после чего он сам появился с наполненным до краев котелком.

— Пусть сначала сам пьет, — прошипела мне на ухо Гельда. Эльф услышал, усмехнулся (оказывается, я уже слегка разбираюсь в его мимике) потом всерьез и надолго присосался к котелку. Оторвавшись наконец, он передал его мне. Да, вино действительно что надо — темно-красное, густое, чуть терпкое...

— Откуда оно здесь? — поинтересовался я, передавая котелок Гельде. Хельг пожал плечами:

— Неизвестно. Просто есть оно тут, и все. И каждый раз бочонок полон.

— Хм-м... А хозяева не заявятся?

— Какие?

— Ну... Не знаю. Кто-то же припасы здесь обновляет?

— Не эльфы, — отрезал Хельг, явно считая тему закрытой. И тут Гельда, с неподдельным интересом разглядывавшая мою тельняшку, протянула:

— Полосатая... — сказано это было с таким наивным восхищением, что я поневоле заржал. Напряжение последних суток начало понемногу отпускать. Эльф некоторое время пялился на меня, не понимая, потом тоже заухмылялся — просто чтобы не отставать.

Отсмеявшись, я заявил:

— Вот что, родная. Напяливай-ка эту полосатую — она хоть и в кровище, зато теплая. И не такая драная.

— Ага. Отвернись.

— Лады. Хельг, по-моему, это вино горячим вкусней будет.

Минут через десять мы разогрели вино и расположились вокруг очага. Чудная

картинка: три заклятых врага по определению — эльф, ведьма и Чародей-орденец — сидят этак мило у камелька в самом гиблом месте на всем континенте и потягивают винишко... Гельда, уже переодетая в мой тельник, доходящий ей почти до колен, пристроилась рядом со мной, и моя рука ненавязчиво перебралась на ее талию. Эльф сосредоточенно полировал лезвие длинного кинжала. неожиданно он поднял голову:

— Ты потерял сегодня много крови, Меченосец. Может, не пожалеешь еще немного для меня?

— То есть? — вскинулся я, чувствуя, как напряглась Гельда. Вот это уже в самом деле смахивает на ловушку — каждый, кому хоть что-то о магах известно, знает, какую власть можно получить над человеком, имея в распоряжении хоть несколько капель его крови.

— Хочу смешать ее со своей, — просто ответил он. Вот оно что... Да, эльфа мне никогда не понять. Полностью непредсказуемый субъект.

Я важно кивнул:

— Согласен.

Эльф вынул из моей сумы сухарь, кинжалом надрезал себе запястье, я сделал то же. Когда наша кровь, смешавшись, пропитала сухарь, мы плеснули на него понемногу вина из своих кружек, разломали, обменялись половинами и швырнули их в очаг. М-да, теперь мы с ним связаны до смерти и вроде как братья — связаны молчаливой клятвой Хлеба, Крови, Вина и Огня. Она считается священной у всех разумных существ этого мира. Да, Майк... то есть Мик Меченосец, на отсутствие впечатлений жаловаться не приходится: стал Чародеем, рассорился с Орденом, связался с ведьмой, а напоследок еще и эльфа в кровные братья заполучил...

— Почему ты сделал это, Хельг? — уже прогресс: Гельда впервые назвала эльфа по имени. Тот помолчал, потом все же снизошел до объяснения:

— Мы все трое — изгнанники. Вы не побоялись пойти со мной.

Наверно, для него это достаточное обоснование. Ладно, кто бы спорил...

— Ну, за что нас преследуют, ты более-менее представляешь. А теперь, раз такие отношения установились, может, скажешь, за что изгнали тебя?

— Эльфы — народ воинов. Они не захотели терпеть в своих рядах труса.

— Че-го? — Гельда подалась вперед. — Это ты — трус?!

— Действительно, ерундистика какая-то.

— У разных народов разные понятия о том, что считается смелостью.

Эльф не стал вдаваться в детали, а я не стал лезть к нему в душу. Захочет — сам расскажет... Я тем временем уже порядочно окосел и повернулся к нему:

— Знаешь, в моем мире несколько иные представления об эльфах.

— В твоём мире?

— Ты что — Пришлый? — эльф и Гельда заговорили одновременно.

— Ну да, а что — это так важно?

— Да мне-то все равно.

— Ну так что у вас там об эльфах рассказывают? — заинтересовался впервые Хельг. Я неторопливо раскурил трубку и принялся рассказывать.

Согласен, в моем изложении «Сильмариллион» и "Властелин Колец" выглядят достаточно убого. Но тем не менее, слушали меня не прерывая, Гельда — та даже рот приоткрыла, как ребенок, увлеченный сказкой. Эльф на протяжении рассказа глядел, не отрываясь, на горящие угли. Когда я закончил и потянулся за кружкой, он снова подарил мне пристальный взгляд:

— Интересно... Одно, управляющее всеми... Эльфы не используют эти блестящие камушки, которые вы таскаете на шее. С ними такое возможно?

— Едва ли. Но вот то, что Магистр Даэл знает имя моего Камня может сказаться.

— Ты ему сказал? Зачем? — Гельда недоуменно нахмурилась.

— Да не говорил я ему. Сама знаешь, как в Ордене заведено: один дело делает, двое за

ним смотрят, чтоб крамолы не вышло. Ладно, кто как, а я спать.

Хельг расположился на одной лавке, мы с Гельдой на другой, укрывшись моим плащом.

— Если что, тут еще одно одеяло есть, — предупредил эльф из темноты.

— Ничего, мы и так обойдемся, — пробурчал я, он хмыкнул и отвернулся.

Когда, по моим подсчетам, время уже приближалось к утру, я решил, что теперь и в самом деле можно немного поспать. Гельда, примостив голову у меня на плече, пробормотала:

— Так и знала, что этим кончится...

— Ну, во-первых, все еще только начинается, — благодушно отреагировал я. — Во-вторых, тебе что — не понравилось? И, наконец, вопрос на засыпку: чем, по-твоему, может закончиться длительная совместная прогулка по лесам симпатичной юной ведьмочки и верзилы-ратника?

Она, по-моему, собиралась изложить свои соображения на этот счет, но тут пробудился Хельг и, не prodрав толком глаза, принялся распространяться о целебных свойствах бочонка.

Короче, наша дневка растянулась на два дня: раны у нас с Гельдой зарастать не спешили. Мы с эльфом самоотверженно бились с обитающим в бочонке зеленым змием, Гельда, подвернув рукава тельника, чинила свое платье и комментировала эту процедуру довольно ехидно, тем более, я после третьей кружки уже рвался наружу — громить лиходейских тварей. Но эльфа я тем не менее перепил.

ГЛАВА 7.

С гор ползет сырой липкий туман, да и вообще прохладно. Мы втроем примостились у догорающего костра возле западной окраины Зачарованного, где-то в полукилометре от тракта, ведущего через перевал. До сих пор не верится, что выбрались живыми... Хельг, по своему обыкновению, занимается оружием, Гельда дрыхнет, завернувшись в свой и мой плащи, а я покуриваю. да время от времени ворошу мечом тлеющие угли, ловя остатки тепла.

Шли мы через Зачарованный дней шесть, хотя в таком месте понятия "время суток" и «расстояние» становятся весьма условны: даже на тропе, по уверениям Хельга, относительно безопасной, можно топать полсуток и видеть впереди себя один и тот же пейзаж без малейших изменений — а можно покрыть пару километров за один шаг, причем от тебя это абсолютно не за-висит. Очень, доложу вам, неудобно.

Сам переход если и вспоминается, то как какой-то бесконечный кошмарный сон. Две ночи нам пришлось провести вне укрытия — тут уж даже при воспоминании волосы шевелятся. Гельда уверяет, что я после этого не поседел. Чистая случайность, разумеется. Чего стоил хотя бы налет «покойников»! Эльф до сих пор считает, что это мороки, но воняли они, надо сказать, очень натуралистично. Еще ночь мы просидели в убежище без сна — где-то неподалеку со страшным грохотом ворочалось и изредка взрывалось что-то громадное. Эльф утверждал, что это дракон, но у меня как-то желания пойти и проверить не возникло.

Есть, конечно, в ситуации и светлые моменты: выйдя из Зачарованного, мы не напоролась ни на погоню, ни на облаву. Пока, во всяком случае. Хотелось бы верить, что Даэл и компания вообще решили, что мы сгинули в Зачарованном. Во всяком случае, кого-то там отследить невозможно, насколько я знаю. Но тут надеяться надейся, а сам не плошай — впереди еще переход через Свинцовый, да и в Гэлфосте орденцев хватает. И эльфов там тоже не жалуют. Так что особо прохладиться не стоит.

— Пойду до тракта прогуляюсь, разведая, — я поднялся, разминая занемевшую спину.

— Один? — эльф закинул саблю в ножны и тоже дернулся идти.

— Сиди уж... Я все равно — одна нога здесь, другая там.

— Приключений ищешь?

— Какие уж тут приключения... Как-то не тянет на засаду нарваться. Да и эту даму, —

я кивнул на Гельду, — одну не оставишь.

Эльф пожал плечами и снова занялся своей саблей. Я проверил, легко ли ходит в ножнах меч, еще раз поежился от холода и двинулся к тракту.

Почти рассвело, жгуты тумана тянутся через кустарник и чахлый сосняк. Ветку башкой заденешь — и готово — ледяной душ. Штаны от росы вымокли насквозь уже через полминуты. Но это-то как раз ерунда, а вот то, что ощущение какое-то нездоровое намечается — это уже похуже. Не конкретная опасность покуда, а так, холодочек неприятный вдоль хребтины. А Чародеями, что характерно, здесь и не пахнет, на ближайшие несколько километров в этом плане все чисто. А вон в той ложбинке должен уже начаться тракт. Вот гадство, осыпь — невысокая, но все же не хотелось бы на тракт кувырком спускаться. Хотя осыпь — это понятно, считай, уже предгорья Свинцового начались...

Сбежал я по осыпи довольно гладенько, не споткнувшись. Тракт, вроде, пуст... И тут все тот же холод вдоль спины, ставший вдруг отчетливым, да еще Юрдов сигнал "Опасность!" заставили меня развернуться, выхватывая меч в отчаянном пируэте за полсекунды до того, как мягко топотнули по утрамбованной земле копыта.

Прыжок спас — легкая пика проходит, кажется, в паре сантиметров от моего бока, зато я-то оказался развернут мордой аккурат к солнышку. А тот, который меня на пику попытался насадить, разворачивает коня, выходит на вторую попытку. Рожи не видно, на нем шлемак с боевой маской. А вот намеренья сомнений не вызывают, надо же — ни здрасьте, ни начхать, сразу за оружие... Не на того напал, парниша! Короткий удар Силой в знаке Захвата, на лошадь действует не хуже подсечки... Парень приземляется на ноги, вижу нестерпимо яркий блик на лезвии тяжелого боевого топора. Вот это выучка! В рукопашке мне против такого не сдюжить...

Пытаюсь встретить противника ударом меча, кое-как парирую удар — и обнаруживаю, что нахожусь в полете. Таких пинков я давненько не получал... Камни осыпи на момент вышибают из меня дыхание, а тому, в шлеме, до меня два прыжка. Значит, время еще есть... Свою кисти рук в знаке Молота, парня сшибает на землю, откатывает. Затих. Ох, ненадолго это... Ладно. Недооценивает он Чародеев. Пока он не оклемался, успею принять кое-какие меры. Вон и деревце подходящее. Повалить его аккуратно, чтоб этому гаду ничего не сломать — пара пустяков, зато без моей помощи он оттуда не выберется, заявляю со всей ответственностью. Топор у него достаточно далеко отлетел, это меня вполне устраивает — попытайся он мне еще раз башку снести, чего доброго, придется укокошить. А вот пока он в отрубе валяется, погляжу-ка я, как он выглядит, и вообще, неплохо бы узнать имя этого шутника и кто он такой.

Со словами:

— Ну, Гюльчатый, открой личико, — я перерезал кинжалом завязки шлема. Так, вот это уже номер. Цирковой.

Я судорожно сглотнул слюну и снова взгляделся в лицо упавшего, надеясь, что тут какое-то недоразумение. Но никаким недоразумением здесь и не пахнет. Жесткое, с массивным подбородком лицо, нос отставного боксера, темно-русый ежик волос... Этого типа я уже встречал, причем не где-нибудь, а на базе у озера, в компании Малыша и Старого. Называется он — Друг Апачей. Бывший морской пехотинец, причем, как я понял из разговора с Малышом, какой-то шибко крутой. И едва ли он в вольные добычки подался, у нас, Пришлых, это ремесло сильно не в почете. Но ведь он-то должен был меня узнать! Он же в хибаре у озера не меньше суток отсиживался, и видел меня предостаточно, а когда солнце мне в морду светило, просто обязан был разглядеть. Может, он проткнуть меня решил именно потому что узнал? Он что — на два куска золотом польстился?!

Пока я раздумывал, Друг Апачей потихоньку пришел в себя. Я неторопливо уселся по-турецки на землю метрах в трех от него и принялся набивать трубку. Закончив, я прикурил от знака Огня и миролюбиво предложил:

— Побеседуем?

Он коротко буркнул под нос что-то явно ругательное и попытался выбраться из-под

поваленного ствола. Наивный!

Я наблюдал за его барахтаньем, покуривая и стараясь казаться спокойным, но потихоньку начиная закипать. Что, в самом деле, за фигня? Я из-за Пришлых, то есть и из-за него в том числе, своей шкурой рискую, а он тут решил подзаработать и выпендриться — Даэлу мою башку доставить!

Он брыкался и рыл землю конечностями еще минут с пять, потом выдохся и затих, буравя меня взглядом. Я снова обратился к нему, стараясь говорить ровным и спокойным голосом:

— Решил заработать?

Он послал меня.

— Или перед Орденом решил выслужиться?

Друг Апачей ответил целой облойкой ругани, причем самым мягким выражением там было: "ведьмак паршивый", и тогда меня тоже прорвало. Я поднялся и подошел к нему почти вплотную:

— А теперь слушай сюда, морпех. Я очень не люблю, когда меня убивают, так что придется тебе тут подохнуть. Сам я рук марать не буду, просто повернусь и уйду. А ты попробуй отсюда вылезти. Заодно познакомься поближе со стервятниками и волками, — честное пионерское, стоило бы так поступить! Сочувствия к этому типу у меня нет ни малейшего. Не будь у меня чутья чародейского, моя голова бы уже болталась у его седла, и никаких угрызений он бы по этому поводу не испытывал. Две тысячи монет — это, по меньшей мере, пара лет безбедной жизни... И ведь со спины напал, сволочь... Честно говоря, мне вдруг все показалось до ужаса ничтожным.

Я уже повернулся, чтобы уходить, когда он выкрикнул мне в спину:

— Если так, то хоть без чародейских шуточек!

— Шуточек, говоришь? — я круто обернулся. Не то что бы выговориться захотелось, просто не привык вот так запросто людей давить. — А кто из нас первым шутить начал? Этак в шутку меня проткнуть попробовал? Мог бы хоть поздороваться... — против воли я почувствовал на своей физиономии кривую усмешку. Друг Апачей мрачно глядел на меня исподлобья. Нет, надо хоть выяснить...

— Ну ладно, давай разберемся. Ты же знал, что охота на Чародея — дело смертельное?

— Знал, — буркнул он.

— Так теперь не стони. Раз считал, что награда того стоит...

— Да, стоит! — рявкнул он.

— За две косых?!

— Черта там две косых! Жизнь в любом мире по своему выбору!

Блямс! Мне даже пришлось потрясти головой. Это что ж получается — Орден поднимает ставки? Или, что вероятней, лично Даэл?

— Ну-ка, бледнолицый брат мой, с этого места, пожалуйста, подробнее, — я снова уселся на землю. — Это тебе Магистр посулил? Или Император?

— Институт.

— Какой еще, к чертовой матери, Институт? — ошалело пробормотал я, он заметил мое замешательство и даже позволил себе усмешку:

— Ладно, не мочи мне рога. Сам прекрасно знаешь.

— Да нет, не знаю. Но сейчас узнаю, — закончил я, многозначительно глядя на него. Парень он явно битый, дважды объяснять ему не пришлось:

— Что ты хочешь узнать? Учти, секретной информации у меня нет.

— Что за Институт такой?

— Институт экспериментальной истории.

Ага, что-то вырисовывается. Эксперимент, стало быть... Даэл говорил о чем-то похожем.

— Подробности, бледнолицый брат мой. Чем они занимаются?

Он выкатил на меня глаза, не понимая, как это можно быть не в курсе таких

элементарных вещей:

— То есть как это — чем?! Перебросом.

— Ты ведь, как и я, смертник?

Он, кажется, решил, что я давлю на совесть:

— А сам-то ты не хочешь перестать им быть?

— Я не об этом. Тебя сюда забросил этот самый Институт?

— Именно.

— А ребята с базы тоже на них работают?

— Ну да. Я ж там был.

Вот так-так... Значит, акция от Ордена независимая? Проверим...

— А что тебе известно о Магистре Дазле из Ордена?

— Ничего.

— А если подумать?

— Я о Магистрах вообще ничего не знаю, кроме того, что они обруч серебряный на лбу носят.

— Допустим. А кто принял решение меня убить?

— Не знаю.

— Но ты работал по приказу, причем конкретному?

Он даже обиделся:

— Конечно!

— Кто его передал? Лично ты его от кого услышал?

— От эмиссара Института.

Заколдованный круг какой-то... Это что ж получается — на меня натравливают этого дикого морпеха как раз те, из-за кого я в контры с Орденом ввязался? Если так, все выглядит очень неприятно.

— Его имя?

Друг Апачей, похоже, врубился, что я не собираюсь его убивать:

— Сам должен знать, он всеми смертниками заведует.

— Имя! — прорычал я.

— Дэн.

Подобное мне пришлось до этого испытать только раз в жизни — когда Дэн показал мне мою смерть там, в Н-ске. Вот, значит, как...

— Такой примерно моего роста, волосы светлые, в очках? — тупо уточнил я. Друг Апачей кивнул, потом зло улыбнулся:

— Не ожидал?

— Не ожидал, — мрачно подтвердил я. — Историческая, стало быть, экология... Он как-то это мотивировал?

— Ну, говорил, что ты диверсант какой-то или шпион.

— Чей?

— Тебе лучше знать.

Если бы... Непонятно как-то. Он меня сюда и закинул, а теперь — здравствуйте, с Новым годом, я, оказывается, диверсант. А до того был кондотьером. Я даже нервно хихикнул, Друг Апачей недоуменно на меня поглядел. Ладно, продолжим наши игры, как говаривал Лаврентий Палыч...

— Замнем для ясности. Как ты меня вычислил?

— Знал, что ты пойдешь в этот лес. А из него дорога одна — к горам.

Вот так пирожки с котятами... Оказывается, меня отыскать — как два пальца об асфальт...

— И давно ты узнал, куда я пошел?

— Дня четыре.

— И от кого?

— От Дэна.

Опять замкнутый круг. Ладно, попробуем зайти с другого конца:

— А что он конкретно сказал? Ему нужен я?

— Не-а. Твоя голова, — любезно уведомил мой собеседник. Еще не легче. Кокнуть, значит, без предварительных переговоров.

— Так. Ладно, тебе, во всяком случае, головы моей не видать. А из Пришлых много народу за мной пущено?

Он передернул плечами:

— Не считал.

— Ты не в курсе — Малыш со Старым не пошли?

Он отрицательно мотнул головой. Уже лучше. Но, господа хорошие, что делается-то?! Оказывается, любой из тех смертников, ради которых я тут колочусь, постарается с меня башку снять, прежде чем я успею что-нибудь рассказать? Нет, ну его на фиг, такое счастье! А вот с Дэном я бы на эту тему побеседовал...

— Значит, каждому, кто меня добудет, такая же награда, как тебе?

— Наверно, так.

— Хм-м... — я накрутил бороду на палец. — А знаешь, для тебя возможность на этом деле нажиться еще не совсем потеряна. Сейчас я тебя отпущу.

Друг Апачей удивленно приподнял брови, я передразнил его:

— Что, не ожидал? От матерого диверсанта...

Мы усмехнулись одновременно, оценивая мою матерость, потом я продолжил:

— Ну так вот, я тебя отпускаю, возвращаю тебе оружие и коня. По всем законам ты мой должник. И должен будешь кое-что сделать.

— А именно?

— Устрой мне встречу с Дэном. Где-нибудь на нейтральной территории.

— Это где же?

— Твои проблемы. Я из него постараюсь выбить что-нибудь для тебя. Но учти, если будет что-то вроде засады твоей — тебе хана. Обещаю.

— Усек, — нехотя сообщил он. — Где тебя найти?

— Я сам тебя найду. Через наших. А теперь вот что: сейчас прямым ходом, никуда не сворачивая, жмешь к торианской границе, а там ребятам на нашей базе, — я выделил слово «нашей», — передашь для Дэна следующее: Магистр Западной Цитадели Ордена Даэл является Пришлым. Работает, как я понял, не на Институт, на кого конкретно — не знаю. Так вот, самая важная часть: институтские приколы с исторической экологией очень мешают ему жить, в этой связи он собирается открыть сезон массового отстрела Пришлых. Меня он на это сватал, я не согласился, и потому Чародеи из Ордена меня сейчас повсюду ищут.

— И откуда информация? — чуть скептически осведомился он.

— От самого Даэла. Он опасается за свое инкогнито, так я себе это представляю.

— Доказательства? — полное ощущение, что роли поменялись — Друг Апачей, несмотря на то, что находился в прежнем положении брюхом на земле, прижатый деревом, спрашивал теперь деловитым тоном большого босса.

— Когда нас тут всех перещелкают, как вшей, такого доказательства достаточно будет? Мое дело — передать, а ваше — позаботиться, чтоб меня оставили в покое.

— За всей этой котовасией Орден стоит?

— Без понятия.

— Ладно, раз такие дела — вытаскивай меня отсюда.

Ну нет, со всякими милыми розыгрышами хватит с меня и Дикса:

— Не так быстро. Сперва маленькая формальность.

— Какая еще? — нахмурился он.

А вот теперь мне на руку сыграет то, что Орден свои секреты от людей, к чародейству непричастных, очень бережно хранит. Нормальный человек представления не имеет о том, что мы можем, а что нет, так что маленький блеф меня подстрахует.

— Держи, — я перебрросил ему кинжал, на секунду задержав его в воздухе. — Теперь

надрежь руку и поклянись, что исполнишь все, как я сказал. Мне нужны гарантии.

— Какие еще гарантии? — попробовал возмутиться он.

— Просто после этой процедуры, если ты попробуешь меня швырнуть, я тебя найду очень быстро. И рад ты этому не будешь.

— А если откажусь — что тогда?

— Волкам тоже что-то жрать надо.

Он задумался примерно на минуту, потом решил:

— Ладно, — надрезал запястье и твердо произнес: — Клянусь.

— Вот и чудно, — я нарочито небрежным жестом вычертил знак, поднял дерево и протянул руку, помогая ему встать. По-пытайся он сейчас меня уложить, я бы на таком коротком расстоянии и за малый промежуток времени сделать ничего не смог, но блеф сработал — он не пытался.

— Значит, до встречи?

— Ага, — согласился он. — Удачи я тебе желать не буду. Но желаю выжить.

— Принимается, — невесело усмехнулся я. — Коня отыщешь?

— Отыщу, — пообещал Друг Апачей, свистнул и двинулся на восток, откуда тут же донесся приглушенный топот копыт.

Я тупо пялился ему вслед, пока он не скрылся, потом присел на обочине и потер лицо ладонью, пытаясь привести мысли в порядок. Покурить бы сейчас... Но ведь и от того жмыха, который в этом мире за табак выдают, осталась пригоршня мелкого мусора, дающего кислый дым... Ладно, на данном этапе это не самая серьезная проблема.

А вообще, если попробовать в ситуации разобраться, все еще может не так худо обернуться, если мой несостоявшийся убийца даст знать ребятам или Дэну о том, что я разведаль. А с другой стороны, все может прийти и в более пакостный вид — до того, как я свалил из Ордена, мне почему-то никаких диверсионных наклонностей не приписывалось. И вообще, чем дальше, тем меньше мне вся эта петрушка нравится — за то время, что я провел на базе, мне удалось кое-что понять, в частности, то, что с нашим братом, смертником, фактически не церемонятся и уж давно не обещают наград. Хотя обещать — еще не значит жениться... Но так или иначе, а все оборачивается серьезней некуда, и самое разумное — драпать куда-нибудь, где можно залечь на грунт. Вообще-то для такой цели идеально подходит Зачарованный, но во-первых, с меня тамошних приключений хватит на всю оставшуюся жизнь, а во-вторых, это не подойдет ни Хельгу, ни Гельде. А значит, не подойдет и мне — нас теперь очень много связывает. Например, то, что мы все вынуждены бегать и от чужих и от бывших своих.

Нет, но этот морпех-то каков! Ладно, награду за меня хорошую положили, но он же меня видел, и мог догадаться, что из меня никакого диверсанта не получится никогда в жизни. И ведь надо ж, расстались почти друзьями, ручкой друг другу сделали. так трогательно, аж в носу щиплет... И ведь не один он такой. Я-то ладно, я простой богемистый раздолбай, имеется в виду, «там», а вот ребята, которых за мной послали, обучены получше. А есть еще и Орден, где приказ на счет меня отдан вполне понятный, есть две тысячи золотых, от которых не откажется не только ловчий или егерь, но и любой вшивый феодал или романтик и чудака с большой дороги... Чем дороже оценили твою голову, тем дешевле стоит твоя жизнь. Сентенция однако... Хвилософия, чтоб ее.

Уловив — не глазами — какое-то движение на той стороне тракта, я вскочил и потянулся было к рукояти меча, но узнал эльфа. Через пару секунд он появился в пределах видимости, имея в одной руке нож, приготовленный для броска, а другую держа на рукояти сабли, следом показалась раскрасневшаяся от бега и сосредоточенная Гельда с арбалетом, они скатились по осыпи в тучах пыли — и тут увидели меня. Гельда с возмущением повернулась к Хельгу:

— Мы думали, с ним стряслось что-то, а он тут прохлаждается! — и тут же с тревогой осведомилась у меня: — Ты не ранен?

— В самое сердце, — гордо объявил я, встав в трагическую позу. — погоди, я сейчас

все объясню, только не перебивай. Буду краток.

Гельда с сомнением покачала головой, но все же приготовилась слушать.

— На самом деле все довольно банально. Меня опять пытались убить.

— И где труп? — деловито осведомился эльф, оглядывая окрестности.

— Ушел, — я виновато развел руками. — Я ему кое-какое задание дал.

Гельда поначалу приготовилась обрушиться на меня, но я скроил такую невинную рожу, что она только рукой махнула:

— Как всегда... Кто хоть был-то?

— Да так... Старый кореш.

— Кровный враг? — нахмурился эльф.

— Не совсем. Так что, други, ситуация вкратце такова: чем быстрее и дальше мы отсюда окажемся, тем лучше.

— Так я и знала, — Гельда подошла вплотную ко мне и вцепилась в мои рукава, глядя мне в глаза снизу вверх. — Что случилось, Мик? Я же знаю, что-то совсем плохое.

Есть у нее такая особенность — угадывать, что у меня на душе творится... Так-то я обычно бодрячком прикидываюсь... Но тут я маску сбросил:

— Ничего особенного. Сейчас нами, а конкретно мной, занялись еще и Пришлые, — я вздернул верхнюю губу в усмешке. По-моему, она у меня не получилась — Гельда встревожилась, кажется, еще больше. Но, что ценно, промолчала, только провела ладонью по моей щеке.

— Мы по тракту пойдем, или как? — вмешался эльф, не терпевший никакой лирики. Гельда отпустила мою куртку и повернулась к нему:

— А другого пути все равно нет.

— Тогда пошли.

— Ага. Вы, ходоки-альпинисты, припасы-то где оставили?

— Наверху, — Гельда указала подбородком на гребень осыпи. — И ходить далеко не надо.

— Ладно, будем держаться обочины. Патрули тут эльфов почему-то не слишком любят.

— Годится, — кивнул Хельг с легкой насмешкой. До сих пор считает нелюбовь к эльфам признаком общелюдской тупости. Хотя вслух не высказывает — и на том спасибо...

Да, за мешками далеко ходить не надо, в горах не жарко, и тракт пока чист... Все просто дивно, особенно если отвлечься от мысли, что сейчас по нашему следу идет целая свора профессионалов — снайперов, мастеров скрадывания, асов рукопашного боя... Убийц.

Ладно, нечего стонать. Я теперь и сам убивать обучен. К тому же, нас здесь трое, и все владеем как Силой, так и оружием. И вообще, пусть сперва догонят.

ГЛАВА 8.

По тракту мы топали почти до вечера, при любом подозрительном шорохе или чародейском ощущении сворачивая с обочины. Мы-то с Гельдой ладно, а вот Хельг в любом встречном определенно возбудит подозрения — несмотря на то, что он ссутулился под плащом и надвинул капюшон на самые глаза, сходство его с человеком весьма относительное. Пару раз нам действительно пришлось пережидать конные патрули горных егерей — оба шли на север, в Империю. Хорошо хоть, Чародеев там не оказалось — тогда бы нам точно пришлось драться.

Дорога с каждым часом все ощутимей забирала в горы и становилась все менее и менее ровной, так что идти было тяжело, а под конец еще и неприятно. Во-первых, тракт сузился теперь метров до пяти, и по бокам его теперь громоздились каменистые откосы, изрезанные промоинами. Сразу как-то наводит на мысли о засаде. А во-вторых, на те же мысли постоянно наводит еще и ощущение слежки — почти как в Зачарованном. На нежить это непохоже, на что-то живое, включая Чародеев, — тем более. Не знаю, как там остальные, но меня подобные штучки всегда из колеи выбивали, так что когда Гельда, шедшая впереди,

внезапно остановилась, я вздрогнул:

— Что такое?

— Не слышишь? Погоня.

— Снизу по тракту, — подтвердил эльф. — Может, и за нами.

Нравится мне эта неопределенность...Если нас увидят, долго разбираться вряд ли будут.

— Далеко до них?

— Лиги полторы.

Это в километрах меньше десятка. Может, успеем удрать. Но меня другое смущает:

— Ребята, еще и впереди не все чисто.

— Кто?

— Понятия не имею. Ладно, потопали. Может, найдется, куда свернуть, переждать.

Долго мы не прошли: где-то метров через двести воздух над нашими головами прорезал хриплый короткий командный вопль, на обоих склонах впереди нас выросли фигуры в егерских плащах с арбалетами наизготовку. Не меньше шести, да еще на склонах чуть впереди чувствуется с десяток. Тот же хриплый голос рявкнул:

— Эй, вы! Именем короны, оружие на землю! Проверка!

Гадство, заморочились с этой непонятной Силой — и проворонили прямую опасность...

Я поправил обруч на лбу и гаркнул:

— Ты что, ослеп?! Не видишь, с кем разговариваешь?

Замешательство оказалось недолгим, с левого склона прогремел другой голос:

— Там эльф!

Черт бы его подрал, остроглазого!

Фигуры на склонах вскинули арбалеты, а потом вдруг начали вести себя как-то странно: махать руками, метаться, падать...Один громыхнулся со склона метрах в двух перед нами, из спины у него торчала пара длинных стрел с зеленым оперением. Я еще и сообразить-то толком ничего не успел, как произошла следующая странность — со скал на тракт посыпалось что-то вообще неопишное.

Бывает такое — события вдруг начинают раскручиваться, словно обезумевшая часовая пружина и следуют друг за другом так быстро, что даже следить с трудом успеваешь, а уж осмысливать их — что-то вообще нереальное. И самое скверное — что ты сам принимаешь во всем этом хэппенинге самое активное участие...

В общем, не успел я выругаться, как на тракт мячиками скатилось около дюжины человекообразных уродцев самого разного размера и габаритов, одетых в живописные лохмотья и вооруженных короткими копьями. Нас моментально взяли в кольцо. Та самая Сила, что покоя мне не давала, исходит именно от них. Причем как-то непохоже, что они умеют ей пользоваться...

Один из этих симпатяг — молодчик ростом с сидящую собаку, зато поперек себя шире, заросший по самые глаза редкой белесой шерстью — остановился перед нами и, глядя куда-то вдаль над моим плечом, выговорил неожиданно фальцетом:

— Сдавайтесь. Вы наши пленники. На скалах лучники.

Разит от него почему-то плохо выдубленной кожей...

— Смена караула, — пробормотал я. — Слушай, Хельг, это вообще что за зоопарк?

— Это Прокаженные, — бог ты мой! Эльф приобрел светло-кофейный оттенок. Наверно, так они бледнеют. Первый раз вижу испуганного эльфа. Похоже, дело и впрямь пахнет керосином.

— Что за Прокаженные?

— Так их зовут, севшим голосом растолковала Гельда. — Они из своей долины обычно не выходят.

Вразумительное объяснение, ничего не скажешь. Но ребята так перепугались, что на большее явно не способны.

— Ладно, этот красавец не врет насчет лучников?

— Думаешь, у него на это ума хватит?

Да, вонючий предводитель явно умом не блещет. Зато копьё держит уверенно, а жало у копыя — в ладонь шириной, да еще, сдается мне, хорошейковки...

— Так что — капитулируем?

Хельг медленно кивнул, Гельда подтвердила:

— Деваться некуда.

Я повернулся к вожаку, стоящему в той же позе и с тем же отсутствующим видом:

— Не стреляйте, мы сдаемся.

Тот коротко отмахнулся длинной волосатой лапой в массивном серебряном браслете, со склонов грянулось еще с полдесятка ублюдков, один другого страшней, у нас отобрали оружие, скрутили руки за спиной и поволокли наверх. Там и в самом деле обнаружилось еще несколько уродов, запомнился мне только один, с копной волос до земли. Предводитель прошелся кавалерийским шагом, оглядывая нас, его пороссячьи глазки остановились на Гельде, шестипалая мохнатая длань легла ей на плечо, скользнула ниже... Ох, родной, зря ты такие штучки проделываешь поблизости от меня!

Каблук армейского ботинка четко впечатался ему в подбородок, без особого, впрочем, ущерба. Он отлетел на полметра и сел на землю, очумело моргая. Я было ожидал за свой демарш стрелы в спину или на худой конец удара по морде, но скопище уродов приветствовало неудачу своего вожака глухим уханьем, очевидно, обозначающим смех. Потом заушмылялся и сам пострадавший. Да, какое-то подобие чувства юмора у этих кретинов есть... Добился я, правда, только того, что нам связали еще и ноги, потом гориллоподобный здоровяк взвалил меня на плечо, как мешок с картошкой и куда-то поволок. Через десяток метров он, похоже, что-то вспомнив, установил меня на валун и завязал мне глаза какой-то грязной тряпицей. Позади глухо и яростно выругался Хельг — очевидно, с ним проделали ту же процедуру. А потом меня опять вскинули на плечо, и в ушах только ветер засвистел.

Мы ехали — если, конечно, это можно так назвать — больше двух часов. От Прокаженных фонило так, что засечь направление с помощью Силы возможности не было никакой. Правда, Гельду и Хельга я чувствовал, но слабо. Несколько раз на нашем пути встречались отвесные скалы — это я определял по тому, что меня без всяких там китайских церемоний подтягивали кверху за пояс, так что мне несколько раз пришлось довольно ощутимо приложиться к камням затылком. От типа, который нес меня, разило даже не козлом, а вообще каким-то непонятным зверем, плюс к этому он передвигался очень неровными прыжками, так что у меня, кажется, все внутренности перемешались.

Наконец нас, опять же, как мешки с картошкой сбросили на что-то твердое и корявое, типа древесных корней, потом с моих глаз сдернули повязку, и я уперся взглядом в сереющее небо. По левую руку от меня обнаружилась Гельда, по правую Хельг, помятые и недовольные. Те, кто нас приволок, уже куда-то смылись, только в десятке метров от нас у ярко горящего костра приткнулись на корточках четыре фигуры с копьями. Ладно, раз есть корни — должно ж и дерево быть...

Кое-как мне удалось усесться, привалившись к нему спиной, ко мне через некоторое время присоединились Гельда и эльф.

— С прибытием, — мрачно поздравил я. Гельда привалилась к моему плечу:

— Зачем мы им, Мик? Что они собираются делать?

Потрясающая непосредственность! Лично я об этих прокаженных впервые услышал позже, чем их увидел.

— Спроси что полегче. Может, они по свежей человечине соскучились. И по эльфятине.

— Они не людоеды, — на полном серьезе откликнулся Хельг.

— И не эльфоеды... Как у них тут с человеческими жертвоприношениями?

— Тогда зачем им я? — буркнул эльф. Гельда впала в задумчивость.

— Ладно, чего гадать, — подвел я итог. — Не для того ж нас зацапали, чтоб мы тут валялись.

Мы дружно заткнулись, но тут стряслось еще одно неприятное происшествие: откуда ни возмись, налетела целая стая местных скво, еще более страшных, чем их самцы, и взялись за нас, не откладывая. Гарпии в сравнении с ними — просто образчик красоты, а самка шимпанзе — английская леди. Их намерений я до конца не понял, Гельду они, судя по всему, собирались раздеть и сравнить с собой, предварительно оттрепав за волосы, а к нам с Хельгом, нимало не обинуясь, полезли в штаны. Четверка у костра никак не отреагировала, так что пришлось взяться за дело самому, благо оказалось несложно: маленький толчок Силой по мозгам, и вся стая рассосалась с пронзительным визгом. Да, простецкие тут у них нравы...

Мы просидели в таком же положении еще час, не меньше, изредка перебрасываясь односложными фразами — обстановка несколько к беседам не располагала. К тому же, начал накрапывать дождь, так что когда за нами пришли трое уродов, я был почти счастлив. Нам развязали ноги и куда-то погнали, подпихивая копытами пониже спины.

Выяснилось, что дерево, под которое нас сперва свалили, находилось за пределами поселения, впрочем не так уж и далеко — через пару сотен метров мы уже брели, увязая в грязи, по кривеньким и неровным... язык не поворачивается назвать это улицами... поселка Прокаженных. Конечно, я в состоянии преотвратном, так что на архитектурные красоты мне плевать, но при виде жилищ меня дрожь побрала, хоть в полутьме много и не разглядишь. С меня хватило и того, что мельком увидел: хибары из глины, слепленные, как бог на душу положит, а положил он криво, вспученные и щербатые стены словно поражены какой-то дурной болезнью, слепые дыры окон... А запах! Какой-нибудь коллекционер вони оказался бы тут на верху блаженства: только представьте себе коктейль из ароматов выгребной ямы, чеснока, отбросов и гниющего мяса с примесью кислятинки и тухлятинки! Короче, я всю дорогу сражался с тошнотой, остальные, судя по всему, чувствовали себя не лучше.

Наконец воздух стал чуть чище — судя по тому, что пространство вокруг расчистилось, мы вышли на главную площадь или что-то в этом роде. К площади этой примыкала только одна мазанка, судя по виду, относительно чистая, в нее-то нас и втолкнули. И в этот момент я почувствовал чужую Силу — странную, абсолютно мне непонятную. Не то что громадную, нет. Просто как бы просвечивающую тебя насквозь, проникающую до костного мозга. Еще я уловил испуг Гельды, но мы даже взглядами обменяться не успели.

Единственным достойным источником света в хижине оказалась коптящая масляная лампа, подвешенная к потолку на цепях и находящаяся в десятке сантиметров над массивным грубым столом, из-за которого поднялся нам навстречу высоченный — выше меня — кряжистый старикан в черной хламиде. У меня язык бы не повернулся назвать его уродливым — одно слово, страшен. Высокий лоб мыслителя, короткая и жесткая седая грива, волевой подбородок — но левый глаз закрыт громадной бородавкой, огромные, низко посаженные уши — словно крылья нетопыря, нос свисает чуть не до подбородка. Силой он владеет, это дважды два, но источником той непонятной Силы явно является не он. Поток пронизывающей мощи исходит откуда-то из темноты. Приглядевшись, я различил фигуру женщины, сидящей к нам спиной. Значит, хозяйка Силы — она. Учтем...

А старикан продолжал молча разглядывать нас, единственный глаз смотрел пронзительно и жестко. Мне даже стало не по себе, а потом вообще возникло желание испариться. Когда оно потихоньку стало перерастать в навязчивую идею, одноглазый нарушил молчание:

— Эльф, ведьма и Чародей, — голос гулкий и хриплый, как боевой рог. — Я приветствую вас в долине Прокаженных.

— Ради этого ты нас сюда и приволок? Спасибо, — по идее, мои слова должны были заключать в себе злейшую иронию, но ей-богу, в такой ситуации трудно что-то достойное

измыслить.

— Не совсем, — он улыбнулся устрашающе и недобро. — Извините, что не спешу развязать вам руки. Просто опыт учит меня не слишком доверять эльфам и ведьмам, а в особенности — орденцам. Отлученным орденцам. А еще в особенности — Пришлым, Мик Меченосец.

Нормальненько... Вот оно — бремя славы.

— Ну, не доверяешь, а зачем сюда-то тащить? Шли, никого не трогали... — осторожно вмешалась Гельда.

Женщина, сидевшая спиной, теперь повернулась к нам. На вид довольно молодая, лет двадцать пять. Симпатичная. Пожалуй, даже красивая — странной такой, бесплотной красотой: тонкое лицо, очень белая кожа, черные волосы... Елки-палки, да она же слепа! Там, где положено быть глазам — две впадинки. Вмятины. Такое ощущение, что глаза там и не планировались.

Старик помолчал, потом ответил медленно:

— Я расскажу вам об этом. Вряд ли вам это понравится.

— Это уж не твоя забота, — буркнул эльф.

— А вот откуда тебе известно, что я отлученный, да к тому же еще и Пришлый? — попробовал внести ясность я.

— Неважно. Ты видел мой народ, Мик Меченосец. Как они тебе показались?

— Честно говоря, красотой не блещут. Не обижайся.

— Что толку обижаться на правду? — дед обращался ко мне, полностью игнорируя остальных. — И это еще не все. С каждым годом рождается все больше слабоумных. Моя дочь, — он подбородком указал на женщину, — редкое исключение, к тому же владеет Силой.

— А мы-то тут при чем?

— Мой народ вырождается. В ваших силах помочь остановить это.

Час от часу не легче... Смахивает все это на дебильную сказочку. Сейчас меня попросят погарцевать на сером волке, потом спереть где-нибудь канистру живой воды...

— Не понимаю. Мы ж не целители.

— Обычные целители тут бессильны. Речь идет о генетическом заболевании.

— А что такое... — заинтересовалась было Гельда, я оборвал ее:

— Помолчи. Откуда тебе известно о генетических болезнях?

— Мы — Прокаженные — мутанты — потомки Пришлых. Мой отец сам был Пришлым. Тогда тут оказалась целая колония.

— Каким образом?

— Не имеет значения.

— Все равно не понимаю, Мик, — вступила Гельда. — Нас сюда силой притащили...

— Спасли от егерей, — напомнил старик.

— Пусть. А теперь мы должны помогать. Главное — чем?

Старик помолчал, пожевал губами, потом решил сразу взять быка за рога:

— Вы должны остаться здесь.

— Как?! — похоже, мы трое хором задали этот вопрос.

— Очень просто. Вы будете связаны кровной клятвой с этой землей и никогда ее не покинете. Мы не люди, мы Прокаженные, хотя многие из нас владеют Силой, но большинство слабоумны. Но это мой народ, и я в ответе за него. Правда, я уже стар, а моя дочь — женщина. Моему народу нужен будет новый правитель.

Я ошалело потряс головой:

— Ты что — имеешь виды на меня? Вот так, вне конкурса, в короли?!

— Слишком много чести для тебя, Меченосец.

— А что тогда?

— Нам нужна свежая кровь, мы слишком долго варились в собственном соку. Сами понимаете, вы будете разделены. Ты станешь мужем моей дочери...

— С какой это стати?! — вспыхнула Гельда, я помалкивал, огорошенный таким поворотом темы. Вот это предьявы, ни хрена себе...

Старик соизволил ответить на вопрос, хотя по-прежнему говорил только со мной, словно остальных здесь и не было:

— Ты — Пришлый, а значит, должен помочь. Это из-за вас мы гнием здесь.

— Допустим, но при чем тут мои спутники?

— Вот именно — спутники. Ведьму мы отдадим кому-нибудь из наших воинов, найдется что-нибудь и для эльфа.

Я в некотором охренении переваривал его слова. Это уже номер! Никогда не любил платить по чужим счетам, а тут вдруг ни с того ни с сего — пожалуйста бриться. "Шура, заплатите за кефир", — сказал Беня Крик, приставив ствол к голове кассира...

Наконец меня хватило на то, чтоб осторожно осведомиться:

— А если мы откажемся?

— Тогда мне придется убить вас, — просто ответил старик. Черт бы его подрал, козла одноглазого! Конечно ничего не скажешь, дочка у него симпатичная, но не настолько же, чтоб ради нее отправить Гельду в постель какого-нибудь здешнего бабуина! Да и меня в этом зоопарке всю оставшуюся жизнь торчать тоже не поманивает... А с другой стороны, скажи я сейчас: «нет», и смертный приговор подписан не только мне, но и Хельгу с Гельдой. И, самое похабное, они-то в эту историю влетели из-за меня.

— Если я соглашусь остаться, ты отпустишь ведьму и эльфа?

Старик только головой покачал, потом прибавил:

— Таковы наши законы.

Законы у них, видите ли!..

Я глянул на Гельду, она чуть заметно покачала головой. Хельг пробурчал:

— Присоединяюсь.

Одноглазый пожал плечами:

— Ну что ж...

Я напрягся, ожидая удара. Кой-кого я постараюсь с собой прихватить. Это вам, господа Прокаженные, не егерей долбать...

— Подожди, отец, — слепая девушка вступила в разговор совершенно неожиданно. Я уж было подумывал, что она не только слепая, но и немая. Голос у нее оказался на удивление низким, даже с легкой хрипотцой. — Ты забыл упомянуть о третьей возможности. По нашим законам, у них есть право на суд Испытанием.

— Наши законы я знаю не хуже тебя, — сварливо ответил старик. — Этой возможности я могу их лишить.

— Даже если я прошу предоставить им шанс? — голос негромок, но возражений не предусматривает. Одноглазый папаша набрал было в грудь воздуха, собираясь заартачиться, но дочка пресекла попытку в зародыше:

— Я часто ошибалась на твоей памяти?

— Нет, — с видимой неохотой признал старик.

— А теперь у меня есть причины просить об этом.

— Ладно, — сдался одноглазый. — Кто из них должен пройти испытание?

— Минуточку, — вмешался я. Мало ли чего они подсунуть мне могут?.. Девушка, вроде, настроена не агрессивно, по крайней мере, а вот папаша — тот с первого взгляда меня возненавидел. — А что за испытание?

Старик усмехнулся:

— Просто тебе предстоит встретиться в поединке с одним из наших лучших бойцов.

Всего-то навсего...

— И если я побеждаю?..

— Ты и твои спутники получаете свободу и любую посильную помощь.

— А...наоборот?

— Тогда они снова оказываются перед выбором.

Я повернулся к своим:

— По-моему, относительно честно, — и старику: — Согласен.

— Смотри, — остерегла Гельда, — думаешь, тебе ничего не подстроят?

— Разберемся. Надеюсь, мне не придется только ногами драться?

Одноглазый попытался изобразить любезную улыбку, отчего выглядел так, словно укусил хлебнул:

— Нет, конечно, — после чего посмотрел на дверь, петли тихо скрипнули, кто-то, бесшумно приблизившись сзади, разрезал веревку у меня на запястьях.

— Оружие? — поинтересовался я, разминая кисти.

— Ножи. Без доспехов.

Уже хуже. Нож я только метая хорошо, а в поножовщине никогда силен не был. Случая как-то не представлялось... Одноглазый злорадно дополнил:

— И еще одно: во время боя ты не должен пользоваться Силой.

— То есть как?!

— Очень просто. Если вздумаешь ей воспользоваться, будешь немедленно уничтожен. А вот твоих спутников тогда ждет смерть менее приятная. И более длительная.

Час от часу не легче. Ладно, где наша не пропадала...

— Тогда дело за малым: оружие и противник.

— Будет, — одноглазый снова метнул взгляд на дверь, на пороге возник здоровенный, почти с меня, длиннорукий микроцефал. Ну и рожа! Оба глаза одним пальцем можно выставить, шнобель в зачаточном состоянии...

Старикан обратился к нему, указывая на меня:

— Когда я тебе скажу, ты убьешь этого человека ножом. Но только когда я скажу. Понял?

Тот оскалится, обнажив крупные желтоватые клыки. Ну и улыбочка!..

— Так вот, этот воин не обладает умом. Как он при этом ножом владеет, ты скоро узнаешь. А насчет оружия... — старикан извлек из-под стола небольшой плоский ящик. — Выбирай.

Выбор оказался достаточно богатым. Порывшись немного, я отыскал то, что должно подойти лучше всего: нож с футовым примерно клинком, до половины лезвия обоюдоострый, тяжелый, с приличным балансом.

— Ну, ты готов?

— Не совсем, буркнул я, стягивая кольчугу и подкольчужник. Подумав немного, я стащил и тельник. Затем перешнуровал тщательно ботинки, заправил волосы под обруч и за уши. Почти все.

— Камень тебе тоже придется снять, — сообщил одноглазый. Это уж совсем плохо — нормальный Чародей себя без Камня ощущает как без руки или ноги. Ну да ладно. Авось, небось, да как-нибудь. Я строго предупредил старика:

— Если с Камнем что-то стряется, пеняй на себя.

Ладно, последний штрих. Я поднял с пола плащ, плотно обмотал его вокруг левой руки, оставив свободно свисать довольно приличный кусок ткани.

— Это еще зачем?

— Надеюсь, чародейством это не считается? — огрызнулся я. Гадство, опять идти с кем-то драться! Кто бы знал, как мне это надоело... Да еще, очень возможно, на сей раз меня убьют — не выставят же против меня слабака. Вот и попал в гладиаторы...

Я потрепал по плечу Хельга, коротко чмокнул Гельду, потом повернулся к слепой девушке:

— Я хочу поблагодарить тебя сейчас, госпожа. Потом просто может не получиться.

Она поднялась и ...полное ощущение, что она на меня посмотрела! Потом тихо и твердо произнесла:

— Желаю тебе удачи, Мик Меченосец.

— Теперь я просто обязан победить, — я выдавил из себя «мужественную» улыбку и

вышел на улицу, остальные потянулись за мной.

Прокаженные, не знаю уж, как, явно в курсе предстоящего матча, и набралась их целая куча. В основном, конечно, рыла, почти звериные рожи, освещенные чуть не сотней мигающих факелов. Одно или два — лица. Не человеческие, но лица. Змейство, а дождь уже хлещет во всю... Я зябко поежился. А вот и мой супостат. Стоит себе, морда довольная, длинное лезвие в руках так и мелькает. Да, будет мне поохотаться... Черт, дурдом какой-то: я ж его в первый раз вижу, и вот, пожалуйста, должны мы с ним друг дружку ножами резать...

— Не спускать глаз с эльфа и ведьмы! Если они попробуют помочь, убейте их, — это одноглазый адресовал не столько своим, сколько нам. Надеюсь, ребята не попробуют жертвовать собой...

Я вошел в образовавшийся круг, меня встретили гробовым молчанием. Да, козел старый наверняка и психологический фактор учел... Ну, это уж детские штучки...

— Готовы? Давай! — и мы закружились, меся ногами раскисшую под дождем глину.

Первый круг. Проверка нервов, обмен намеками на выпады. Держим оружие клинками к себе, движемся мелким перекрестным шагом. На сближение не идем. Ложный выпад. На это меня не купишь... Взмахиваю плащом, пытаюсь достать глаза противника. Не выходит. Еще круг, обмен ложными выпадами, короткими замахами. Слизкая глина противно чавкает под ногами, багровый отсвет факелов пляшет на клинках. Микроцефал неожиданно бьет клинком сверху от груди. отшибаю его руку, пробую захлестнуть клинок плащом. Безрезультатно. Тут боец классом повыше меня. Перехожу в атаку, ножом его не достаю, но мне удается пнуть его по колену. Все равно что статую пинать... Долго мне не продержаться... Круг, еще круг, напряжение нарастает. Следующую атаку отражаю с трудом, наношу ответный удар снизу. Отбито. Сверкающая льдисто-голубым и огненно-красным сталь внезапно возникает в опасной близости от моего левого бока, поворачиваюсь, сбивая руку с ножом вниз, лезвие с каким-то мокрым скрежетом чиркает по ребрам. Достал, гад! Не смотреть, не обращать внимания... Толпа вокруг взрывается оглушительным воплем. Кровь почуяли. Стервы. Мокрые волосы облепляют щеки, по ссутуленной спине стекают струйки дождя. Круг. На ботинках глины по пуду, не меньше. Снова атака, отбиваю, левой рукой, обмотанной плащом, бью в серое пятно лица. Только скользнул. Нож выныривает откуда-то снизу, поворачиваюсь боком, уходя от удара, чувствую, как сталь входит в бедро, сантиметров на десять, не меньше. боли пока нет, но нога сразу слабеет, начинает дрожать. Еще круг, обмен ложными выпадами, микроцефал пока не атакует. Да и зачем ему? Я, можно считать, у него в руках, достаточно выждать, прока я ослабею от потери крови, а потом нанести единственный удар, второго уже не потребуется. Торопиться ему некуда. Голова уже начинает кружиться, наверно, потому, что кружим, не переставая... Толпа вокруг молчит. Стая. Только не упасть, упадешь — разорвут. Надолго ли меня еще хватит? Нет. Пора действовать. Пошатываюсь, делая вид, что споткнулся, противник прыгает вперед, занеся нож для смертельного удара, захлестываю плащом его руку, наступаю на ногу бью локтем в грудь, получаю по физиономии — и наношу короткий удар вверх от груди. Вижу только, как из маленьких глазок микроцефала уходит жизнь, потом из перерезанного горла меня обдает потоком липкой и горячей крови. Только не упасть! Упадешь — разорвут, не дадут подняться... Толпа Прокаженных вопит, беснуется. Где-то тут были Гельда и Хельг... Не вижу ни фига...

Делаю вялое движение рукой, пытаюсь отстранить плавающие перед глазами черные пятна. Что они, в самом деле? Разлетались... Но пятна исчезать не желают, они становятся все больше, закрывая обзор.

А потом под щекой оказывается мокрая глина.

ГЛАВА 9.

— Порядок, сейчас должен в себя прийти, — так, это про меня. Это я сейчас должен в себя прийти. Самочувствие мерзейшее, даже глаз открывать не хочется. А вот голос

знакомый. Где-то я его слышал, еще до того, как свалился мордой в глину. Это ж Гельда! Пора очнуться. Легко сказать, а вот как это сделать, когда все тело болит? В особенности левый бок и бедро. Ага, это я ножом получил. Но не будешь же так вечно валяться...Ладно, с богом.

Открываю глаза. Да, действительно Гельда, сидит рядом со мной на топчане, покрытом какой-то доисторической шкурой и приводит меня в порядок. С трудом разлепляю спекшиеся губы:

— Привет, — ну и голосок, самому противно. Тонкий, хриплый...На лице Гельды появляется подобие улыбки:

— Живой...Ты хоть помнишь, что победил?

— Более-менее...Мой Камень.

— Здесь, — руки эльфа выныривают откуда-то сзади, держа Камень за цепочку, надевают его мне на шею.

С Камнем я сразу почувствовал себя лучше — настолько, что сумел даже сесть и оглядеться. Ага, а козел одноглазый тоже здесь. Значит, я в той же хижине. А вон и слепая девушка. Одноглазый предводитель Прокаженных выглядит даже слегка подобревшим, протягивает мне глиняную чашу:

— Выпей.

В чаше оказалось, насколько я понял, какое-то вино, настоящее на травах. Вкус странный, но не неприятный, а действие сказано не замедлило — мне полегчало настолько, что я смог спустить с топчана ноги. Ну ладно, раз в сказку угадал, говорить и действовать надо соответственно, тем более, хоть я и победил, но и политес при этом забывать не след.

Я поднялся. Ого, штормит основательно, пол, кажется, до сорока пяти градусов раскачивается. Наконец я утвердился на ногах и обратился к слепой:

— Ты спасла наши жизни, госпожа, а я даже не знаю твоего имени.

— Зови меня Ильмирой, — негромко произнесла она, потом попросила: — Подойди ко мне, Мик Меченосец.

Кажется, Гельда издала какой-то звук, похожий на сдавленное хмыканье, но я приблизился к слепой, опустился на одно колено и поцеловал ей руку:

— Я благодарю тебя, Ильмира.

Она, кажется, смутилась.

— А ты знаешь, что никто до сих пор не целовал мне руки?

А потом неожиданно горячие пальцы прошли по моему лицу — очень длинные и тонкие пальцы, у любой другой женщины это выглядело бы почти уродством.

— Да, ты действительно красив, Мик Меченосец, — наконец высказала она свое заключение. Теперь настал мой черед смущаться. Меня, с моим космополитским шнобелем, короткой жесткой бородой и татарскими скулами назвать красивым...Хотя по сравнению с любым представителем местного обезьянника я действительно красавец писанный.

Она бессильно уронила руку обратно на колени, я еще немного постоял рядом, потом отправился к топчану и натянул тельник. Терпеть не могу своими шрамами щеголять, да и не жарко.

— Ну, Меченосец, испытание ты прошел. — одноглазый буравил меня взглядом. Теперь скажи, какую помощь ты бы хотел получить?

— Для начала — еду, — я вдруг почувствовал, что зверски голоден, буквально до рези в желудке.

— Так все уже готово, — действительно, на столе успело появиться блюдо с чем-то дымящимся и аппетитно пахнущим. Я взревел, как разъяренный динозавр, и ринулся жрать.

Некоторое время за ушами у меня так громко трещало, что я ничего не видел и не слышал, а мои спутники от меня не отставали. Одноглазый ничего не ел, только потягивал из большой кружки и наблюдал за нами с легкой улыбкой, которая его ничуть не красила. Покончив с едой, я вытянул ноги и занялся трубкой. Табака остались жалкие крохи вперемежку с каким-то пухом и мусором, но какие мелочи! У меня даже хватило Силы на то,

чтобы поджечь его, одноглазый поморщился. но смолчал. Гельда и эльф, кажется, тоже были на вершине блаженства. Как все таки мало нужно человеку для счастья, даже если он не человек, а эльф...

Наконец одноглазый нарушил молчание:

— Ну, так ты готов к разговору? — прозвучало это скорее как утверждение. Я молча кивнул. Повисла очередная неприятная пауза, потом я наконец осведомился:

— А у кого я эту помощь прошу? Неудобно говорить с человеком, не зная его имени.

— Зови меня Этелредом. И выкладывай.

Вот так, и никак иначе... Что-то не улавливаю я логики в ситуации, хоть убей. То он нас к себе приволок, неизвестно, на кой — не рассчитывал же он, в самом деле, что я на его дочке женюсь! А теперь не терпится ему от нас побыстрее и подешевле отделаться, это ж невооруженным глазом видно. Ну, раз он пообещал, теперь так просто ему от меня не отвертеться...

— Ты можешь доставить нас к Торианской границе?

Он с деланным сожалением покачал головой:

— Слишком далеко. В лучшем случае — на южный тракт, ко второму перевалу.

— Хорошо. А возможен такой вариант, что мы у тебя с недельку отсидимся, пока меня столь активно искать не перестанут?

— Мы, Прокаженные, не даем убежища людям.

Забавно получается. А Гельда с Хельгом помалкивают. Ильмира тоже замолчала, похоже, всерьез и надолго. Все к тому, что мне в одиночку этот разговор вести. Этелред, скотина одноглазая, словно физическое удовольствие получает, обламывая меня. И что я ему сделал?..

— Ну так какую ты можешь вообще помощь оказать? А то тебе о чем ни спросишь, все невозможно, — я отложил погасшую трубку и в упор уставился на него.

— Могу поделиться кое-какой информацией. Тебе ведь это важно?

Информация — это, конечно, здорово, только смотря какая. Меня-то интересует, как побыстрее и без потерь добраться к западной границе... А может, и не стоит мне туда соваться? В конце концов, Малыш со Старым тоже из Института, а награду за меня никто пока не отменял. Так что в первую очередь надо искать способ утрясти эту маленькую неувязочку, пока братья-смертники с меня скальп не сняли.

— Тебе что-нибудь известно об Институте Экспериментальной Истории?

— Известно ли?! — его единственный глаз чуть ли не засветился. — Это по милости Института мы тут гнием заживо. Это из-за них нас занесло в эту проклятую долину.

— Меня другое интересует, — начал было я, но он словно и не слышал:

— А что до Ордена, так у меня и к нему счет есть. Мой сын погиб восемь лет назад, его убили орденцы, — он прожег меня взглядом, всем видом демонстрируя, что рад бы счесться со мной за все орденские грехи, так что я даже напомнил:

— Ты не забывай, я отлученный.

— Ладно, — буркнул он. — Что именно об Институте ты хочешь узнать?

— В первую очередь — где я им на мозоль наступил. Дело такое, что на меня начали большую охоту, и возглавляет ее тот самый тип, который забросил меня сюда.

— Хм-м... — впервые за все время Этелред начал проявлять признаки интереса. — А подробней?

— Могу и подробней. Началось все с того, что я выяснил, что Магистр Западной Цитадели является Пришлым и планирует массовое истребление таких придурков как я. Башляет за мою голову император, а ловят Пришлые. И вот, как видишь, сижу я, дурак дураком, и не знаю, что делать дальше.

— Если хочешь добрый совет, я бы на твоём месте подался в Дикие Земли. Там сейчас затевается некая заварушка, кто-то мутит тамошние племена, так что без Пришлых там не обошлось.

Есть в этом мире один милый обычай — где что не так, сразу валить все на Пришлых.

Это потому, что эльфов почти не осталось, а евреи в необходимом количестве еще не появились... Хотя в данном случае нет дыма без огня.

— Я обдумую твой совет, но только до Диких Земель еще добраться надо. Я б хотел разобраться в причинах охоты за мной.

— Причин может быть множество. Во-первых, ты теперь — серьезная опасность для Ордена, так как потенциально можешь превратиться в самостоятельную чародейскую Силу, не подчиняющуюся никому. Когда ты впервые услышал об Институте? — неожиданно спросил он.

— Вчера утром. Там почему-то имеет хождение слух, что я шпион и диверсант. И при этом ни у кого не возникает желания элементарно меня перевербовать.

— Узнаю их почерк... А как ты вообще сюда попал?

— Мне показали мою смерть и познакомили с моим двойником.

— Любопытно... А Институт решил с тобой разобраться сразу после того, как ты рассекретил этого Магистра?

— Все правильно, за исключением того, что Магистр сам рассекретился.

— Зачем?

— Сам удивляюсь. Попытался меня на свою сторону переманить.

— А про Институт?

— Ни словечка.

Этелред снова наполнил мою кружку из кувшина и надолго задумался, я сидел и грыз мундштук погасшей трубки. Наконец он прищурил глаз:

— Значит, кому-то в Институте невыгодно, чтоб инкогнито Магистра было раскрыто. Может, и этому твоему нанимателю. Если так, то Магистр работает на Институт.

— Он мне давал понять, что нет. И предлагал встать на борьбу под знамена исторической экологии. Против Пришлых. Слово «Институт» вообще не звучало. Так вот, мне надо узнать, что всем этим крокодилам от меня надо и хоть приблизительно выяснить, кто из них кого обманывает.

— А ты не пытался связать это с тем фактом, что ты прошел Зачарованный?

— Возможно. Но меня интересует, каким образом к этому подвязан Институт и почему от меня столь старательно скрывали его существование.

— Судя по всему, твой Магистр большая шишка в Институте. И твоя голова важнее любой исторической экологии.

— Почему?

— Повторяю: Сила без хозяина представляет опасность для всех, тем более, в нестабильном мире. Парадокс времени невозможен, но некая связь между мирами все же существует.

— Ладно, Дэл из Института. Но почему они свои действия не могут согласовать?

— Ты считаешь, Институт расположен только в одном мире?

— А сколько их?

— Во времена моего отца было четыре. Сейчас, очевидно, больше. Сам понимаешь, борьба за сферы влияния, а нестабильный мир для любого из них — кусочек лакомый.

— Слушай, у тебя через каждое слово упоминается нестабильный мир. Может, растолкуешь, что это такое?

— Ты и этого не знаешь? — старый козел некоторое время наслаждался моим замешательством, потом все же снизошел: — Теория многомерного пространства-времени тебе знакома?

— В общих чертах, я оглянулся на своих. Эльф, конечно, не понимает ни словечка, но из гордости сидит с видом умным и значительным, а Гельда — та откровенно ушами хлопает. — Три измерения пространственных, четвертое — время.

— Пятое измерение называется вероятностью, — менторским тоном заговорил Этелред. — В математику вдаваться не буду, просто учти, что существуют миры с совпадающими пространственно-временными координатами, отличается только один

показатель, который принято называть коэффициентом стабильности. Не помню, как именно он вычисляется, но там учитывается процент совпадения с теорией вероятностей для данного мира. У большинства миров коэффициент стабильности стремится к единице, а у этого, например, меньше на порядок. Отсюда и существование нежити, и прочая, и прочая...И это — идеальное поле для экспериментов, в частности, с исторической экологией.

Я потряс головой, ошалев от наукообразных терминов:

— А при чем тут я?

— Суть, очевидно, в том, что ты можешь сместить баланс.

— Экологический? — с мрачной иронией осведомился я. Оказывается, очень неприятно чувствовать себя важной персоной. Большие шишки, враждующие между собой, приходят к соглашению, что меня надобно изничтожить...

— Экологический, — подтвердил Этелред. — Иначе для чего бы им против тебя объединяться?

— И как же это я могу его сместить? Я, честно говоря, и Чародей-то не ахти какой.

— Неопределенный фактор никому не нужен. Всегда есть шанс, что ты будешь работать на врага.

— И что мне, по-твоему, делать?

— Я за тебя не решаю.

— Погано то, что у меня даже шансов на ответный удар нет.

— Такой шанс есть, — неожиданно вступила в разговор Ильмира. Мы все, как по команде, повернули головы в ее сторону, на физиономии Этелреда отразилось нечто похожее на удивление:

— Что ты имеешь в виду?

— Дать ему возможность выйти на миры Запределья.

— А он оттуда вернется?

— Не знаю.

Я вскинул руку:

— Погодите, мне-то хоть растолкуйте. Ильмира, ты мне можешь объяснить, что это за миры?

Вместо нее ответил Этелред:

— Это миры, которые не существуют физически. Мир наших общих представлений и идей. Мир, в котором не срабатывают законы вероятности.

О чем-то подобном я слыхал. В Ордене, помнится, подобные фокусы под большим запретом.

— Хорошо, а чего ради мне туда соваться?

— Ради доступа к информации. Правда, неизвестно, сможешь ли ты ее расшифровать. А потом, оттуда можно наносить вполне ощутимые удары.

— По-моему, это все равно, что бросать воображаемый камень и надеяться, что у твоего врага появится фингал.

— А разве все чародейство не на этом построено?

— А почему орденцы боятся Запределья? Мне лично втолковывали, что это на рассудке сказывается, а я как-то не хочу всю оставшуюся жизнь пускать слюни на воротник.

— Твое дело, — пожал плечами Этелред, теряя интерес к разговору. Гельда с облегчением перевела дух, а эльф усмехнулся, как мне показалось, чуть пренебрежительно. Нет, ребята, я завелся, и меня не остановишь. Даэл из меня затравленного зверя сделал, прогнал через Зачарованный, Дэна на меня натравил — а тут вдруг возможность нанести ответный удар.

— Объясни толком. Я хочу знать, стоит ли игра свеч и чем я при этом рискую.

— Навсегда заплутать в галлюцинациях. А потом, ты там раньше ни разу не бывал, так что тебя там ожидает беспорядочный поток самой разнообразной информации. Так что с твоей точки зрения...едва ли стоит.

— Ты не все ему сказал, отец, — голос Ильмиры звучал решительно и спокойно. — Да,

это опасно, но он никогда не останавливался перед опасностью.

Попробуй тут откажись, услышав такую характеристику... Ну и дураком же я буду, из тщеславия сунув голову в петлю!.. Ладно, двум смертям не бывать, а информация — ключ к выживанию, да еще если удастся вывести из игры Дазла...

— Что я еще должен узнать?

— Во время путешествия ты будешь перемещаться по мирам, как захочешь. Не физически и не по самим мирам, а по своего рода теням, — растолковала Ильмира. Этелред, крыса одноглазая, так и взвился:

— Ты хочешь поделиться с ним тайным знанием?! А ты не забыла, что вот такие вот, как он — люди — убили твоего брата?

— Орденцы, — поправил я.

— Люди, — упрямо повторил старик. Почти как эльф, плохо переносит род человеческий...

— Если бы он был жив — он бы одобрил мое решение, — голос прозвучал совсем уже твердо, и — полное ощущение, что между ними произошел поединок... взглядов?.. Во всяком случае, Этелред через некоторое время сдал позиции:

— Хорошо. Но ты еще не знаешь, сумеет ли он.

И тут мне стало попросту страшно — Ильмира направила свою Силу на меня, просвечивая насквозь.

Когда тебя изучают чародейским внутренним зрением, это вообще не слишком приятная процедура, а когда это зрение достигает такой концентрации — это просто чувствуется кожей и внутренностями, не то что чародейским чутьем. Вообще-то у нас, Чародеев, такое просвечивание считается просто неэтичным... Хотя здесь не Орден, и я уже не орденец, и вообще, не лезь в чужой монастырь со своим уставом...

Но я такого терпеть не собирался, и вместо того, чтобы забиться в угол, как мне сразу того захотелось, направил свое зрение на Ильмиру — щенок, твякающий на большого пса. Лучше б я этого не делал. То есть для меня получился кратковременный шок — скорее от того, что я не предполагал, что Сила может быть и такой. Хотя что я знаю о Силе? Я ж истребитель нежити, всего-то навсего, только тому и обучен...

Наверно, именно последнее соображение подтолкнуло меня к решению. Из того, что какое-то действие запрещено Орденом, еще ничего не следует. Гельда, например, тоже им запрещена, не говоря уж о Хельге.

— Ладно, Ильмира, я готов.

— Быстрый какой, — проворчал Этелред. Гельда — та прямо вздрогнула:

— Мик, а у тебя с головой все в порядке?

— Нет, наверно. Будь в порядке, мы б с тобой не связались.

— Мой народ в свое время такое использовал, — вмешался эльф. Ну, раз этим пользовались эльфы, значит, это Запределье имеет прямое отношение к боевым действиям...

— Значит, я смогу узнать что-то?

— Если сможешь отделить зерно от шелухи.

Потрясающе! Он со мной еще в загадки играет! Но на меня такие штучки действуют, как красная тряпка на быка.

Я повернулся к Ильмире:

— Я готов. Какие будут инструкции?

Она поднялась, нащарила связку каких-то корней на стене, отделила один и протянула мне:

— Это ты должен разжевать и проглотить.

Вот странность: она слепа, но никакой неуверенности в движениях, никакой неловкости. Грациозна, как камышовая кошка. Такое впечатление, что глаза ей и не нужны.

Я с сомнением уставился на крошечный шишковатый корешок, Гельда заглянула мне через плечо и тут же попыталась выхватить снадобье:

— Не вздумай!

Я заслонил корешок корпусом, поспешно отдернув руку:

— А что такое?

— Он еще спрашивает, — попыталась она воззвать к Хельгу. — Тащит в рот всякую гадость, а кому его потом хоронить?

— Ты целительница, Гельда, — в голосе Ильмиры прозвучала еле слышная нотка такого полупрезрительного сожаления, — и твое дело — врачевать раны. Но любое новое знание — это новая рана, новая боль. И тебе потом придется лечить его, но уберечь его от таких ран тебе не дано.

Гельда надулась и замолчала, я посмотрел на эльфа, взглядом испрашивая совета, он демонстративно пожал плечами и отвернулся. Ясно, это мои проблемы. Ну что ж, буду решать их единственным доступным способом...

Я бросил корешок в рот и принялся тщательно жевать. При этом еле удержался от того, чтоб не выплюнуть эту дрянь, челюсти сразу свело. Хинин в сравнении с этим растением — пироженка! Кое-как, давась, я проглотил эту адскую массу, кто-то, кажется, Хельг, сунул мне в руку кружку с вином, я благодарно кивнул и с рычанием припал к ней. После пары глотков мне перестало казаться, что мои глаза сейчас вылезут на лоб, а Ильмира обратилась ко мне:

— Теперь смотри в свой Камень.

Я кивнул и уставился на него. Похоже, начинает действовать...

Тело вдруг становится абсолютно невесомым, голова — легкой и ясной, вокруг разливается радостное жемчужное море, я чувствую себя совершенно прозрачным, всплыть на поверхность мне ничто не мешает, но только зачем? Вокруг что-то продолжают говорить, но голоса сливаются в сплошной белый шум. Ну и пусть их. Меня сейчас больше всего интересует мой Камень. Вот он, в руке у меня. Постепенно он разрастается, заполняет собой все, и свет играет на его гранях тепло и весело. Еще, кажется, чей-то козлиный тенор спел непонятную фразу, а потом Камень поглотил меня, и я погружаюсь в него.

Там, внутри, в расплескавшемся зеленом свете, дышится легко и свободно. Я продвигаюсь вглубь медленно, неторопливо, в каком-то странном танце — кувырок, пируэт, кувырок... Все медленно, свет вокруг плотный, как морская вода, он отлично держит. Перед глазами на момент встает карта миров, и я уже знаю, что вот это — мой мир, а те пять, расположенные правильным крестом — Институт...

Погружение длилось вечность, и я не отказался бы продлить его еще на парочку вечностей, но все кончается и море света имеет поверхность.

Я вступил в миры Запределья.

ГЛАВА 10.

Любому школьнику известно, что в Запределье нет правил, есть только исключения из них. Чем меньше вероятность произойти у какого-либо события, тем скорее оно произойдет, но и это не является аксиомой. Аксиом там нет. В результате возникают любопытные парадоксы, но мне было как-то не до них, меня ждали дела.

Естественно, вероятность того, что я встречу Дазла, была ничтожной, и благодаря этому я сразу нашел его. Он сидел за вечерней рюмочкой в «Ротонде», заправив хвост под фалды фрака и скрыв рожки под элегантным котелком. Я подсел к нему, заказал коньяк, и мы решили не откладывать решение нашего спора. Сначала мы пытались выяснить, кто из нас не прав с помощью игры в орлянку, но после того, как монета в сто первый раз встала на ребро, мое терпение истощилось, я сорвал с него котелок и объяснил собравшимся, что он рогоносец. Дазл, конечно, вызвал меня на дуэль и попытался отхлестать хвостом, но истончившееся время подломилось под ним, и он исчез. Упускать его было бы глупо, так что пришлось и мне нырять за ним в глубины времени, а время пахло затхлостью и мышами.

А дальше получилось не слишком приятно — Дазл занесся так высоко, что перестал узнавать не только друзей, но и врагов. Только значительно позже, когда я проходил в

Лейпциге курс черной магии, мне представился случай накапать на него правительствующему сенату (это оказался очень канцеляренный мир), и Даэла с позором поперли с поста начальника департамента разложения. Он был разжалован и посажен в пирамиду. Однако, надо отдать ему должное, он не растерялся, и ему удалось бежать, прихватив с собой мумию Ким-Ир-Сена, с которой он и жил долго и счастливо у самого синего моря. Но такой вариант его не устраивал, он закопал мумию в навоз и выкопал вместо нее винтовку, после чего попытался въехать в Иерусалим на осле. Моя агентура работала четко — я успел подготовить ему достойную встречу и забросал его цветами (в горшках). Он обиделся и стал против меня интриговать, но я разрушил все козни, подготовив проект, согласно которому Верховная Вселенская Шарашка принимала только прошения, написанные ямбом. Увлечшись законотворчеством, я попытался было претворить в жизнь новый кодекс законов тяготения, но Даэл, изменив внезапно направление удара, накатал на меня телегу, в которой утверждал с пеной у рта, что я не имею права занимать государственную должность, поскольку двадцать первый палец у меня с ногтем. Уверяю вас, это была наглая клевета, но тут могли вскрыться еще кое-какие мелкие грешки — например, то, что я наставил Ироду рога со всем его гаремом.

Кроме того, Даэл через свою агентуру начал раскапывать мою аферу с поставкой режиму апартеида гималайских снегов, а это уже грозило крупными неприятностями. К тому же, канцелярские методы борьбы мне порядком наскучили, так что я спешно бежал в другой мир, перед отбытием отправив Даэлу циркуляр с предписанием как можно чаще стричь ноготь на двадцать первом пальце.

То, что с каждой второй крыши мне на голову падал кирпич, меня не удивляло — к козням завистников мне не привыкать. У нас с Даэлом вышло еще три дуэли — на саблях, на духовых трубках и баллистических ракетах, но все они закончились ничем. А Даэл тем временем не дремал. Пока я плотничал с Петром Алексеевым и доказывал ему, что в Европу надо прорубить дверь, а с Азии хватит и окна, мой наглый супостат резинкой стер с карты мира Антарктиду и росчерком пера превратил Калифорнию в цветущий сад. Тут бы мне и конец, но вовремя сброшенная мной резиновая бомба передала половину даэловской кавалерии, скакавшей на слонопотамах выручать Ливингстона.

Я уже торжествовал победу, но тут мы снова сменили мир, и Даэл в третьем раунде неожиданным апперкотом бросил меня на канаты. Со злости я подыскал ему место ассенизатора в императорском театре гомасок, а он в отместку так чихнул, что по всему миру скисло пиво. Этого я терпеть не собирался, живо переметнулся в другой мир, а там назначил сэра Френсиса Дрейка Даэлом, после чего безо всякого сожаления вздернул его на рее.

Мои усилия не пропали даром — я оказался назначен главным деревом Версальского парка. Очень скоро, правда, выяснилось, что это не более чем почетная ссылка, и на протяжении нескольких лет я мог только бездейственно наблюдать, как в борьбе за независимость Нового Света побеждают австралопитеки под предводительством Чингизхана (один из псевдонимов Даэла)

Не знаю, как бы все повернулось дальше, но на мое счастье, проходивший мимо Агасфер вознамерился спрятать в образовавшееся во мне дупло свиток с тайной времени. На свою беду, он этим не ограничился и попытался вырезать на мен свои инициалы, тут уж мне пришлось его послать. Он со страху обернулся ясным соколом, упал и разбился. Даэл понял, что пахнет жареным, и попытался напустить на меня Дракона. Мне пришлось стряхнуть остатки листьев и вытащить из глубин времени Мелкого Беса в адидасовском костюме. Тот, не теряя ни секунды, докопался до Дракона и объяснил ему, что он зеленый и кругом не прав, а потому должен денег. Дракон, однако, оказался не промах и принялся растолковывать Мелкому Бесу, что он, Мелкий Бес, педераст и кроме того на ментов работает. Короче, разговор между ними обещал быть затяжным и предельно содержательным, так что я не стал ждать его окончания и занялся свитком. Тот был написан на непонятном мне языке, так что пришлось раскапывать в развалинах Трои Шлимана, тот был очень недоволен, но все же сообщил, что тайна в яйце, а яйцо в утке, в которую

помочился заяц перед тем, как попасть на обед к пигмеям Амазонки. Сами понимаете, отыскать его было невозможно, поэтому оно сразу свалилось мне в руки. Сперва я долго пытался его разбить, но ничего у меня не вышло — проклятая мышь, как на зло, куда-то запропастилась. Значит, требовалось его высиживать, а время у меня закончилось, пора было возвращаться. Дело кончилось тем, что я посадил на гнездо Даэла, сделал ему ручкой и отправился восвояси.

Ну и холодрыга здесь...Аж зубы стучат, все тело в пупырышках. И колотит всего, башка трещит, внутренности сбились в один дрожащий и липкий ком. Я лежу на чем-то жестком и холодном, пошевелиться сил не хватает. И при этом чувствую рядом чье-то присутствие. Не открывая глаз, понимаю, что это Ильмира. Надо хоть из вежливости глаза открыть...

— Привет, — разлепив с трудом веки, обнаруживаю над собой потолок, потом, повернув голову, вижу и Ильмиру, она сидит на грубом табурете неподалеку от моего топчана.

Услышав мой голос, она повернула голову:

— Наконец-то ты очнулся...Еле смогла тебя вытащить.

Мне кое-как удалось сесть. Так, я в той же самой хижине, да еще, к тому же, очаг горит. Что ж меня так трясет-то? Ну и отходнячок, вроде похмелья, только раза в четыре похуже. А вот куда она Хельга с Гельдой девала?

— Ильмира, а где остальные?

— Спят.

— Чего ж они так? Время, наверно, к утру идет.

— Нет, ночь только началась.

— Сколько ж я провалялся? — даже говорить — и то трудно, а уж слушать ответ и понимать, о чем речь, просто нереально.

— Почти сутки. Выпей вот это, тебе полегчает.

"Это" оказалось все тем же настоящим на травах вином. Больше всего меня удивило то, что оно горячее. Первые глотки дались с трудом, но за сутки я, похоже, так стосковался по спиртному, что не заметил, как осушил всю довольно объемистую кружку. Стало чуть легче, во всяком случае, перестало трясти и прошел озноб.

— Как ты себя чувствуешь? — осведомилась Ильмира с легкой тревогой.

— Откровенно говоря, паршиво. Главное, зазря я туда сползал. Ничего толкового, сплошной дебильный глюк.

Она чуть улыбнулась:

— Ты напрасно так думаешь. Знания, полученные из Запределья, сразу себя не проявляют. А потом, тебе удалось нанести удар этому твоему Магистру.

— Га! — Хищно обрадовался я, потирая руки. — И сильно ему перепало?

— Не очень. Но теперь тебе надо быть вдвойне осторожным, если Ордену удастся выяснить, что ты можешь наносить удары из Запределья, они могут удвоить награду за твою голову.

— Кстати, а про награду ты откуда знаешь?

— Я ведь колдунья, — ответила она без улыбки и тут же без всякого перехода спросила: — Есть хочешь?

— Готов дохлого стервятника слопать.

— Ну, этого я тебе предложить не могу, а вот баранина...

— Где?

— Сейчас, — она поднялась и ушла за перегородку.

Кстати, как это она так двигаться ухитряется — походка уверенная, и не скажешь по ней, что слепа...И как-то многовато ей про меня известно.

Додумать я не успел — она появилась снова, на сей раз с глиняным блюдом, и я набросился на жратву, урча как кот. Хорошие манеры не соблюдешь — во-первых, столовые приборы тут не в ходу, а во-вторых, после всех этих приключений у меня разыгрался просто

зверский аппетит.

Когда я покончил с пищей, Ильмира сидела по-прежнему вполоборота ко мне, сложив руки на коленях. Так, сейчас самое время выражать благодарность, а вот как? На куртуазный манер? Ох, хреново у меня это получается...

— Воистину, путь к сердцу мужчины лежит через его желудок... — так, несусь. Очень опасная женщина — заставляет меня теряться в ее присутствии и чувствовать себя дураком.

— Мне ты не кажешься дураком.

Оп-па! Конечно, последняя мысль мелькнула у меня довольно отчетливо, если можно так сказать — громко, но передача сколько-нибудь связного сообщения без предварительной настройки — не верю.

— Надо сказать, ты очень опасна.

— Как любая колдунья. Ты, кстати, тоже опасен. Теперь можно понять причины охоты на тебя.

— Ну и?

— Ты вышел из Запределья почти без потерь, да еще и нанес поражение сильному противнику. Теперь ты и в самом деле можешь стать самостоятельной силой, — говорит негромко и очень мягко. Пора уводить разговор в сторону, пока не выяснилось, что и для нее я опасен.

Я все же буркнул:

— Если доживу. А чем мне тебя благодарить? Еще раз тебе руку поцеловать, что ли?

Она кивнула, я воспользовался позволением. Она задержала свою руку в моей, потом горячие пальцы снова прошли по моей щеке. М-да, если я что-то в чем-то понимаю, может возникнуть некоторая неловкость...

— Знаешь, я до сих пор не знаю, как мне тебя за спасение отблагодарить.

— Не знаешь? — ее губы тронула чуть заметная улыбка, она наклонилась ко мне. Я поцеловал ее — а что тут еще делать? Она ответила неожиданно умело, потом поднялась, развязала пояс и сбросила на пол небеленный холщовый балахон. Ее тело, тоненькое и белое, как фарфоровая статуэтка, так же, как и лицо, оставляло ощущение какой-то нематериальности. Ну, как бы там ни было, какие-то комплексы ей не свойственны, а мне отступать некуда. Я задул масляную лампу.

Мы лежали, укрывшись моим плащом, было темно и тихо, голова Ильмиры покоилась у меня на груди. Я уж подумывал было, не подремать ли мне хоть полчасика, когда она неожиданно заговорила:

— Знаешь, Мик, я давно ждала такого мужчину, как ты — сильного и доброго.

— Наглая лезть. Я злой. Я тебя сейчас за ухо укушу.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Ты не только Чародей, но и Пришлый.

Терпеть не могу сколько-нибудь серьезных разговоров в постели, а тут, похоже, именно это и предлагается. Надеюсь, обойдется без намеков на что-нибудь наподобие женитьбы...

— Я бы могла удержать тебя здесь навсегда, но не стану этого делать.

Неужто мои мысли так элементарно читаются? И опять тема какая-то склизкая... Но я все ж осведомился:

— Почему?

— Это было бы ложью с моей стороны, а в этом мире и так слишком много замешано на крови и лжи. Тот ребенок, что родится у меня, не должен иметь к этому отношения. Но я смогла передать тебе часть своей Силы. Я расплатилась.

Так, нормально. Значит, тут все с дальним прицелом.

— Слушай, родная, такие разговоры лучший способ со мной поссориться.

— Я должна была это сделать, Мик. Расплатиться.

Я сел и уставился на нее. Терпеть не могу, когда ко мне как к проститутке относятся.

— Интересно, почему же?

— Я перед тобой виновата, просто ответила она.

— И когда ж ты успела?..

— Это я послала отряд захватить вас. Тебя.

— Заранее, стало быть, просчитала... А на кой леший, скажи-ка ты мне, была вся эта комедия с испытанием?

Последовала долгая пауза, я почувствовал, как она напряглась. Потом наконец ответила:

— Я знала, что ты победишь.

На сей раз помалкивал я, и Ильмира, врубившись, что от меня ничего особенного не добьешься, продолжила:

— Ты должен меня понять, Мик. Будь я просто женщиной, просто колдуньей — я бы не пошла на это, но Прокаженные — мой народ, и до сих пор я не встретила ни одного мужчины, который мог бы стать отцом будущего правителя.

Я по-прежнему молчал, настроение падало с ускорением свободного падения. Значит, вот оно как. Самец-производитель с хорошей наследственностью. И все что от меня требуется — немного спермы, а потом со мной расплачиваются, как с вокзальной шлюхой. И еще пинка под задницу — в убежище отказали. Может, я и дерьмо, но такого, ей-богу, не заслужил. Я убрал руку с плеча Ильмиры. В конце концов, мавр сделал свое дело, а теперь пошел-ка он, этот мавр...

Мы молчали минут, наверно, пять, потом она заговорила снова — очень тихо, я с трудом разбираю слова:

— Знаешь, Мик, ты у меня первый настоящий мужчина.

— Да? — мрачно осведомился я, но она словно не слышала нотки сарказма в моем голосе:

— Шесть лет назад — мне тогда было восемнадцать — я с отрядом воинов выходила из этой долины. Мы искали нужные травы, было это у окраины Зачарованного. На нас напал отряд егерей, мои спутники были перебиты, а меня пропустили через весь отряд, — говорила она очень спокойно, но я почувствовал, как напряглось ее тело — словно натянутая струна.

— Не надо тебе об этом вспоминать, — я снова обнял ее хрупкие плечи и притиснул к себе, но она продолжала все так же бесстрастно:

— Я не знаю, прочему меня тогда не убили и не увезли с собой — наверно, рассчитывали вернуться. Но отец почувствовал неладное и выслал за мной отряд воинов. Тогда мне удалось выкинуть плод. Мой ребенок не должен быть порождением этого мира. А мужчины моего племени слишком уродливы. Даже для слепой.

— Не должен быть порождением этого мира... А как ты узнала, что я появлюсь в нужное время в нужном месте? Что я Чародей, что я Пришлый? Ты что — в будущее заглядывать умеешь?

— Нет, Мик. Будущее нельзя предвидеть. Можно в какой-то степени угадать его.

— Любопытно. И что, например, угадывается у меня?

— Этого я тебе сказать не могу. Если то, что я тебе скажу, будет приятным, ты попытаешься его приблизить. Если нет — отдалить. И в том, и в другом случае будущее изменится. Тебе я могу сказать только то, что ты еще не раз окажешься перед выбором, и тот выбор, который ты сделал, когда ушел с Гельдой, еще повлияет на твою судьбу.

— Это уж точно. Но я ж не про то спрашиваю: если ты меня с такой легкостью вычислила, то могут и другие.

— Могут, подтвердила она. — Пока ты не являешься частью этого мира. Вот тебе и ответ на твой вопрос — как я узнала о твоём приближении.

— Странно, когда я уходил из того мира, мне сказали, что он для меня не подходит. Теперь выясняется, что и в этом мире я для всех как кость в горле. Что же мне, по-твоему, делать — искать, куда податься, в какой из миров?

— Просто ты еще себя не нашел.

— Ладно, не надо песен петь печальных... Я ж не мальчик, в конце концов.

— Это верно. Но раз ты ушел из Ордена, твое место не там.

— Ну и где же?

— Этого я не знаю.

— Все равно, я этим миром уже заражен. И почти забыл, что я Пришлый.

— Этого ты забывать не должен.

— Спасибо, напомнила, — против воли в моем голосе прозвучала горькая ирония.

— Не надо так, Мик. Да, я виновата, но не забывай, я еще и женщина. И правительница. Это называется — вернуться к теме...

— Раз уж так получилось, может, попробуешь с отцом договориться — в вашей долине хоть недельку пересидеть?

— Нет, Мик. Он не пойдет на это. Он считает, что спасение Прокаженных — в полной изоляции.

— А ты как считаешь?

— А как я могу считать? — мне послышалась легкая насмешка. Безрадостная. — Орден травит нас, как диких зверей, простые люди, увидев, берут вилы и топоры... Но править этим народом должен человек, — закончила она ясно и твердо.

— Понял. Потому-то я и здесь...

— С помощью колдовства я тебя здесь удерживать не хочу и не буду. Но ты меня не забывай.

В самом деле, такие женщины не забываются. Вот ведь свезло бабе — жить в таком зоопарке! И нечего мне на нее крыситься, надо и башкой немного думать — столько лет без мужика, а тут подворачивается такой орел, как я. Бугай племенной...

— Постараюсь. Но все же, что мне делать дальше?

— Выбирать.

— Знаешь, это только кажется, что у меня выбор богатый. На самом деле его попросту нет. Разве что такой — быть убитым или убивать самому, но я его уже сделал.

— А я даже не имею права тебе советовать.

— Почему? Сейчас-то совет мне нужен, как никогда.

— У тебя свой путь, Мик.

— И какой же?

— Мне неизвестно ничего в деталях. Просто у меня свой путь, и мне надо идти по нему. Я свой главный выбор уже сделала. Да и ты тоже.

Ничего себе — путь... Быть преследуемой дичью. Да еще после того, как Дэн на меня охоту затеял.

— Но хоть подсказать-то ты можешь? Версию твоего отца на мой счет я уже слышал, а ты пока еще не высказалась.

— О чем?

— Конкретно — мне хотелось бы знать, кто именно меня подставил.

— А Магистр?

— Возможно. Но тот тип, что меня сюда переправил, заявил, что я кондотьер и не должен занимать ничью сторону.

— Так не бывает. Сейчас ты на своей стороне.

— Логично... Так что из-за этого — убивать меня? Так он и в моем бывшем мире мог это преспокойно сделать.

— А Чародей просто на своей стороне быть не может. Обязательно найдутся Силы, которые встанут за ним, и бывает, что это очень страшные Силы.

— Например?

— Не стоит говорить об этом. На своем пути ты уже столкнулся с некоторыми из них. Все страньше и страньше... Ладно, надоело мне в загадки играть.

— У тебя, значит, свой путь, у меня свой... Встретились — разбежались... А знаешь, при других обстоятельствах я мог бы с тобой остаться, — самое странное, я ничуть не

покривил душой.

— Но это при других обстоятельствах. А при тех, которые есть, завтра мы должны будем расстаться навсегда. Обними меня в последний раз.

Я выполнил ее просьбу и пробормотал:

— А ты не зарекайся... Может, еще и встретимся.

— Нет, Мик. Встретиться нам больше не суждено, — в голосе ее даже грусти не отразилось, но я почувствовал такой надрыв, что мне просто страшно стало. Черт бы подрал эти чародейские ощущения

— живешь, как к сейсмографу подключенным...

— Жаль.

— Мне тоже. Но завтра у тебя будет трудный день, так что сейчас тебе лучше поспать.

— Тоже верно, — сквозь зевотку пробормотал я и соскользнул в глубокий, без сновидений, сон.

Когда я проснулся, Ильмиры рядом уже не оказалось, зато не успел я одеться, как в хижине возникли Хельг, Гельда и Этелред. Два мутанта-карлика быстро приволокли немудрящий завтрак, с которым было покончено в очень короткий срок. Этелред сообщил, что припасами он нас обеспечит где-то на неделю, если расходувать экономно, а сверх того, дал кучу указаний, как нам попасть в Гэлфост и как идти через него, причем окольными путями я выяснил, что сам он там никогда не был.

Шмотки наши и оружие тоже успели перетащить в хижину, так что, когда мы собрались, Этелред не стал тратить время на долгие прощания, просто посмотрел сквозь стену и что-то пробормотал под нос. Через полминуты у дверей выросли четверо неимоверно широкоплечих и приземистых мутантов, словно в одной форме отлитых. Этелред повернул к нам голову, напоследок подарил мен еще один неприязненный взгляд и изрек:

— Они доставят вас ко второму перевалу, дальше не пойдут. Кажется, мы в расчете, и повернулся, чтобы уходить.

— Эй, а как на них добираться?

— Садитесь к ним на плечи.

Так мы и поступили. Ерзя, чтобы устроиться поудобней, я вдруг заметил чуть поодаль Ильмиру. Она стояла опустив руки и подставив лицо показавшемуся из-за невысокого перевала солнцу, уловив мой взгляд, сразу обернулась:

— Прощай Меченосец! Помни колдунью со Свинцового.

— Надеюсь, не прощай, а до свидания, — отозвался я, но тут наши "верные кони" резко взяли с места, и в ушах только ветер засвистел.

ГЛАВА 11.

Бегали мутанты действительно очень резво, при этом ухитрялись на двух конечностях взбираться на такие стенки, куда я бы и на четырех не залез, перемахивали пропасти так лихо, что я прощался с жизнью раз восемнадцать. Но все это себя оправдало — через пять-шесть часов они спустились по довольно пологому откосу на тракт и дали нам понять, что пора уже самим топать. Мы сползли с их широких спин и принялись разминать затекшие мышцы, а троица Прокаженных, не теряя времени, затрусила вверх по склону.

— Спасибо, — проорал я им вслед, они, словно по команде, обернулись и хрипло прокаркали:

— Удачи! — после чего исчезли за гребнем скалы. Я подтянул пояс и без всякой надобности объявил:

— Ну что, пора идти, — и мы начали спуск в громадную котловину.

Все шло поначалу довольно удачно, если не считать того, что Гельда, похоже, заразилась от Прокаженных молчаливостью — всю дорогу в ответ на мои вопросы она только фыркала и отворачивалась. Наконец, потеряв терпение, я заявил, что если она не перестанет дуться, я ее изнасилую за ближайшим кустом. Ее прорвало, и мне пришлось

узнать о себе очень много нового, а так же пробежать с километр, спасаясь от заслуженной встрепки, но лед все же был растоплен, и дипломатические отношения вскоре восстановились. И вовремя: эльф как раз углядел где-то позади и вверху большой вооруженный отряд, сабелюк на тридцать, и все верхами. Кто бы они там ни были, встречаться с ними у меня никакого желания не возникало, и мы свернули с тракта к западу. Что еще хуже, конники тоже что-то, кажется, углядели и принялись деловито обшаривать обочины.

Эта игра в прятки длилась почти до темноты, потом отряд убрался восвояси, а мы принялись отыскивать дорогу назад, что оказалось делом нелегким — склоны гор густо поросли лесом. В довершение всего, нас занесло на осыпь, и мы оказались-таки внизу, причем очень быстро. Это бы еще ничего, но, набив кучу шишек и исцарапавшись, мы угадали в какую-то затхлую и ледяную болотину у подножия осыпи (и откуда она только в горах взялась!). Так что вид у нас, когда мы оттуда выбрались, оказался далеко не ах, и после этих водных процедур мы с Хельгом где-то с полчаса шокировали местное зверье утверждениями, что у этих гор, этого леса и этого болота были предки по женской линии, которые вели себя далеко не лучшим образом.

Но, так или иначе, мы решили остановиться на ночлег. В горах, несмотря на лето, весьма и весьма прохладно, так что в конце концов мы плюнули на все и развели костер, тем более, как справедливо заметил Хельг, "уж если и подыхать, так хоть в сухих штанах". Гулять так гулять — мы продолжили безрассудство и закатали пир горой, уничтожив чуть не половину наших припасов (чтоб легче бежалось, естественно).

Наконец все успокоилось, Хельг встал караулить, а я сидел в полудреме, глядя на пылающий валежник и пристроив под рукой меч. Откуда-то, совсем издали, изредка доносило ветром волчий вой. Волколак, сразу можно определить, но далековато, да и перед тем, как напасть, он не воет...

Я все же закемарил, глядя на тающие в черном воздухе искры. Проснуться меня заставил сигнал Юрда — не опасность, а так, чье-то присутствие, кто-то левый. Я тряхнул головой и глянул на эльфа, но тот, как ни в чем не бывало, торчал столбом. И в этот момент со стороны леса прозвучал негромкий голос:

— Мир вам!

Я было поволок из ножен меч, Гельда вскочила, как встрепанная, но эльф отреагировал на удивление спокойно:

— Мир и тебе, если ты действительно с миром. Подсаживайся к костру, путник.

Странно, с чего это он? Вообще Хельг ко всем людям относится с плохо скрытым недоверием, а тут вдруг — на тебе. Хотя, с другой стороны, на любое проявление враждебности мой Юрд отреагировал бы моментально, однако ничего такого. Интересно, а может потенциальный убийца относиться к своей потенциальной жертве без тени враждебности?..

— Спасибо за любезное приглашение, — высокий, пожалуй, с меня, худощавый тип в плаще приблизился к костру, сбросил с плеч объемистый мешок и откинул с головы капюшон. Волосы, вроде, светлые, лицо, прожаренное солнцем, широкие скулы, нос с горбинкой, упрямый острый подбородок, щеточка аккуратно подстриженных усов. А из-под плаща выпирают рукояти двух коротких мечей. Хотя кто ж здесь, в горах, без оружия гулять будет, да еще по ночам? И все равно странно — любой нормальный человек, наткнувшись на нашу компанию, первым делом удрал бы подальше, а уж потом бы раздумывал — а может, стоило поздороваться?

А этот уселся к костру как ни в чем не бывало:

— Орденец и женщина в компании эльфа... Да еще здесь, в горах. Не сочтите за нахальство, но я должен спросить ваши имена.

— Правильней, чтоб путник, подсевший к чужому костру, назвался первым, — наставительно заметил я. Надо ж какой — не успел сесть, а уже с вопросами. Любопытный, наверно.

— Тоже верно, — незнакомец наклонил голову. — Мое имя Сван, я лорд из свиты принца Фолла, в чьих землях вы находитесь, поэтому, сами понимаете, имею право просить вас назвать себя.

Так, значит, мы в чьих-то землях. Если я правильно понял, этот тип хочет снять с нас деньги... Если рискнет. Я бы не рискнул на его месте.

Я оглянулся на своих. Гельда сидит с таким видом, словно ее сильнее всего на свете интересует Камень, у эльфа вид вообще отсутствующий. Ясно, опять мне назревающую разборку на своем горбу тащить...

— Хорошо, раз так, то меня зовут Вальд, Эльфа — Хельг, а женщину — Ильга, — так я и назвал тебе наши настоящие имена! Эльф исключение, он даже соврать-то неспособен. Я послал Гельде остерегающий взгляд, оставшийся незамеченным.

— Ну так вот, Вальд, вам, наверно, лучше заплатить пошлину.

— Ты не похож на новичка, Сван. Видишь? — я указал на свой обруч. — Орден не облагается налогом. А эти люди, — я перехватил его устремленный на эльфа взгляд и повторил:

— Да, да, люди — со мной.

— Да, об этом я не подумал. Просто удивился — здесь, на границе, да еще в горах, женщины — большая редкость.

— Мы способны постоять и за себя, и за нее.

— Могу спорить, ты многого не знаешь об этих горах, иначе не был бы таким беззаботным. Попадись вы Прокаженным...

— А мы им уже попадались, — ляпнула Гельда. И кто ее вечно за язык тянет?! Сван удивленно вскинул брови:

— Да, похоже, вы великие Чародеи.

— Наверно, так, — согласилась Гельда. — А ты — лжец, — в ее руках как по волшебству возник заряженный арбалет и нацелился точно в грудь нашему гостю.

— В чем дело? — изумился тот, но Гельда, игнорируя его, обратилась ко мне:

— Его имя не Сван, ни в чьей свите он не состоит, да и принца нет такого, какого он назвал.

Лже-Сван попытался воззвать к мужской солидарности:

— Что болтает эта женщина? Ты ей это позволяешь?

Я хрустнул пальцами и выдавил из себя самую пугающую улыбку:

— Вот что, Сван, или как там тебя на самом деле, это не просто женщина, это ведьма. Так что не советую тебе врать.

— Да ладно вам, — усмехнулся тот. — На границе тебе вообще редко кто назовется. К тому же, вряд ли ты ваши настоящие имена назвал.

— С чего ты взял? И вообще, не заговаривай зубы. Ну так как тебя зовут?

— Ну... — он помедлил, потом, словно нехотя, сообщил:

— Здесь меня обычно называют капитан Роджер.

— Не врет? — повернулся я к Гельде.

— Да не похоже, — кажется, до нее постепенно что-то начало доходить. Ее лицо осветилось восхищенной улыбкой: — Погоди, так ты — тот самый капитан Роджер?

Роджер-Сван пожал плечами:

— Других, вроде, нет.

Гельда уставилась на него, как соловей на скаковую лошадь. Кажется, сейчас попросит у него автограф... Ах, да, их же еще не изобрели, к тому же вряд ли Гельда читать умеет.

— Извини, а вот я о тебе не слыхал никогда.

— Странно... Но не в том дело. Вы, ребята, зря костер развели — вас по нему вычислят элементарно. И с перевала вас наверняка засекли, там расставлены снайперы.

— Кто-кто?!

— Снайперы. Знаешь, такие с винтовками. Тем более, никакой молодец с большой дороги тоже наградой за твою голову не побрезгует, Мик Меченосец.

Так, приехали...Я взялся за меч, но Роджер, пожалуй, несколько демонстративно протянул ладони к огню.

Я ошалело пробормотал:

— Поздравляю, господа, мы популярны в народе...Слушай, а как ты допер, что я — это я?

— Проще простого: институтским розданы фотографии некоего Михаила Ордынцева, более известного как Мик Меченосец, а так же сообщается, что означенный субъект путешествует с эльфом и ведьмой.

— И приказано им пристукнуть меня, как только увидят?

— Насколько мне известно, да. Удивляюсь еще, как это вы тот перевал прошли.

Я сплюнул в костер:

— Да, влетели...Слушай, Роджер, так ты, получается, тоже из Пришлых?

— Так и получается, — кивнул он.

— И чей же ты в таком случае капитан?

— Бронепехоты.

— А откуда же здесь бронепехота?

— Из другого мира.

— Да уж догадался...

— Все же странно, что ты обо мне не слышал. За меня тоже награда назначена, правда, не такая как за тебя, раза в четыре поменьше.

— А чего ради? — влез в разговор Хельг.

— Да я, в некотором роде, живая легенда южной границы. Что-то наподобие местного Робин Гуда.

— Кого? — не поняла Гельда.

— Национальный герой Пришлых, — пояснил я. — Ладно, Роджер, а с чего ты нас предупреждать решил? Институтские тебе не сказали, что я особо опасен?

— Так я с ними не общаюсь. Они и меня уже который год изжить пытаются.

— Ну не из чувства солидарности же ты с нами тут сидишь?

Он хмыкнул:

— А почему бы и нет, собственно? Но, ребята, на вашем месте я бы брал ноги в руки. Вас уже засекли, это сто процентов.

— Спасибо за совет. А может, еще подскажешь, как нам отсюда скрыть, чтоб не нарваться на снайперов или Орден?

— Подскажу. Ко мне.

— Это еще куда? — насторожился эльф. Правильно он насторожился...

— В Орлиное гнездо, — растолковал Роджер. — Там у нас целая колония.

— Колония, говоришь...А, прости, такой нескромный вопрос: на фига тебе этот криминал? Раз за нами такая погоня, то и до твоей колонии доберутся за милую душу. Ради моей драгоценной шкуры ни людей, ни денег не жалеют.

— Они уже пытались добраться.

— И что?

— Ну я ж здесь сижу.

— Ладно, вернемся к нашим баранам. Зачем тебе мы?

— А что, эльф и женщина тоже с нами? — удивился Роджер.

— Эльф — мой названный брат, а Гельда — почти что жена, так что я без них никуда.

— Гельда? По-моему, раньше ты ее как-то иначе называл.

— Тебе показалось, — мило улыбнулась Гельда, водя пальчиками по рукояти кинжала. — А потом, я тоже не поняла, для чего мы тебе понадобились.

— Ладно, раз вы такие дотошные. Неделию назад погиб наш врач, а у нас вышла довольно серьезная стычка. Есть раненые. Это во-первых, а во-вторых, нами начал довольно активно интересоваться Орден, а своего Чародея у нас нет.

— Со мной он вами еще активней заинтересуется.

— Может, да, может, нет... Ну так что, пойдете?

— Ну? — я вопросительно посмотрел на своих спутников. Эльф пожал плечами:

— Я бы рискнул.

Да, риск весьма серьезный. Может, он не тот, за кого себя выдает? Хотя Гельда говорила, не врет. Но ведь и у нее осечки быть могут?

— Слушай, Роджер, мне нужны гарантии. Если я так нужен, что ради меня ты рискуешь весь Орден на свою колонию натравить, я пойду с тобой. А вот если ты решил нас Институту сдать или тому же Ордену...

— Я еще не самоубийца, — буркнул он. Гельда тоже внесла свою лепту:

— Похоже, предательства он не замышляет.

— Ну, придется и мне с вами, — вздохнул я.

— А чтоб не мандражить — так и быть, держи, — Роджер перебросил мне какой-то тяжелый предмет. Так, у бронепехоты все путем: тяжелый армейский пистолет. Я снял его с предохранителя, оттянул затвор и заглянул в патронник. Заряжен, вроде. Но жизнь свою я бы этой пушке не доверил.

Я запихал ствол за ремень, предварительно заперев предохранитель и поднялся:

— Ну что, собираемся?

— Только короче, — предупредил Роджер. — К рассвету надо быть уже на месте, пока они котловину прочесывать не начали.

— Ладно, капитан. Только на всякий пожарный учти: в этой компании с тобой разобраться могу не только я, так что, если что не так, сразу станешь мертвой легендой.

— Понял, не дурак... Ну, вы готовы?

— Ага.

Топали мы довольно долго, какими-то буераками. Несколько раз приходилось карабкаться чуть не на четвереньках, а разок я спускался метров шесть на пятой точке, к тому же налетая на каждую встречную корягу. Роджер знал тут, по-моему, каждый куст, эльф, как и полагается элфу, скользил бесшумной серой тенью, держа наготове метательный нож, Гельда тоже перемещалась тише призрака — ну, оно и понятно, лесная ведьма. Так что звуковое сопровождение обеспечивал я. Кроме всего прочего, меня опять занесло в какую-то трясику, и теперь в ботинках при каждом шаге чавкало и хлюпало. Наверно, в эту котловину со всего края вода стекает...

Когда небо над хребтами гор позади нас начало розоветь, я разглядел, что топаем мы по реденькому сосняку — Роджер старался избегать чащоб. Ну, уж я-то с моей грацией юного бегемота там бы нашумел так, что институтчики и орденцы б со всей Империи слетелись. Потом нам пришлось пересечь широкий и очень холодный ручей. Стыдно сказать, но я злорадствовал: теперь в ботинках хлюпало не только у меня.

Улучив момент, я подобрался поближе к Гельде и тихо спросил:

— Слушай, а Роджера там, в лесу, ты как рассекретила?

— Очень просто. Я ж ведьма, вижу, когда человек врет. Не всегда, правда, срабатывает, но этот просвечивает просто великолепно.

— Эх ты, детектор лжи...

— Как ты меня назвал? — возмутилась она.

— Ну, есть у Пришлых машинка такая, с хороший шкаф... — начал было объяснять я, но тут же оборвал себя. — А сейчас он как — ничего такого не придумал?

— Да нет, кажется. Только вот куда он хочет дойти, можно короче добраться.

— Ага, и на пулю наскочить.

— На что наскочить?

— На пулю. Пакость такая маленькая, вроде пчелки, только кусает насмерть. Вылетает из таких вот ульев, — я указал на ствол у себя за поясом. Гельда поспешно отодвинулась, словно ожидая, что сейчас оттуда вылетит целый рой — и тут Роджер, шедший впереди, вскинул правую руку, повернув ее ладонью к нам.

Мы послушно остановились, а он, согнувшись в три погибели, двинулся туда, где

заканчивался лес и между деревьями пробивался неяркий сероватый свет. Через десятка два метров он присел за поваленным деревом, вглядываясь, а потом снова просигналил нам рукой: "за мной, только тихо". А там, на поляне этой, и в самом деле кто-то есть. Люди, это я могу определить. Похоже, тут и впрямь Шервудский лес... Теперь вот по наши души явился сэр Гай Гисборн. Вместе с шерифом Ноттингемским.

Чуть ли не по-пластунски мы подобралась к Роджеру и повалились рядом, он повернул ко мне напряженное чуть не до желваков на скулах лицо и прошептал одними губами:

— Влопались. Опоздали.

Впереди, насколько хватает глаз, тянется вправо и влево что-то наподобие широкой, метров сто, просеки, очень неровной, по ней разбросаны в жухлой с рождения траве обгорелые корявые пни. Такое впечатление, что тут огонь прошелся, правда, давно. Но тут ведь не только пни торчат — вон, правее, две человеческих фигуры. Еще две. Третий сидит, еле из травы видно. Дождевики тускло поблескивают от росы, а из-под них выпирает наружу что-то до боли знакомое. Маму их! Автоматные стволы. Стоят парни, не прячутся никуда. И на историческую экологию им начхать.

Я повернулся к Роджеру:

— Ну что, будем прорываться?

Он покачал головой:

— Вряд ли пройдем, Арбалет всего один, а на выстрелы они со всего кряжа слетятся.

— А обойти?

— К северу не пролезешь, а к югу аккурат под снайперов угадаем.

Вот ведь гадство какое... Ладно, я Чародей или где? Те, на поляне, с такими вряд ли сталкивались.

— Гельда, Хельг, давайте контакт.

— Что ты там задумал? — нахмурился Роджер.

— Ничего особенного. Сработаю я. Поехали.

Трое людей на прогалине сошлись вместе — очевидно, посоветоваться, — но делать этого почему-то не стали. Вместо этого они одновременно дернулись вперед, с громким стуком столкнулись лбами и осели в траву. Четвертый испуганно оглянулся, вскидывая автомат. Надо ж, какая незадача! Так резко он его вскинул, что прикладом сам себе в подбородок угодил, аж подбросило беднягу... Челюсть ему, вероятно, на глаза налезла... На последнего выдумки и Силы у меня не хватило, так что я грубо и вульгарно обездвигил его и закрепил в эмбриональной позе. Раньше, чем через сутки не разогнется, или я не Чародей.

Роджер восхищенно присвистнул:

— Оказывается, и Чародеи на что-то годятся.

— Ладно, сейчас проверим, на что годятся капитаны бронепехоты. Вперед.

— Винтовки и мешки берем с собой.

— Ну так ясен болт...

В нас уже сказывались бывалые мародеры — обобрали мы их в считанные секунды. Мы с Роджером навьючили на себя по мешку и паре винтовок, Хельгу пришлось нести два мешка, чем тот был до такой степени недоволен, что начал бурчать что-то насчет ломовых лошадей и гнусных лодырей. Гельде досталась срезанная с эмбриона винтовка.

— Неси осторожно, — предупредил я. — И вот этот вот крючок ни в коем случае не трогай.

— Да ладно... Тоже — всю жизнь мечтала крюпочки трогать...

И мы углубились в густой сосняк.

Теперь мы перли в гору, все чаще появлялись каменистые нагромождения, сквозь мох и траву проступали ребра скал. Шли быстро и молча, понимая, что вскорости нашу проделку кто-нибудь да обнаружит. Солнце уже основательно припекало в спины, а под двойным грузом пыхтеть скоро начал даже двужильный эльф.

И тут наш бравый капитан повел себя несколько странно: сбросил мешки на землю, взгромоздился на высокий валун и принялся совершать странные телодвижения то приседая,

то подпрыгивая, то сводя руки над головой, то разводя их, а потом зачирикал, да так громко и весело, что я испугался за его рассудок. Наконец он соскочил на землю.

— Это что у тебя — утренняя гимнастика? — поинтересовался я. Он сначала недоумевающе посмотрел на меня, потом усмехнулся:

— Да нет, просто мы в пределах досягаемости наших стрелков, да и арбалетчики поблизости должны быть.

— У вас еще и арбалетчики?!

— А ты думал... Я ж говорил — целая колония. У нас все путем.

— Ладно, — вернул нас к практическим делам эльф, — а долго нам еще все это барахло на себе переть?

— Километра два.

Вероятно, Роджер имел в виду расстояние по прямой, говоря про два километра — шли мы никак не меньше часа, прежде чем нырнули в какую-то малоприметную расселину и двинулись по неширокой тропе вдоль левой стены. Справа начиналось беспорядочное нагромождение валунов, потом вверх уходил пологий склон темно-серого цвета. Не зря этот кряж Свинцовым ругают... Тропа уходила все выше и выше, но скалы по бокам, по-моему, от этого ниже не становились. Гельда тихо пожаловалась мне:

— Ноги сбила...

— Ничего, чувствует мое сердце, уже близко.

Чуяло оно правильно — пройдя еще с полкилометра, мы вслед за Роджером свернули в какую-то узенькую расщелину.

— Возьмитесь за руки, — предупредил он. — Тут темно.

Темно — это еще мягко сказано. такого непроглядного мрака мне видеть еще не приходилось. Пол пещеры уходил вверх под углом градусов тридцать, мы шли по узкому извилистому коридору, Роджер вел за руку меня, я — Гельду, а Гельда — Хельга, хотя любому известно, что эльфы видят в темноте куда лучше кошек. Она так вцепилась мне в руку, что пальцы онемели. Ну, ее можно понять. Чувствуется в этой пещере что-то. Какая-то Сила — громадная, очень древняя. Безопасная. Теперь безопасная. Роджер внезапно остановился и выбил на гулких камнях что-то вроде чечетки, сверху, метрах в пяти, сдвинулась часть свода. После мрака в пещере неяркий свет серенького утра ослепил меня, а когда я проморгался наконец, оказалось, что нам уже опустили длинную легкую лестницу, так что через пару минут мы выбрались наверх.

Окончательно проморгавшись, я обнаружил, что мы находимся на дне гигантской, не меньше трех сотен метров в диаметре, каменной чаши, пологие склоны изрыты пещерами, а неподалеку громоздятся серые одноэтажные постройки и каменные домики. Наверху нас поджидали двое ребят примерно моих лет в вылинявшем почти добела хаки. Первый — невысокий курносый крепыш — отбросил спадающий на глаза чуб и присвистнул:

— Вот это трофеи, командир! У неандертальцев взяли? Так мы называем тех, из Пещер, — отнесся он к Гельде. Роджер, в ответ на мой недоуменный взгляд, растолковал:

— Белые Пещеры — база Института, километрах в семидесяти отсюда.

Второй встречающий — длинный, белобрысый, с костистым лошадиным лицом, не говоря ни слова, принялся потрошить мешки.

— Пещеры — это, конечно здорово, — пробормотал я. — А вот курить у вас есть?

— Сейчас посмотрим, — коренастый присел на корточки рядом с содержимым одного из мешков, вытряхнутым на плащ. — Вот, держи, — он протянул мне короткую сигарету без фильтра. Я вставил ее в пасть, блаженно затянулся...

Некоторое время я стоял с закрытыми глазами, чувствуя приятное головокружение, а открыв их, обнаружил, что оба типа в хаки уставились на меня, открыв рты и забыв про трофеи. Это называется рассеянностью — забыл, что ребята к Чародеям не привыкли, прикурил от пальцев...

Наконец курносый обрел дар речи:

— Так ты что — и есть тот самый колдун?

— Я — Чародей, — сухо поправил я. Вообще-то, кого-либо из Чародеев колдуном обозвать — обычно такие вещи влекут за собой разборки вплоть до дуэли, но ребята явно меня обидеть не желали.

— Ну, пусть так, — уступил он. — А ты что — в самом деле все можешь?

— Ты не видел, как он за полторы секунды с пятерыми неандертальцами разобрался, — ухмыльнулся Роджер. — Так что будь поосторожней. Кстати, Мик, рекомендую: этот трепач называется Вилли, а того, кто с мешками разбирается, мы называем Большой Швед.

Мы с Вилли обменялись рукопожатиями, Швед кивнул, вытирая ладони о штаны, потом сообщил:

— Патронов надолго хватит. Тут еще интересные вещи есть.

— Ага... — пробормотал я, растягиваясь на земле. тут я опасности не чувствую, впервые за последние дни. И напряжение пропадает куда-то. Можно расслабиться, я ведь устал, как сто китайцев...

— А как ты с неандертальцами разделался? — не унимался Вилли.

— Показать?

— Нет, спасибо. Вот как-нибудь специально для этого соберемся...

— Где там ваши раненые? — прервала его Гельда. — Не люблю время терять.

— Сейчас покажу, — откликнулся Швед, выпрямляясь.

— Если вздумаешь ей клинья подбивать — смотри, нам лишние пострадавшие ни к чему, — предупредил им вслед Роджер. А меня уже ничего не интересовало, я растянулся в траве и прикрыл глаза. И мир вокруг растворился.

ГЛАВА 12.

— Э, Чародей, вставай, кофе остынет!

— Где?! — я одним прыжком очутился на ногах. Рядом со мной стоял ухмыляющийся Вилли.

— Ого, вот это ты подскочил! Я тебя уже полчаса бужу.

— И как? — поинтересовался я.

— Ты лягался и говорил нехорошие слова. Слушай, я кое-какие обороты не запомнил. Не мог бы повторить?

— В следующий раз держи наготове карандаш. Так где там кофе?

— Пошли. Мы двинулись к постройкам. Каменные — явно из каких-то руин разобранных сложили, они больше смахивают на сараи. А деревянные домики вполне аккуратные, несколько совсем новых. Через дорогу проковылял пацаненок, лет, наверно, двух, на следующем крыльце молодая женщина кормила грудью ребенка. Все мирно так...

Вилли в ответ на мой взгляд усмехнулся:

— А ты как думал, Чародей? У нас тут все по уму.

— Не знал, что у вас тут женщины есть, да еще с детьми.

— Когда узнаешь, что у нас тут есть...

— А сколько вас вообще здесь?

— Мужиков около сотни, почти все с семьями.

— И все — бронепехота?

— Ну, ты хватил... Нас тут десятка два осталось.

— Ты-то уж точно из бронепехоты.

— А что — заметно?

— Как тебе сказать... Это сразу не проходит. Не каждый же способен полчаса слушать, как его сонный Чародей поливает матом.

— Ты мне все-таки кое-какие слова спиши... Ладно, тебе сюда, — он указал на бревенчатую халупу с низким крылечком.

— А ты что ж?

— Дела, дела... — дальше он разговор продолжать не пожелал и скрылся между

домами. Я пожал плечами и открыл без стука низкую дверь.

Обстановочка почти спартанская — два топчана, стол, табуреты. Еще что-то вроде сундука, и на нем расположился Роджер:

— Ждешь тебя, ждешь... Наливай себе кофе.

Дважды меня просить не пришлось, я быстро налил из стоящего на столе котелка дымящуюся ароматную жидкость — полную глиняную кружку. Эльф сидел тут же, скукожившись на неудобном табурете, и сосредоточенно потягивал кофе, явно не понимая, как это люди могут пить такую гадость. А отказаться ему, вероятно, гордость не позволяет... Пекторалис у Лескова явно из эльфов происходил — тоже железная воля...

— А Гельда где?

— Ранеными занимается.

— Понял, — я устроился на табурете, привалился к стене и взял кружку.

А ведь кофе я не пил года два, не меньше... Вкус словно в другую реальность переносит, словно я не здесь, а «там», в своем мире, и нет никакого Ордена на свете, никакого Института, снова мне двадцать, снова я считаю себя непризнанным гением живописи, и тут же вспоминаются кухни — Бург, Питер, Камчатка, Н-ск, треп до потери пульса, сигареты и кофе, треп до оудрения и рассвета, наполеоновские планы... Я вздохнул и поставил на стол пустую кружку, Роджер усмехнулся:

— Что, ностальгия?

— Не без. Кофе не пил уже триста лет, вот и нахлынуло.

— Да, у меня с этим напитком ассоциации не столь приятные возникают. Ну да речь не о том. Расскажи хоть о себе — как ты сюда попал, чем занимался, где неандертальцам на хвост наступил...

Так, пошла проверочка. Несмотря на небрежный тон вопроса чувствую, что сейчас каждое мое слово Роджер на ус наматает, будет ловить меня на всевозможных противоречиях. Ну, в этом-то его можно понять — они ведь фактически в осаде.

Тщательно взвешивая слова, я поведал всю историю — начиная с загадочного появления Дэна в моей квартире и кончая настоящим моментом. Слушал меня, не перебивая, даже эльф. Когда я закончил, Роджер потер ладонью небритый подбородок:

— Да, влетел ты в историю... Значит, не знаешь, чего ради за тобой Институт гоняется?

Подтекст вопроса прозрачен. Ежели меня сюда решили внедрить, лучше прикрытия не придумаешь — отлученный, бродяга, Институт преследует...

— Без понятия. Есть некоторые соображения, но все на уровне домыслов и гипотез.

— Поделись.

— С удовольствием. Если тебе надо неприятностей, ты их уже нашел. Маза такова, что я, непонятно, каким образом, влетел в жесткую разборку между мирами.

— Ты имеешь в виду Пятерку?

Так, новое слово...

— А что такое Пятерка? — эльф на секунду опередил меня, задав вопрос.

— Мир, который эльфов не заинтересовал, — с легкой ехидцей растолковал Роджер. Хорошо еще, что эльфы к сарказму не чувствительны, а то ходить бы Роджеру без головы — за то время, что я шатался с Хельгом по лесам, я убедился, что он страшно обидчив.

— А все-таки? Я тоже о Пятерке впервые слышу.

Он некоторое время смотрел на меня, приоткрыв рот, потом выдавил:

— Слушай, а ты вообще уверен, что ты Пришлый?

— Я уже ни в чем не уверен. Я и об Институте неделю назад узнал.

— Ладно. Значит, союз Пяти Миров, он же Пятерка, контролирует фактически весь переброс по мирам. Этот союз, в общем-то, и есть Институт, имеется в виду то, что во всех мирах Институт один. Был. А вот из твоих слов выходит...

— На мои слова не опирайся, это гипотеза, не более того. Слушай, раз ты насчет меня кой-чего знаешь, может, расскажешь, какова официальная версия всей этой лабуды?

— У институтских имеет хождение легенда, что ты агент, но не их, а из Приграничья.

Об этом ты, надо думать, тоже впервые слышишь?

— Само собой.

— Миры Приграничья — в принципе, обобщенное название для довольно большой и разрозненной группы технически развитых миров. Какого-то единого, постоянного союза там не существует, между собой они тоже частенько цапаются. Сам понимаешь, развитые....Ну и доразвивались до того, что ни экологии не осталось, ни жизненного пространства, так что дерутся за любой пригодный для жизни плацдарм. Но этот мир Институт контролирует.

— Пожалуй, всей нездоровой суеты вокруг меня это не объясняет.

— Наверно...А в твоём рассказе несходняков хватает.

— Сам знаю, — буркнул я.

— Как-то странно получается, — словно не слыша меня, продолжил он. — Ну, мечом ты работать быстро научился, ладно...Но За полтора года пройти обучение по чародейским делам — так не бывает.

Я развел руками:

— За что купил...

— Хотелось бы полную уверенность иметь, а то ребята из Приграничья нас тоже сожрать не прочь.

— А если у тебя полной уверенности нет, так какого же ты?... — поинтересовался я, вытаскивая сигарету из пачки на столе.

— Нам нужен хоть один Чародей. Это правда, что вы опасность можете чуют?

— Абсолютная. Но только конкретную и в данный конкретный момент. А кто вас атакует?

— Орден. Не слишком усердно, но все же наших ребят в долинах ловить начали.

— А платит император? В частности, за твою голову.

— Так.

— Ну вот, простая арифметика — рука руку моет...

— Ладно, значит, не из Приграничья ты?

— Насколько мне известно, нет. И к Институту...

— Насчет этого понятно, — Роджер хмурился, сосредоточенно раскуривая сигарету. — Если б тебя собирались внедрить, вряд ли дали б своим псам приказ сразу стрелять на поражение. Но сдаётся мне, они пока тебя не найдут, не успокоятся.

— Найдут, — мрачно успокоил Хельг, я кивнул:

— Они научились как-то очень лихо меня вычислять.

— Сюда они вряд ли полезут.

— Твои б слова да богу в уши...

— У них есть печальный опыт. Так что я б на твоём месте пересидел здесь годик-другой, пока шухер не уляжется, информации подкопил, над тем, что уже знаю, поразмыслил...

Как раз то, чего мне, собственно, и хотелось. В конце концов, раз здесь у нас Шервудский лес, совсем неплохо оказаться в роли веселого монаха Тука. Во всяком случае, не худший вариант.

— Но ты с этого кучу проблем поймёшь.

— Да ладно тебе, — Роджер махнул рукой. — Мы укреплены почище любой крепости. Тропинка одна, та самая, по которой мы шли, на ней мины натканы.

— Это те железные штуки под землей? — заинтересовался Хельг.

— Они самые. Пока не активированы, езжай по ним хоть на танке, а надо — повернул рубильничек, пустил ток — и чихнешь рядом с ней, уже разнесет.

— У вас и электричество есть?

— У нас много чего есть. В моей секции два инженера было, классные ребята. Я тебя с ними познакомлю.

— Годится...А чем вы тут вообще питаетесь?

— Наладили систему рэкета, укрощаем аппетиты местных баронов, а крестьяне нас за это кормят.

— Вот это по-робингудски. Благородный разбой?

— В общих чертах. Если поставки вдруг прекращаются, снимаем защиту, и через месяц-другой ребята просят пардону.

— Хорошо вы устроились... — я выкинул бычок в очаг. — А не боишься, что местные, которые на вас работают, решат, что хватит им в шестерках ходить, пора бы и оружие в свои руки заполучить? Кстати, забери свою пушку, пока я не поранился, — я вынул из-за пояса ствол и протянул ему, Роджер рассеянно принял его и забросил в ящик стола:

— Это ты правильно заметил... Но во-первых, сюда допускаются далеко не все, отбираем тщательно, жить здесь считается великой честью. А уж к оружию имеют доступ единицы. Остальных и близко не подпускаем. Плюс такой слушок, что с оружием Пришлых могут управляться только Пришлые, потому как мы не совсем люди.

— Сословное деление? — усмехнулся я, Роджер кивнул без улыбки:

— До некоторой степени. А куда денешься, жить-то надо... Да к тому же, винтовками мы и не пользуемся почти. Только на крайний случай, а такое редко бывает. Пару лет назад даже с Институтом мирно уживались — сравнительно, конечно, — мы к ним не совались, они к нам. начальство у них там сменилось, что ли? Новая метла, знаешь ли...

Повисло молчание. Эльфу наш разговор был скучен, и он даже не собирался этого скрывать и с обреченным видом счищал кинжалом грязь с сапога. Помолчав, Роджер хлопнул себя по коленям и поднялся:

— Вот такие, значит, пирожки с котятами... Ладно, пошли хозяйство смотреть.

Хозяйство и в самом деле оказалось отлаженным — в пещерах по склонам запасы продовольствия, кое-какой скот, укрытия — словом, все на случай осады. Мы часа два просидели в тесной клетушке у инженеров, на нижнем ярусе, причем к нам каждые пять минут ломился народ — поглазеть на меня, эльфа и присоединившуюся к нам Гельду. Как объяснил Роджер, свежие рожи тут в диковинку, все знают всех и примелькались настолько, что любопытство мы будем возбуждать еще долго. К тому же, насколько я понял, здесь царит почти полная свобода нравов — поначалу еще случались разборки из-за женщин, но когда пару раз оставшийся в живых участник подобного мероприятия лишился головы, дуэли как-то вышли из моды. Вообще, по первому впечатлению — идиллия. Уж не знаю, как там дальше обернется, но пока мне здесь нравится. Несколько отвык я от такого состояния, когда никуда бежать не надо, не надо ни с кем драться... А при виде электрической лампочки я чуть не разрыдался. Кстати, она и на Гельду произвела неизгладимое впечатление.

Ближе к вечеру в нашу честь устроили гомерическую пьянку, перепились все, кроме, разве что, детей и часовых. Последнее, что я отразил, это то, что мы с одним из инженеров, Ником, щупловатым пареньком с густой бородой, вели важный спор о сравнительных достоинствах различных спиртных напитков.

Так, судя по тому, как трещит башка, вчерашний спор о напитках подкреплялся практическими доводами. В последний раз я так нажрался, когда Малыш и Старый провожали меня в Орден... А если открыть глаза, что мы видим? Во-первых, потолок... Лежу на чем-то типа матраса, набитого сеном. Гельда рядом. И штаны, вроде, на мне. Значит, вчера все было достаточно мирно...

Кое-как выпутавшись из-под плаща, я выбрался на двор и там чуть ли не на минуту сунул башку в бочку с водой. Несколько полегчало, во всяком случае, когда я вынырнул, отфыркиваясь, то обнаружил Вилли. Он подпирал стенку И, склонив голову набок, с усмешкой наблюдал за мной.

— Очнулся, значит? Крепкая у тебя голова...

— А что, сильно я вчера?

— А, так ты не помнишь?

— Кончай издеваться, лучше просвети. Помню, пили мы с Ником...

— Это что! После того, как Ника унесли, пить с тобой сел

Швед.

— И?..

— Ты не знаешь, что такое Швед?

— Вернее, не помню.

— Вы с ним где-то в течение часа вперегонки хлестали ром кружками. Я даже тотализатор организовал.

— И кто победил?

— Дружба. Вырубились вы одновременно. Слушай, где ты так пить научился?

— На Камчатке. А дальше?

— А потом я тебя пытался спать увести, а ты меня называл почему-то Дэном и рвался в бой. Стоять, правда, уже не мог

— Ладно, не продолжай, мне уже стыдно... Потом, значит, я съел кактус и уснул на подоконнике...

— Приблизительно. Здоровы же пить Чародеи...

— Не жалею, — пробурчал я. — Но, насколько помню, меня сюда не только побухать звали, а мои конкретные функции пока еще толком не определены, и Роджер на сей счет молчит, как рыба об лед.

— Так спроси у него, — Вилли указал подбородком на что-то, находящееся за моей спиной. Ох, неудобняк: Роджер. И тоже ухмыляется.

— Ладно, Чародей, пошли, проясним ситуацию.

Я пожал плечами и двинулся за ним, почти тут же откуда-то возник Хельг и зашагал рядом со мной. Ладно, если ему так нравится в телохранителя играть, я против ничего не имею...

Мы вошли в знакомую уже хижину, и Роджер, ни о чем не спрашивая, сразу протянул мне полную кружку кофе. Эльф на сей раз с негодованием отказался. Кофе несколько взбодрил меня, во всяком случае, мне перестало казаться, что внутренности мои вибрируют со страшной частотой — наверно, потому, что в кружку оказалась подмешана основательная порция какого-то спиртного.

— Отошел? — Роджер сидел чуть в стороне от стола, нога на ногу, и шурился на меня сквозь сизый дым сигареты.

— Ага. Ты там что-то собирался растолковать насчет моих здешних задач?

— А ты вчера не понял? Я ж говорил — Орден на нас атаку ведет.

— Конкретней, пожалуйста. Как именно?

— Н-ну... — он разбил дым рукой. — Вообще-то в самом Гнезде нас пока не достали, а вот в долине с нашими ребятами парочка странных умертвий приключилась. Одного нашли — в коме, причем на теле никаких следов. Так и не откачали. Одного подобрали на подступах — смотреть страшно, весь перекрученный, как мокрая тряпка.

— Это точно не Орден, — решительно заявил я. — Больше на нежить смахивает.

— А вы, Чародей, навести ее можете?

— Теоретически. Но это под таким запретом... Хотя вообще-то странно: в горах нежить и нечисть всякая обычно появляться избегает. Ладно там, оборотень или волколак, но вот то, что ты рассказываешь...

— Я к тому, что, возможно, на Гнездо и Орден зубки точит.

— Слушай, а что им всем вообще от вас надо — Институту, Ордену?

— А что им от тебя надо? — вопросом на вопрос ответил Роджер. — У них же заскоки глобальные, кто их разберет? Насчет тебя, кстати, я тут подумал: а может, тип, что тебя сюда закинул, изначально тебя убрать хотел?

— Не стыкуется. На фига такие сложности?

— Тоже верно. Со мной так не церемонились.

— Ты бы хоть рассказал, а то я вам уже всю свою подноготную выложил, а о вас пока ничего не знаю.

— А, — Роджер снова разбил рукой дым и выпустил короткое злое ругательство. — Не

укладываемся мы в историческую экологию, или как оно там называется. Шесть лет уже тут кукуем. А угадали мы сюда — это вообще сказка. Меня-то в одном из миров Зоны завербовали...

— Сколько ж у вас, людей, миров? — голос Хельга прозвучал почти иронично — редкий случай. Роджер его проигнорировал и ответил на мой непрозвучавший вопрос:

— Миры Зоны — это миры, где Институт имеет официальный статус. Не то что бы колонии, просто миры с менее развитой технологией. И пушечное мясо, вроде меня, вербуют именно там. Войны-то постоянно идут...

— А из-за чего?

— Думаешь, мне объясняли? — криво усмехнулся он. — Я ж тогда только после Академии, звание получил, щенок совсем — и тут подкатил ко мне вербовщик. Наплел с три короба — насчет благородных целей, защиты свободы, контракт предложил — не контракт, а разлюли-малина, ну я, сопля дурная, и подмахнул в присутствии трех свидетелей. А в контракте оказалась парочка симпатичных ловушек, и не имел я по этой бумажке никаких особых прав и привилегий. Врать не буду, платили хорошо, но по условиям, меня в течение десятка лет могли в любую задницу пихать.

— Погоди-ка, а в самой Пятерке ты был?

— Как же, черта лысого! Сидели почти безвылазно на какой-то базе, якобы жестоко засекреченной, городишка рядом — смех и грех, на все это недоразумение один кабак и две нормальных бабы, так что когда на операцию послали — не поверишь, обрадовался. Я тогда секцией бронепехоты командовал — три легких машины, две тяжелых, два десятка obsługi, сорок десантников, половина — щенки необстрелянные, Вилли тогда из таких же был. Естественно, операция назначается в другом мире, и естественно, никаких координат на этот счет нам не дают. Ничего кроме карты, направления, ориентиров... В общем, рванули. Первая машина прошла, я на второй, на тяжелой. Прыгнули. Я сразу сообразил — что-то не так, а потом и понять-то ни хрена не успели. Такое ощущение, что с высоты метров, наверно, десять гробанулись, в машине — все друг на друга, ребята орут, двое — сразу насмерть, в том числе водитель, оптические системы — к черту... Ну, думаю, влетели. Началось. Сами ослепли, другие машины вызываю — одни помехи. Делать нечего, выглядываю. Вокруг, сам понимаешь, горы, стоим метрах в двух от пропасти. Я сначала думал — сбрендил, на карте-то никаких гор... Потом прислушался — тихо, никто в нас не стреляет. Огляделся — одна машина в котловине, вторая рядом с нами приземлилась, еще одна винзу догорает. Куда последняя делась — до сих пор не знаю. Уцелело нас — человек сорок, половина пораненные, с переломами, ну, шлепнулись здорово. Ладно, думаем, ошибка, сидим, ждем, когда нас отсюда вытаскивать будут. Недельку ждем — никого. Отправил троих ребят на разведку — выяснить хотя бы, куда это мы попали и что тут к чему. Часика через четыре возвращаются мои разведчики, шары по полтиннику, волосы дыбом. Рассказывают: прошли немного, повстречали типа в латах и с арбалетом, давай его выпрашивать — а с тем истерика, он их за каких-то колдунов принял...

Отлично представляю состояние того парня: топал себе по лесу со своим верным арбалетом, и на тебе — напоролся на автоматчиков...

Роджер помолчал немного, продолжил, голос его звучал ровно:

— Ну вот, опуская подробности, принялись мы тут в конце концов робингудить помаленьку. Тоннель отрыли, через который мы пришли — он завален был, — пещеры в склонах нашли — натуральная крепость, только непонятно, кто и когда построил. Оружия — ворох, только человеку там ничего не подходит... Потом покажу. И вот, только все более-менее в норму пришло, являются ко мне два клоуна из Института, давай мне жевать насчет исторической экологии, всякого прочего... Объясняют, что мы тут лишние, предлагают возвращение организовать, контракт восстановить... Ну, я как про контракт услышал — совсем взбеленился. А с какой, говорю, стати вы решили, что я контракт собираюсь возобновлять? И из ребят моих на это никто не пойдет. Они давай на сознательность давить, про историческую экологию рассказывать... Меня и прорвало. "Где ж вы, говорю, были

стервы, пока мы тут пропадали?!" — в голосе Роджера впервые за все время рассказа прозвучала неприкрытая злость. — Они туда, сюда, потом говорят: если вы не согласитесь, мы вас уничтожим. Валяйте, говорю, попробуйте. Они ребятам предложили: кто с ними уйдет, будет вольной птицей. Знаешь. — он улыбнулся даже с некоторой гордостью, — ни один не ушел. Этих двух придурков чуть не повесили, еле отбил. Короче, попытались они нас и в самом деле уничтожить, чуть не в тот же день, только ни фиги у них не выгорело, кроме неприятностей.

— Погоди-ка, — я поскреб бороду. — У них ведь, по идее, полное техническое превосходство.

— Так это по идее... На самом деле существует у них какой-то пакт — в Пятерке, в Зоне, даже в Приграничье. Досконально не знаю, просто переброс в слабо развитые миры высоких технологий резко ограничен. В частности, любого оружия, исключая, по-моему, только стрелковое. А потом, технология технологией, но знание местных условий что-нибудь, да значит.

— Ага. А я, значит, нужен для эффективности защиты?

— И еще, пожалуй, для коллекции.

— Я в принципе согласен. Только у меня по отношению к ребятам, смертникам, вроде меня, тоже обязательства имеются.

— Эту институтскую публику я знаю. Не дадут они тебе их выполнить, каких бы благ ты им при этом не желал.

Похоже на правду... А с другой стороны, совесть моя чиста — Друга Апачей я с весточкой отправил, а на пулю прыгать — я еще не настолько сдурел...

В распахнувшуюся со стуком дверь влетел Большой Швед:

— Роджер! Парламентеры, идут к ущелью!

Роджер поднялся, затянул пояс, физиономия — танком:

— Институтские?

— Похоже, так.

Хельг неодобрительно покачал головой и проверил, легко ли ходят сабли в ножнах. Весь пердыдущий разговор он явно списал за счет эксцентричности рода человеческого. Роджер повернулся ко мне:

— Ты со мной?

— Конечно. Спорим на пачку сигарет — будут требовать мою голову?

— Принимается. Швед, разбей.

Договорили мы уже на ходу, а потом Роджер дунул так, что я еле успевал за ним. Хельг по своему обыкновению пристроился чуть позади меня.

Так, а в ущелье, по которому мы сюда пришли, выходит эта стенка. Наблюдательный пост по уму сделан: бортик из камней, что-то типа дозорной площадки... А в нескольких метрах вниз по склону, до половины гусениц в траве — здоровенный танк. Да, хоть невооруженным глазом видно, что сняли с него все, что только можно снять и что может понадобиться, все равно внушительно выглядит. Приплюснутая громадина серо-стального цвета, ствол задран в небо, как хобот атакующего слона, колеса чуть не по грудь мне, траки гусеничные щерятся шипами размером почти в ладонь... Я не сразу разглядел троих рядом с этой машиной — один с автоматом и в хаки, двое в зеленых суконных куртках и с арбалетами. Тот, что с автоматом оказался Вилли, он сообщил — на сей раз кратко:

— Трое. Вон они.

Ага, теперь и я вижу. С обрыва тропа как на ладони, и на ней, десятках в двух метров внизу, три фигурки в пятнистой форме, еле различимые на фоне камней, один размахивает малюсеньким, меньше носового платка, белым лоскутом. Ох, не нравятся мне эти переговоры...

— Эй, стойте, где стоите! — Роджер гаркнул так громко и неожиданно, что я чуть не сверзился вниз, на тропу. Троица внизу послушно остановилась, передовой задрал голову:

— Эй, капитан Роджер! Мы хотим говорить с тобой!

— Вы со мной уже говорите.

— Может, поднимешь нас к себе, чтоб не приходилось орать на весь кряж?

— Я сказал, стойте где стоите! А чтоб не приходилось орать... — он повернулся и бросил через плечо негромко: — Давай, Швед.

Ого! Бронепехота не шутит! Швел извлек из мешка что-то вроде пары полевых телефонов и приличную катушку провода, через пару минут один аппарат оказался внизу, Роджер щелкнул каким-то переключателем:

— Ну как, не приходится орать?

— Спасибо, не приходится, — голос в трубке звучал несколько гнусаво, но расслышать вполне можно. — Значит, так, капитан: мы готовы оставить тебя и твоих людей в покое. Раз и навсегда.

Роджер удивленно вскинул брови:

— Ого! С чего бы это? И не задаром ведь?

Голос в трубке заквакал, кажется, слегка насмешливо:

— Всего одна маленькая услуга, капитан. В обмен на это нам нужна голова некого Мика Меченосца, так же известного как Михаил Ордынцев, а так же, по возможности, головы его спутников.

М-да, на редкость соблазнительные условия... И мне в данной ситуации особенно не светит, против всей колонии нам троим в драке не выстоять.

Роджер скривил рот, потом неожиданно подмигнул мне и сообщил в трубку:

— Принял к сведению. Если он нам попадется... В общем, постараемся его достать.

— Не валяй дурака! — резко ответила черная трубка. — мы тоже не идиоты, и знаем, что он у тебя в Гнезде. Более того, спорить готов, он сейчас рядом с тобой стоит!

— Ошибаетесь. Я даже не знаю, о ком речь.

— Отлично знаешь, капитан! Не пытайся лучше нас нагреть. Этот человек нужен нам. Подумай как следует.

— Нужен? — насмешливо протянул Роджер. — Вы хотите попробовать прийти и поискать?

— Именно. Мы придем и поищем. Даем тебе час, чтоб одуматься, а дальше — пеняй на себя. Разнесем вас. Ты подумай, капитан, сколько твоих людей погибнет!

— Не думаю, что больше, чем ваших.

— Ну, вижу, с тобой спорить без толку. на всякий случай передай своим людям — если кто захочет лично отличиться и спасти колонию, он получает полное отпущение грехов перед законом и жизнь в любом мире по своему выбору. А если нет — две тысячи золотых за Меченосца и по четыреста за эльфа и ведьму. До скорой встречи, капитан!

Вот такие, значит, пирожки. Не скупятся ребята. Ну и гадство, в самом деле — сейчас тут и из-за меня кучу народу перебыют. Не знаю уж, чем Институт реально располагает, но говорили очень уверенно, а когда по твоей милости кровь льется — очень, надо сказать, неприятно. Видно, дорого стоит моя шкура...

— Держи свой выигрыш, — Роджер протянул мне пачку сигарет, я рассеянно распечатал ее и прикурил от знака Огня:

— С-слушай... Они ведь весьма выгодные условия предлагали. И арифметика получается явно не в мою пользу.

Роджер, похоже, мои слова мимо ушей пропустил. Он спустился чуть ниже по склону, уселся, поджав ноги, и молча курил, внимательно разглядывая дым, словно пытаюсь в нем ответ найти. Швед, сосредоточенно сматывающий провод, сплюнул, глухо выругался и проворчал:

— А кто сказал, что им верить можно?

— Ладно, ребята, все об одном: мне надо сваливать.

— Кстати о птичках, — Роджер приподнялся, — а как это они тебя находят? Или на пушку берут?

Я криво усмехнулся:

— Технологии не знаю, но получается у них очень здорово. Ладно, братва, поможете мне выбраться?

— Не пройдешь, — решительно помотал головой Швед. — Снайперы.

— Никак не пройти, — подтвердил Роджер. — Да и я не имею права тебя отпускать, я ж сам тебя сюда притащил, а у нас предательство по отношению к кому бы то ни было карается смертью. Раз уж мы сами себе такие законы придумали, не нам их нарушать, — странно, такое впечатление, что оправдывается...И когда ж я от такой вещи, как порядочность, отвыкнуть успел?..

А Роджер тут же переменялся, подобрался и отрывисто скомандовал:

— Значит, так: боевым группам полная готовность, разойтись по постам. Резерву быть на связи. Вилли, действуй.

— Понял.

— Швед, женщин и детей в укрытия. И еще, парни: об условиях, которые неандертальцы предлагали, не трепаться. Все, пошли.

Он мотнул мне головой, и я двинулся за ним. Чего-то не хватает...Оглянувшись, я понял: Хельг куда-то делся. Странно, я уже с ним успел свыкнуться — этакая тень с саблями...

Роджер через плечо осведомился:

— Со штурмовой винтовкой обращаться умеешь?

— Только с охотничьим карабином...Ладно, разберусь. Ты только покажи, куда нажимать.

А внизу — словно в разворошенный муравейник попали, но только на первый взгляд. Женщин и детей уже не видно, мужики, почти все с оружием, деловито разбираются на группы. Дорого пересек коренастый парнишка в хаки — он, обливаясь потом и яростно матерясь, пер на плечах спаренный пулемет, явно снятый с танка.

Роджер отодвинул в сторонку часового у массивной темной двери приземистого амбара без окон, нырнул внутрь. Вынырнул он уже с двумя винтовками, одну перебростил мне:

— Держи. Калибр — 7,62, магазин на тридцать пять патронов, скорострельность очередями — 750 в минуту.

— Если в минуту, тогда ладно, — согласился я, вешая автомат на плечо дулом вниз. Да, стильная штучка, типа М16. — Погоди момент, — я кинулся к хижине Роджера. Меч-то у меня там остался! Автомат автоматом, но с холодным оружием — оно как-то надежней. Глупо, конечно...Ан, нет, не так уж глупо — обернувшись, я обнаружил Роджера, он сосредоточенно прилаживал на себя широкий пояс с мечами. Он подарил мне понимающий взгляд, но сказал только:

— Завернем к инженерам.

У инженеров дым стоял коромыслом. Ник, вчерашний мой собутыльник, почти невидимый в сизых облаках, зажав в зубах сигарету, копался в недрах коммутатора, собранного из какой-то немыслимой рухляди. Нас он приветствовал мычанием и коротким взмахом руки. Я робко пристроился у стенки, подальше от мешанины оголенных проводов. Да, оказывается, с танка кучу полезных приспособ отвинтить можно...

Наконец Ник вытер лоб рукавом и сообщил:

— Порядок. Должно работать.

— А мины проверены?

— Пусть неандертальцы проверяют, — Ник щелчком сбил пепел. Словно в ответ на его слова что-то звонко и раскатисто лопнуло далеко снаружи. Он невозмутимо констатировал:

— Вот, одну уже проверили.

— Значит, уже полезли...Где там твоя связь хваленая?

Ник широким жестом указал на грубое подобие пульта, Роджер тут же устроился на колченогом табурете, защелкал переключателями.

— Первый наблюдательный, говорит главный. Чисто? Тогда конец связи. Второй, второй, вызываю второй...Где вы там пропали? Что? Точно отходят? На мину, говоришь,

напоролись? Ну, не расслабляйтесь...Конец связи. Третий, третий! Главный вызывает! Ты не давай, а доложи обстановку. Что значит — никакой? Так бы и сказал...

Четвертый, пятый...А я покуда, вроде, и не при делах. Обидно даже.

Наконец Роджер поднялся, бросил Нику:

— Значит, перекинь мне всю связь на седьмой наблюдательный.

— Понял.

— Пошли, — бросил Роджер мне, выкатываясь из пещеры, я поспешил за ним.

— На Горелой Просеке неандертальцы что-то мутят, — сообщил Роджер на бегу. — Если то, что я думаю, может выйти очень нехорошо.

Не нравится мне все это...Надеюсь, обойдется без стада орденцев...А бегать с винтовкой, оказывается, весьма неудобно — постоянно по заднице лупит, и каждый момент я ожидаю, что сейчас мне ногу прострелит.

По малоприметной тропинке мы, пыхтя, взобрались на северный склон, там нас уже поджидали — бородатый парнишка в кирасе, но с автоматом, два арбалетчика. Еще один, долговязый и в хаки, присев на корточки за кучей камней, напряженно изучал что-то в бинокль.

— Ну, что там у них?

— Погляди сам, — долговязый обернулся и передал Роджеру бинокль, Роджер приник к окулярам где-то на минуту, потом коротко и яростно выругался и сунул бинокль мне. Так-с...Вон она, Горелая просека, та самая, на которой мы с институтскими разобрались. Теперь там еще пятеро, в серо-коричневой форме, суется вокруг чего-то, смахивающего на воткнутую в землю трубу. И как-то меньше всего нравятся мне железные ящики, судя по всему, к этой самой трубе и прилегающие...А вот что в них — не разглядеть.

Я опустил бинокль и рискнул предположить:

— Миномет?

Роджер хмуро кивнул и пробормотал:

— Только то и утешает, что год назад минометов два было...

Я не стал уточнять, куда девался второй — Роджер уже повернулся к долговязому:

— Рон, это по твоей части. Попытайся им помешать.

Долговязый вздохнул:

— Ветер сегодня неровный. Ну, попытка не пытка, — с этими словами он отвалил большой камень и бережно, как скрипку Страдивари, извлек какой-то длинный предмет, завернутый в одеяло. Потом так же аккуратно раскутал винтовку с оптическим прицелом и облегченным прикладом, загнал в ствол патрон и распластался на камнях, разбросав длинные ноги.

— Мик!

Сердце провалилось, потом подскочило. Мать твою, Гельду-то я и забыл предупредить, чтоб она из пещер носу не высовывала! Убьют ведь дуру, в самом деле! Я крутнулся, как в одно место ужаленный:

— Ты что здесь делаешь, идиотки кусок?! — не голос, а прямо шип змеиный. — Марш в укрытие, живо!

— Еще чего!

— Бегом, сказано!

— А чего это ты разорался? Стрелы сюда все равно не...

Воздух вспорол пронзительный, впивающийся в уши как бурав, нарастающий вой, я только и успел, что сбить Гельду с ног и накрыть своим телом. Гулко шваркнуло ниже по склону, по спине забарабанили камушки, среди них попалась парочка довольно увесистых — и мир наполнился звенящей тишиной.

Медленно приподнимаюсь, не слыша ничего, кроме комариного какого-то звона. Роджер беззвучно шевелит губами, судя по выражению лица, ругается черными словами, Рон, оскалившись, зажимает ладонью рану в плече. Один из арбалетчиков, раскинув руки и ноги, лежит в расползающейся по камням темно-красной луже. Я не целитель, но знаю —

этому уже ничем не поможешь...Поворачиваюсь к Гельде, совсем близко вижу ее округлившиеся глаза, в них — ужас. Не слышу, скорей читаю по губам:

— Что это было, Мик?

— Это, радость моя, называется минометный обстрел...Ворона. Стрелы ей подавай.

— Помоги Рону, — коротко попросил Роджер. Так, значит, я не навсегда оглох. Гельда тоже потихоньку пришла в себя и занялась раненым.

Новый удар внизу заставил нас пригнуться, но на сей раз шарахнуло далеко внизу, в котловине.

— По квадратам сядят, твари, — парень в кирасе зло оскалился, демонстрируя прокуренные зубы. — И не заткнешь ведь...

— Почему ж нет? Попробуем, — я даже голоса своего не узнал. И непонятно откуда взялась у меня какая-то мрачная решимость. Этакая уверенность быка на арене. — Гельда! Раз уж ты все равно здесь, когда закончишь — давай контакт.

Свист. разрыв где-то в котловине. Не до того. Я коплю Силу. Роджер, вроде, о чем-то меня спрашивает, я не слушаю даже. Не до того. Гельда подключается ко мне, контакт Сил находится сразу. Предельно собраться. Вложить все Силы в удар. Второй может не получиться. Первый, кстати, тоже. Переждав еще пару залпов, тяжело встаю, подхожу к краю обрыва.

— Подержите кто-нибудь бинокль. Мне понадобятся обе руки.

Чья-то рука подносит окуляры к моим глазам, я держу пальцы сцепленными перед грудью — поза наибольшей концентрации, — чувствую, как где-то внутри у меня нарастает, наливается тугой и тяжелый шар. Сейчас мне все Силы понадобятся — и от Гельды, и то, что я от Ильмиры получил...

Сосредотачиваюсь на маленьких серых фигурках там, на Горелой. Ишь, засуетились...Один вскидывает руку, резко ее опускает, приседает, закрывая руками уши. Из ствола миномета вырывается с дымом пронзительный вой, заканчивающийся разрывом где-то недалеко. Не обращать внимания. Те, на Горелой — не думать о них, как о людях. Они хотят убить нас всех — Роджера, Гельду, Хельга, меня. Главное — угадать момент, второго удара у меня уже не будет. Серая фигурка там, далеко, вскидывает руку, я повторяю ее жест, и когда она пошла вниз, свожу кисти рук в знаке Молота, выкладывая всего себя, словно сам я полетел, как ядро, за своей Силой.

Если кто-то пытался столкнуть с места товарный вагон, стоящий на тормозах, он меня поймет. Но ведь получилось! Не знаю уж, как мне удалось, но я сконцентрировал Силу в знаке в точке около полуметра над стволом, направив мину не под углом, а вертикально. Все произошло очень быстро, походе, мина угодила в снарядный ящик — над просекой взлетело грибообразное тугое облако желтого дыма, а когда он рассосался, я разглядел три фигурки, скорчившиеся в неестественных позах. Еще одна судорожно дергалась чуть поодаль, пытаюсь уползти, но серая спина на глазах набухла темным. Потом кто-то забрал бинокль. Ну и шут с ним. Все равно сил нет смотреть...

Меня каким-то чудом хватило на то, чтобы спуститься на несколько шагов, а потом я повалился на камни и закрыл глаза. Такое чувство, что из меня все внутренности выкачали...В бок впился какой-то жутко неудобный выступ, но повернуться и избавиться от него никак не получается.

— Чистая работа, — кажется, Роджер. — Э, ты чего?

— Не видишь — выложился, — отвечает за меня Гельда и прикладывает ладони к моим вискам. Я чувствую, как боль и усталость утекают через них в никуда, но все равно разбит на мелкие кусочки. Не открывая глаз, командую:

— Выпить.

Чья-то рука подносит фляжку к моим губам, делаю пару глотков, забираю ее, сажусь:

— Сигарету.

Ее вставляют мне в пасть уже зажженной. Затягиваюсь, открываю глаза, но серая пленка перед ними продолжает колыхаться. Снова присасываюсь к фляге.

— Э, не увлекайся!

— Скажи еще, что не заслужил, — огрызнулся я, допивая остатки. В башке слегка зашумело, зато мир снова стал цветным и объемным. Я передал опустевшую флягу Роджеру:

— Теперь и повоевать можно... Сильно они нас?

Роджер, серый от грязи и копоти, сплюнул далеко в сторону:

— Восемь человек. Ранено десятка полтора, от третьего наблюдательного лапша осталась.

— М-да... — промямлил я. — Думаешь, они успокоятся на достигнутом?

— А кто их разберет? Палить пока продолжают.

Да, трескотня автоматов откуда-то снизу воспринимается уже как нечто естественное, вроде сверчков. И чего ради стараются? На таком расстоянии, да под таким углом — не думают же они с нами что-то серьезное сотворить?..

— Э!.. — дальнейшее вылилось в затейливый и ожесточенный мат, бородатый в кирасе, изрыгая нецензурщину, указывал куда-то вдаль.

Мы, как по команде повернулись на крик. Да, есть на что полюбоваться, чтоб его... Из-за ближайшей голой и скособоченной вершины медленно выплыло нечто, напоминающее громадную птицу. Елки-сношалки, мотодельтаплан, но какой! Под громадным крылом — не меньше десятка скрюченных человеческих фигурок.

Я повернулся к Гельде:

— В укрытие, быстро! Рона с собой захвати.

На сей раз она повиновалась беспрекословно — будто испарилась. А дельтаплан-то приближается, словно никуда не торопясь... И так же неторопливо из-за той же вершины выплывает второй такой же, еще, еще... Роджер, побагровев даже сквозь слой пыли, ревет в переговорное устройство:

— Всей команде приготовиться отражать десант! Резерв — готовность нуль! Повторяю, резерв — готовность нуль!

И тут начинается концерт. пока еще далеко, чтоб разглядеть автоматы у тех, на дельтапланах, вижу только дымки и вспышки очередей. Кажется, что все они направлены на меня, что все дельтапланы — не меньше десятка — летят именно сюда. Непонятно, каким образом у меня в руках оказывается автомат, конвульсивно дергается, снова заполняя уши звоном... Спокойно, Ордынцев. Оружие не твой козырь. А они, гады, уже близко. Ладно, я вам сейчас покажу, что такое Чародей, я вам устрою поохотать... Первый дельтаплан закруживается в созданном мной знаке Ворона, в вихре, ныряет вниз, пропадает, второй вспыхивает, врежется в склон где-то под нами, следующая моя попытка кем-то блокируется. Т-твою мать! Там еще и Чародеи! Прежде чем я что-то успеваю понять, гигантская треугольная тень проносится, кажется, над самой головой, на момент закрыв солнце, Юрд лаконично сигналист: "Справа!", поворачиваюсь, выставив автомат...

Их высадилось не меньше восьми, но прежде чем они до нас добрались, половина легла под нашими пулями, нас осталось трое — пуля, попавшая в голову арбалетчика, швырнула его на несколько метров вниз. Первого набежавшего удаётся срубить прикладом, отбрасываю ставший бесполезным разряженный автомат, рву из ножен меч. тут же приходится парировать удар тяжелого двуручного меча — верзила, который за него держится, времени не теряет. Это, братцы, не егерь, не бывает у егерей такой выучки... Форма у него, правда, егерская. И меч у него потяжелее моего... И длиннее... Снова обмен ударами, теперь ясно вижу его лицо под шлемом с короткой наносницей, под рыжими усами оскал, глаза сужены. Парирую удар, закручиваю клинки вниз. Да, фехтовальщик посильней моего, долго мне не продержаться... Рублю с круга по ногам, тут же приходится самому отскочить. А сзади, вроде, обрыв. Снова встречаю его клинок, эфесы мечей сталкиваются с глухим стуком, прыгаю вперед — ударить его наручем в лицо, — но под ногу подворачивается какой-то зловредный камень, подается... В падении еще успеваю заметить, как бородатый в кирасе и один из нападающих переваливаются за край обрыва, потом — кажущийся несильным удар затылком о камни, на миг все смазывается, а когда

восстанавливается, сил на то, чтоб отразить удар уже не остается, широкая сверкающая смерть в руках у рыжеусого взлетает на страшную высоту, потом медленно, как в рапиде, опускается...

А в следующий момент в кадре возникает нога, непонятно кому принадлежащая, но в армейском ботинке, так же, словно в рапиде, распрямляется и попадает рыжеусому в ухо, тот пропадает, чтобы смениться Шведом, который протягивает мне руку, помогая встать:

— Ты в порядке?

— Ага...Встряхиваю головой, оглядываюсь. Роджер полой плаще лежащего «неандертальца» вытирает клинок. Порядок.

Снова короткий Юрдов сигнал: "Сзади!", обернувшись, вижу пятерых, избегающих по склону. Ч-черт, а нас-то всего трое, измотаны при том, как собаки...Ладно, делать нечего, погибнем с честью... Эта мысль мелькает как-то отстраненно, даже иронически.

Нет, как выяснилось, не судьба нам с честью погибнуть: откуда-то, как из-под камней на склоне возникла длинная тощая фигура, блеснули в неярком солнечном свете две тонких полоски стали, воздух потряс пронзительный вопль. Американские индейцы в сравнении с эльфами — жалкие дилетанты в плане крика, даже у меня в ушах засвербело, а что до нападающих, они ожидали чего угодно, кроме такого акустического удара. Трое тут же свалились под саблями Хельга, с остальными Швед и Роджер разобрались за полторы секунды. И тут же меня словно холодной водой окатило присутствие Силы, ребята начали медленно оседать на землю. «Чародеи», — сообщил Юрд на тот случай, если я не заметил.

Обернувшись, успеваю парировать удар спаренной силы, но мозги все равно слегка немеют, разворачиваю между нами знак Щит, усилив эффеттом Зеркала. Работа в паре имеет и свои минусы — по отдельности они бы меня уже замочили. Но ведь они близко, их двое и они с оружием...Приемом, усвоенным еще с Зачарованного, выдергиваю из нокаута Хельга, бросаюсь вперед одновременно с ним, первый Чародей сгибается пополам, прижимая руки к животу, а второй...

— Хельг, этот мой! Дикс, ублюдок, молись!

Похоже, в моем голосе прозвучала такая искренняя и неподдельная радость, что Дикс, бедолага, совсем растерялся, так что и к защит е толком не приготовился. Мне даже Силой пользоваться не пришлось — я без труда его обезоружил, а потом в полной мере использовал рост и вес. Хватит с меня его приколов — первым делом я снял у него с шеи Камень, связал его, а уж потом занялся приведением в чувство Роджера и Шведа.

Бой, кажется, подходил к концу — внизу, в котловине, затухала вялая перестрелка, но к тому времени, как мы оказались в состоянии ломануться на подмогу, все затихло. Роджер уселся на связь — хоть итоги подвести. А они оказались очень нерадостными: два десятка убитых, почти полсотни раненых. Несколько утешало, если такие вещи могут служить утешением, что «неандертальцы» потеряли четыре своих машины и около пятидесяти человек. Позже обнаружилось, что среди убитых — двенадцать орденцев. Не сказал бы, что меня это обрадовало.

Роджер наконец поднялся и вставил в зубы сигарету:

— Не думаю, что сегодня еще раз сунутся. Мы их основательно обработали.

— Знать бы еще, из-за чего сыр-бор, — простодушно вздохнул эльф, мы мрачно на него покосились. Хотя что тут растолковывать, все равно никогда ни эльф человека не поймет, ни тем более человек эльфа, хоть мы с Хельгом друг к другу, можно сказать, привязались.

— Пошли, что ли, — вздохнул Роджер, вскинул на плечо винтовку как посох и первым зашагал вниз, к поселку.

Не успели мы спуститься, навстречу нам выкатился Вилли — на голове грязная тряпица, левый глаз почти совсем заплыл, но в правом еще горит азарт.

— Живые? Вот уж не думал.

— Не дожدهшься, карьерист.

— Слушай, эти летучие хреновины, по идее, хорошо гореть должны. Может,

зажигательные пули опробовать?

— Не думаю, что они снова с высадкой десанта свяжутся. А вот какой-нибудь гадостью нас закидать...

— Значит, нужна система ПВО.

— Инициатива наказуема исполнением.

— А ты думал? — Вилли напыжился. — Пока вы там прохлаждались, я успел и с инженерами побеседовать, они теперь всякую гадость налаживают — отражатели, дуговые лампы...

— Это все, конечно, здорово, но вот с энергией как? У нас половину ветряков снесло.

— Говорят, хватит.

— Ладно, пошли-ка сейчас к ним. Ты с нами, Мик?

ГЛАВА 13.

У инженеров мы просидели почти до ночи, разрабатывая оборонительные системы. Вернее, разрабатывали остальные, а я просто выдвигал теории и идеи одна другой нелепее. Гельда занялась ранеными, Хельг опять смылся куда-то, а я наконец был изгнан в виду полной технической безграмотности.

Честно говоря, я даже рад, что на таком совете во мне нужды нет, у инженеров в каморке — хоть топор вешай. Вот так, если подумать, за последние несколько часов я выкурил, наверно, больше, чем за почти два года в этом мире, да еще и кофе вылебал литра полтора. С отвычки после такого обычно башка побаливает, так что прогуляться — одно удовольствие, тем более, ночь просто классная. Прохладно, а в котловине нет такого пронизывающего ветра, как везде в этих горах, звезды так и сверкают... Вот ведь, даже на звезды внимание обращать начал, а все потому, что чувствую себя почти счастливым — во-первых, нашлось наконец такое место, где я нужен, где люди дрались за меня, как за своего, и я за них дрался. А потом, не думал я, что такое счастье — снова среди Пришлых оказаться, все же что в Берлоге, что в Цитадели чувствовался некий барьер между мной и местными. Так что решено: отныне я местный Чародей. Хельга тут долго удержать не удастся, вот это жаль. Он же, как ни крути, эльф, бродяжничество у него в крови. Ну а мы с Гельдой тут ко двору пришлись, нет такого ощущения, как у Прокаженных, например — что ты не у шубы рукав...

Из блаженного состояния меня выводит даже не сигнал, а яростный вопль Юрда: "Сзади!!!", пришедший вместе с холодом вдоль хребта, и я уже знаю, что времени на размышления не остается, резко заваливаюсь влево, падая боком в мокрую от матово блестящей росы траву, уже в падении сгибаю правую ногу в колене, метательный нож на голени удобно ложится в ладонь. Короткое "Цвень!" арбалетной тетивы и свист стрелы ливаются, кажется, в один звук, переворачиваюсь на спину — кажется, что очень медленно — и тут же вижу два четких силуэта на тропе, второй арбалет медленно поворачивается ко мне, и не существует уже ничего, кроме него, шарахаю по арбалету знаком Силы — все, что сейчас можно успеть, — стрела входит в землю в полутора шагах от меня с глуховатым стуком. И тут же нож покидает мою руку, поддерживаемый отчаянным импульсом Силы, одна из фигур на тропе запрокидывается, вскинув к горлу руки. Моментально снова оказываюсь на ногах, ладонь холодит лезвие длинного кинжала, висящего на поясе. Оставшийся противник времени не теряет, тянется к длинному мечу у бедра. Снова посылаю сталь в полет, на момент слившись с ее холодной, смертоносной остротой, короткий лязг. У него стальной воротник, змейство! Еле успеваю вытащить меч, звон столкнувшихся клинков оглушает, переносу левую руку на лезвие, шаг вперед — в левую стойку, — глубокий выпад, чувствую, как меч входит в упруго-податливое, короткий крик, ответный удар чиркает по кольчужной груди, выдергиваю свой клинок, полшага назад — и рублю сверху вниз. Кончено...

Рот убитого приоткрыт, тускло отсвечивают широко распахнутые глаза. Знакомое

лицо... Это ж один из арбалетчиков, дежуривших сегодня во время переговоров там, у машины! Со всех сторон приближаются голоса, поднимаю голову и вижу огни факелов. Звон оружия и крики явно кучу народу собрали, а я стою здесь над двумя убитыми и со свежей кровью на клинке. Комментарии излишни. Они дрались за меня — я их убил. И что б я теперь не рассказывал — неубедительно, чего не выдумает какой-то пришелец, да еще и Чародей, чтоб оправдаться... А этих двоих тут знают давно, а поскольку они мертвы, знают их с лучшей стороны. Я рванул завязки у ворота, словно уже чувствуя петлю на своей шее. Люди собрались, теперь и я, и убитые находимся в центре круга диаметром метра три, освещенные двумя десятками факелов. И все смотрят на меня, на лицах — ни ненависти, ни осуждения даже, только какое-то отчуждение. У моих ног лежат двое, которые несколько минут назад были чьими-то мужьями, братьями, отцами... Честное слово, когда меня потащат к ближайшему дереву, я и пальцем не пошевелю... Среди собравшихся замечаю Вилли — он смотрит не на меня, а каким-то затравленным взглядом обводит толпу.

Сзади на плечо ложится рука, не оборачиваясь, уже знаю, что это Роджер:

— Пойдем, Мик.

Иду, как сквозь строй. Никто не пытается остановить меня или что-то сказать, только сторонятся, как от зачумленного. Как от проклятого. Может, я проклятый и есть?..

Мы с Роджером вошли в его хижину, освещенную на сей раз не электричеством, а обычной масляной лампой, он молча извлек из-под стола глиняный кувшинчик и два стакана, плеснул в каждый пальца на три и подтолкнул один по столу ко мне. выпили молча, как на поминках. На вкус я определил — спирт с водой. Помолчали еще немного, потом я закурил, стараясь, чтоб не дрожали пальцы:

— Мне придется уйти?

Роджер, стараясь не встречаться со мной взглядом, кивнул. После долгой паузы произнес глуховато:

— Извини. Просто я тут ничего поделывать не могу. После сегодняшнего может в колонии разброд начаться. Я должен был предусмотреть. Извини.

— Ладно, не расшаркивайся... Все равно спасибо. Ты ж не мог знать, что меня грохнут попробуют.

— Ясно, — махнул он рукой. — Не выдержали ребята.

— Кстати, — скинулся я, — а Гельда с Хельгом? Их-то под это дело не тронут?

— Они с ранеными, не думаю, чтобы что-то им угрожало. К тому же, в Пещерах народу много, не рискнут.

— Хорошо, коли так... Слушай, вас доставать могут только из-за меня, а они вроде бесплатного приложения. Ничего, если они всю эту свистопляску у вас пересидят?

— Ладно. Тем более, пострадавшие постоянно бывают.

— Ну вот и чудно. Я постараюсь до свету убраться.

Роджер ударил кулаком по ладони, верхняя губа вздернулась, словно он собирался выругаться:

— Гадство! Ведь я ж тебя сюда и приволок...

— А я сразу говорил — от меня одни неприятности.

Он невесело усмехнулся, плеснул в стаканы еще понемногу:

— Знаешь, на твоём месте я бы попытал счастья в Диких Землях.

— Все равно через западную границу топать... Нет, сволочи они, Институт этот! Я же из-за них с Орденом поцапался...

Роджер хмурился и теребил ус, что-то соображая, потом вскинул голову:

— Кстати, вот тебе любопытный фактик: сама операция с высадкой десанта была достаточно безнадежной. Такое впечатление, что мозг, за этим стоящий, не знал, что у нас за оборона.

— Можно истолковать и иначе: этот твой мозг не считается с потерями, лишь бы до моей драгоценной шкуры добраться.

— И где ты им на хвост наступил?

— Вот это я и хочу выяснить. У меня на западной границе есть парочка инструкторов, может, они знают.

— Рискуешь, — покачал головой Роджер. Я развел руками:

— А куда деваться? Вопрос покуда в том, как отсюда выбраться, не привлекая внимания.

— Это точно, — Роджер снова помрачнел, как туча. — Получается, я тебя на верную смерть отправляю, тут же снайперов до кучи. Я постараюсь, конечно, провожатых понадежней найти, только «неандертальцы» наверняка все оцепили.

— Ну, лазейка всегда найдется...

— Если знаешь, где искать. А с какой-то гарантией убраться можно только по воздуху.

— По воздуху, — раздумчиво повторил я. — Слушай, тут в разговоре мелькало, что вы одну машину захватили. Ну, этот, дельтаплан, или как его там... Твои техники его отладить смогут?

— Наверно, — Роджер подошел к двери, высунулся:

— Вилли!

Тот появился, как чертик из коробочки, беглым взглядом окинул стол:

— Веселитесь?

— Со страшной силой... Слушай, узнай у инженеров, когда они смогут дельтапланом заняться?

— Так они уже занялись. Пока вы тут керосините, кое-кто трудится, как пчелка.

— Ладно, трутень, выпей и катись.

— Вот она, благодарность... — Вилли осклизнул стакан, вышел, прикрыв за собой дверь. На меня он смотреть избегал. Зато, подняв глаза, я обнаружил, что за мной внимательно наблюдает Роджер.

— А ты что — умеешь управлять мотodelьтапланом?

— Нет, конечно.

— А как ты тогда думаешь...

— Ты говорил, вы пилота захватили. Могу я с ним побеседовать?

— Ты думаешь, он тебя отвезет? Он же институтчик!

— Надеюсь, он еще и человек, — я нарочито лениво потянулся. — И ничто человеческое ему не чуждо, в частности, боязнь Чародеев.

— Хм-м... — Роджер погладил пальцами небритую щеку. — А как ты себе все это представляешь?

— Там видно будет. Тебе, наверно, тоже не помешает от него что-нибудь узнать?

— Ладно, посмотрим, — Роджер подошел к двери и вполголоса отдал какое-то распоряжение. Я с сомнением покрутил жидкость в стакане, потом выплеснул ее себе в пасть. Не помешает, тем паче, работенка сейчас предстоит не из приятных. Но какого хрена, миндальничать я с этим пилотом не собираюсь! Он из тех, кто за моей головой явился, так что если понадобится...

Толком настропалить я себя не успел — в хижину ввели пилота, Роджер жестом отпустил охранников. Елки точеные, кого ж против меня посылали?! Пацан — штаны на лямках, лет двадцать от силы, невысокий, щуплый, обросший, явно "для солидности", недельной щетиной, над правой бровью, ближе к виску, свежая ссадина. Стоит, бычится, на нас исподлобья смотрит.

Мы тоже некоторое время поизучали пилота, потом Роджер кивнул ему на один из табуретов:

— Присаживайся.

Тот поколебался, потом решил, что его достоинства это не уронит и уселся, закинув ногу на ногу. Форсит... Только вот институтский комбинезон без всевозможных ремней выглядит отнюдь не форсисто — грязный, в бурых разводах, мешок.

Я вставил в зубы сигарету:

— Ну что, давай знакомиться. Меня ты узнать должен. Я — тот самый Михаил

Ордынцев, он же Мик Меченосец, Чародей. Это капитан Роджер, а как звать тебя?

Парень промолчал. Я повернулся к Роджеру:

— Он не хочет с нами разговаривать? Мы ему что, не нравимся?

Роджер ухмыльнулся углом рта:

— Ну, познакомимся мы и без его участия. Итак, перед нами показывает характер, — он раскрыл засаленное удостоверение, — некий Аллен, который служит уже второй год и дослужился аж до сержанта. Какой, кстати, род войск?

— Авиация, — на голубом глазу ответил Аллен.

— Мальчик шутит, — сообщил я Роджеру. — Знаешь, Аллен, я тоже люблю такой мягкий, беззлобный юмор. Только давай ты нам сначала на некоторые вопросы ответишь, а потом расслабимся и вволю пошутим.

— Да? — деланно изумился пилот. Я кивнул:

— Именно так, и никак иначе. Во-первых, с Чародеями лучше не ссориться, — я прикурил от пальцев. Как бы то ни было, наглядно подтвердить свои слова не помешает. — Во-вторых, Аллен, то, что я хочу узнать, меня очень интересует, а значит, рано или поздно я это узнаю. Тебя сюда давно забросили?

— Давно.

Я снова обернулся к Роджеру:

— Врет, и не краснеет! Родной, если ты не понял, повторяю: я Чародей. И вижу тебя насквозь, так что врать мне бессмысленно и опасно. Врать будешь своему начальнику. Так давно?

— Шесть дней, — неохотно ответил пилот.

— Вот это уже похоже на правду. Ты из Института?

— Нет.

Я вопросительно глянул на Роджера, тот кивнул:

— Институтские с собой документов не носят, тем более, солдатских книжек.

— Ладно. А сколько вас здесь было, Аллен?

— А это важно?

— Предположим, что не очень. Важней другое, — я вынул из погасшего очага кусок угля и несколькими штрихами набросал на стене лицо Дэна — грубовато, но узнаваемо. — Тебе знаком этот человек?

— А кто это? — очень натурально удивился Аллен.

— Начальство, парень, надо знать в лицо, — наставительно заметил Роджер.

— Какое?

— Тип, которого я изобразил, должен был командовать вашей группой. Это он?

— Допустим, — осторожно согласился пилот, я удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Вы якобы случайно встретились с орденами, ими командовал Магистр, ну, с серебряным обручем на лбу, небольшого роста, бородатый. Лет где-то тридцати пяти. Так?

— Допустим, — теперь Аллен явно начинает нервничать.

— А не показалось ли тебе, Аллен, что для средневекового Магистра он очень неплохо разбирается в современном автоматическом оружии? — это уже называется "стрельба по площадям", а еще проще — пальбой наугад, но по тому, как он отвел глаза, я понял — попал. А теперь надо развивать успех, не давая ему опомниться.

— А знаешь, откуда у меня такая информация?

— И откуда же? — спросил он безо всякого интереса.

— От тебя, Аллен.

Он так и подскочил:

— Как это — от меня? На пушку берете...

— Тихо, тихо... Я не шучу. Все это можно узнать от тебя, причем без всяких там грубых воздействий. И сей факт может очень заинтересовать некоторых личностей из офицерья. Они, понимаешь, не знают, что такое Чародей.

— Шантаж? — усмехнулся пилот. Роджер одарил его дружеской улыбкой:

— Догадлив.

— Только мы еще не подошли к основной части, — я мягко улыбнулся. — Как ты понимаешь, Аллен, я могу у тебя узнать все что угодно.

— Почему ж не узнал?

Ну, сейчас он у меня ошалее! Главное, побольше наукообразной ахинеи:

— Видишь ли, Аллен, у нас, Чародеев, есть такая особенность: мы умеем считывать информацию с человеческого мозга. Вот та, которую я получил, она, если можно так сказать, лежит на поверхности — как раз потому, что ты ее озабочен от меня скрыть. Ее я могу взять без труда, ничем не повредив тебе. Другое дело — то, что мы называем пассивной информацией, то, что для тебя вроде как само собой разумеется. Конечно, эти сведения я тоже могу получить, но эту информацию мне из твоего мозга придется выдирать со взломом естественных барьеров. Проще говоря — с мясом. Во-первых, это крайне неприятная и болезненная процедура для нас обоих, а во-вторых, она оставляет весьма серьезную остаточную деформацию. Доступно? — еще бы! Когда все термины на ходу изобретаешь... Но пилот живо заинтересовался:

— А что такое остаточная деформация?

— Как тебе сказать... Различные дефекты мышления и психики, нарушение работы мрзга на уровне условных и безусловных рефлексов. Если упростить, после такой обработки ты будешь пускать слюни и ходить под себя. А меня такой вариант не устраивает.

— Почему? — криво усмехнулся он, я успокоил:

— Ну уж не из гуманности. Ты мне нужен будешь живым, в здравом уме и твердой памяти.

— Это еще зачем? — парнишка явно заподозрил какую-то гадость. Правильно он заподозрил...

— Затем, что ты меня подбросишь на своей машинке до Торианской границы. Это километров шестьсот-семьсот к западу.

— Еще чего? — нахмурился он, чуть подавшись назад на своем табурете. — Вот уж тут-то ты меня заставить не сможешь.

— А я и не буду тебя заставлять. Ты все сделаешь сам, добровольно. Потому что в противном случае мне придется обойтись с тобой довольно круто — например, закинуть в иную реальность.

— Это как?

— Это очень просто. Примерно так, — я рассчитанно небрежным движением обездвигил его, погасил сигарету и подошел вплотную. Поднеся ладони к его вискам, я принялся налаживать контакт.

Да, тяжеловато. Орден обычно такими методами не пользуется — зачем? Тут главное — контакт нащупать... Парень отчаянно сопротивляется вторжению в мозг. Тем лучше... Когда узкий луч Силы заструился между ладоней, я закрыл глаза. Есть. Будет действовать. Суть в том, что я в мозгу снял кое-какие фильтры, растормозил самые дремучие уголки подсознания, выпустил на волю таящийся у него в голове первобытный ужас, плюс весь багаж страхов человека цивилизованного. Тут уж даже мне нелегко пришлось — как никак, мы находились в контакте, и все что чувствовал он, отчасти доставалось и мне. На редкость мерзостные и устрашающие образы, прямо картинки из фрейдистского кошмара. А уж что при этом видел и чувствовал Аллен, можно только догадываться.

Продержав контакт минуты полторы, я отвел ладони от его висков, вернулся к столу, разминая онемевшие пальцы, не глядя, толкнул Роджеру по столу свой стакан. Пилот сидел, уставившись в одну точку, губы его беззвучно шевелились, лицо посерело. Мать твою, неужто эта самая остаточная деформация все ж существует?

— Что с ним? — осведомился Роджер, подталкивая мне стакан.

— Сейчас отойти должен. Масса впечатлений, — голос мой прозвучал на удивление тускло. Выматывают такие упражнения... Я залпом опрокинул содержимое стакана себе в глотку, передернулся. В это время пилот, вроде, тоже начал подавать признаки жизни. Я

повернулся к Роджеру:

— Ему тоже.

Роджер пожал плечами, но просьбу мою выполнил. Я всунул стакан в руку пилота:

— Выпей.

Он жадно присосался к стакану, разбавленный спирт тоненькими струйками стек по щекам и подбородку. Забрав стакан, я вставил ему в зубы зажженную сигарету, он глубоко затянулся, судорожно закашлялся, потом прохрипел:

— Ничего себе!

— Да уж, на благородного героя ты там похож не был, — спокойно подтвердил я. — Хочешь туда, Аллен?

— Ты чего? Нет, конечно! Колдун...

— Я предпочитаю, когда меня называют ведуном. А то колдун, сам понимаешь, это горб, бородача до пупа...

— Ты...

— В данный момент речь о тебе. Я ведь могу оставить тебя там навсегда, отныне и в любой момент, как мне только заблагорассудится сделать это. Так ты отвезешь меня к западной границе.

Пилот кивнул. На его лбу блестели жемчужинами крупные капли пота, челюсти плотно сжаты.

— И расскажешь нам с капитаном о некоторых интересующих нас вещах.

— Спрашивайте, — махнул он рукой. Похоже, сломался парень. Я посмотрел на Роджера, тот откинулся на стуле и закурил новую сигарету:

— Итак, сколько вас было заброшено?

— Сто двадцать.

— На вылет стартовали из Белых Пещер?

— По-моему, никаких там Пещер не было.

Тоже понятно — с какой стати Институту свою базу светить?..

— Из Пришлых с вами еще кто-то летел? Не из вашей группы?

— Да. несколько пилотов. Остальное — орденцы.

— А откуда тебе известно, как они называются?

— В разговоре мелькало, у Инспектора с тем, с Магистром.

— Ага, — вмешался я, — значит, этот тип, — кивок на набросок углем, — у вас называется Инспектором?

— Ну. К нашей группе он не относится.

— А где вы базируетесь? В каком из миров?

Пилот передернул плечами:

— Где-то в Зоне. Точно не знаю.

— И обычные боевые операции?..

— Уничтожение групп из Приграничья.

Мы с Роджером переглянулись, потом он задал новый вопрос:

— Вы относитесь к Институту?

— Официально подчиняемся, но в его структуру не входим.

— Забавно... — протянул я. — А на сей раз что вам задали? Конкретно?

— Высадить десант и прикрывать действия Ордена.

— А как вам сказали, — снова вступил Роджер, — кто здесь, в Гнезде, находится? Кого вы должны уничтожать?

— Небольшой контингент противника. А самый опасный — он, — Аллен кивком указал на меня. Я усмехнулся с грустным удовлетворением:

— Высоко котируюсь....Значит, я агент из Приграничья?

— Так нам сообщили, — дипломатично ответил пилот. — Но мы не знали что тут такая оборона.

Роджер многозначительно на меня посмотрел, снова обернулся к пилоту:

— Значит, основная цель — Меченосец?

— Верно.

— Кстати, — небрежно осведомился я, — а кто из этих шишек так лихо меня вычисляет? Магистр?

— Не только он. Ему помогал один тип, прилетел вместе с Инспектором. Из Института, кажется.

— Интересное кино... Ладно, Роджер, у тебя еще вопросы к парню есть?

— Да нет, вроде.

Когда пилота увели, я с шумом вздохнул и облокотился на стенку. Роджер с сочувствием посмотрел на меня:

— Что, устал?

— А ты как думал? Такие штучки здорово выматывают.

Роджер снова налил, поставил рядом со мной стакан, я с сомнением на него посмотрел:

— Не хотелось бы напиваться. Мне перед полетом еще парочка аттракционов предстоит.

— Например?

— Например, беседа с пленным Чародеем. Его так легко не раскрутишь, а я уже как мокрая тряпка.

— Но сработал ты здорово, я тебе мысленно аплодировал.

— Спасибо.

— А пилота ты что — все время под гипнозом держать будешь?

— Да нет, я его застрашал хорошо, должно удержать от всяких геройских глупостей.

— Кстати, а где ты так рисовать наострился? В Ордене?

— Еще чего! Я же «там» был профессиональным художником.

— Странно, — он все еще изучающе смотрел на меня. — Обычно сюда других профессионалов забрасывают. Тех, кто убивать умеет.

— Ну, опыт — дело наживное... — я криво усмехнулся. — А пока давай-ка я с Чародеем побеседую.

— А это не опасно?

— Может быть. Только я ведь теперь тоже опасен.

Ожидая Дикса, я успел выкурить сигарету. Ох и будет же мне сейчас похохотать! Одно дело — трясти парнишку, который о чародействе и прочих подобных штучках впервые в эизни услышал, а совсем другое — матерого Чаодея-бойца. Ладно, в плане Силы я тоже не из слабаков. Разберусь.

Как раз в этот момент Швед ввел в хижину Дикса со связанными руками — не лишняя предосторожность — уж я-то знаю, что способен наворотить Чародей, когда считает, что его приперли к стенке. Дикс смотрел на меня исподлобья, на Роджера вообще только мельком глянул. Понимает, что основной поединок между нами...

— Ну что ж, здравствуй, Дикс.

— Я не желаю тебе здравствовать, Меченосец, — хмуро ответил он. Ишь ты, сердитый какой!

— А ты присядь, разговор у нас долгий будет.

— А кто сказал, что я с тобой разговаривать собираюсь?

— Ну, во-первых, ты со мной уже разговариваешь, верно? А потом, тебе разве не интересно со мной побеседовать?

— Ты предатель, Меченосец, и ты это знаешь.

— Так... И кого ж я, по-твоему, предал?

— Орден.

Так, мы еще и принципиальны... Ладно, не буду горячиться.

— А вот тут разберемся. Не я его предал, а он меня.

Дикс только презрительно усмехнулся. Ладно, я тебе устрою вечер парадоксов...

— Да, да. Я всего лишь отказался работать на корону, — главное — не спешить

начинать обработку Силой. Могу его спугнуть. Сейчас главное — вывести его из равновесия, заставить нервничать, а там можно будет и по мозгам проехаться, заставить проболтаться. Странно, а с чего это я так в себе уверен? Раньше ведь никогда такими вещами не занимался...

— Но ты считаешь, что работая на Императора, работаешь и на Орден. Ладно, это твои проблемы. Только учти, ты мне кой-чем обязан.

— Чем это?

А вот теперь потихоньку, исподволь, можно начинать и Силой действовать. Только надо так, чтоб это от моих обычных эманаций не слишком отличалось.

— Например, я пару раз оставил тебя в живых, хотя у меня все основания были тебя кокнуть.

— А я тебя об этом не просил, — усмехнулся он.

— Верно, — кивнул я. — И в этот раз я тоже не собираюсь тебя убивать. Более того — я хочу попросить Роджера, чтобы он тебя отпустил, — я глянул на Роджера, тот кивнул. Правильно, не хочет портить мне игру.

— Почему? — Дикс насторожился. — Учти, я тебе все равно ничего не скажу.

— А так ли это важно? Для тебя, я имею в виду.

— А для тебя?

— У меня-то свои цели... Но ты подумай вот о чем: мы с тобой встречаемся по меньшей мере третий раз при таких обстоятельствах, что в живых должен остаться кто-то один. А остаются оба. Будь я чем-нибудь вроде Магистра, я бы сразу себе вопрос задал — а нет ли тут сговора?

— Сам знаешь, что нет, — угрюмо проворчал он. Так, начинает нервничать, шкурой чувствую. Пока старается угадать, куда я клоню.

— Опять же верно, — я снова кивнул. — Мы-то с тобой знаем, что его нет. И если меня возьмут, я первым делом начну тебя выгораживать и орать, что никакого сговора между нами не было. Но вот вопрос: а кто отлученному поверит? Ты бы поверил?

Вот теперь искра проскочила, игра пошла в открытую — Сила против Силы, воля против воли. Он врубился, что я его обрабатываю. надеюсь, слишком поздно...

— Я бы не поверил, — наконец согласился он.

— Так, кое к чему пришли. А если я скажу, что сговор между нами был — мне поверят?

— Нет! — почти выкрикнул он. Я сочувственно покачал головой:

— Допустим, даже так. Но ведь и тебе прежней веры не будет. Конец карьеры. Сладостно, конечно, изгнать за Орден в какой-нибудь дыре в южном Гэлфосте под постоянным присмотром. Зато разделаешься со мной, — теперь целенаправленно дробим его защиту, вбивать в него каждую фразу импульсом Силы. Конечно, атакующий всегда находится в менее выгодном положении...

Мы замолчали, наверно, минут на пять, напрягшись и не отрывая глаз друг от друга. Я изо всех сил старался, чтоб у меня никаких мыслей не возникало, кроме тех, которые я в него вдалбливал — а результата как-то незаметно было. Наконец, когда я уже был готов отвести взгляд, опустить лапы и расписаться в своем полном поражении, Дикс как-то нерешительно спросил:

— И что ж делать?

Сработало! Я с трудом сдержал победную улыбку:

— Это, брат, вопрос. Есть один вариант, выгодный для обоих: меня не возьмут и о нашем разговоре никто не узнает, так что вопрос о сговоре сам собой отпадет. И ты мне вы этом поможешь.

Он еще попробовал рыпнуться:

— Это будет предательством.

— Ни фиги подобного. Наоборот, это еще и Ордену на пользу пойдет. Если Орден до меня доберется, будет куча трупов. Таким образом, помогая мне улизнуть без драки куда-

нибудь, где я с Орденом не соприкоснусь, ты сберегаешь жизнь не одному Чародею, не причиняя Ордену никакого ущерба, — продолжать держать контроль... Он снова попытался сопротивляться, но наконец решился:

— Хорошо. Но я ничего не сделаю для обмана Ордена.

— А тебя об этом никто не просит. Мне нужны некоторые сведения.

— Какие?

— Ничего криминального. Хочу узнать, почему Даэл устроил на меня такую облаву.

— Он говорит, любой отлученный рано или поздно примкнет к Ведающим или колдунам.

Знакомый почерк... Этелред, крыса одноглазая, не так уж неправ оказался.

— Ладно, замнем для ясности. Но я Даэла знаю не хуже твоего, а он бы своих ребят на заведомо дохлое дело — вроде штурма Гнезда — не отправил.

— Не знаю, — пожал плечами Дикс. — Может, он от болезни еще не оправился.

— Какой болезни?

— Дня три назад его лихорадка свалила. Говорят, наведенная.

Тут уж я восторга сдержать не смог:

— Знай наших!

Дикс вытаращился на меня:

— Твоя, что ли, работа?!

Я залихватски вставил в угол рта сигарету и важно отвечал:

— Вообще-то здесь вопросы задаю я, но так и быть. Моя.

— Теперь понятно, зачем нас отправили...

Краем глаза я поймал взгляд Роджера, он тоже челюсть отвесил.

— Далее, — я кивнул на портрет Дэна, — эта личность тебе знакома?

— Ага. Он Пришлыми командовал.

— А до этого ты его видел?

Дикс нахмурился, припоминая:

— Вроде бы. Он в Западную Цитадель приезжал, еще до тебя.

Начинаются всякие забавные совпадения...

— Ладно, проехали. Что тебе известно об охоте на Пришлых?

— Только то, что будет.

— А когда?

— Не знаю.

Тоже поверить можно — рядового орденца в детали никогда не посвятят до начала операции.

— И как — всех истреблять будут?

— Нет.

— А кого именно — Магистры определяют?

— Только Магистр Даэл, — все страньше и страньше... Значит, за предстоящей ночью длинных ножей он один стоит?..

— Проехали. Когда я уйду, Орден оставит колонию в покое?

— Наверно... Нам-то только ты и нужен.

— Ясненько... А на западе меня ждут?

— Ждут. Окрестности Цитадели прочесывает Одноухий с отрядом. Даэл почему-то уверен, что ты там появишься.

Да, мир прекрасен и удивителен...

Я вопросительно взглянул на Роджера — есть ли еще какие вопросы? — но он только отрицательно покачал головой. Ну, теперь можно снять контроль — что я и сделал с видимым облегчением. Дикс сразу вздрогнул, словно просыпаясь, глаза сузились — явно оценил мой трюк. Но взгляда он не отвел.

— Спасибо, Дикс.

Он промолчал, но когда Швед выводил его из хижины, обернулся:

— Желаю тебе легкой смерти, Меченосец.

Дверь закрылась, я с кривой ухмылкой, словно к углам губ приставшей, наполнил стаканы:

— Уже прогресс... В прошлую нашу встречу ему хотелось меня на костре видеть.

— Но чистенько ты его сделал! — Роджер восхищенно помотал головой. — Жаль тебя отпускать — такой бы из тебя начальник контрразведки вышел!..

Вот ведь, какая карьера улыбнулась...

— Не пошел бы. Для меня всякие разведки-контрразведки хуже горькой редьки.

— Это я острить пытаюсь... Ладно, удачи, — он приподнял стакан. Мы выпили, я поднялся. Все сделано, все сказано, и не фиг задерживаться.

— Ладно, буду собираться. Эльф полетит со мной, а Гельда пусть пока здесь побудет, хорошо? А как со своими проблемами разберусь или охота на меня поутихнет, попробую ее отсюда выдернуть.

— Лады. Жаль тебя так отпускать, — сообщил Роджер. — Да и влетел-то ты отчасти из-за меня.

— Да шут с ним, — я напустил на себя беспечный вид. — Попробую твоему совету последовать, сунуться в Дикие земли.

— Знаешь что... Через три недели я буду в Столице. Если захочешь меня найти — можешь разыскать через человека по имени Гарви Хромой.

— Понял. А как его самого искать? Столица великовата, я слышал...

— Квартал Могильщиков, дом с драконами. Только будь поосторожней, хорошо? Этот Хромой сам скрывается, по-моему. Я там буду ждать тебя дня три.

— Если Гельду туда можно будет захватить без особого риска...

— Заметано. Постараюсь ее уберечь. Да, вот еще что... — Роджер задумался чуть не на минуту, пожевывая нижнюю губу, потом решительно запустил руку в ящик и перебрал мне через стол армейский пистолет — блестяще-черный, тяжелый и тупорылый:

— Держи. Только пользуйся в самом крайнем случае. Патроны, — он протянул мне коробку. — На две обоймы.

— Ну, спасибо... Постараюсь не пользоваться им. Ладно, мне еще своих предупредить надо.

— Провожать не пойду — дел навалом. Удачи.

— Надеюсь, до встречи, — мы пожали друг другу руки. Роджер, похоже, вроде меня — ненавидит долгие прощания. Я повертел ствол в руках, запихал его в карман и вышел из хижины.

Своих я нашел без особых хлопот на третьем ярусе пещер, и они оказались уже более-менее в курсе. Гельда, узнав, что я собираюсь лететь на какой-то подозрительной штуковине куда-то в Дикие земли, да еще и без нее, встала на дыбы и несколько минут высказывала различные соображения по поводу моих умственных способностей, так что мне тоже пришлось слегка повысить голос и растолковать ей, что со мной будет, если ее убьют и как она будет мешать. А Хельг — тот, не говоря ни слова, принялся укладывать легкую котомку и пристегивать к поясу оружие. Насколько я в его мимике разбираюсь, он даже рад, что надо место менять.

Покончив со сборами, мы выкатились из пещеры и первым делом натолкнулись на Вилли. Я тут же осведомился:

— Как мой личный пилот?

— Готовит тебе личный лайнер. Пошли?

Мы потопали к западному склону, где под наблюдением Шведа Аллен уже готовил дельтаплан к полету. Вообще-то при ближайшем рассмотрении это оказался не совсем дельтаплан, смахивала эта штука отчасти и на планер, моторчик малюсенький, вся конструкция собрана из невероятного количества каких-то малопонятных трубочек... Будем надеяться, эта хреновина и в самом деле летает.

Я на всякий пожарный все же предупредил пилота:

— И без глупостей. Если решишь в скалу врезаться — вспомни картинки. Я из секунды лично для тебя века могу сделать.

— Усвоил, — хмуро кивнул пилот, подозрительно косясь на эльфа. Да, непривычного человека его внешность не успокаивает.

Мы с Вилли и Шведом пожали друг другу руки, я поцеловал коротко Гельду, вместо походного рога просвистел несколько тактов из "Пора в дорогу, Джек" и взгромоздился на сидение справа от пилота.

— Сможешь стартовать и некоторое время пролететь с выключенным мотором?

— Почему б нет? — Аллен продолжал нервно поглядывать на эльфа, ерзающего на сидении слева. Да, с комфортом не густо — седушка чуть удобней велосипедной. Кое-как примостившись, я застегнул перекрещивающиеся ремни:

— Ну что, готовы? Пошли!

Мы подкатали дельтаплан к краю скалы, и я захлебнулся ветром.

Аллен не принадлежал к категории самоубийц, так что обошлось без приключений. Отмигали внизу огоньки костров, и минут через пять я скомандовал запускать мотор. Рассвело уже порядком, я даже Хельга разглядел — сидит с таким видом, словно каждый день летает. Мотор тарахтит, как мотоциклет без глушителя, загадочные трубочки свистят, шипят, кудахтают — на редкость шумная машинка, хоть и скоростная. Да и вообще не «Боинг» — ни тебе стюадессы, ни прохладительных и горячительных напитков... Полный дискомфорт, однако не до жиру, привиредничать мне сейчас противопоказано. Пилот покуда четко держит указанное направление — на запад, чуть уклоняясь к северу, а небо позади наливается мутно-красным.

И все равно ощущение такое, словно ни за что по морде получил. Только вроде нашел место, где могу осесть, где люди за меня дрались и я за них дрался — и вот пожалуйста, снова... Похоже, повторяется та же история, что и «там», только уровень несколько серьезней. Это что ж получается — они меня везде достанут?

А какие такие «они»? Дэн? Даэл? Если верить Диксу, а ему приходится верить, они встречались и раньше, а теперь действуют рука об руку, а руки у них ох, какие длинные... Если они достали меня в Гнезде, то где гарантия, что то же самое не произойдет и в Диких землях? А, ладно, в любом случае путь в Дикие земли лежит через Торианскую границу, и уж моих инструкторов я должен повидать.

Ну хорошо, допустим, добрался я до них, пройдя орденский кордон, что само по себе уже не совсем реально, а дальше-то что? Они, конечно, по моим данным в этом шоу не участвуют, но ведь инструктор из смертников тоже человек подневольный, так что и не захотят, а пристрелят. Ну уж нет, дудки! Не дам я себя пристреливать. Хотя тут, похоже, весь мир против меня ополчился, не считая Хельга и Гельды. Через три недели в Столице — это, конечно, здорово, только эти три недели надо еще как-то прожить, а учитывая тот факт, что институтские очень лихо меня вычисляют, это превращается в очень непростую задачу. Ладно, раз со мной так — с подкупом, предательством и прочими радостями, так уж пусть и от меня не ждут игры в благородство. Раз на меня охотятся, пусть знают, что на сей раз у добычи зубки имеются. Волка из меня делаете, господа? Поздравляю, вы преуспели, теперь пеняйте на себя. Терять мне теперь нечего, кроме дурной башки, но уж ее-то я постараюсь подольше на плечах сохранить, хотя бы ради того, чтоб ваши рожи увидеть, когда я до вас доберусь. Теперь из меня уже последние остатки пацифизма улетучились, и перед тем, как стрелу кому-то в спину послать, я долго думать не стану. Мне почему-то могут в спину стрелять? Вот по этим правилам и поиграем.

Хотя есть определенная надежда, что все рано или поздно разрешится. Интересно, добрался ли Друг Апачей до ребят? Если да, то надеюсь, мозгов у них хватит, чтоб сообразить, что их просто и открыто подставили. Так что, думаю, обойдется без кровопролития. Но ведь со мной еще и Хельг. Интересно, как ребята воспримут появление эльфа? Хотя это как раз не главное, главное — как они воспримут мое появление? И уж у них должен быть какой-то выход на Дэна, а с ним мне отношения выяснить надо просто до

зарезу. А чтобы выяснить отношения, надо его найти, а чтоб его найти, надо нормально договориться с инструкторами, а для этого надо добраться до торианской границы, а для этого надо следить за пилотом. Чем я сейчас и займусь.

Пилот, надо отдать ему должное, четко следовал моим указаниям. Уже совсем рассвело, и земля внизу была как на ладони. Шли мы довольно высоко, так что снизу, вероятно, выглядели не страшней обычного стервятника. Не знаю, с такой высоты людей не разглядишь... Слева и внизу мелькнул Зачарованный — гигантский сгусток сумрака, вроде даже пульсирующий. Над ним пройти мы не рискнули — мало ли чем может на такой высоте долбануть? Потом — нитка забытого, узенькая полоска глинистого откоса, сожженная деревня — груда горелых спичек... И что за чертовщина — куда ни приду, за мной по пятам приходят беды... Ладно, это все покуда лирика, меня больше волнует другое — дотянем ли мы до границы? И сколько времени у меня в запасе — тоже вопрос. Лучше думать, что очень мало — они наверняка доперли, каким путем я смылся, а в отыскании меня все совершенствуются и совершенствуются. Да еще из Западной Цитадели по мою душу послали не меньше десятка одних только Чародеев под предводительством такого опытного загонщика, как Одноухий. Ладно, долетим — посмотрим... Если еще долетим.

— До границы дотянем? — проорал я пилоту, тот окрысился:

— А я почему знаю? Плоскость как решето вся!

До границы мы не дотянули. То ли плоскость подвела, то ли загадочные трубочки, то ли что-то еще, но где-то за полсотни, по моим подсчетам, километров до цели мы мягко спланировали в мохнатое темно-зеленое море леса, прямо в разлапистые объятия здоровенной сосны. После этого, естественно, мало что осталось и от плоскости, и от трубочек, и нам пришлось просто и без затей падать. Данное занятие мне никогда удовольствия не доставляло, и этот раз — не исключение. Для начала я сосчитал все толстые ветви на дереве (навсегда запомню, что их было семь!), а последние метра три пролетел без всяких помех.

Сгромыхав на землю, я на некоторое время остался без дыхания, а когда оно вернулось, принялся высказывать свое отношение к любым полетам. Где-то позади охал и ругался пилот. Живой, значит... А Хельг? А, вот и он, к дереву привалился и очумело моргает. Моргающий эльф — бр-р... Наконец он пришел в себя и заговорил — значения многих слов даже я не понимал.

Наконец я смог подняться:

— Хельг, ты как?

Он на секунду отвлекся:

— В порядке, — а потом снова принялся материться.

— Аллен, ты в норме?

— Кой черт — в норме, — простонал пилот. Он сидел в траве, запрокинув бледное напряженное лицо и опершись о землю ладонями. Я тут же оказался рядом с ним:

— Что такое?

— Нога.

— Давай-ка поглядим, — я присел на корточки.

— Тише ты, живодер!

— Перелом, — сообщил эльф, наклонившись над моим плечом. Я решил не спорить — в таких делах он опытней. — Куда идем?

— На северо-запад, лиг с десяток надо протопать.

— Пошли, — Хельг повернулся, собираясь уходить.

— Так и знал, что вы меня бросите, как не нужен стану, — проскрежетал сквозь зубы пилот. Я тоже слегка удивился — никак не думал, что у эльфов такое в порядке вещей... Тут раненого достаточно на час оставить в лесу — и всяческая нежить быстро довершит дело, и косточек не останется.

Я бросил пилоту:

— Не дергайся. Хельг, мы тут его оставить не можем.

— Ну так прикончи его сам, — досадливо поморщился эльф.

— Ты меня не понял. Он идет с нами.

Эльф обернулся, уставился на меня в упор и терпеливо сообщил:

— Погоня. Десять лиг по лесу. Заграждение наверняка выставили. Далеко мы с ним не уйдем.

— Знаю. Главное, разберись с его переломом, а дальше мои проблемы. Он пойдет с нами.

Хельг оскалился — на сей раз не в улыбке:

— Гном вас, людей, разберет! То глотки друг другу рвали, то теперь этого на спине тащить.

— Ничего. Полсотни километров — не так уж и далеко, — примирительно пробормотал я, тем более, эльф уже присел на корточки рядом с пилотом и сооружал из пары коротких дротиков что-то вроде шины. Аллен закрыл глаза и с присвистом дышал сквозь стиснутые зубы, лицо совсем посерело, на лбу выступил пот. Я отстегнул от пояса фляжку с разбавленным спиртом:

— Глотни.

Глотнул он от души, как воду.

— Спасибо, — выдохнул, возвращая флягу. Я потрепал его по плечу:

— Ладно, не тушуйся. Доставим тебя к нашим инструкторам, они найдут способ тебя переправить.

Он бледно, одними губами, усмехнулся:

— Все равно теперь трибунал...

— Да прикинься ты ветошью. Если что — работал под гипнозом, так что за свои действия ответственности нести не можешь.

— Готово, — Хельг выпрямился и отряхнул ладони. Я вздохнул, приложился к фляжке, предложил Хельгу, тот помотал головой. Ладно, никуда не денешься — пора двигать... Я закинул на плечо руку пилота, помогая ему подняться.

Да, вот это свезло — угадали akurat в самую низину. А пробираться, да еще, по возможности, незаметно, по густому ельнику довольно тяжело — то тебе густющий подлесок, то поваленные стволы, то приходится обходить поляну, заросшую чем-то вроде лопухов... Да еще нежить всякая где-то поблизости кружит, в пределы досягаемости не подходит. Стервятники. Конечно, худа без добра нет — на хвойной подстилке следов не оставишь, при некоторой аккуратности, конечно. Не думаю, что следы или их отсутствие большую роль сыграют — те, кто идет за нами, пользуются теми же методами, которым учили меня, — а все равно спокойней.

Ствол я переложил в котомку — не приспособлен мой пояс для огнестрельного оружия, да к тому же Силе и мечу я как-то больше доверяю. Конечно, если обложат — без пальбы не обойтись. А надо постараться, чтоб не обложили. А за что тут можно ручаться, если выслеживает меня Одноухий — такой мастер в искусстве слежки и охоты, что мне до него, как до Луны пешком. Да к тому же он меня знает, как облупленного, так что могу его и не засечь, пока вплотную не подойдем... Хотя меня ж тут не одного ждут, а как минимум, троим, а с троими, владеющими Силой на приличном уровне нашему Одноухому справиться — кишка у него тонка. Но вот обольщаться не стоит — времени у нас, как справедливо напоминает каждые пять минут эльф, не навалом. Остается только на полученную фору надеяться — группа, штурмовавшая Гнездо, сидит у меня на хвосте плотно. А так вдуматься — нет у нас никакой особенной форы, тащимся в час по чайной ложке, взмокли, как мыши, кажется, Хельг даже... Хотя почему мне знать — может, эльфы не потеют. Может, у них, как у собак, слюна с языка бежит... Аллен, отдадим ему должное, держится отлично, только изредка глухо ругается сквозь зубы. А я его периодически поддерживаю глотком из фляжки, почти наполовину уже опустевшей. Анестезия, чтоб ее...

Часа через три-четыре мы уже выдохлись окончательно, поэтому, когда десятках в двух-трех перед нами замаячил просвет между черно-сизыми толстенными стволами —

вероятно, выход на излучину Торианского тракта, — я шумно выдохнул:

— Привал, — и мы все трое повалились на землю. Я привалился спиной к обкатанному временем замшелому валуну, даже сквозь кольчугу ощутив прохладу. Ноги гудят... Порывшись в мешке, я выудил блок сигарет, которым на прощание снабдил меня Роджер, надорвал пачку, вынул две сигареты — себе и пилоту. Тот лежал на спине, далеко вытянув поврежденную ногу и закрыв глаза. Потом, пошарив в поясной сумке, нашел кремень и трут. Поймав насмешливый взгляд Хельга, пояснил:

— Силой пользоваться нельзя. Засекут.

— Кто? Я никого не чувствую.

— Почуешь ты Чародея, когда он в засаде сидит... А тракт для таких штучек — место самое подходящее.

— Так пройдем его скорее.

— Надо передохнуть. А вдруг прорываться придется?

— Черт, — коротко высказался пилот.

— Ладно, тебе ничего не грозит. Скажешь, что ты человек Магистра Дазла, и все в ажуре. Нога сильно болит?

— А ты как думал?

Как бы я ни думал, но похоже, Хельг прав: далеко мы с ним не уйдем. Такими темпами мы до базы доберемся дня за два-три, а там еще неизвестно, что нас ждет, может, и оттуда придется ноги делать со страшной силой. Есть у меня такой соблазн — оставить его на тракте, чтоб добрые люди подобрали...

Да нет, тут прямое убийство получается. Тут ведь если видят парня в интересной одежке, а место достаточно глухое, постараются с него эту одежку снять, и вряд ли с живого. Причем не злодеи-бармалеи какие-нибудь, а самые обычные местные мужички. И никакие ссылки на Орден за отмазку не проканают.

А чего это, собственно, вы так смущены, сударь мой Меченосец? А кто еще пару часов назад, во время полета, уверял себя, едва ли не пяткой в грудь колотясь, что он крутой хищник, кровожадный и беспощадный? Не сходятся у вас концы с концами... Настоящий бы рейнджер этого пилота еще в лесу пристрелил, чтоб не мучился, и дело с концом. Эх, не вышло из меня рейнджера... Ну и ладно, не очень-то и хотелось...

Чувство опасности обрушивается на меня внезапно, как снежный ком. Выдергиваю меч, перебрасываю в левую руку, в правой — метательный нож. Эльф тоже почувствовал, оказался на ногах одновременно со мной. Не обменявшись ни словом, понимаем — окружили. Но это уж никак не Орден... И в тот же момент из-за тракта звучит хриплый командный вопль, отзываются еще десятка два глоток вокруг. Трак стремительно пересекают, врываясь в лес, около шести всадников, мы с эльфом стоим спина к спине — опасно и сзади. Не похоже, что эти люди рвутся в переговоры... Да и не егеря это! Здоровенные, сплошь бородатые, частью в сверкающих медных панцирях, частью просто голые по пояс, маленькие треугольные щиты крашены в синий цвет...

Не спешить, подпустить ближе... Бросаю нож в передового, не глядя на результат, наношу удар Силой, выношу из седла двоих или троих, перехватываю меч обеими руками. Аркан откуда-то слева захлестывает шею, поворачиваюсь, срезаю его мечом, но второй тут же обвивается вокруг ног, валюсь на спину, врезавшись плечом в шишковатый корявый корень — и тут же на меня наваливается что-то мягкое, кисло воняющее застарелым потом и зверем, тяжелое, потом еще тяжелей, еще... пытаются ухватить за руки. Отбиваюсь яростно, нанося короткие, без замаха удары локтями, коленями, плечами, головой, потом вдруг — тупой и хрусткий удар в затылок, и солнечный день во мгновение ока сменяется пасмурным, а дальше — глубокая, беспросветная ночь.

ГЛАВА 14.

И так все хуже некуда, а тут еще эта тряска. В голове набат гудит со страшной

частотой, глотка спеклась, руки от лопаток и ниже словно судорогой свело. И тряска. Если б не она, все было б куда лучше. Надо хоть посмотреть, что со мной. Камень на мне, по крайней мере это уже радует, если б его не было, куда гаже приходилось бы...

Наконец удастся приоткрыть правый глаз — левый не открывается ни в какую, заплыл. Причина тряски в том, что я сижу на лошади позади здоровяка в воняющей козлом жилетке мехом наружу и поминутно утыкаюсь носом в его широкую спину. Руки ноют оттого, что они у меня скручены за спиной, причем, похоже, не только в кистях, но и в локтях, и к здоровяку я привязан за пояс. Да, что-то потихоньку припоминаю. На нас напали. Еще до того, как у меня в затылке хрустнуло. Значит, если попробовать логически рассуждать, что очень трудно после такого удара по чайнику, мы захвачены. Эльфа я чувствую где-то неподалеку. Еще пилот с нами был, его я не вижу. Везут нас, если я правильно определил, к западу. На торианцев эти ребята не похожи, а значит, они из Диких земель. Варвары. Это называется — на ловца и зверь бежит: и Этелред, и Роджер советовали мне попытать счастья в Диких землях, вот туда-то нас, похоже, и тащат. Зачем, интересно? Сейчас лучше и не пытаться сообразить, башку как свинцом залили.

Ехали мы довольно долго, до темноты, это я почти не запомнил — голова гудела и кружилась, я каждые полчаса соскальзывал в густую, полубредовую черноту. Наконец весь отряд остановился, мой «возница» обменялся со своими товарищами парой фраз на непонятном гортанном языке, а затем довольно бесцеремонно спихнул меня на землю. Я попытался было выругаться, но меня подняли за шкуру, поставили на ноги и поволокли к костру, возле которого уже сидело больше десятка пленников, упакованных так же, как я. Там меня заставили сесть на землю и прикрутили мою левую ногу к ноге какой-то худосочной девицы в изодранном платье. Так, что-то проясняется — это, значит, был набег за рабами, оружием и скотом. Далековато они забрались — раньше они только Ториан да побережье терроризировали своими наскоками. Остается надеяться, что у них ума не хватит меня Ордену выдать — это было б совсем не смешно. Но будем считать, что они неграмотные, газет не читают, тем паче, и газеты-то еще не изобрели...

На землю рядом со мной усадили следующего, я сразу повернулся к нему:

— Хельг?

Волосы его слиплись от запекшейся крови, куртка — сплошные лохмотья, но менее воинственным от этого он не стал:

— А ты как думал? Это отродье гномской шлюхи...

Тут один из охранников врезал ему по затылку рукоятью меча, а второй, воспользовавшись моментом, привязал мою правую ногу к его ноге. Когда они отошли, я сумрачно пробормотал:

— Ужин, полагаю, не светит... А где Аллен?

— Они ему горло перерезали, чтоб с собой не тащить.

Милые обычаи, ничего не скажешь... Я глухо выругался, потом осведомился:

— А куда это они нас?

Тут мне с размаху пнули в спину и велели заткнуться. Говорившего я не разглядел, но слова он выговаривал неправильно и с незнакомым мне акцентом.

Когда меня вежливо просят заткнуться, я обычно выполняю просьбу. Команда варваров — я их почти не видел, но судя по ощущениям, человек двадцать пять-тридцать — приволокла к костру еще двоих, паренька и женщину, этих тоже усадили и связали нас в замкнутый круг. Умно придумано — никуда мы теперь не денемся, даже особо сторожить не обязательно. Нравится мне такая изобретательность... Только совсем не нравится то, что меня второй раз за последнюю неделю захватывают в плен, и опять неизвестно кто. Надеюсь, на сей раз обойдется без единоборств. Но выкручиваться придется. Можно закосить под могучего Чародея... Хотя, по слухам, у варваров есть кто-то типа шаманов, и если он может больше моего, я вроде как лишний, а если меньше — конкуренты, вроде как, ни к чему. Ладно, все равно попробую выкрутиться. В первый раз мне, что ли?

А вообще-то ночка выдалась та еще — для начала мою соседку одолела истерика, она

минут пятнадцать редела и дергалась, пытаюсь освободить руки, пока я, потеряв окончательно терпение, не рывкнул на нее. На некоторое время это помогло, но выспаться все равно не удалось — попробуйте как-нибудь любопытства ради уснуть в такой немыслимой позе. К тому же воздух прямо-таки звенел от обилия скопившихся здесь, в низине, мелких кровососов, и ночлег превратился для меня в изощренную пытку. Через полчаса и от правого, не заплывшего глаза у меня осталась узенькая щелочка. А потом в дело опять вступила соседка, истеричка чертова. Я понимаю, она не виновата — но к утру я ее просто возненавидел.

Утро не принесло никакого облегчения, разве что от проклятой истерички меня освободили. Нам дали по паре глотков воды, после чего снова взгромодили на лошадей. При дневном свете мне вполглаза (в буквальном смысле) удалось рассмотреть тех, кто нас захватил. Большею частью невысокие, русоволосые и бородатые, носы почти у всех — длинные и горбатые, скулы широкие, на левом плече у каждого синее татуировка с примитивным изображением летящего дракона, что придает ребятам некоторое сходство с десантниками. Оружие — в основном короткие мечи или топоры, на треугольных синих щитах кое-где выступает полустершееся изображение все того же дракона. Доспехи только на пятерых или шестерых. А если честно — мне было не до наблюдений.

Весь дальнейший переход запомнился как сплошной кошмар протяженностью в три дня и две ночи. Особенно неприятно приходилось, когда нас гнали пешком, чтобы дать роздых лошадям. Такое, правда, случалось нечасто — сразу резко снижалась скорость, а они торопились, опасаясь погони. А значит, мы до сих пор находились в пределах досягаемости имперских или торианских войск. Меня хватало только на то, чтобы засекал направление с помощью Камня — на северо-запад, почти не сворачивая. Еще несколько удивляло отсутствие нежити на нашем пути — насколько мне известно, западный Ториан и земли за ним представляют собой настоящее змеиное гнездо, випперы и волколаки там просто кишат, Лунные Летуны достаивают, а по слухам, и гоблины встречаются. Но все, на что я был способен — просто отметить эту особенность.

К концу вторых суток я пребывал в состоянии тупой, животной усталости. За это время мне не удалось даже парой фраз перебраться с Хельгом, а остальные пленники были к разговорам не расположены. По некоторым отрывочным сведениям, все они были захвачены в пределах Империи, что несколько удивило меня — с чего это они так далеко забрались? — но выдвинуть сколько-нибудь достоверную гипотезу у меня не получилось.

Наконец, к вечеру третьего дня пути, я почувствовал приближение жилья — по своим каналам. Не знаю уж, как мне это удалось, но я встряхнулся и сгруппировался. В любом случае надо быть на высоте, как сказала курица в когтях у орла... Оглядевшись, я обнаружил, что мы пробираемся какой-то козьей тропой среди невысоких, словно приплюснутых скал, поросших низенькими узловатыми соснами. Ветер с северо-запада донес запахи дыма, какого-то гнилья и...соли. Значит, море. А значит — суда. Галеры? Рабов, вероятно, на них и используют в качестве гребцов, да еще на добыче материалов для строительства. То-бишь, на лесоповале. Конечно, согласен, физический труд на свежем воздухе облагораживает, но я как-нибудь без облагораживания обойдусь. К тому же, эти наивные охотнички, похоже, рассчитывают заставить работать эльфа...Ну что ж, флаг им в руки, барабан на шею...

Еще минут, наверно, двадцать мы ехали узенькой тропинкой над краем обрыва. Метрах в десяти внизу о морщинистые скалы бились, гулко ухая, свинцово-серые волны. Туда я старался не смотреть. Если я что-нибудь помню о местной географии, мы находимся в каком-то из северо-западных отрогов хребта Пограничного. По слухам, тут есть поселения, большей частью в таких живут рыбаки или лихие молодцы, промышляющие береговым пиратством. Сухопутными набегами, как выяснилось, они тоже не брезгуют...

Наконец мы спустились в низинку, отгороженную от пронизывающего морского ветра цепочкой низких каменистых холмов и оказались чуть ли не в самом центре поселка. Какие-то загородки из жердей, вытоптанная трава, с юга — подобие частокола...Сами жилища —

помесь юрт и землянок, крыты какими-то копчеными дочерна шкурами, над островерхими крышами вьется горьковатый дымок. Неприглядненько. Но в одном хорошо — пока вплотную к поселку не подъедешь — не различишь. А незаметно к ним подобраться довольно сложно.

Тот, кто вез меня — в кожаной кирасе и плоском, наподобие донкихотовского тазика, медном шлеме, — прервал мои фортификационные размышления довольно невежливо, то есть, попросту говоря, снова спихнул меня с седла. На сей раз грохнулся я весьма неудачно — чуть не вывихнул плечо, да еще и ухитрился все тем же плечом угодить себе в челюсть. Верхний коренной только хрустнул. недурное начало.

На ноги я поднялся без посторонней помощи — пора начинать производить впечатление. А вот зуб пришлось выплюнуть. Это уж совсем паршиво — в этом мире дантиста днем с огнем не сыщешь, а если и удастся, так неизвестно, какие они инструменты используют, кроме клещей, молотка и зубила.

Минут через пятнадцать сгрузили и всех остальных «новобранцев» и сбили нас в плотную кучу. Хельг оказался среди них, он был в своем репертуаре, то есть, ругался сквозь зубы, не умолкая. По-моему, продолжалось это с того самого момента, как нас зацапали. Пока я пытался пробраться поближе к нему, нас окружила уже довольно приличная толпа местных, в основном женщины и дети. Женская одежда, как и у мужчин, состояла из кожаных штанов или подобия дерюжной юбки, зато на бусы и краски не скупилась. У большинства верхняя часть тела причудливо разрисована, а у некоторых — вот вкусы-то! — еще и татуирована. Странно, физиономии разнообразные, от чисто нордических до явных монголоидов. Интернационал какой-то... Чуть не половина этого бабья — в толстенных медных ошейниках. Украшение?.. Обсуждают нас, ничуть не таясь, тычут пальцами. Станный язык, чем-то по звучанию на немецкий смахивает, но ни единого знакомого словечка так и не мелькнуло. Ладно, нас обсуждают, а мы чем хуже? Я повернулся к эльфу:

— Как думаешь, нас так и будут голодом морить?

Он покосился на меня очень недовольно:

— Вы, люди, о чем-нибудь кроме еды думаете когда-нибудь?

— Бывает, — сознался я. — О женщинах, например. Вон та, в горошек, вроде бы ничего. И на тебя посматривает.

Вообще-то промах с моей стороны — эльфы не слишком склонны к юмору, да еще на свой счет.

Похоже, Хельг собирался меня послать, или еще что похуже, но в этот момент наши викинги, как я их мысленно окрестил, решили, что можно начинать дележку и шмон. Вокруг нашей группы уже прохаживалось кавалерийским шагом несколько гнусного вида молодчиков, похоже, старейшин, или как они тут называются. Один — здоровяк-тяжеловес с пивным брюшком, заросшим рыжей шерстью — выдернул меня из толпы. Похоже, его заинтересовал мой тельник — правда, после того, как меня несколько раз вывалили в грязь, полосы были видны не очень отчетливо, но все же видны. Тяжеловес опытным хозяйским взглядом посмотрел на мои ботинки, решил, что займется ими позже и принялся ощупывать материю, то есть воротник, обдавая меня застарелым перегаром. Неожиданно в мутных глазенках что-то засветилось, толстые корявые пальцы поволокли из-под тельника цепочку с Камнем. Это он зря придумал...

— Не трогай, дурак. Пожалеешь.

То ли он не понял, то ли не поверил. А напрасно. Когда его грязная лапища сомкнулась вокруг Юрда, тот моментально отреагировал, а я еще своей Силой от души добавил.

Получилось весьма эффектно — треск, зеленые искры, запах озона... Тяжеловес пролетел спиной вперед пару метров и плюхнулся задницей на утрамбованную землю, прижимая пораженную руку к животу. Он явно не понял, что произошло. Но так или иначе, а момент для поднятия своего авторитета вполне подходящий. Я гордо выпрямился и отчеканил:

— Вы, ничтожества! Я — страшный Чародей, и смерть ожидает любого, кто хоть

пальцем ко мне прикоснется!

Должного эффекта это не произвело. Сдается мне, по-имперски тут никто не понимает. Хотя возможен и другой вариант: никто и пальцем не собирается меня задевать, просто превратят в подушечку для стрел. Во всяком случае, женщины и дети рассосались моментально, а в руках у мужиков возникли длинные луки и дротики. Вот это называется — показал себя...

Так бы меня, наверно, и уложили с соблюдением полнейшего ко мне уважения, но как в таких случаях и бывает, помощь явилась с самой неожиданной стороны — откуда-то из-за спин воинов вывернулась высоченная костлявая старушенция, хромающая на правую ногу, тоже при ошейнике. Она повелительно вскинула руку и резко что-то прокаркала. После некоторого колебания стрелы вернулись в колчаны, воины отодвинулись — все, кроме одного. Этот — судя по длинным золоченым рогам, укрепленным на шлеме, какая-то шишка — вступил в спор со старухой. Лук его при этом оставался нацеленным на меня, а я такие вещи не люблю — далеко ли до беды? Но в общем-то тут дело техники...

Все прошло без сучка и задоринки, если не считать того, что рогатого чуть кондрашка нехватила, когда лук у него в руках сломался со звуком пистолетного выстрела. Елки зеленые, как это у меня из головы вылетело — в моей котомке ствол лежит! Не думаю, что тут кто-либо имел дело с огнестрельным оружием, но чем черт не шутит — вдруг да найдется какой-нибудь ушлый дикарь, который разберется, как из него стреляют. Только этого еще для полного счастья не хватало.

Много времени на размышления мне не дали, старуха что-то бросила воинам тоном приказа, четверо тут же взяли меня в кольцо, а старушенция жестом велела следовать за ней. Попробуй тут откажись, когда тебе под ребра упрутся жала четырех копий... Я цыкнул выбитым зубом, подмигнул Хельгу — ничего, выкрутимся! — и двинулся за ней следом.

Юрты, или как они правильно называются, шли довольно ровными рядами. Вполне мирная картинка — между ними протянуты веревки с вяленой рыбой и разнообразным тряпьем, у выходов навалены кадушки, корыта, голозадые ребятишки исподтишка наблюдают... И собаки во всех видах — лежащие, высунув язык, слоняющиеся без дела, сосредоточенно ищущиеся, грызущиеся между собой, деловито роющиеся в отбросах... Запашок соответствующий: горький дым, рыба, плохо выдубленная кожа, сверх того припахивает какой-то сомнительной едой. И тут меня даже замутило. Черт, я ж три дня ничего не жрал!

Через несколько минут меня втолкнули в какое-то строение, судя по дыму и копоти — что-то вроде кузницы. И войдя, я тут же в этом убедился. Кузнец, длинный и сухопарый желтоволосый дед, некоторое время пререкался со старухой, судя по интонациям, намекая, что у него рабочий день кончился, но старуха опять победила. Кто-то, подойдя ко мне сзади, разрезал веревки, и мои руки бессильно повисли. Когда я еще смогу ими свободно двигать?... Вероятно, нескоро — мне не дали размять мышцы, кузнец заклепал у меня на запястьях браслеты, скрепленные между собой довольно короткой цепью, проходящей через кольцо на массивном железном поясе. пояс тоже заклепывался прямо на мне. Вот старая сволочь, ему б самому так кувалдой по заднице! Вслух я этого высказывать не стал — понять может и не поймут, а вот копьё в брюхо получить можно.

После завершения этой "профилактической работы" меня вывели из кузни и погнали еще куда-то. Теперь мои brave конвоиры осмелели настолько, что шли не только сзади, но и с боков. Очевидно, по всему стойбищу уже разнесся слух, что Чародея захватили — отовсюду стекались любопытные, поглазеть на меня. Опять же, в основном подростки и бабы, многие — в тех же медных ошейниках. Характерная деталь — окольцованные-то все хромают, причем все на правую ногу. Точь в точь моя провожатая, а она, похоже, пользуется здесь влиянием. Может, это у них знак высшей касты? Или, например, такие вот странные представления о красоте? Татуировка и раскраска тел меня же почему-то не удивляет...

И тут я почувствовал Силу. Чужую. Абсолютно незнакомую, хоть и не слишком большую. Недобрую какую-то. С таким мне еще сталкиваться не приходилось. Прежде чем

меня подвели ко входу в довольно большую юрту, я знал, что именно отсюда она и исходит. Воины остановились, не доходя до входа метра три, и на рожах у них читалось, что ближе соваться им очень неохота. Старуха сделала мне знак подождать. Ладно, кто бы спорил... Все равно надо Силу подконцентрировать, просто так, на всякий пожарный — с кем или с чем придется столкнуться, пока абсолютно непонятно. Хотя непосредственной опасности я пока не чувствую, да и в таких браслетах мало что смогу сделать, но все же...

Старуха появилась почти сразу и отогнула дверной полог, приглашая меня внутрь. Конвоиры остались стоять, где стояли, а я мужественно двинулся навстречу непонятной Силе. Как обычно, герой поневоле...

Полог тяжело опустился за моей спиной, сперва я разглядел только тусклый красноватый огонек плошки с жиром, почувствовал запах копоти от него, а потом... Откуда-то слева внезапно раздался низкий рык, что-то большое и вонючее придвинулось из темноты, тускло блеснули лезвия двух кинжалов. Сердце провалилось куда-то в желудок. Только этого мне еще не хватало — быть кому-то скормленным...

— Назад, Обо! Не трогать!

Нечто с утробным ворчанием отодвинулось в угол. Вот это номер... Здоровенный заросший диким волосом мужик, всей одежды на нем — пояс с ножнами да ошейник с цепью, прикрепленной к большому камню. Телохранитель?..

— Что, Чародей, испугался моего песика?

Я не без усилий оторвал взгляд от «песика» и перевел его на хозяйку Силы, обладательницу голоса. Глаза уже достаточно привыкли к полумраку, чтобы разглядеть ее. М-да, основательная бабища. Лет на вид побольше тридцати, не очень высокая, на голову меня пониже, и, похоже, не из варваров — волосы, если их отмыть, должны оказаться довольно светлыми, лицо не такое скуластое, нос почти курносый. Кожаные штаны плотно обтягивают массивные ляжки, меж монументальных грудей, словно капля крови, свисает на цепочке Камень — слабенький, но все же... Хорошо, хоть эта не разрисована... Хотя нет, на грудях татуировка — глаза, соски вместо зрачков. Ну и фантазии у автора подобных вещей...

— Не бойся, Чародей. Он не тронет. Пока я не скажу... — голос довольно высокий, с легкой хрипотцой. Слов не коверкает, но выговор слегка гнусавый, такой я уже у кого-то слышал... Ладно, не время сейчас с этим разбираться.

Я выдавил из себя мужественную улыбку:

— Мне вещи и пострашней видеть приходилось. А пока, хозяйка, почему б не предложить гостю, например, присесть и выпить вина?

— Ну присядь, — она разглядывала меня не таясь, оценивающе. — Только учти, ты пока здесь не гость, а пленник.

— Спасибо за предупреждение, — буркнул я, устраиваясь на шатком чурбане. — А я-то, дурак, думал — это ритуальные украшения, — я позвякал цепью.

Она холодно улыбнулась:

— Ты, я вижу, забавник...

— На том стоим... А может, ты меня тоже позабавишь, расскажешь, чего ради меня сюда привели?

— Не только для развлечений. Ты ведь орденец?

— Был.

Она неторопливо обогнула грубо сколоченный стол, смахивающий больше на конуру, облокотилась на него, скрестила руки на груди:

— Что значит — был? Ты ведь Чародей?

Ухо надо остро держать — а вдруг ей известны новости с той стороны Пограничного?

— Меня уже давно отлучили.

— И как тебя зовут, отлученный?

— Марк Ведун, а тебя?

— Ты любопытен, Чародей. Не слишком ли?

Пошли опасные моменты...

— Ну, если мне тебя называть просто: "Эй, ты!" — тебе это может не понравиться.

Она прищурилась, потом уголки большого рта чуть приподнялись — вид получился довольно плотоядный:

— А ты любишь нравиться, Чародей?

Смилуйся, бог обманщиков! Неужто и эта озабоченная? Конечно, по меркам этого мира, я орел и здоровяк, но не до такой же степени!

А она после паузы сообщила:

— Родители звали Амратой. Здесь у меня имени нет, я ж колдунья.

Что-то смысла подобного заявления не улавливаю... Но надо попытаться перехватить инициативу:

— Судя по лицу, ты не из варваров. Ты с востока?

— А ты нахал, — одобрительно заметила она, потом улыбнулась. — Только придержи язык, Чародей. Дети Островов очень не любят, когда их называют варварами.

— Так что вы здесь — не постоянно? — не хватало только куда-нибудь на острова Северного Архипелага отправиться!

— Клан Дракона здесь уже двадцать лет живет.

— А ты? — пока рассказывает, надо слушать и на ус мотать.

— Всего пять. Меня захватили при набеге, а потом взял к себе тогдашний колдун, — мечтательная улыбка. — Какой был мужик... Он меня и обучил.

Сдается мне, не своей смертью этот колдун умер — с этой бабы вполне станется конкурента пришить... Но не будем уточнять.

— Ладно, но вот главное — зачем я здесь?

— Хочу узнать последние новости с востока.

— Тогда ты немного не по адресу — я избегаю с кем бы то ни было встречаться. И потом, как ты рассчитываешь использовать моего спутника, эльфа?

— Орденец, отлученный, гуляет вместе с эльфом... Что у вас с ним? — тон самый игривый. Похоже, и в самом деле озабоченная... Везет же мне в последнее время на такие приключения! Хотя кто его знает, может, она со мной проделывает то же, что я с Диксом, подпускает что-то, чтоб заставить меня протрепаться. Непростая баба, к тому же Силой владеет. «Песика» вот приручила... А последний снаряд вообще слишком близко разорвался.

— Я к тому, что ни от него, ни от меня тебе никакой пользы. Почему б тебе нас просто не отпустить восвояси?

— Не люблю понапрасну рисковать.

— Интересная мысль... Но ведь оставшись здесь, я становлюсь твоим конкурентом, так?

— Ты в этом уверен? — снова улыбнулась она. А мы пойдем напролом:

— Уверен.

— А если лучше подумать?

— Когда тебе сначала обухом по чану дадут, а потом лопать три дня не дают, не очень-то думается. Может, расщедришься? Ради новостей с востока, хотя бы.

Она будто в задумчивости потеряла подбородок:

— Что ж... С сытым мужчиной проще договориться.

Ага, значит, предполагается некий договор. Кабальный, вероятно. В случае отказа она может разделаться и со мной, и с Хельгом совершенно безболезненно, как бы я ни пыжился. Только вот она об этом не знает, а я ее на сей счет просвещать не собираюсь.

Амрата тем временем отдала вполголоса какое-то приказание, появившаяся из-за мохнатой от копоти перегородки старуха нацедила из бочонка в грубый деревянный ковш какую-то жидкость и поднесла мне. Я благодарно кивнул и взялся за ручку. Ч-черт, цепь короткая, до рта не очень-то донесешь...

— Ладно уж, Чародей, давай я помогу, — Амрата зашла мне за спину и поднесла ковш ко рту, попутно прижавшись к моей спине мощной грудью. Так я и думал, хочется ей меня

на себя положить. Но, судари мои, я ж не случайный бык и даже не егерский офицер, и при этом почему-то должен служить добычей сексуально озабоченным колдуньям... Хорошо еще, что вяленую рыбину и пресную подсохшую лепешку я смог сжевать без посторонней помощи.

Наевшись, я первым делом осведомился:

— Шмотки мои здесь?

— Здесь, не бойся.

А уж в сумке-то моей наверняка порылись. Черт, курить охота, как из ружья, а с сигаретами сейчас светиться — сразу можно допереть, что я не тот, за кого себя выдаю.

— Ладно, Чародей, — теперь тон Амраты сделался более нетерпеливым и резким, — а теперь мы с тобой поговорим. О деле.

— Я тебя внимательно слушаю.

— Ты согласишься служить мне?

— И чем же?

— Видишь ли... Мой прежний учитель не слишком любил знаниями делиться. Хотелось бы получить их от тебя.

Ага, вот оно что...

— И что я с этого буду иметь?

— Жизнь.

— Ну, это не так уж и много.

Она сощурилась и выпалила:

— Орден ее ценит в две тысячи монет.

Нормально. Я, кажется, становлюсь слишком популярен. Если и дальше так пойдет, закажу афиши типа: "Только один день, проездом! Меченосец-шоу с применением холодного и огнестрельного оружия! В благотворительной лотерее разыгрывается две тысячи имперских золотых! Похороны участников за свой счет." Но я на пушку плохо берусь, а потому поднял бровь и осведомился:

— Ты это о чем?

— Ты думаешь, я не навела справки, кого сюда привезли, Меченосец? — она слегка поднаперла на имя. Ну, меня на такие «чудеса» не очень купишь — сочетание интуиции с элементарной логикой. Но какой-то источник информации у нее есть...

— А дальше что? — с интересом осведомился я.

— Например, могу выдать тебя Ордену.

Значит, эта кандидатка в женский истребительный батальон хочет меня запугать? Это мы еще посмотрим, кто кого запугает...

— И проигрываешь. Я думаю, Магистрам интересно будет узнать, что тут распоряжается кто-то не из ихних. А потом они попробуют заменить колдунью племени Дракона своим Чародеем. У них это должно получиться, — я изобразил самую сатанинскую улыбку.

Амрата попыталась сменить тактику:

— Слушай, Меченосец, ты ведь покуда моя собственность, — она улыбнулась, явно претендуя на облыстительность. — Если согласишься стать моим ручным Чародеем, власть у тебя будет почти как у меня.

— Неинтересно. Я свои знания, к твоему сведению, не на помойке нашел.

— А если я тебя заставлю?

— Интересно, как?

— Я могу, в общем-то, любого в такого «песика» превратить.

— Чародей — не любой. Может, попробуешь? Чисто из любопытства...

— А как насчет Пришлых? — она победно улыбнулась. — У них ведь нет таких претензий, как у Ордена. У того, со стеклами на носу.

А вот про Дэна-то она как узнала? Ладно, неважно. Не отвлекаться. Стоит поддаться хоть на миллиметр — и все, эта шлюха меня со всеми потрохами займет.

— Тебе действительно новости с востока узнать не помешало бы, — я развалился настолько вальяжно, насколько смог. — Сейчас этот парнишка со стеклами на носу действует рука об руку с Орденом.

— Хорошо, — теперь вид у нее стал, как за шахматной доской, брови сдвинулись, — а во сколько бы ты оценил жизнь своего кровного брата? Я говорю об эльфе.

Ага, в ход идут крупные козыри. Хочет показать, что знает обо мне все. Но вот о том, что мы с Хельгом принесли клятву, знаем только он, да я, да Гельда. Ну, может, Роджер догадался. А вот по части откровенного блефа ей до меня далеко.

— Эльф? Да если я с тобой сейчас соглашусь, он первый же меня и пристукнет.

Она чуть помедлила, потом осведомилась тоном, разве что чуточку напряженным:

— Так ты отказываешься?

Ага, клюет! Видно, сильно ее прижало. Я улыбнулся:

— Почему же? Я этого не говорил. Но сделка есть сделка. Я тебя обучаю, ты мне платишь, при этом тот факт, что ты меня своей собственностью считаешь, ровным счетом ничего не меняет.

Она удивленно вскинула бровь, но только спросила:

— И твои условия?..

— Сейчас изложу. Пока найди в моей котомке такую маленькую белую палочку и вставь ее мне в зубы.

Пачка сигарет нашлась быстро. Блок, правда, распатронули, половина пачек надкусана... Вот, наверно, плевались бедные дикари... Я передвинул сигарету в угол рта, прикурил от знака Огня, затянулся. В голове слегка зашумело, мир вокруг на некоторое время пошел волнами.

— Итак, мои условия. Первое: раз то, чем я владею, так важно для тебя, ты сейчас должна за мной ухаживать, как за галахарским скакуном.

Амрата кивнула:

— Приставлю к тебе рабыню.

— Это те, в ошейниках? Кстати, а почему они все хромают?

— Когда их сюда привозят, им под правым коленом поджилки надрезают. Ходить потом могут, но далеко не уйдут.

Так, отметим в скобках, что отсюда в принципе можно убраться пешком.

— Далее: эти браслеты с меня долой, я брякнул цепью.

— А вот их тебе придется потерпеть. Я не хочу, чтоб со мной то же, что и с прежним колдуном случилось.

Ага, не слишком завуалированное признание в убийстве. Ну, тут ее, по крайней мере, понять можно — в ее представлении, отлученному орденцу больше и желать нечего, кроме поста колдуна в диком племени.

— Ладно, к этому вопросу мы еще вернемся. Далее: эльф должен пользоваться теми же благами, что и я.

— Хорошо.

— И, наконец, главное. Знания могут меняться только на знания, так вот, мне необходимо узнать, каким образом ты обо мне проведала и о причинах охоты за мной. Либо ты меня обучишь использовать свой источник сведений, либо, если не получится, узнаешь сама. Годится?

— Н-ну... — она немного подумала, потом решилась. — Так и быть, дам тебе в свое зеркало посмотреть.

— Поклянись своим Камнем.

— Хорошо, — она взяла в руку Камень. — Клянусь.

— Ну вот и чудесно, — я широко зевнул. — А теперь приступим к выполнению пункта первого нашего с тобой договора. Во-первых, я в дороге запаршивел, как навозный жук. Во-вторых, для того, чтобы что-то связно объяснить, мне надобно выспаться. Принимается?

Дальнейшее я отражал достаточно слабо — буквально спал на ходу. Был котел горячий

воды, старуха терла меня чем-то, смахивающим по жесткости на наждачную бумагу, я пытался помогать, но глаза слипались и снова жутко разболелась голова.

Ага, кажется, я проснулся. Судя по моему Камню, на дворе глубокая ночь. Тут, во всяком случае, темно. Башка до сих пор побаливает. Лежу я на каких-то шкурах, укрытый тряпьем, почему-то без штанов. Надеюсь, ботинки у меня не поперли? Ладно, надо бы осмотреться, тем более, что этой Амраты я нигде поблизости не ощущаю. Черт, пояс этот железный просто страшно мешает. Попробуйте спать с бочарным обручем на талии...

Пошарив рукой по шкурам, я обнаружил штаны. Я понимаю, свобода нравов — это здорово, но в чужом краю и без штанов чувствую себя все равно несколько неловко. Надеть их мне удалось не без труда. При первой же возможности попытаюсь избавиться от этих браслетов...А пока попробую более-менее трезво попытаться обдумать сложившуюся ситуацию.

Итак, никуда не денешься, факт остается фактом — я теперь являюсь собственностью этой сволочной колдуньи. Кой-что ей придется показать, Силой она владеет, только вот на каком уровне? Но это в любом случае — вариант временный, чтоб башка на плечах осталась. А сматываться отсюда надо в любом случае — ситуация во-первых, унижительная, во-вторых, опасная. Да еще она опасается, что я попробую ее вытеснить...Тоже неплохой вариант, если разобраться, но у меня покуда кишка тонка ее сожрать — я даже не знаю, что она может, кроме воспитания "песиков"...

А она, похоже, из той породы, про которую говорят: "Как вспомнишь, так и всплывает"...Появилась, походочка типа "Танцующий слон". На какого-нибудь егеря должно безотказно действовать...Я поспешно закрыл глаза.

— Меченосец, ты спишь?

Сплю. Умер. Никого нет дома. У вас есть тридцать секунд, чтобы оставить сообщение. Перезвоните через годик. Все ушли на фронт. Так и есть, повалилась рядом, а ручонки — шустрые и шаловливые...

К счастью, свою чародейскую честь я не уронил и времени вся процедура заняла немного — Амрата, похоже, отнеслась ко мне скорее как к тренажеру. Когда все завершилось, она прилегла рядом и удовлетворенно хмыкнула:

— А у Чародеев, оказывается, все на месте. Я слышала, вам жениться нельзя. Это правда?

— Нам семьей обзаводиться нельзя, а все остальное — сколько угодно, лишь бы не в ущерб делу. А ты часто такие проверки учиняешь?

Она тяжело вздохнула:

— Всем хорош клан Дракона, кроме одного: есть у них такой закон, по которому колдунья может к себе мужчину приводить только четыре раза в год, по большим праздникам. И не мужчину даже, а вождя. А вздумай я его нарушить — будь хоть расколдунья, в мешок и в море. Обо — сам понимаешь...

— Понимаю, — заверил я. — А я как — не мужчиной считаюсь?

— Ты? Ты вообще не считаешься. Ты просто мое имущество. Колдовской инструмент.

— Волшебная, значит, палочка...Давай лучше покуда поговорим, чему мне тебя учить. Чем у вас колдун, а в данном случае колдунья заниматься должны, кроме проверки инструментов?

— Предсказывать набеги на гавань, погоду...

— Боюсь, это не по моей части.

— С этим я сама справляюсь. Но есть еще нежить, есть враги.

— У них колдуны в драке свою Силу используют?

— Конечно! Потому ты и здесь.

Значит, мне предстоит роль инструктора по боевым чародейским приемам. Не слишком мне все это нравится, такие вещи Орден от всех утаить старается. А, не все ли равно? Ну, будет у них лишний повод меня пришить, а дальше что?

— И вот еще что меня интересует — кто у вас тут самый главный? Ты или вождь?

— Я? Мо дело — советовать. А спорить со мной вождь никогда не станет.

— Ладно, проехали. Я знаю, я слишком любопытен — но ты не боишься?

— Чего?

— Ну вот, например, ты мне понять дала, что прежнего своего хозяина, колдуна этого, ты убила. А вдруг я развоню?

Она хихикнула:

— А кто тебе поверит-то? Да и поверят — какое им дело? Ладно, Чародей, отдыхай. Я еще эльфа попробую навестить.

Слава Аллаху, ушла наконец. И кто ж их таких, скажем, нехороших, в лес пускает? Ладно, надо разработать кой-какие заготовочки на тот случай, что мне смыться не удастся. А для этого первым делом надо выспаться.

Утром, чуть ли не самым рассветом, меня разбудило прелестное создание — приплюснутый носик, глазки-щелочки, широченные скулы... По-моему, та самая прислуга, о которой вчера Амрата упоминала. К этой верхней часть тела оказалась в мелких цветочках и сине-зеленых разводах, смахивающих на трупные пятна. Она, не говоря ни слова, помогла мне надеть ботинки, потом приволокла откуда-то здоровенную кружку местного пойла — помесь браги с подкисшим пивом — и кусок копченого до черноты мяса неизвестного происхождения. Ладно, после того, как долго постишься, привередничать вредно для желудка. Когда я разобрался с пищей, девица все так же молча вставила мне в зубы сигарету. Да, у этой красавицы масса достоинств — во-первых, молчит, не отвечая даже на самые простые вопросы, во-вторых, не кидается на меня.

Курил я очень неторопливо, собираясь с силами. Явно без какой-нибудь гадости не обойдется, а такие вещи надо встречать во всеоружии. Примерно на половине сигареты шкура, заменяющая дверь, и в хижину гордо вошел Хельг в сопровождении особы, смахивающей на сетстру-близнеца той, что ко мне была приставлена. Я тут же приветствовал его вопросом:

— Как спалось?

Он стал ярко-оранжевым и что-то невнятно пробормотал. Вот уж не подозревал, что эльфы так целомудренны... Чисто из озорства я продолжил самым невинным тоном:

— Слушай, со мной тут странный случай... Представляешь, у меня ночью кто-то был! А у тебя?

— Тоже, — угрюмо пробурчал он. Я бы мог продолжать в том же духе еще долго — уж больно забавно смущается эльф, — но тут как раз появилась вчерашняя старуха и сделала знак следовать за ней. Ничего не попишешь, пора начинать преподавательскую деятельность... Я выплюнул чинарик, бросил эльфу:

— Ладно, потом впечатлениями обменяемся. Еще будет время, — и выкатился из хижины вслед за старухой.

Мы обогнули хижину и снова оказались у входа в жилище колдуньи. На сей раз старуха для разнообразия осталась снаружи, и я, врубившись, что за мной она следовать не собирается, набрал в грудь воздуха, отогнул полог и шагнул внутрь.

Амрата сидела там же, где и вчера, потягивая из глиняной кружки. Сегодня для меня по другую сторону стола было приготовлено что-то вроде перевернутого бочонка, на который я и уселся, не ожидая приглашения.

— Привет.

— Опять наглеешь?

— Само собой. Я понимаю, то, то между нами было, еще не повод для знакомства, но сделка есть сделка, и я собираюсь свою часть обязательств выполнять... Короче, начнем наше первое занятие, — я небрежным жестом отодвинул кружку на свой конец стола, не прикасаясь к ней, закурил новую сигарету и небрежно развалился — насколько это возможно без риска опрокинуться. нащупав спиной опору, я закинул ногу на ногу. Я, в конце концов, сенсэй, или где?

— Рассказывай, — я выпустил глубокое облако дыма.

— Что?

— Ну, — я проделал сигаретой в воздухе неопределенный жест. — Против кого ты там драться хочешь? Начнем, пожалуй, с нежити.

— Гоблинов в лесах куча. Только они мирные.

— Даже весной?

Она кивнула:

— Ага. Хуже то, что Черные Волки появляются.

— Это действительно может неприятно быть...Стая?

— Да.

— Одна и та же? Сколько голов?

— Не знаю.

— Так. От лунной фазы их появление зависит?

Она помялась:

— Кажется, нет. Не знаю.

— Что ты вообще знаешь...За какое время ты их хотя бы чуешь?

— Часа за два.

Я присвистнул:

— Мне бы такое чутье! Я их за такое время голыми руками передавить бы успел. И твои действия в это время?

— Оружие заговариваю.

Вот черт, похоже, она и в самом деле в чародействе ничего не рубит! Я скептически осведомился:

— И как, помогает?

— Немного, — похоже, ее задел мой тон. — Я еще против них заслоны ставлю.

— Ты б еще против них заборы строила...Есть способы и лучше, и проще. Знак Мандрагоры знаешь?

— Знаю, — обрадовалась она. — Он вот так рисуется, — Амрата принялась было что-то чертить на песке, покрывавшем пол, я жестом остановил ее:

— В воздухе он рисуется. Ладно. Хоть огнем-то ты владеешь?

— Если место заранее заговорить...

Я шумно вздохнул:

— Ведьмы и оборотни! Чему ж этот твой колдун тебя учил?

— То есть как это — чему?! Магии.

Ясно. Вот они, разные школы...

— Ну... — я устало махнул сигаретой. — А кроме Волков кто у вас тут есть? Монахи? Вампиры? Может, брукса какая завелась? Тоже нет? Ну, лешаки у моря не живут. И что, только Волки?

— Ничего себе — только! Возмутилась она. Знаешь, сколько наших от них каждый год гибнет? Оружие-то их не берет.

— На самом деле все просто. Я понять не могу, как это получилось — ты ведь носишь Камень...Ты его от того колдуна унаследовала?

Она кивнула.

— Ну так вот, в нем все должно быть заложено. только надо уметь прочесть.

— Это как?

Э, нет, родная. Тебе все расскажи — опомниться не успеешь, как в море очутишься. Причем с камнем на шее.

— Всему свое время. Ты его носишь, значит, и читать его в свое время научишься. а пока займемся Волками. Есть такая вещь, которую они очень не любят, называется знаком Серебра. Можно, конечно, и знак Мандрагоры использовать, но тогда ты их просто отпугнешь, и через некоторое время они вернутся. Движение их ты можешь четко засечь?

— Могу.

— Ну, тогда все проще некуда. Рассчитай упреждение и садишь по всей стае, либо

лупишь их поодиночке огнем. Примерно таким вот образом, — не без дальнего прицела я показал, как в таком случае направляется Сила, через ее Камень. Во время разговора я потихоньку нащупывал с ним контакт, а теперь задействовал его. Слабенький Камушек, если брать сомнительную в данном случае аналогию с человеком, напоминает такого гнилозубого юнца-сутенера, никогда не расстающегося с пером, крысу портовую. Гниловастенький Камень, не чета моему Юрду, но хоть отчасти его можно к рукам прибрать. На это времени у меня хватит. Главное на данный момент — то, что я хотел показать, в нем есть.

Амрата оказалась предельно удивлена:

— Как ты это сделал?

— Неважно. Важно другое — ты поняла?

— Н-ну... Кажется, да.

— Если кажется — тебе это не поможет, — а вот сейчас надо работать на ошеломление. — Проверим на практике.

— Это как? Где ты сейчас Черного Волка возьмешь?

— В этой самой хижине. Не сходя с места. Ты уверена, что все поняла?

— Что?! Он здесь появится?! Когда?

— Прямо сейчас.

— Рехнулся, да? Обо!

Золотое правило: "Перед тем, как сдать колоду, положи тузы в рукав", и его-то я использовал в полном объеме. неприятности с «песиком» я предполагал, а потому обездвиживающий знак был у меня наготове, еще когда я только вошел. Удерживать его — довольно тяжелое и неприятное занятие, а потому, обернувшись к «песику» и ударив его Силой, я даже некоторое облегчение почувствовал. Потом нарочито неторопливо перевел взгляд на Амрату:

— Так ты готова, или еще раз показать? Все запомнила? Да не трясись ты так, в конце концов я здесь. Ну?

— Готова, — прошептала она побелевшими губами.

— Пошел!

Вот уж на такие фокусы у Ордена запрет жесточайший. Я пытался в свое время выяснить обиняками, владеет ли кто-нибудь чем-то подобным, но от меня попросту шарахались, только что не орали: "Изыди, нечистый!" А натолкнулся я на это знание совершенно случайно, еще когда Учитель пичкал меня своим обучающим снадобьем. А если я это знаю — почему б не воспользоваться? Орденские запреты для меня ничего теперь не значат.

Сам трюк предельно прост, даже сколько-нибудь значительного расхода Силы не требует. Просто мысленно, через Камень, сверлишь что-то наподобие дырки в пространстве, или не в пространстве, шут его знает, в общем, делаешь дырку, прокручиваешь перед мысленным взором каталог всяческой нежити, а потом вызываешь у себя острое ощущение присутствия оной. Насколько мне известно, с помощью подобного фокуса что-нибудь нужное и полезное не раздобудешь, только всякую гадость.

Сосредоточившись на Черном Волке, я вычертил в воздухе знак Аркан. И в хижине возник Черный Волк.

Вообще, Черные Волки — зверюги впечатляющие и довольно опасные. Они действительно черные, как уголь, да еще ростом со среднего теленка, обычное оружие их попросту не берет. К тому же у некоторых из них есть очень неприятная особенность проходить сквозь стены, так что прятаться от них — дело дохлое. Такая скотинка может за полторы секунды разодрать любого в мелкие клочья — но только не Чародея.

Волк возник, как я и рассчитывал, в паре метров от Амраты. С хриплым рычанием он прыгнул на нее.

Весь процесс занял долю секунды — Амрата все усвоила правильно, тем более я, образно говоря, поддерживал ее под локоть. Черная скотина, застигнутая в прыжке, сначала

превратилась в плоский силуэт на фоне ослепительной вспышки, замерла на миг в полете, а потом вообще растворилась, оставив по себе запах паленой шерсти. Вообще, Волки эти — нежить, устрашающая на вид, но удивительно нестойкая. Матерый волколак куда опасней.

Итак, Амрата сработала по заданной схеме весьма успешно. Когда она повернулась ко мне, ее глаза чуть ли не светились:

— Получилось!

Я скромно пожал плечами, словно говоря: "А как же иначе?" и закурил новую сигарету. Амрата не унималась:

— А давай еще раз! — не терпится ей снова попробовать свои силы... Я покачал головой:

— Хорошего помаленьку. Сейчас на вызов у меня может просто Силы не хватить. Или еще хлеще — проход откроется.

— Это как?

— Это так, что всякая нежить полезет таким потоком, что тебя даже со мной вместе может на сдерживание не хватить. Так что побудь с этим, потренируйся на своей «собачке», а я пошел.

— Я еще вечером загляну.

— Валяй. Да, вино какое-нибудь приличное у вас тут есть?

— Найдется.

— Вот и чудесно. Найди его и скажи, чтоб отнесли нам с эльфом.

Вино, правда, оказалось дрянным, но его было много. К вечеру мы с Хельгом споили приставленных к нам девиц, споили Амрату, накачали до положения риз зашедшего на огонек вождя...

Так началась моя жизнь в племени Драконов.

ГЛАВА 15.

Привыкнуть можно ко всему, в этом я убедился на собственной шкуре. В стойбище Драконов я нахожусь уже тринадцатый день и почти ко всему притерпелся, включая и мысль о побеге. Больше всего на нервы действует цепь. Я внимательно изучил все шестнадцать звеньев — без зубила или хотя бы пассатижей делать нечего, а пилки для ногтей тут как-то пока распространения не получили. Удирать закованным — сомневаюсь, что далеко уйду, да еще при этом стану легкой добычей для любого, кому вздумается на меня поохотиться. С помощью Силы ни саму цепь, ни пояс разломать не удастся. Теоретически, можно попробовать раздолбать ее тяжелым камнем, но времени на это уйдет порядочно, а меня без присмотра ни на минуту не оставляют — та узкоплечная, которую ко мне Амрата приставила, от меня ни на шаг. Отделаться от нее чародейскими методами — сразу к себе внимание привлечь, а мне это даром не надо. Так что остается ждать удобного момента, чем я с успехом и занимаюсь.

А в остальном живется мне тут сравнительно неплохо, если, конечно, в плену можно нормально жить. Драконы относятся ко мне с боязливым уважением, по стойбищу я могу разгуливать вполне свободно, только к гавани и конюшням меня вежливо не пускают. Сама гавань — в узеньком фьорде, врезавшемся в береговые скалы, нависшие над водой на добрый десяток метров. В первые дни меня было с этих скал за уши не утащить, торчал на утесе, что твой Байрон, часами слушая, как внизу равномерно и тяжело долбят скалу свинцовые волны, торчал и лелеял наполеоновские планы, как я отсюда смоюсь. Во всем этом только один минус — плаваю я немногим лучше утюга, да еще и с тяжелой цепью на руках.

Вообще-то Драконы эти — ребята не такие уж и плохие, хоть и любят разжиться за чужой счет, но это, насколько я понял, в Диких Землях в порядке вещей. По-имперски тут лопочет полтора человека, да и то старичье, но от них я кое-что поднаблюдать о тех временах, когда клан Дракона еще жид на островах, где-то в южной части Архипелага. По-моему, они

и там не шибко процветали, а потом еще вышла у них размолвка с неким кланом Ворона, те, не долго думая, высадились и захватили остров, из Драконов спаслось не больше сотни человек. А тут они пристрастились к сухопутным набегам, и более-менее дело пошло на лад. Моряки они никакие, невооруженным глазом видно, но вот в седле — боги. Прирожденные ковбои.

Эльф постоянно ворчит и задирается — от безделья. Но дальше этого дело не заходит, и все протекает, в общем-то, без эксцессов. На здешних харчах я даже слегка раздобрел, пива на нас не жалеют, с обучением Амраты я особо не усердствую — так, часа по два-три в день, не более. Ученица она — не без способностей, хотя звезд с неба не хватает, но знания, которые я ей даю, по форме больше напоминают кулинарные рецепты или пособие по изготовлению занятных фигурок из бумаги. А систему ей давать — нет уж, слуга покорный! Во-первых, мало ли чего она наворотить тогда может, а во-вторых, я в таком случае получаюсь, вроде как. лишним. Как со мной в таком случае обойдутся — ежу ясно. Своими знаниями, несмотря на наш уговор, она пока так и не поделилась, и сегодня я попробую это положение исправить.

Как и в остальные дни, я вошел в жилище Амраты без стука — во-первых, по праву учителя, во-вторых, по причине отсутствия двери. А войдя, тут же взял быка за рога:

— Привет. Сегодня ты со мной заниматься будешь, идет?

— То есть?

— Ну, я свою часть обещания выполняю, верно? Теперь дело за тобой. Сделка есть сделка.

— Ты чем-то недоволен? Пока ты имеешь пищу, кров и защиту.

— Даже так? А по-моему, мы немного о другом договаривались. Тебе напомнить?

Ее глаза сузились:

— А ты много себе позволяешь, Чародей, — в словах прозвучала скрытая угроза. Я выволок из кармана одну из последних сигарет, неторопливо закурил.

— Может быть, может быть... На то я и Чародей.

— Пока что.

Я ухмыльнулся углом рта:

— Милая, да ты меня, никак, напугать хочешь? Уж это-тто я умею, во всяком случае, не хуже тебя.

— Я понять не могу, что тебе надо?

— Чтобы ты приступила к выполнению своей части уговора. Кстати, ты, насколько я помню, Камнем своим поклялась?

— И что будет, если я откажусь?

— Придется мне занять твое место, — вздохнул я. — Твой же Камень для этого и можно использовать, верно?

— Ты думаешь, ты успеешь это сделать? — она напряглась, рука ее нырнула куда-то под стол. Оч-чень опасный момент... Но уж блеф так блеф:

— Понятия не имею. Но проход в любом случае могу открыть.

— Какой еще проход?

— Для нежити. Что ты думаешь о Монахах?

Она явно заколебалась. Побаивается меня. Но вот после сегодняшнего надо будет осторожность удвоить, чтоб мне не организовали несчастный случай вроде стрелы в спину. Смягчим покуда эффект:

— Ну, не все так страшно. Ты что-то говорила насчет какого-то зеркала?

Она с некоторым облегчением перевела дух, сообразив, что сейчас ей с кучей нежити сражаться не придется:

— Хорошо. Дам тебе посмотреть в мое магическое зеркало. Но если тебе не понравится — не взыщи.

— Не буду взыскивать, — пообещал я. — А что мне там не понравится может? Ты что — предлагаешь в будущее заглянуть?

Она рассмеялась:

— В бу-удущее! Это ты хватил! Такого и на свете-то не бывает. А вот в прошлое свое ты сможешь заглянуть.

— Ну, его-то я и так знаю.

— Ты так думаешь? — сощурилась она. Все мы, Чародеи, в этом — обожаем говорить загадками. И всегда знаем больше, чем говорим.

— Считаешь, есть какие-то моменты, которые мне неизвестны?

— Не считаю, а знаю, — теперь она улыбалась совсем по-кошачьи. — Ну так что? Сразу скажу: тебя это может надолго из седла вышибить.

Интересно, а не лловушка ли все это? Может, она решила, что узнала от меня уже достаточно? Хотя вряд ли. Она шлюха, стерва, дрянь — кто угодно, только не дура. И уж то, что к власти меня не тянет, она просекла, а резать курицу, несущую золотые яйца, не в ее обычае.

— Ладно, — я выплюнул чинарик на песок. — Разводи огонь под котелком. Или будешь выкрикивать каббалистические заклинания?

Она посерьезнела:

— Зеркало не совсем обычное. И я не знаю, что оно тебе покажет, могу только толчок дать в нужном направлении.

— Действуй.

Амрата отвернулась, что-то негромко бросила на языке Драконов, из-за перегородки появилась старуха. Получив еще какое-то тихое распоряжение, она ушла обратно.

Амрата подошла ко мне — губы сжаты, собрана до предела.

— Сейчас — ничему не удивляйся. И не задавай лишних вопросов.

Я кивнул. Старуха появилась снова, на сей раз она вела за руку какое-то существо в полотняном балахоне. Я не сразу догадался, что это девушка — чахлый лягушонок с плоской монголоидной физиономией, голова мотается, движения неуверенные, челюсть безвольно отвисла, на подбородок из полуоткрытого рта стекает струйка слюны, глаза — идеально пустые. Похоже, идиотка. Или обдолбана до последней степени. Или и то и другое.

Амрата, поймав мой взгляд, чуть усмехнулась:

— Вот оно, мое магическое зеркало.

Я чисто машинально кивнул слабоумной, естественно, без всякой ответной реакции. Да, зрелище, похоже, предстоит еще то... А на попятный идти поздно — сам напросился.

— Я тебя предупреждала — зеркало необычное, — сообщила Амрата. — Когда ее захватили, хотели убить. Я не позволила. Она слабоумна, но Дар у нее есть. И я им пользуюсь.

По знаку Амраты старуха сдернула со слабоумной полотняный балахон. Да, это чудо не слишком на женщину похоже — ручки-ножки тонкие, как спички, грудь совершенно плоская... Тем не менее, на узких бедрах красовалось что-то типа железного пояса девственности. Я снова недоуменно уставился на Амрату:

— А железяка-то зачем? Кому в голову придет ее...

— Это обычно не в голову приходит, — улыбнулась Амрата. — А потом, Обо на сей счет тоже свое мнение имеет.

М-да, представишь себе картинку подобного совокупления — поневоле вытошнит...

А Амрата, похоже, решила ввести меня в курс дела более подробно:

— Ее тело должно оставаться нетронутым, точно так же, как и мозг. Поэтому я постоянно держу ее в грезах.

— Под наркотиком? Я хотел сказать, ты ее чем-то таким кормишь?

— Кормлю, — согласилась она. — А пока — хватит с меня болтовни. Когда я скажу, начинай контакт Сил. С ней. Ясно?

— Куда уж ясней...

Амрата тут же перестала обращать на меня внимание. С помощью старухи она привязала слабоумную к столбу, поддерживающему кровлю. Странно, по-моему, к какому

бы то ни было сопротивлению это существо не способно...Старуха опасливо отодвинулась куда-то в тень, а Амрата начертила прутиком вокруг столба довольно ровный круг, опустилась на колени и принялась вычерчивать вдоль окружности знаки. Странно, таких знаков я никогда не видел...Прежде, чем она закончила, у меня по спине сползла первая струйка ледяного пота — я ощутил присутствие Силы — не похожей на человеческую, незнакомой. Опасной.

Закончив с рисованием, Амрата поднялась и пошла вокруг столба против часовой стрелки, что-то бормоча или напевая. Слова так же оказались мне незнакомы, но тут я ощутил самый настоящий страх. И привязанной эти действия явно удовольствия не доставили, она начала поскуливать и подергиваться.

Обойдя три круга, Амрата протянула руку, старуха тут же вложила в нее склянку с какой-то темной жидкостью. Да, у меня и так волосы шевелятся от присутствия чужой Силы, но похоже, это еще не все. Амрата, обмакнув в жидкость прутик, начертила на теле слабоумной какой-то знак, та затряслась, на губах выступила пена, из горла рванулось неожиданно низкое рычание.

И тогда я почувствовал ее Силу — дикую, звериную, не управляемую разумом. Это что ж будет, если такая на волю вырвется? У меня с перепугу даже в глотке пересохло, о Амрата не дала мне слишком долго размышлять:

— Начинай контакт! Через свой Камень!

А как тут его начнешь? Ладно, где наша не пропадала...Я стек сознанием в Юрда и принялся нащупывать пути к этой странной Силе. К моему удивлению, контакт нашелся довольно легко, почти сразу. Да, мозг слабоумной оказался действительно идеально чист. Как операционный стол. Как белая накрахмаленная простыня. Как пустой киноэкран. На секунду мне даже почудилось стрекотание проектора, а потом передо мной замелькали кадры кинохроники Меченосца.

Путешествие вверх по реке времени, как рыба — вынырнул, погрузился, проплыл немного по течению, снова выпрыгнул...И все предельно четко. До мельчайших деталей.

Навстречу стремительно летят верхушки деревьев — это мы падаем на дельтаплане...

А вот и сам дельтаплан, он врезается в скалы горящей птицей, а где-то над ухом оглушительно стрекочет автомат Роджера...

Погружение.

Из белой мути выплывает Ильмира: "Новое знание — всегда новая боль"...Но и ее уже нет, я в кольце факелов, и микроцефал, оскалившись, прыгает вперед, занеся нож для смертельного удара, упреждая, бью ножом, и липкая горячая кровь окатывает меня, но вместо микроцефала на земле лежит кто-то другой.

Приглядевшись, узнаю лицо торианского гвардейца, певого человека, убитого мной, но оно тут же сменяется усталым, с темными кругами под глазами, лицом Дэна: "Ладно. Через две недели тебя убьют"...

А потом снова темнота, но она не таит в себе угрозы, ее пронизывают огоньки фонарей, мы с Ларико идем по ночному Бургу и над чем-то громко хохочем, пугая запоздалых прохожих...

На какой-то свосем уж короткий миг всплывает моя старая мастерская — там, в Бурге, а потом картина снова меняется.

Я в лесу, но в лесу искореженном и опасном, словно он опален каким-то чудовищным раскаленным ветром, а оттуда, из темноты, из-за переплетения ветвей, на меня движется что-то большое, взрывающееся, и я судорожно сжимаю в руках автомат, хотя и знаю, что он разряжен...

А потом наваждение уходит, лес становится другим, вполне земным ельником. Я лежу в редкой и белесоватой мокрой траве, чуть отставив правую руку с автоматом. на сей раз он заряжен, это уж я точно знаю. А пока надо вжиматься в траву и хвою и вглядываться вперед, а впереди — невысокая, метров пять, железнодорожная насыпь. Заметив шевеление, поднимаю автомат, вжимая приклад в плечо, но на гребне насыпи — Дэн. Он отмахивает

рукой — все в порядке, можно идти...

Но оказываюсь я почему-то в тернировочном зале, вокруг меня — около двух десятков парней где-то моего возраста, упражняемся в рукопашном бою, мой спарринг-партнер отрабатывает удары ногами, я ставлю блоки. Странно, этого типа я никогда раньше не видел...Высокий, светловолосый, худощавый...Не помню я его, хоть тресни...

И в этот момент я пропускаю удар, но оказываюсь почему-то в аудитории, столы расставлены полукругом, а в середине — наставник, седой, с костистой волчьей физиономией. направляя на каждого поочередно остро отточенный карандаш, он вещает: "Запомните, вы не боевики, а интеллектуалы. И основная ваша задача — не бегать и стрелять, глотая шифровки, не махать руками и ногами, а смотреть и анализировать. Использовать заложенные в вас способности..."

И снова смена декораций, мой дворик в Бурге, и мне шестнадцать, мы с ребятами пьем пиво и травим анекдоты...

И все заканчивается, экран гаснет. открываю глаза, снова возвращаясь в реальность. У Амраты вид усталый, но она явно довольна своим представлением. Старуха отвязывает слабоумную от столба, вливает ей в рот какое-то питье и уводит за перегородку.

Я провел рукой по лбу. Взмок, однако...И тут же перехватил взгляд Амраты — удивленный, почти восхищенный:

— Да, чародей, оказывается вам, Пришлым, тоже есть, что вспомнить. Не думала.

Я чисто механическим движением выволок из кармана сигарету, покрутил в пальцах и спрятал обратно:

— Есть-то есть, только тут почти половина ко мне не относится. Не было со мной такого.

Она уже откровенно ухмылялась:

— Все что ты увидел, ты увидел сам, я тебе ничего не показывала. Тебе, конечно, виднее...

Насмешка в ее голосе мне очень не понравилась, но, пожалуй, она-то и убедила меня в правдивости увиденного. Я все-таки закурил, некоторое время посидел молча. Амрата наблюдала за мной чуть ли не с жалостью — вот уж чего от нее не ожидал...Наконец она снова усмехнулась мрачновато:

— Я же предупреждала, что может получиться. Я уж догадалась, что ты какие-то вещи сам от себя скрываешь. И все-таки, хочешь-не хочешь, это твое прошлое, а не чье-нибудь.

— Да, то я-то ничего такого не помню!

— Раз видел, значит, помнишь.

— Откуда ж все это взялось?

Она пожала плечами, откровенно наслаждаясь моим замешательством:

— Тебе лучше знать. Зеркало четких ответов не дает. Ты сам хотел в него заглянуть, а если понять не можешь — твое дело.

— Значит, обо мне ты через него узнала — что я Пришлый и так далее?

— Догадлив, — чуть насмешливо одобрила она. — Видела кое-что, остальное сама додумала.

Я тяжело поднялся:

— Ладно, мне тут тоже кое-что додумать надо, так что сегодня у нас с тобой занятий не будет, — и пошел из хижины.

— Заодно и довспомни, — посоветовала мне в спину Амрата.

Я плелся, не разбирая дороги, через все стойбище, пока не оказался на своей любимой скале над гаванью. Краем глаза я видел, что моя прислужница-надзирательница топает следом, но это как раз меня меньше всего волновало. Добравшись, я уселся на камень подальше от края — не могу долго на море смотреть, сразу что-то вроде морской болезни начинается...Ветер с севера стал порывистым и холодным, брызги долетали даже на такую высоту. Плевать, зато никакая стерва не помешает спокойно подумать, а подумать мне ой-ой как есть о чем.

Прежде всего надо бы разобраться, правда или не правда то, что я видел в этом сволочном зеркале. Теоретически это все вполне может оказаться ловушкой, но какой? С другой стороны, откуда Амрате знать об автоматах и железнодорожных насыпях? А я, насколько выяснилось, помню, как заряженный автомат по ощущению от разряженного отличается. Далее, слишком все это напоминает кинохронику, и монтаж очень четкий, словно то, что у меня в памяти хранится, спроецировано на экран. Одни воспоминания бесспорно мои, а другие... Другие точно такие же четкие. Так получается, это действительно было, и я с автоматом в лапах прорывался куда-то по лесам в компании Дэна? И сидел там, в аудитории? Бред какой-то. И вообще, раз я не помню, значит ничего не было.

В этом, конечно, я себя могу сколько угодно убеждать, но тогда вопрос — откуда у меня подобные воспоминания? Может, мне их внушили? Интересно, кто? Не Амрата, это уж точно, а больше я никого не чувствовал. Сила, с которой я контактил, ни к чему человеческому вообще отношения не имеет, а спарринги, автоматы и прочая фигня — это все вполне человеческое. Даже слишком, я бы сказал. Тогда, рассуждая логически, все это было на самом деле, и я обучался смотреть и анализировать, а так же драться и стрелять? Но почему тогда я об этом настолько прочно забыл? На вопросе вопрос...

А вообще, если сопоставить некоторые факты и фактики, связанные со мной, получаются весьма забавные вещи. Например, то, как быстро я научился владеть Силой — меня это еще тогда насторожило. И мечом я, помнится, очень быстро владеть навострился. А с другой стороны, всякие нюансы, связанные с обучением Чародеев, в частности, с той пакостью, которой меня Учитель пичкал, лежат за гранью моего разума, а что до меча — уроки сценбоя могли свою роль сыграть. Амнезия? Что-то непохоже... Значит, ничего этого не было? А воспоминания откуда? Порочный круг.

Так, по-моему, я просто не с того конца подхожу. Чтобы избежать блужданий по кругу и строительства стройных гипотез, надо просто вспомнить все, что было со мной в жизни, причем по порядку, и убедиться, что беготне по лесам там нет места.

Итак, детство. Ничего особенного, да я, честно говоря, и помню-то о нем мало что. Отметим: было.

Далее, само собой, следует отрочество. Школьные годы чудесные, двойки, казарменный дух родной школы. Драки до первой крови, происходившие на заброшенном корте за школой, сортир, исписанный всем, чем только можно — от немудрящего словечка из трех букв до витиеватых стишков. Кассетные магнитофоны с солдатским ремнем вместо ручки — чтобы на шее носить. Анекдоты о бровастом вожде мирового пролетариата, рассказанные тайком. Занятия в подпольной секции каратэ. Вкус первой сигареты, запретный алкоголь, первая женщина... Звали ее, помнится, Аней, была она лет этак на пять меня постарше, и особой разборчивостью в связях не отличалась. Бог ты мой, какая трагедия была, когда я об этом узнал! Мы с Вовчиком из параллельного тогда упились, как солдаты, и весь вечер поносили слабый пол... Но я-то собрался не умиляться, а вспоминать.

Далее — обычная жизнь "свободного художника" — мы с ребятами впятером снимали на какие-то шиши полуподвал, и все как один считали себя непризнанными гениями, пахали, как звери, пили без удержу. Сплошной туман, из которого выплывает то вечно похмельный или обшаренный Доктор Хэш, не расстающийся с гитарой, то пьяный в матинушку Костя Черныш, жалующийся на то, что его своя же труппа жрет... Кто-то сделал концерт, кто-то спился, такой-то устроил персональную выставку... Как же нас это тогда волновало — подумать страшно! А сейчас все это кажется до жути мелким, а главное — далеким.

Стоп, Майк. Несходнячок какой-то, неувязочка. Школу я окончил, когда мне было семнадцать, это я точно помню. А потом что — сразу оказался в полуподвале?! Быть того не может. Что ж я по этому поводу помню? Моя эпопея, одиссея и вообще кочевая жизнь началась с того момента, когда я снова повстречался с Чернышом, и собирались мы с ним делать «Чайку», не более, не менее. И тогда мне шел двадцать второй год...

А вот это уже, как хотите, совсем не смешно получается. Это что ж выходит — я с семнадцати по двадцать один год вообще ничего не помню? Какие-то воспоминания об этом

периоде есть, но уж больно они расплывчатые, как плохая черно-белая фотография. А приглядеться как следует — так их, собственно, и нет. Вот это несходнячок... В семнадцать — обычный парень, ничего особенного мне нужно не было, интересовался я главным образом женщинами. А в двадцать один — заматерелый художник, не гений, конечно, но трудяга, да еще при этом битый-перебитый мужик, прочно стоящий на ногах и с крепкими кулаками. А что, спрашивается, я делал в те четыре года, которых в моей биографии не достаёт? Честное слово, прямо как с тем крокодилом, у которого от хвоста до головы восемь метров, а от головы до хвоста пять. Куда, спрашивается, остальные подевались? Причем ответ из анекдота действительности не соответствует. Впору и в самом деле предположить, что я в эти самые четыре года скакал по лесам с автоматом в сопровождении Дэна...

Все это, конечно, здорово, но тут же всплывает следующий вопрос: а почему, собственно, я не помню этого? То есть даже вопросов таких у меня не возникало — а куда девались четыре года? А такое время, знаете ли, отнюдь не хрен собачий. И в то же время никаких поползновений вспомнить это у меня не было — за два-то года, прошедшие после моего появления в нормальной жизни и до отправки сюда! Амнезия? Какая-то она уж очень избирательная. Словно период моего обучения (кстати, интересно, чему меня там учили, кроме боевых приемов?) огорожен крепким забором в моей памяти. И то, что я сейчас увидел — все равно что через щель в этом самом заборе подсмотрено. Что именно там происходило — гадать не время, зато появляется прелюбопытная версия насчет причин охоты за мной. Очень кому-то не хочется, чтобы я вспомнил...

Да нет, и тут не совсем сходится: а что б тогда не организовать мне несчастный случай прямо в моем мире? У нас в России, слава те господи, такими вещами кого-то удивить трудно. А Дэн ведь меня пришел именно о несчастном случае предупредить, и усиленно намекал, что все это подстроено.

Хм-м, Дэн... А ведь, пожалуй, зацепочка! В самом деле, его я знал, когда мне было семнадцать, до того, как происходили события, столь прочно мной забытые. В отрывочных воспоминаниях, которыми я сегодня обзавелся, он тоже фигурировал, причем мы с ним там куда-то прорывались с автоматами, и в этот мир закинул меня он же, причем объявил, что я кондотьер и наблюдатель (смотреть и анализировать!). Спрашивается, зачем? Если охоту он возглавляет из боязни, что я вспомню что-то не то, какого э тогда лешего он меня там, в Н-ске, предупреждал? И если ему просто хотелось убрать меня с глаз долой, так у него и тут была масса возможностей для устройства несчастного случая, с Даэлом они давненько в контакте, если верить Диксу. А может, Даэл тоже в курсе, что я кое-что подзабыл, и держал он меня просто в виде козыря в их с Дэном игре? А потом туз из рукава уплыл, и решил он: "Сам не ам, и другим не дам"... Ладно, дело не совсем в этом. Кто из них кого и в чем обманывает — это уж их проблемы, а вот каковы практические выводы из вышеизложенного?

Но раз Дэн на практике сам себе противоречит, снова наклеиваются любопытные гипотезы: Помнится, там, в Н-ске, в поставленном Дэном спектакле принимал участие мой двойник. Но ведь раз возможен дубль-я, то возможен и дубль-Дэн. Этак существуют они в двух экземплярах, и одному зачем-то надо, чтоб я выжил (и вспомнил?), а второй почему-то этого боится, как черт ладана. Хотелось бы знать, кто из них есть кто, а как тут разберешься, если они идентичны вплоть до отпечатков пальцев? разве что при личной встрече, но один из них, если их всего двое, а не больше, при первой же возможности всадит мне пулю в лоб. Наверно, при том, что у тебя в черепушке болтается девять грамм свинца, довольно сложно выяснять, что к чему. Но уж если я до него доберусь, постараюсь обойтись без пальбы. А вот как же мне до него добратся?..

ГЛАВА 16.

Кто-то осторожно тронул меня за плечо. Так и есть, моя надзор-прислуга. Как всегда, прервали на самом интересном месте. Судя по всему, она меня приглашает за собой

следовать. Значит, я опять Амрате зачем-то понадобился. Чего бы ради? Я поплелся за ней.

А Амрата оказалась просто в бешенстве, чуть ли не пеной исходила, дышала свертхтяжело — татуированные глаза то съезжались, то разъезжались. Не успев меня увидеть, она открыла пасть:

— Я знала, что ты предатель! Это ты их сюда привел!

Так, что-то новенькое...

— Кого?

— Не притворяйся! Ишь, сидел, тихий-смирный, а сам уже знал, что сюда флот идет, с Чародеями!

— Какой еще флот?

Она то ли не слышала, то ли просто не желала слышать:

— Удрать думал? Не выйдет!

Ну, нет, так дело не пойдет. так мы не договаривались. Я набрал побольше воздуха и рывкнул во всю мощь:

— А ну, закройся!!!

Это подействовало — она со стуком захлопнула рот и выпучила на меня глаза, гадая, что я такое приготовил. А я продолжил нарочито негромким и спокойным голосом:

— Ну вот, а теперь выпей водички и излагай по порядку. Как я понял, сюда кто-то плывет?

Она сморгнула:

— А ты что — не знаешь?

— Расскажешь — буду знать. Прежде всего — с чего это ты взяла, что я к этому флоту отношение имею?

— Там же Чародеи!

Я возвел глаза к потолку и беззвучно выругался, потом осведомился:

— И далеко они?

— Лиги полторы. И с хорошим ветром. В общем, скоро будут здесь.

— Ты уверена, что они именно сюда идут?

Она кивнула и пристально посмотрела на меня:

— Так ты действительно об этом ничего не знаешь?

— Да будет мне позволено напомнить, у меня с Орденом большой дружбы нет, так что приглашать их сюда мне не резон. Если даже они по твою душу плывут, то от награды за меня, полагаю, не откажутся.

— Вот как... — почти пропела она. Ох, не нравится мне, как у нее глазенки заблестели.

Я поспешно предупредил:

— Ты, подруга, главное не пробуй мной откупиться. Можешь поиметь серьезные неприятности.

— Например? — она несколько насторожилась. Понимает, что несмотря на ленивый тон, шутить я не намерен.

— Начнем с того, что даже если они добираются до меня, то прихватят и тебя для комплекта. Они ведь хотят чародейской монополии. А если все ж рассчитываешь меня им сдать, пеняй на себя. Мне будет уже на все наплевать, а вот проход для нежити я открою.

Она опустила на топчан в углу и надолго задумалась, потом подняла голову:

— Знаешь, пожалуй, ты прав.

Я подпустил в ухмылку побольше самодовольства, потом спросил:

— И сколько их там? В смысле, Чародеев.

— Не меньше трех.

Я не удержался и присвистнул. Три Чародея — это уже серьезно. И, сдается мне, не так уж Амрата неправа, утверждая, что это я их навел — судя по всему, вычислять меня научились здорово. Значит, новая экспедиция за моей головой? Посмотрим... По идее, мне бы надо сейчас ноги уносить со страшной силой, но Чародеев это от высадки не удержит, а

высадившись, Амрату они точно пристукнут, коню понятно. К тому же, Орден своего флота не содержит, значит, флот торианский или, скорее, имперский, а значит, на кораблях не только Чародеи, но и войска. Конечно, на то, что с Амратой станется, мне глубоко плевать, да и клан Дракона мне никуда не упирается...

— Что ты предлагаешь? — Амрата снова встала и нервно расхаживала по хижине. От меня, значит, еще и предложений ждут...

Я медленно, взвешивая каждое слово, растолковал:

— В одиночку тебе и с одним Чародеем не сладить. А с тремя, сама понимаешь, и подавно.

Она подошла ко мне почти вплотную, остановилась, глядя на меня снизу вверх округлившимися глазами. Сейчас она кажется почти красивой. Наверно, в экстремалке мы все лучше становимся...

— Ты предлагаешь — бежать?

Я ухмыльнулся. Для меня это не совсем выход, мне снова плотно сядут на хвост. А для Амраты такой вариант тоже неприемлем — в этом случае любой из Драконов, оставшийся в живых, постарается нас пристукнуть. К тому же, здесь новости распространяются быстро, и никто из варваров, узнав о нашем предательстве нас не примет, да и вряд ли где-то на побережье имеется вакантное место колдуна...

Так что я помолчал где-то с минуту, потом изобразил улыбку "крутого парня", этакого ковбоя из вестерна:

— Я думаю, мы попробуем их встретить. Не знаю, насколько им это понравится.

Амрата нахмурилась:

— Мы — это кто?

— Мы — это колдунья по имени Амрата, эльф по имени Хельг и ваш покорный слуга, Мик Меченосец. Да и клан Дракона, полагаю, поучаствовать, не откажется.

Она отвернулась, поднесла ладони к вискам, словно массируя их, спросила, не оборачиваясь:

— У нас есть шансы выстоять?

— Шут его знает, — проворчал я. И опять меня черт дернул в чужую разборку влезть! Хотя в данном случае в стороне оставаться — свинство с моей стороны, месиловка-то пойдет, судя по всему, из-за меня... А, ладно, в конце концов, не все ли равно, где именно мне башку оттяпают? Хоть поразвлекусь напоследок.

Я взял Амрату за локоть, повернул к себе:

— Только тебе придется меня расковать.

— Это еще зачем?

— Если это действительно Орден, не хотелось бы им достаться упакованным. И меч мой верни. Если уж помирать, так хоть с оружием в руках.

— А если я откажусь? — осторожно осведомилась она.

— Дерись сама. Кстати, все вышесказанное относится и к эльфу.

Амрата надолго задумалась. Понимает, что освобождать нас рискованно. А не освобождать — придется ей в одиночку мериться силами с тремя орлами-орденцами, и тут уж все заранее ясно. Наконец она сообщила:

— Ладно, ничего не поделаешь. Только учти, я к вам лучников приставлю, если удрать попытаете или переметнуться — пеняйте на себя.

— Годится. Далеко флот?

— Не больше лиги. И с попутным ветром.

— Так лешего ли мы тут рассусоливаем? В кузню, бегом!

На сей раз дед в кузнице поворачивался поживей — как-никак, Сама почтила присутствием, да и он, похоже, был осведомлен о том, что чей-то флот приближается. А само стойбище как вымерло — ни души, даже собаки, и те куда-то подевались.

Освободившись от цепей, я первым делом вышел на воздух и принялся разминать руки. Когда нормальная подвижность к ним более-менее вернулась, я встал в боевую стойку и

провел серию ударов руками и ногами, сражаясь с тенью к великому удивлению Амраты и кузнеца. Ага, меч мой здесь, котомка тоже, наручень тоже. Даже про метательные ножи не забыли. Только вот кольчуги нет, кто-то из племени захамил...

Застегнув наручень на левой руке, я вытащил меч и несколько минут поупражнялся в нападении и защите. Ну, кажется, получается довольно приличный слепок Мика Меченосца...

Закинув в ножны меч, я занялся содержимым котомки. Да, распотрошили основательно. От жратвы, конечно, и следа не осталось, те несколько монет золотом, что здесь были, тоже пропали. Черт, последние носки сперли, гады! Ну, спрашивается, зачем дикарю носки? Хотя тоже понятно — веяние цивилизации...

На дне котомки, где я его и оставил, обнаружился ствол — его тронуть побоялись, как и патроны — мало ли, какие колдовские свойства могут эти штуковины иметь... Я развернул промасленную тряпицу. Так, с чем же мне дело иметь придется? Нормальный армейский автоматический пистолет, марка «Универсал», 9мм. спец. 9мм. спец. — это, конечно, здорово, но вот марка «универсал» мне незнакома. Ладно, главное, чтоб стрелял.

Я быстро разобрал, вычистил и собрал ствол. Магазин тут на восемь патронов. Годится. Я зарядил его, дослал патрон, снова вынул магазин, дозарядил и поставил на место, запер предохранитель, оставшиеся патроны пересыпал в карман. Так, оказывается, я ко всему прочему умею обращаться с автоматическим пистолетом...

Амрата, наклонившись над моим плечом, внимательно следила за всеми манипуляциями. Наконец она рискнула спросить:

— А что это такое?

— Машинка такая. Для убийства, — проворчал я, засовывая ствол под тельник. Лучше не буду я его светить до поры до времени. Люблю сюрпризы..

Разогнувшись, я тут же обнаружил Хельга, сосредоточенно поправляющего пояс с саблями. Он исподлобья поглядел на меня:

— И что же тут такое?

— Драка предстоит. Вероятно, большая, — растолковал я. Эльф — впервые с того дня, как нас захватили — расплылся в широченной улыбке:

— Дело! И с кем?

— Похоже, Орден,

Хельг оскалился еще сильнее, провел языком по мелким острым зубам:

— И где они?

— Плывут морем.

Чтоб эльф — да не поворчал на род человеческий... Так и сейчас. Хельг погасил улыбку:

— Гном вас, людей, поймет. Мы ж за этих драться будем, — он кивнул на Амрату, — а они наши враги.

— Орден — наши враги, — внес я поправку, подтягивая перевязь с мечом. Все же лучше драка, чем какое-то овощное существование, и я себя ощущаю почти довольным. Несколько портят пейзаж двое лучников за моей спиной, но при случае отделаться от них проблем не составит.

Со стороны гавани к нам в облаке пыли подлетел пацан лет четырнадцати, что-то прокричал. Я вопросительно взглянул на Амрату.

— Корабли показались, — сообщила она. Выглядит довольно спокойной, хоть и побледнела.

— Ходу! На утес над гаванью, — распорядился я уже на бегу.

По дороге я не оборачивался — зачем? И без того знаю, что эльф и Амрата следуют за мной. Правда, и лучники не отстали, но это уже мелочи. А на скале мы оказались не одиноки — там собралось уже больше десятка воинов-Драконов во главе с вождем. так и есть, в моей кольчуге, сволочь... При его росте она ему чуть ли не до колен доходит. Нас он только окинул мутным взором и махнул рукой в знак того, что заметил, а потом принялся снова

сыпать приказами во все стороны. На скалах по обоим берегам фьорда уже горят костры, Драконы суетятся, устанавливая что-то вроде катапульт, но больше всего народу — внизу, в гавани, на низком каменистом берегу, вдающемся в море узкой косой, через которую перехлестывает поминутно изумрудная вода, и на грубых деревянных причалах, вдоль которых выстроились лодки.

— В море б их встретить... — проворчал я. Эльф оделил меня презрительным взглядом:

— На этих корытах?

М-да, для прибрежной ловли эти корыта, пожалуй, еще и годятся, а вот для морского боя, да еще с имперскими галеотами... Надо, кстати, глянуть, на чем ребята пожаловали и в каком количестве. Я откинул со лба волосы и повернулся к морю. Черт, солнце палит, а духота — как перед грозой.

Наконец среди бликов на поверхности воды мне удалось разглядеть лоскуток паруса. Еще один, еще... И под каждым темное пятнышко. В общей сложности пять кораблей. Я повернулся к Амрате:

— Слушай, переведи вождю — пусть пару ваших лодочек посреди залива затопят, чтоб в гавань не войти было.

— Без тебя догадались, уже затопили.

— Если они еще к гавани подойти смогут, — усмехнулся Хельг. — Если смогут вон те мели обойти.

В направлении, которое он указал, я никаких мелей не заметил, а потому недоверчиво осведомился:

— Ты что — глубину там измерял?

— И так знаю. Это ж вам, людям, сначала надо все измерить, проверить...

Я предоставил ему ворчать в свое удовольствие и снова повернулся, подставив лицо ветру с моря. Если честно, непохоже это на имперские суда — те даже в летописях недавнего времени назывались «многопарусными». А на этих по одному прямому парусу и, кажется, еще весла. Приближаются эти посудины быстрее, чем хотелось бы, и теперь уже можно разглядеть, что напоминают они не галеоты, а скорее викингские ладьи, нос каждой украшен чем-то вроде остроклювой птичьей головы.

Амрата шумно перевела дыхание и почти прошептала:

— Это клан Ворона!

— Думаешь, они с Орденом стакнулись?

— Там не Орден, — мрачно уведомил эльф.

— Так... Амрата, этот клан Ворона — вы, как я понял, с ними в драке?

— Они — тоже Дети Островов, заклятые враги клана Дракона.

М-да, значит, не миновать большой-пребольшой зарубаловки. И черт же меня дернул ввязаться? А удирать в кусты, боюсь, поздновато, у ребятишек за моей спиной стрелы на тетивах, да и остальные в этом случае вполне могут меня пришить. Ну, если эльф прав и там не Орден, будем надеяться, колдуны там не намного сильнее Амраты.

Я пробормотал:

— Ладно, сейчас прозондируем этих шутов... Хельг, давай контакт.

Закрыв глаза, я сосредоточился, подключая внутреннее зрение. действительно, не Орден — орденцы такими не выглядят. Но вот кто там — понятия не имею, с такими я еще не сталкивался. Силой там владеют трое, но вот что это за Сила такая и чего от них можно ожидать... Даже не определишь, сильнее или слабей меня каждый по отдельности... И есть в этой Силе не совсем человеческий элемент... Нечто смахивающее на нежить. Я повернулся к Хельгу:

— Слушай, как по-твоему, кто там может быть?

— Серое Братство там может быть, — хмуро обронил эльф. Я выпучил глаза:

— Тебе что — уже приходилось с ними сталкиваться?

— Приходилось, — буркнул он, не вдаваясь в детали. Я подергал себя за бороду и

ошарашенно замолк. Амрате, вероятно, тоже это название приходилось слышать — она буквально посерела.

Орденские летописи никогда не говорили напрямую о Сером Братстве, упоминания о нем встречались только в связи с Великой Напастью, и при этом все в один голос утверждали, что Серое Братство может нежитью управлять. А то, что плывут они с Северного Архипелага — в принципе увязывается с имеющимися сведениями. Дело в том, что на Архипелаг Орден отправлял уже несколько крупных экспедиций, возглавляемых Чародеями рангом вплоть до Магистров. Большая часть этих экспедиций попросту пропала без вести, а те, что вернулись, не могли сообщить ничего вразумительного, кроме того, что там заправляют какие-то страшные-престрашные колдуны, против которых у экспедиционных корпусов Ордена кишка тонка. А сейчас, значит, решили эти страшные-престрашные нанести визит на побережье... Ну, это мы еще поглядим, что им тут отломится.

Я сообщил:

— Значит так: их трое, и я знаю, на каких они кораблях.

Сейчас попробую с их калошами разобраться.

Меня даже не спросили, что такое калоша — настолько нервы у них натянуты. Хотя нервы у эльфа?.. Сомнительно. Ладно, главное, мы с ним в Силовом контакте. Сейчас проверим, понравится ли этому клану Ворона одноименный знак.

Шарахнул я знаком Ворона по ближайшей ладье, что называется, от души, не забыв при этом закрутить его в жесткую спираль. При поддержке эльфа этого должно было хватить на небольшой торнадо, но знак одолел только половину пути, а потом разрушился и пропал, словно его и не было. Вот это защита! Похоже, солоно нам сейчас придется.

Я уже открыл рот, чтобы выругаться, но тут буквально по следу, оставленному знаком, пришел ответ — не удар, нет, что-то вроде отзвука злорадного хохота. Зазвучало это у меня в голове, да еще и Юрд отозвался чем-то вроде эха. Вот это уже цирк. С фейерверком. С Камнем вообще мало кто может работать, да еще с незнакомым... Но долго удивляться мне не дали — сразу за смехом пришел голос: "Иди к нам, Чародей! Чародей, ты наш!" Только этого мне и не хватало. "С какой это стати?" — подумал я в ответ. Громко подумал. А потом в голове взорвалось: "Ты нужен нам! Спускайся! Или тебе придется пожалеть, что родился на свет!". Когда мне угрожают, я обычно начинаю артачиться...

— Не вздумай! — прошипела у меня над ухом Амрата. Гадство, слышала все...

— Меня и самого как-то на поманивает, — действительно, хоть я и беспринципный тип, союз с волколаками и Черными Монахами у меня ничего кроме отвращения не вызывает, орденская выучка есть орденская выучка, и тут я себя переломить не смогу. К тому же летать я пока не умею, а плавание никогда моей сильной стороной не было. Если я даже рискну нырнуть с десятка метров в ревущий прибой, меня тут же подстрелят. Так что хочешь-не хочешь, придется драться.

— А что им от тебя надо? — осведомился Хельг. Уж мне эта эльфийская непосредственность!

— А я почему знаю? Может, им четвертого для бриджа не хватает. Иди решили посмотреть, что у меня внутри.

— Неисповедимы пути Серого Братства, — на полном серьезе откликнулся эльф и тут же с явным интересом спросил: — А что такое бридж?

Я оставил его вопрос без ответа. Ладьи приближаются что-то уж очень быстро, даже для попутного ветра, уже четко видны красные треугольные щиты вдоль бортов, каждый украшен чем-то наподобие черной галочки. Обстрелять их пока не получится, далековато... Две ладьи развернулись бортом к северному ветру, двинулись на запад вдоль берега, остальные лавировали, обходя мели. такое ощущение, что у них там лоцман из местных...

Я снова повернулся к Амрате:

— Эти, которые свернули, они там высадиться смогут?

— Смогут-то может и смогут, только дотуда лиги две, если еще по прямой.

Хоть одна хорошая новость. Их полку, значит, убыло... И в этот момент я почувствовал чужую Силу — там на ладьях. Теперь ищет меня, не скрываясь, шарит, словно прожектором, подбирается, сволочь... Нет, хоть там и посильней меня ребята, если я сам себя не обнаружу, меня не заметят. так что пока затаимся. Не знаю, что уж там за Сила — но попадаться под нее мне как-то очень не хочется. Я обернулся, ища взглядом Амрату. Вот чертовщина, когда ж она смыться успела? Манатки, наверно, побежала собирать...

А передовая ладья тем временем уже заходит в бухту, со скал — туча стрел, гребцы и солдаты закрываются щитами. Черт, все в доспехах. В стальных, блестящих так, что глаза выедаёт. Только на одном ничего такого не заметно, вон он, на носу стоит, в сером плаще. И оружия никакого при нем не вижу. Стоит, не прячется... Почему ж его до сих пор не подстрелили? Попасть, что ли, не могут? А Сила-то исходит именно от него. Ладно, пока они подходят к тому месту, где затоплены ладьи Драконов. Посмотрим, как они тут пройдут.

Тип на носу внезапно вскидывает руку, в десятке-другом метров от форштевня — словно мина взорвалась, в воздух взлетает столб воды и пара, на руки мне попадает несколько горячих брызг. Так. Вкололся. С таким мне в открытую не сладить. С нашего склона несколько потных здоровяков обрушивают громадный валун, весла по правому борту ломаются с оглушительным треском, волна относит ладью в сторону, но она продолжает нестись по инерции, врывается в причал, сминая его, круша борта суденышек Драконы на берегу выпускают еще один залп, вся отмель ошетичилась сталью, и солнце пляшет на отполированных лезвиях боевых топоров.

Тип в сером, словно не замечая стрел, опять выбрасывает правую руку вперед. Ослепительная дымно-лиловая вспышка — на этот раз на отмели, волна раскаленного воздуха бьет в лицо. Когда опадает крошево и рассеивается дым, вижу Драконов — несколько человек лежат в неестественных позах на берегу, остальные разбегаются. Запускаю руку под тельняшку, нащупывая теплую рукоять пистолета. Уж для пули-то этот, в сером, уязвим? Хотя далековато. Не дострелю. Не попаду, вернее. Я всегда неважно стрелял... Когда это — всегда?

Это пока неважно. Надо выждать момент, скопить Силу. Где-то на краю сознания успеваю отметить, как вождь гортанно выкрикивает какую-то команду, рычаг катапульты стремительно взлетает, камень гулко ухаёт, подняв фонтан брызг в метре от кормы ладьи, потом — грохот и содрогание где-то справа, на нашей скале, меня чуть не уносит. Вот, сейчас!.. Не оборачиваясь, чувствую Хельга — мы с ним до сих пор в Силовой связке.

Пропускаю Силу через Юрда, наношу короткий мощный удар по серому плащу — таким слона свалить можно. Но цели он не достигает, серый только покачнулся. Чувствую — шкурой, потрохами, мозгом, — как чужая Сила медленно, неторопливо нацеливается на меня, словно жерло огромного орудия. Я выложился, Силы нет даже на минимальную защиту, и мной овладевает какое-то тупое безразличие. Успеваю увидеть, как с ладьи на берег соскакивают высокие светловолосые люди с длинными мечами, а потом — словно граната разрывается в голове, короткий миг яростной, нестерпимой боли — и темнота.

Кажется, я все еще жив. Мир вокруг состоит из чего-то темно-багрового перед глазами и яростного стука в висках. Потом сквозь пулеметную частоту пульса начинают долетать и другие звуки — лязг мечей, глухие, с треском удара боевых топоров о щиты, крики. стоны. И дымом пахнет. Значит, драка пока продолжается. Значит, надо приходить в себя, пока не начали добивать раненых. Лежачего не бьют — где ж это так? Здесь лежачему уже не дадут подняться.

Для начала перевернемся на спину. Воздух обжигает пересохшую глотку, но все кости, кажется, целы. еще не открыв глаза, чувствую Силу, ту самую, что снесла меня, но теперь она шарит где-то в стороне. Сейчас у меня порошу не хватит для второй попытки. И вообще, в таком единоборстве у меня шансов нет. Факты таковы, что я бит, как мальчик. И Драконы сражение проиграли — или проигрывают. Значит надо найти Хельга и рвать отсюда когти, пока не поздно. А для этого надо открыть глаза.

Так, вот оно — небо надо мной, в красных и желтых разводах. Через некоторое время

разводы исчезают, и я вижу гнойно-желтый край лиловой тучи на полнеба, различаю даже косые серые полосы далекого пока еще дождя где-то над морем. Надо подниматься. Лежачего не бьют — из правил другого мира... Вот сейчас мы привалимся к камушку, постоим, дух переведем. Меч мой — там где и положено, в ножнах за спиной. Да куда ж девался Хельг?!

Так, а вот и бить меня идут — из-за валуна со стороны берега выворачивается высоченный детина, светлая борода, пшеничные космы из-под шлема. Красный щит с вороном. Откуда ж он вынырнул? По скалам влез? Нет, похоже, это меня по склону катило с десяток метров. Где-то я уже видел этого парня... Нет времени на раздумья

— выскакиваю из-за камня, перескочив через лежащего ничком

Дракона с раскроенным черепом, хриплю что-то, напоминающее боевой клич, бросаюсь в атаку. Он явно удивлен, но к защите подготовиться успел. Наносу один за другим пять или шесть рубящих ударов, он берет их, кажется, без особого труда, перепрыгиваю через свистнувший понизу меч, отбиваю наручем летящий мне в лицо щит, снова безрезультатный обмен ударами, но светловолосый отступает.

Бой на мечах длится долго только в кино — на самом деле все происходит стремительно и сразу выясняется, кто сильнее, кто слабей. На этот раз, похоже, должно было выясниться, что слабее окажусь я, не вмешайся в дело случай — отступая при очередном моем натиске, абсолютно безнадёжном и отчаянном, светловолосый запнулся о небольшой валун, нелепо взмахнул руками, сиюсь удержаться равновесие — и раскрылся. Для того, чтоб достать его мечом, расстояния мне не хватило, так что я влепил ему локтем в грудь, сталкивая за край обрыва в море, сам еле удержавшись на краю.

Некоторое время стою, опершись на меч и подставив лицо ветру — других противников покуда не предвидится. Поворачиваюсь к стойбищу, но все застилает дым. Шагах в трех от меня — еще один убитый Дракон, сжимающий в нелепо вывернутой руке обломок рукояти боевого топора, рядом, один на другом, двое северян-Воронов. Да куда ж Хельг-то подевался?

И тут же вижу его — выныривает откуда-то со стороны стойбища, снизу:

— Живой?

Волосы его слиплись от темной густой крови, от одной сабли остался только обломок, вторая — в ржаво-красных потеках.

— Живой. Слушай, загостились мы тут с тобой, пора и честь знать. Удираем.

— Бой еще не кончился!

— Для меня — кончился. Это не наша война. Мы им уже ничем не поможем.

Эльф смотрит на меня, явно не понимая, как же это так можно — свалить посреди такого праздника жизни, как эта драка. Ну, на долгие убеждения у меня времени нет:

— Ну, братец названный, выбирай — со мной ты или с ними! Хельг, явно сделав над собой титаническое усилие, выдавливает:

— Хорошо. Уходим.

— Держись берега. До леса недалеко, а там... — договорить не успеваю — эльф уже припустил берегом к чернеющему где-то в полусотне метров лесу, туда, где он почти вплотную подходит к скалистому обрыву. Задыхаясь, бегу следом. Дотуда доберемся, а там — ищи-свищи...

Опасность окатывает, словно ушат ледяной воды одновременно с коротким сигналом-воплем Юрда: "Сзади!!!", бросаюсь ничком, обдирая локти и колени, успеваю прокричать в падении эльфу:

— Сзади!

Он реагирует мгновенно, падает, выбросив руки над головой. Почему он без сабель?... И еще до того, как эльф успевает упасть, замечаю стрелу, вошедшую ему в затылок почти по самое оперение. Целились в меня. И, наверно, продолжают целиться.

Нестерпимо медленным движением поворачиваюсь, подтянув колени к животу, что-то впивается в бедро. Ствол! Все так же медленно переваливаюсь на спину, полусажусь,

рубчатая рукоять стиснута до боли в пальцах. И вижу его — метрах в пяти. Дракон-лучник, один из приставленных ко мне. Он едва стоит, привалившись спиной к каменной глыбе, лицо и грудь в крови. А стрела уже на тетиве. Выстрелов не слышу, только чувствую, как пистолет дважды нервно дергается в моей руке. Обе пули попали в цель, первая швырнула Дракона спиной на камень, вторая сбросила с него, и он осел ничком на землю, подломив под себя руки. Готов.

Там же Хельг! Его ранили! Одним прыжком оказываюсь рядом с упавшим эльфом, опускаюсь на колени. Похоже, конечно... Это слово оставляет во рту привкус ржавчины. Но, приподняв его голову, замечаю, что он, кажется, дышит. Значит, жив! Жив! И я его вытащу! Подхватываю на спину до странности легкое тело эльфа:

— Потерпи, родной. Сейчас вот до леса доберемся... Доползем...

Пробираюсь, пригнувшись, среди беспорядочного нагромождения валунов, меч в руках только мешает сейчас. Бережно опускаю Хельга на землю, забрасываю клинок в ножны, нагибаюсь, чтоб поднять эльфа на руки — и Хельг открывает глаза. Рот его полуоткрыт, зубы оскалены, в уголках губ пузырится розоватая пена:

— Конечно... со мной...

— Молчи. Тебе говорить сейчас нельзя. Вот доберемся до леса, там все будет в порядке, — бормочу, но сам уже знаю со всей беспощадной определенностью, что он прав. Я не впервые вижу смертельную рану. Он пытается еще что-то сказать, на подбородок ему стекает темно-красная струйка:

— У эльфов... смерти нет... есть... за солнцем...

Бредит. Его глаза уже подернулись той зловещей матовостью, которую мне и раньше приходилось видеть. И эльфы, и люди — умираем мы одинаково... Но тут же вижу, как сквозь пелену в глазах у него проступает прежний блеск:

— Меченосец... Ты искал... кто... находит тебя. Это я... Через меня...

— Как же это?

— Мне... приказ...

— Кто тебе это приказал?

Он широко открывает рот, пытаюсь что-то выдавить из себя — и кровь выплескивается ему на грудь, по телу пробегает короткая судорога, он втягивается и замирает. И пропадает привычное ощущение его Силы. Нет Хельга. И не будет. Это доходит до меня, словно через вату, внутри — пустота. Сглатываю прогорклую слюну. Пока не время горевать — во мне нет места горю. Есть ненависть. Желание убить их всех — Драконов или Воронов, безразлично. Они убили Хельга. Я убью их. Огнем и железом. Всех, до кого дотянусь, пока меня не подстрелят. Огнем и железом!

Не поворачиваясь, чувствую чье-то приближение со стороны леса. Человек и животное. Всадник. Вот он, уже виден. Из Драконов. Ищет кого-то. Уж не меня ли? Ладно, пусть будет вторым, одного я уже пристрелил. Не буду патроны расходовать. Два из девяти уже истрачено. Последний — себе. Давай, давай, парень, подъезжай поближе... Повернул голову. Заметил меня. Лук вскидывает. Так... Получай! Свожу кисти рук в знаке Молота, швыряю его вперед со всей яростью, лучника выносит из седла, успеваю только мельком заметить красно-серое пятно вместо лица.

И тут моя злость, словно вся она была вложена в этот удар, куда-то пропадает. Зато возвращается ощущение чужой Силы. Я себя обнаружил. И она меня ищет. Спинным мозгом понимаю — надо делать ноги. Если эта Сила меня найдет, будет поздно. Для всего поздно. Наклоняюсь в последний раз над телом Хельга, откалываю от его кожного камзола серебряную брошь-застежку — в память, прячу в карман. Кто-то приближается, ищет меня. Пока далеко.

Конь из-под убитого мной Дракона недалеко. Не удрал, хорошо... Нервничает, уши прижимает... Иди сюда, маленький, не бойся... Вот так, молодец... Я животным плохого не делаю... Оглаживаю гнедого жеребца-степняка по шее, успокаивая, запрыгиваю в седло. А теперь — ходу!

Пригнувшись в седле, врезаюсь в перелесок, кто-то опасно возникает справа и впереди, бросаю нож, не оборачиваясь даже посмотреть — попал, не попал, привстаю в стремях, закрывая лицо от веток локтями, чувствую в последний раз чужую Силу — так чувствуешь недобрый взгляд на спине. Хельг говорил — находят меня через него...

Нет, не могу, не хочу думать о нем, как о предателе. Он остался бы там. Он бы от моего трупа не ушел. Хельг, брат мой названный, прости, что твое тело оставил на растерзание этим псам. Тебе уже не поможешь, а мне сейчас не до геройства. "Не до геройства, не до геройства"- выстукивают копыта, ветки хлещут по плечам, я уже не смотрю, что впереди, только держу направление, поторапливаю коня — к юго-востоку, к юго-востоку, — а следом накатывается гроза с моря и гулко рокочет далекий пока еще гром.

Не знаю, сколько длилась скачка — счет времени я потерял почти сразу. Знаю только, что грозовой фронт идет следом, что хлещет ливень. Темно, хоть глаза выколи, дорогу впереди теперь вижу только изредка, в голубых вспышках молний — просветы между черными, с низко нависшими лапами, стволами, потом снова темнотища, раскатывается гром, словно из пушки, оглушительный. Мокрые волосы липнут ко лбу и щекам. Но, кажется, от погони оторвался и с направления не сбился, если только Юрд врать не начал. На мое счастье, лес здесь не слишком густой, но ветками по роже я наполучался на год вперед...Конь бежит ровной иноходью, а я скорчился в седле мокрым мешком.

В тот же момент Юрд спокойно сообщает: «Погоня». Конь мой тоже ее почуял, пошел в галоп, всхрапывает, косит на скаку куда-то назад. Оборачиваюсь, в синеватом призрачном свете молнии вижу эту погоню — три длинных черных тени, передвигающихся мягкими бесшумными прыжками. Волки. Не оборотни какие-нибудь, самые обычные. Человечинки бедняжкам захотелось...Ладно, сейчас вы у меня покушаете. Обернувшись на момент, посылаю навстречу стае огненное кольцо. Лучшая защита от голодного зверья.

И тут происходит неожиданное — огненное кольцо летит назад, почти настигая меня, едва успеваю его погасить. Откуда-то, чуть не из желудка, поднимается ледяная волна. Спокойно. Без паники. там не обычный волк, даже не волколак. Я уже знаю, это вожак. Он обладает Силой. Ничего, у меня тоже кое-что в заглазнике имеется...Перехватываю поводья в левую руку, в правой — ствол. Сейчас дождусь следующей молнии.

Вспышка, треск выстрелов трижды рвет на полосы шум дождя, негодуяще откликается гром. Стая шарахнулась было в темноту, но непреклонная воля вожака, самого крупного, снова швыряет их в погоню. Промазал...Поберегу патроны. Бесполезно — на скаку из пистолета мне подстрелить никого не удастся Пригибаюсь в седле, подбадривая коня голосом и Силой — выноси, родной! Выноси! — и крупные тяжелые капли бьют в лицо.

А в следующую секунду успеваю почувствовать только короткий сигнал Юрда, но до того, как что-то удастся сообразить, левое плечо словно в расплавленное олово погружается, рывок — и я, так ничего и не сообразив, со всего маху ударяюсь о землю, чтобы, повернувшись на бок, встретиться взглядом с желтыми глазами вожака волков. Вижу перед собой чуть блеснувшие ощеренные клыки, рефлекторно вскидываю правую руку с зажатым в ней пистолетом, выпускаю подряд две пули в лобастую серую башку. Пропали глаза, грузная туша осела мне на колени. Хорошо хоть, ничего наподобие серебряной пули на него не надо...

Дождь продолжает яростно хлестать, насквозь промокший и ледяной тельник прилипает к телу. Пытаюсь подняться, помогая себе левой рукой, ее тут же пронзает болью от кисти до плеча. И тут до моего сознания доходит рычание и храп, в неярком свете зарницы вижу бьющегося на земле коня, двое оставшихся волков кружат, насакивают и рвут. Заразы...Почти неприцельно выпускаю последние два патрона, жалобный визг, длинные черные тени стремительно растворяются в темноте, одна, кажется, поджигает переднюю лапу. Наконец, перевалившись на правый бок, мне удастся встать, левая рука свисает плетью и весит, кажется, с полтонны. И болит, гадина...Еще свезло, что вожак меня за левую хватанул, ствол-то в правой был...Не без усилия отгоняю видение — мои внутренности на хвойной подстилке, меня начинает колотить крупная ознобная дрожь.

Меченосец, мать твою! А ну, собрался! Что ты, как баба?! Для начала хоть проверить надо, что там с рукой.

Проведя по плечу ладонью, я сморщился. Такое ощущение, что расплосовано все. Кровища так и хлещет. Кое-как мне удалось отодрать рукав от моего многострадального тельника и правой рукой, помогая себе зубами, натянуть жгут. Из остатков рукава я соорудил подобие повязки. Хреново, но сойдет покуда. Так, теперь ствол. Все патроны я без остатка высадил, а остальные?...Ага, в кармане были, в левом. Я неловко, правой рукой, полез в карман. М-мать твою! Где-то я расплосовал его, от содержимого, естественно, почти ничего и не осталось. Так...Раз, два, три...На все-про все четыре воробушка. Снова храп, я резко обернулся. Ничего страшного, просто мой конь еще жив. Боюсь, это ненадолго...Ладно, он меня вынес, так что ж я на него — пули пожалею?

Я снарядил магазин, дослал патрон и аккуратно выпустил пулю в ухо бьющемуся на земле коню. Осталось, значит, три...Остальные в такой темени собрать — и думать нечего. надо идти. Только вот куда?..

Неизвестно зачем я вернулся к трупу вожака — и остолбенел. Зарницы на севере полыхали неровно и тускло, но часто, и света вполне хватило, чтобы разглядеть — не волк это. Запрокинув к нависшим еловым лапам узкое бледное лицо, там, где должен был лежать убитый волк, лежал человек. Лица как следуешь не рассмотреть, две пули 9мм. спец., не шутка...Одет как нормальный имперский воин — кожаный камзол с претензией на изящество, на боку, на широком поясе — легкий, почти бутафорский меч. А на груди — овальная пластинка, явно золотая, на массивной цепи. На пластине — чеканка, мчащийся во весь опор волк, а по краям вправлены...Сначала я не поверил своим ощущениям — что-то наподобие чародейских Камней, только разнесенных непонятной Силой и ей же заряженных, переделанных.

Я протянул было руку — снять амулет и рассмотреть поближе, — но тут же отдернул ее. Нет, как хотите, я ни за какие пряники к этой штуковине прикасаться не хочу. Шибаёт от нее почище чем от чужого Камня. И вообще, нехорошая это вещь. Пусть лежит себе. Я распрямился, вытер ладонью мокрое лицо, повернулся и двинулся дальше на юго-восток.

Здесьних мест я не знаю, но похоже, занесло меня в самую чащу. Правой рукой приходится поддерживать левую, так что все ветки по роже хлещут. И штормит, словно водки натошак напился. Хельг убит...А целились-то в меня, стрела мне предназначена была. Это я там должен был остаться, с той разницей, что Хельг бы не смылся, а там же голову сложил бы. Но я ж его предупредил! Я крикнул! Да, но я-то жив, а он...А может, не надо нам было на одной прямой держаться? Если б я взял чуть вправо или влево, не было б этого...Если, если...Все равно между любыми двумя точками проходит прямая, а стрела летит по прямой.

Бред какой-то. Может, кстати, и бред — башка болит, перед глазами колыхнутся серые полосы. Серые. Серое, значит, Братство...Им-то я зачем нужен? Всем почему-то нужен, и не подобию. Да что ж я в самом деле — проклятый? Сколько ж это народу за мной гоняется, интересно? Прямо как в детской сказочке — попадает юный румяный колобок из печки, да прямо в дремучий лес, а там зверья всякого навалом, и каждый сожрать норовит. Колобок-колобок, я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, и от Ордена ушел, и от варваров...А поглядеть — так у колобка-то ручонки в кровище по локоть. Сколько ж народу я перебить успел? А если считать не только врагов, но и своих — сколько их из-за меня погибло — и в Гнезде, и там, у Драконов? И Хельг. Он тоже из-за меня погиб, стрела-то мне предназначалась. А сейчас — куда вот я иду? К инструкторам? Меня ж там наверняка ждут. Орденцы или институтские. Ну, о двоих я позабочусь. А последнюю пулю — себе. А может, не ждать? Все равно, если я выйду из леса, попадусь орденским, а если не выйду...С голоду, наверно, подохну — охотник из меня паршивый. А уж до Столицы мне и подавно не добраться.

Я сполз спиной по мокрому шершавому стволу и как замороженный уставился в непроницаемый зрачок ствола. Одно короткое движение пальца — и все, все проблемы

решены, не надо больше спасаться, прятаться, убегать... Я на некоторое время прижался лбом к холодному металлу, потом медленно и тщательно спрятал пистолет обратно под тельняшку, поднялся, скрипя зубами. Не дождетесь! Все эти твари только того и ждут, чтоб я пулю в лоб себе пустил. А у меня еще на этом свете кое-какие несделанные дела остались. Дэн. Это он меня втравил во все это, это он преследует меня. Я его отыщу и всажу ему все три пули в его сволочную башку. Но сначала он мне все расскажет. Я заставлю его рассказать. Я с ним сквитаюсь — и за себя, и за Хельга, и за всех остальных...

Я прислушался к Юрду, определяя направление. Даже своему Камню не знаю, можно ли верить — Серого-то он не засек... Словно в ответ на мои мысли, пришла информация от него: "Серые всегда прячут Силу". Утешительно. Все что-то прячут. И Хельгу, оказывается, было, что скрывать. Названный брат... Клятва Хлеба, Крови, Вина и Огня... А теперь выясняется, что его ко мне приставили, заставили следить за мной... Нет, не хочу я сейчас об этом думать. Надо идти. Идти в Столицу. Там меня ждут Роджер и Гельда. А что если она тоже кем-нибудь ко мне приставлена? Тем же Серым Братством, например... Нет, не может быть этого! Не должно. Это надо было рассчитать, что я решу уйти от Дазла, вздумая ее с собой прихватить, уцелею в драке с Монахами... Кстати, Серые Братья управляют нежитью, так что Монахи вполне могли быть частью сценария... Нет, не могло быть такого! Уж в Гельде-то я уверен. А вот сейчас пойдет она в Столицу с Роджером, а там орденцев куча, а пойти она точно пойдет, я ее знаю. И сцапают ее там почти наверняка. И останусь я вообще один в этом мире. Один против мира. Ну и ладно, раз весь мир против меня — тем хуже для него. Меченосец против всех...

Потом на меня вообще нашло что-то вроде истерики, навалилась дикая жалость к себе. Этого момента я почти не помню, я шел, говорил сам с собой и с воображаемыми собеседниками, ругался во весь голос. Кажется, при этом даже плакал — не знаю, физиономия все равно была мокрой от дождя. Меня хватало только на то, чтобы удерживать направление, я не чувствовал уже ни боли, ни усталости — шел, как заведенный, как автомат, спотыкался, скользил на мокрых корнях и раскисшей глине, падал, поднимался, и снова шел...

Не знаю, то ли инстинкт сработал, то ли что еще, но в какой-то момент все ощущения как-то разом вернулись, и я обнаружил, что уже порядком рассвело и иду я между наезженными колеями, чавкая мутно-желтой водой, скопившейся в многочисленных следах копыт. А еще я обнаружил, что зверски устал и дальше идти не в состоянии. Да, попадись там, в лесу, на моем пути оборотень, лешак, орденец — да просто любой молодец с большой дороги — и быть бы мне легкой добычей. И плечо при свете выглядит достаточно скверно. Ладно, не могу же я бесконечно топтать...

Я свернул с дороги и забрался в густой кустарник в десятке метров от обочины. Спать хочется смертельно. А ежели орденцы нагрянут — пусть попробуют взять меня тепленьким. Сейчас мне все равно. Живым я им не дам, и уж о парочке-то позабочусь... Я вытянулся на земле — и тут же провалился в глубокий сон без сновидений.

ГЛАВА 17.

Мне очень повезло — я проснулся. Живым. Судя по солнцу, уже почти вечер, так что выспался я отлично. Самочувствие, как ни странно, оказалось довольно пристойным — конечно, башка кружилось, брюхо от голода подвело, да и слаб я оказался, как весенняя муха, но в общем и целом неплохо, если учесть все выпавшие на мою долю пакости. А вот левое плечо повело себя вообще паршиво, распухло чуть не вдвое и разболелось так, что хоть вой. Воспользовавшись самым простеньким из приемчиков Гельды — все, что я смог от нее почерпнуть, — мне удалось слегка притушить боль, но приятного все равно мало. То, что укушенный оборотнем сам в такого превращается — дебильная голливудская выдумка для умственно отсталых, но лешак его знает — а вдруг у этого Серого Брата, или кто он там, слюна ядовитая. Ладно, в локте, во всяком случае, рука нормально сгибается, пальцами

шевелить с трудом, но можно, особых признаков заражения не наблюдается...Будем надеяться, без руки не останусь.

Ничего толком не взвешивая и не прикидывая, я потопал по тракту. Пробираясь по лесам мне пока слабо. Хотя, если вдуматься, поступаю я как последний идиот — в Империю соваться мне самые настоящие вилы, там меня поджидают с распростертыми объятиями ордены и егеря, да и Институт, вероятно, надежды не теряет. А с другой стороны — куда мне еще деваться? С моим будущим все более-менее ясно, жив, покуда не вычислят. А теперь, как выяснилось, прошлого у меня тоже нет. А это уже куда хуже и требует выяснения. А ключик ко всему этому есть шанс — пусть и мизерный — отыскать только в Империи. Да и Гельду повидать охота. Если, конечно, до Столицы живым доберусь...

Шел я не слишком долго, да и уйти далеко не успел — снова почувствовал, что меня догоняют. На сей раз не конкретная погоня за мной, просто несколько человек, не обладающих Силой, все конные, едут следом по тракту. Вряд ли егеря — до имперской границы я, судя по всему, еще не добрался. Награда за меня, конечно, и тут в силе, но вряд ли моя рожа всем знакома, да и вообще, надоело прятаться. Я остановился и стал ждать.

Ждать пришлось недолго — минут через пятнадцать из-за поворота показались шестеро всадников. На солдатню не похожи, но все с оружием...Хотя здесь по дорогам лучше без оружия не шастать...Рука непроизвольно потянулась к рукояти пистолета под тельником. Нет. Не стоит. А за меч хвататься — тем более. Закон большой дороги — встретив превосходящие силы, держись наготове, но мирно. Тогда, может, обойдется без драки, тем паче, вид у меня очень непрезентабельный. Что у такого отнимешь?

Тем временем всадник во главе отряда — судя по всему, основной, в сером дорожном плаще, с длинным мечом у седла, на роскошном коне, покрытом расшитой малиновой попоной — подъехал почти вплотную и остановился, разглядывая меня с явным интересом. Колоритный мужик. Из-под красной с золотом, отороченной мехом шапки на плечи спадают черные, основательно тронутые сединой волосы, короткая сивая борода топорщится, рожа хищная, горбоносая. Похоже, из какой-то тутошней знати. Наконец он соизволил ко мне обратиться — голос пропитой, но все же властный:

— Скажи-ка мне путник, кто ты такой? По одежде — оборванец, но разгуливаешь с оружием.

Так, придется нести ахиною в стиле рыцарских романов:

— Да, рыцарь, по одежде я оборванец. Но иногда моей помощи просили и короли. Может, будут просить и впредь.

Моя краткая речуга произвела на него впечатление:

— Судя по разговору, ты не простолудин, а из рыцарей. А почему ты гуляешь один и в таком виде? И чью руку ты держишь — герцога? Или императора?

Так, начинается выяснение политических симпатий — типа, "Ты за красных или за белых?" За Интернационал, чтоб тебя...В таких случаях надо быть на третьей стороне, которую остальные боятся и уважают.

— Ты ошибся. Я не принадлежу ни к какому сословию и не служу никому, кроме великого Ордена Чародеев. Я бежал из варварского плена, рыцарь.

Предводитель сосредоточенно нахмурился. Сдается мне, особым интеллектом он не блещет...

— Ты Чародей? А чем ты можешь свои слова подтвердить?

Ну, столь несложную рольку я до конца доиграю...Я горько усмехнулся:

— Смутные, видно, настали времена — от меня, Чародея, требуют доказательства своих слов. Ладно, смотри, — от меня хотят фокусов? Ладно, будут им фокусы.

Я проделал первое, что в голову взбрело — выстроил перед собой знак Меча и отшиб с дерева ветку, а пока она падала, успел поджечь ее в воздухе ярко-оранжевым пламенем. Простенько и эффектно. Само собой, все мои действия сопровождалась дикой мимикой. закончив, я скрестил на груди руки и гордо выпрямился. Попятились все, кроме передового — тому, видать, гордость не позволила, но в лице он переменялся основательно.

— Да, я вижу, ты в самом деле Чародей...Ты что — ранен? — будто только что заметил...Я отмахнулся:

— Так, пустяки. Пришлось по дороге разделаться с оборотнем.

— Тебе, наверно, есть о чем порассказать.

— Дорога — не место для таких рассказов, рыцарь.

Некоторое время он переваривал эту информацию, потом осторожно предложил:

— Если так, Чародей, почему бы тебе не поехать с нами?

Ну, на липовое гостеприимство меня не очень купишь...Если я в Ториане, то мои экс-коллеги периодически сюда забредают. Очень неприятно может получиться, если с кем-то из них нос к носу столкнусь.

— Это зависит от того, кто вы и куда держите путь.

Вожак горделиво выпрямился:

— Мое имя — Витольд-а-Смиг, барон. Это мой оруженосец, Арс, — он кивнул на прыщавого паренька лет семнадцати. — И путь со своими слугами мы держим в Столицу Империи, чтобы исполнить вассальную клятву. Там меня ждет моя дружина. Времена, ты сам сказал, смутные, так что надо выбираться из этого гнезда изменников, которое зовется герцогством Торианским.

Все ясно с этим бароном. А прикрытие, надо сказать, неплохое — ехать в компании проимперски настроенного феодала на помощь короне...

— Хорошо, барон, — величественно обронил я. — Поеду с вами. Мое имя — Марко Книжник, — в таких случаях лучше не утруждать себя, изобретая что-то новое и оригинальное.

Барон хохотнул, показав желтоватые клыки:

— Мне ты не кажешься книжным человеком.

Я скромно улыбнулся, потом соведомился:

— Ты ж не думаешь, что я за вами пешком побегу.

— Эй, — рывкнул тот, — коня Чародею! И перевяжите ему рану!

Ну, играть так играть. С рукой вряд ли будет хуже, чем есть.

— Не время заниматься ранами, барон, — бросил я, забираясь в седло коренастого степняка шоколадной масти. Не аргмак, но скотинка выносливая.

— Хорошо, — согласился барон. — Поехали. Мне не терпится услышать твою историю. Живее, бездельники! Непогода надвигается! — заорал он своим. — Надо успеть в трактир до дождя! — и мы понеслись по дороге, как будто за нами Монахи гнались.

В трактир до дождя мы все равно не успели, когда мы подлетели во весь опор к длинному приземистому одноэтажному строению, поливало уже вовсю. Тип в холщовой куртке, встретивший нас у ворот, всем своим видом в корне разрушал представление о толщине и жизнерадостности трактирщиков. Брань и перечисление его родословной до двенадцатого колена с упоминанием самых омерзительных подробностей он встретил спокойно, а потом мрачно сообщил, что едят и ночуют здесь только за деньги и назвал цену — такую, что у меня глаза на лоб полезли. А хозяин, с каменной физиономией переждав еще один залп брани, заявил, что если мы хотим поставить лошадей на конюшню, придется заплатить и за это. На долгие препирательства не было ни времени, ни желания, так что в конце концов мы спрятались от дождя внутри. Конюшня была отделена от общего зала только тонкой стенкой, но кроме наших, там расположились только два шелудивых одра, меланхолично жующих сено.

А в зале можно было топор вешать — чадили трубки, чадили масляные лампы, чадил камин — а окна тут, похоже, и не проектировались. Народ — в основном потрепанные и потертые ветераны больших дорог, но я разглядел в уголке пятерых в форменных синих плащах герцогской гвардии, они резались в кости и что-то пили — явно за счет заведения, круглые каски с синими плюмажами лежали там же, на столе. На наше появление особого внимания никто не обратил. Барон, свысока повернувшись к трактирщику, громогласно осведомился:

— В твоём сарае найдется место, где благородные люди могут поесть и отдохнуть подальше от всякого сброда?

Сброд к таким заявлениям оказался привычен, так что гул разговоров несколько притих, а хозяин заверил, что да, такое место у него есть, если благородный господин пожалует ему еще некоторую сумму. Похоже, барон со своей командой недавно провернул удачное дельце на большой дороге, так что обошлось без скандала.

— Не хочешь ли разделить с нами трапезу, Чародей? Со мной и с моим оруженосцем?

Нечего и говорить, что я почти сразу согласился.

Нас проводили в какой-то закуток, где было чуть потише, и приволокли ужин, состоящий из полусырого мяса, пресных лепешек, кремневого сыра и дрянного вина в огромном количестве. Я, правда, давно уже перестал обращать внимание на качество пищи, а тут еще поголодал сутки с хвостиком. При этом я еще ухитрялся трепать языком — поведал барону и оруженосцу свою историю, имеющую такое же отношение к подлинной, как газетная передовица к реальности. А когда все было выпито, рассказано и съедено, мне прозрачно намекнули, что барон собирается отдохнуть и предложили поискать ночлег в общем зале. Ну, такое отношение для меня не новость — хоть нашего брата, Чародея, и боятся, но считается, что для благородного общества мы несколько рылом не вышли. Когда в нас есть нужда, все эти бароны и прочая аристократия вытягиваются перед нами по струнке, но пока гром не грянул... Статус рядового бойца Ордена — чуть повыше рядового дружинника и чуть пониже какого-нибудь задрипанного титулоносца из свиты какого-нибудь карликового герцога. Само собой, к Магистрам и прочей чародейской аристократии это не относится, но они как-то нечасто на постоянных дворах ночуют. Да и я не особо по этому поводу переживал — здешние аристократы, как правило, не самые приятные в общении люди.

Я снова оказался в общем зале. Ничего не изменилось, разве что воняет еще гаже. Мне живенько расчистили место у огня — баронские дружинники уже раззвонили на весь трактир, что я Чародей. Естественно, ко мне тут же пристали с просьбой рассказать о себе, сопроводив это объемистой чашей вина. Я, само собой, рассказал ту же сказочку, что и барону, только слегка приукрасив ее, а потом объявил, что с меня хватит, я ранен и хочу спать, отошел в угол, приткнулся на лавку и завернулся в одолженный у барона расшитый галуном плащ. От благодарных слушателей мне досталась относительно чистая тряпица — перевязать руку, кружка вина и полупрогоревшая трубка с пригоршней табаку. Больше ко мне никто не приставал: во-первых, мало ли чего от этих Чародеев ждать можно, во-вторых, на постоялом дворе это не принято.

Я пристроил меч в пределах досягаемости, устроился полусидя на широкой скамье, вытянул ноги и запахнулся в плащ поплотнее. Вот черт, вроде, дрых весь день, а все равно спать охота... И в то же время не уснешь, нельзя. Что-то чувствуется здесь опасное. Хотя чисто внешне все в норме — по соседству расположилась компания бородатых степенных мужиков, судя по перстням с печатками — из Караванной Гильдии, чуть подальше — шестеро амбалов с уголовными рожами, судя по разговору — безработные наемники. Где-то через полчаса ввалилась компания бродячих комедиантов, эти даже чем-то походили на своих коллег из благословенного XX века... И все равно, что-то покою не дает, а что именно — не разберешь.

Наконец ощущение оформилось. Теперь никаких сомнений — я чувствую Силу, причем какую-то до боли знакомую. И только успел я с этим разобраться, в дверях появились новые посетители. Двое. Один высокий, плечистый, второй — маленький и коренастый, оба в мокрых плащах до пят. Высокий занял позицию спиной ко мне, так что его физиономию разглядеть не получилось, а маленький наконец откинул с головы капюшон. Так, а вот теперь самое время прикинуться черным шлангом...

Первое, что я разглядел — тускло блеснувший в свете очага медный обруч на лбу коренастого, знак Ордена. А потом я узнал его — Ардах! Тот самый молчаливый парень, мой соученик, который привез меня к Грентвигу. Который сидел со мной, когда меня ломало

после «обучающего» снадобья. Тот самый, с которым мы спарринговались на мечях. Вот это я попал... Ардах тоже почувствовал Силу (мою) и заозирался, но меня пока не заметил. В других бы обстоятельствах я бы сразу к нему подлетел с воплем: "Ардах, змей острокопытый! Сколько лет, сколько зим!" — но сейчас не стоит ему меня видеть. Не стоит так же слишком пристально их разглядывать, а из виду упускать тоже нельзя. Я искоса глянул в их сторону — Ардах смотрел прямо на меня. Перехватив мой взгляд, он быстро отвел глаза. Но перед тем... Нет, похоже, показалось — он мне подмигнул. Да не похоже, а точно показалось — с какой это стати орденцу мне подмигивать? Но вот узнать меня он, теоретически, мог. Я надвинул капюшон еще глубже.

Так, Ардах и этот, длинный, направляются к огню, вот сели за стол, о чем-то говорят с трактирщиком. Второй, длинный, тоже откинул капюшон, стащил и бросил на скамью мокрый насквозь плащ, под плащом обнаружилась кольчуга. Этот, вроде, не орденец, хотя и Силой владеет. Поворачивается в моем направлении. Капюшон надо глубже опустить... Вот это красотища! Пушистая светлая борода, прямой тонкий нос... Я ж этого типа не далее, как вчера со скалы в море скинул, когда мы с ним на утесе над гаванью рубились! Из клана Ворона, он же из Серого Братства! Вот уж в самом деле вечер нечаянных встреч...

Я засунул руку под плащ, потрогал рубчатую рукоятку пистолета. Успокаивает. Немного, но все же. И как-то тут не вяжется все это — по идее, Орден и Братство — смертельные враги. И в то же время орденец и Серый гуляют рука об руку по диким лесам Ториана... Конечно, там, за Пограничным, начинаются Дикие земли, так что здесь, в относительно цивилизованном мире, но в опасной близости от варваров какие-то предрассудки могут быть похерены, но не до такой же степени, честное слово! Орденским ребятам вообще такое понятие, как терпимость незнакомо, так что одно из двух — или Ардаха, как и меня, спели отлучить, или кто-то из них кого-то обманывает. Хотя обмануть Чародея... Интересно, что их может объединять, если отбросить отдающую паранойей идею, что они сговариваются ради охоты на некоего Мика Меченосца? Самый простой способ узнать — подойти и спросить, но я лучше воздержусь. С Ардахом мы однокашники, но вряд ли ему это помешает меня пришить. Такое и в меня Учитель вколачивал, без особого, впрочем, рвения, а его-то так с детства учили. А уж если его бородатый приятель меня узнает, драки точно не миновать.

Нет, все ж теперь я уверен — этого длинного я точно где-то видел, еще до того, как мы с ним на мечях рубились. Но вот где? У Роджера, в Орлином Гнезде? Нет, тогда б я его точно запомнил. В Западной Цитадели? Тоже нет, да и с какой стати Серый Брат полезет в один из самых охраняемых и укрепленных чародейских гарнизонов? В Берлоге вообще посторонние появлялись нечасто, а конкретней — никогда, обходили за километры. Может, во время моих с Малышом и Старым экскурсий в Ториан или в Империю? Хотя таких длинных мы там не встречали, да у меня и не такая хорошая память на лица, чтоб случайно встреченного типа запомнить. И на базе он точно не появлялся. Может, тогда «там» я его видел? Бург, Питер, Башкирия, Камчатка, Н-ск... Нет, не припоминаю. Ладно, а если я его несколько лет назад встречал, когда он был моложе и без бороды?

А вот без бороды — вообще дивная картинка. Тот самый мой спарринг-партнер, которого я видел в «зеркале» у Амраты. И в аудитории, где тот, с волчьей рожей, учил нас "смотреть и анализировать", он тоже мелькал. Как-то несмешно все это. Чересчур большая концентрация однокашников под одной крышей.

Стоп, но если я его видел там, значит, он связан с Институтом?! Час от часу не легче! Раз он тоже Пришлый, значит, ствол может быть не только у меня. Вот и все мое преимущество... Затевать перестрелку не в моих интересах — я ж не помню, а вдруг этот свтлобородый какой-нибудь снайпер? Да и «воробушков» у меня осталось всего три штучки, причем один надо сэкономить. Похоже, на сей раз погоня слишком близко подобралась... Ладно, я особо в глаза не бросаюсь, хоть и высок по здешним меркам. Ну, еще клешня перевязана — так кого тут этим удивишь? Так что покуда понаблюдаю их тихонечко,

без применения Силы, прикинуть что сплю. С обоими схлестываться не в моих интересах.

Похоже, я так усердно притворялся что сплю, что и в самом деле закемарил. А проснуться пришлось неожиданно, как от удара, и рука моя сразу метнулась к пистолету — рядом стоял Ардах, усиленно делая вид, что сушит плащ. Едва ли он имел дело с огнестрельным оружием, но жест мой истолковал правильно. не поворачивая головы, он одними губами прошептал:

— Не бойся. И не оборачивайся.

Похоже, не хочет, чтоб его приятель видел, что мы знакомы. Остается надеяться, что особых хитростей он не замыслил. Так же, почти неслышно, я пробормотал:

— Что надо?

— Уходить надо.

Тоже мне, спартанец. Сестра таланта, значит...Я, не убирая руки от пистолета, буркнул:

— Ну и вали. А мне и здесь пока неплохо.

— За тобой тоже погоня.

— И кто же?

— Серые.

Спасибо, растолковал. За дурачка он меня, что ли, держит?

— Один из них с тобой за столом сидел.

— Он наш.

— Чей это — наш?

— Из Ордена.

— И где ты его подобрал? — вот этим стоит поинтересоваться вне зависимости от дальнейшего развития событий.

— Встретились, как было условлено, сегодня, где-то в лиге отсюда, — что-то Ардах нынче прямо болтлив...Обычно из него каждое слово чуть не клещами приходится вытаскивать.

— Окажись он вчера ко мне поближе — могли и не встретиться.

Ардах, на миг забыв обо всякой конспирации, обернулся ко мне, вскинул брови, но тут же снова внимательно уставился на свой плащ:

— Где ты его встретил?

— Спроси у него.

Ардах, однако, ничего у товарища спрашивать не пожелал:

— Тебе надо с нами.

— И подарить вам по куску на нос? — я откинул капюшон и уставился на него в упор. — Дураков ищи в другом месте.

— За тобой тоже гонятся. И за нами.

— Ну и что? Сами хвост привели — сами и уводите, а я спать хочу.

— Они на трактир нападут.

— Ну, нападут. Что дальше?

— Ты им зачем-то нужен.

— Допустим. А ваше-то какое дело? Я ж отлученный, так что о моей безопасности у вас заботиться резона нет.

— За тобой они придут сюда.

— Вот тогда и разберемся.

Ардах слегка наклонился ко мне и тихо отчеканил:

— Охрани непосвященного.

Знакомо. Старая-престарая, чуть ли не самая главная орденская заповедь, общий смысл сводится к тому, что в случае опасности (колдовской, естественно) Чародей должен первым совать голову в петлю, отвлекать ее на себя, в общем, лезть на рожон.

— Ты что — не расслышал? Я отлучен. И все ваши заповеди для меня — пустой звук. Я вне закона, — очевидно, в последних моих словах прозвучала такая злая ирония, что

Ардах обернулся ко мне, уже не скрываясь:

— Не все согласны, что ты отлучен.

— Вот как... — я криво и зло усмехнулся. — Согласны или нет, а кошельки-то у всех тощие. А я стою две тысячи. И не орденец.

— Ты — Чародей.

Он еще на сознательность давить будет... А с другой стороны, прав он, никуда не денешься. Во мне моральные устои Ордена как-то не укоренились, но если он не врет, я могу на всех присутствующих навлечь некую опасность, о которой они и не подозревают — а это уже вопрос профессиональной этики. А я себя считаю профессионалом. Но вот если он на этом играет... Хотя для него, наверно, это равносильно святотатству.

— Ладно, допустим, я согласился. Что им помешает в этом случае на трактир напасть?

— Им нужны мы трое.

— Допустим. У тебя есть причина меня предупредить — хочешь лично убедиться, что я убрался. А где гарантия, что вы меня сразу по выходе из трактира не шлепнете?

— Клянусь Камнем.

Это уже серьезно.

— А твой товарищ — чем он поклянется?

Повисла неприятная пауза. руку из-за пазухи я уже убрал, но Ардаху было не до того. наконец он выдал:

— Я за него поручусь.

— Годится. Сколько у нас времени?

— Нисколько.

— Да сядь ты, не маячь! Торчишь столбом, внимание привлекаешь... — когда он послушался, я снял ноги с лавки, уставился ему в глаза:

— Итак, в чем проблема? Что нам мешает встать и уйти?

— Серые уже тут. В трактире.

— И сколько их?

— Один или два.

— Прорвемся.

— Это будет сигнал. Для атаки. Надо так, чтоб не заметили. Чтоб не видели, что мы вместе.

— Ладно, вот мы вышли. Что дальше?

— Уходим отсюда.

— Что — пешком? — топать куда-то — боюсь, не долго я протяну. Да и в драке от меня толку будет маловато. Какой я сейчас боец — с одной-то рукой? А Ардах тоже несколько оторопел:

— Ты ж на лошади приехал.

— Чужая.

Профессия конокрада здесь очень рискована — если тебя поймали живым, что редко бывает, обычно в погоне пристреливают, — то вешают без долгих разговоров и юридических формальностей. Ардах нахмурился:

— У нас — три. Одна с поклажей.

— Ну так выбирайте — я или поклажа.

— Не можем. надо доставить, — похоже, тут он решил, что сболтнул лишнее — захлопнул свой большой рот и выпятил челюсть. И что у них за поклажа такая интересная?..

Наконец Ардах решил и сообщил:

— Заберем именем Ордена.

— Устраивает. Как будем уходить?

— Подойдешь к нам, затеешь ссору.

— Предлог?

— Любой.

— Где сидят Серые?

Он указал глазами на столик, за которым играли в кости наемники и кратко информировал:

— Одноглазый.

Да, есть там такой. По роже — урка самый настоящий, к тому же, сдается мне, коновод в той компании.

Я проворчал:

— Ладно, катись. Готовность — минута. Да, а я что — с вами обоими разбираться пойду?

Ардах пожал плечами и поспешно отвалил. Конспиратор фиговый...Ладно, а вот сейчас проверить бы, не наврал ли он, по возможности — без зондажа. Приглядимся-ка к этому одноглазому через Юрд...Точно, Силой он владеет. От Юрда — короткая и четкая информация: "Серый Брат. Еще один — там"- а в указанном направлении как раз тот столик, где расселись ребята из Караванной Гильдии. Если они встрянут или просто попробуют помешать нам уйти — расклад получается весьма неважнецкий. Да и вообще, эта затея со ссорой мне детской кажется. Ну кого этим обманешь? Ладно, симпровизирую что-нибудь. В крайнем случае приглашу секундантом одноглазого.

Я встал, закинул на плечо перевязь с мечом, втянул брюхо и двинулся вперед походкой ковбоя из вестерна, стараясь высекать каблуками искры из соломы, покрывавшей пол.

Что я больше всего ненавижу — так это играть в "крутого парня", эту категорию людей я просто на дух не переношу. Но, кажется, изобразил я его достаточно убедительно — мне поспешно уступали дорогу, пока я шел к столу Ардах и светлородого. Остановившись, я сузил глаза, выпятил челюсть и хлопнул Ардах по плечу:

— Э, приятель!

Ардах раздраженно сбросил мою руку с плеча:

— Смотри, кого задеваешь, оборванец!

— Странные у тебя приятели, — обратился к нему светлородый, чуть вскинув бровь. Ох, переигрывает Ардах...Ну, тут уж ничего не попишешь.

— Я вижу, — я с оттенком презрения указал пальцем на медный обруч. — Но такую штуку может нацепить каждый. Только с того, кто их не по праву носит, такие обручи вместе с головой снимают.

— По-моему, этот ненормальный чего-то хочет, — высокий обращался по-прежнему исключительно к Ардаху. Я расправил плечи:

— Он хочет, чтоб ему ответили за ненормального. Но только после того, как этот, притворяющийся орденом, вернет то, что у меня взял. Брошь из серебра.

Ардах вскинулся:

— Ты хочешь сказать, я его украл?

— Факи остается фактом — ты поблизости от меня ошивался, а когда ты отошел, знак пропал.

Светлородый лениво потянулся:

— Может, поучить его вежливости?

— Сам справлюсь, — буркнул Ардах.

— Берусь разделаться с обоими. Прогуляемся?

— Пошли, — согласился светлородый. И тут кто-то отодвинул меня в сторону. Гадство, этот сопляк, баронов оруженосец:

— Чародей ранен и драться не может. А кто скажет, что я недостаточно знатен, чтоб его заменить, у меня будет еще повод его проткнуть.

Воистину, услужливый дурак опаснее врага! А тем временем вокруг нас уже сгущается атмосфера нездорового интереса.

— Это мое дело, — попытался рыпнуться я, но оруженосец уже выволок из ножен не по росту тяжелый меч, а остальные четверо дружинников, ребята на подбор, уже встали стенкой за его спиной, явно приготовившись к великой драке. Придется что-то изобретать, пока Ардах с его товарищем на фарш не порубили...

Но мне даже делать ничего не понадобилось, вернее, я просто ничего не успел предпринять: одноглазый из Братства решил, что пора вмешиваться. Хорошие задатки профессионального революционера — он тут же вспрыгнул на стол, гаркнул:

— Ша! Чародеев бьют! — и ринулся на баронских дружинников, остальные наемники последовали за ним.

Прошло некоторое время, пока я сообразил, что мы вмешались во всеобщую потасовку, а точнее — стали ее ядром. На защиту Ардах с товарищем тут же встали дюжие ребята из Караванной гильдии. А вот синие плащи, дармоеды чертовы, участвовать не пожелали, просто отодвинулись в угол.

Одноглазый, Илья Муромец хренов, вооружился скамьей и пробивается поближе ко мне, я уже успел схлопотать в ухо, да так, что все поплыло, и отправить в полет одного из наемников... А расчет-то верный, я имею в виду, не у нас: силы разделились, теперь Серые и на стороне наемников и на стороне караванщиков, так что имеют все основания и благовидный предлог разобраться с нами троими.

А вообще, все довольно мирно и до неприличия напоминает сцену из вестерна — светлорылый, по-быстрому распинав по углам троих оставшихся на ногах дружинников, весело рубится на мечах с оруженосцем, наемники бодренько бьют морды караванщикам, караванщики — наемникам, Ардах, взобравшись на стол, орудует секирой — только удивляться остается, как до сих пор никому башку не снес...

Я вынул меч, пытаюсь достать одноглазого, но левая подвела — я его тут же и потерял, парируя скамью. Одноглазый выпустил ее и прыгнул на меня, я встретил его в полете мощным апперкотом справа, пригнулся, уворачиваясь от летящего кувшина. Боковым зрением при этом выхватило, что Ардах из всех сил пытается выбраться из-под перевернутого стола, а в дверях, скрестив руки на груди, равнодушно наблюдает происходящее хозяин. В этот момент одноглазый снова возник в поле моего зрения. Быстро оклемался, ничего не скажешь... И тут же вижу льдисто блестящее лезвие в его руке, перехватываю правой метнувшийся снизу кинжал, локтем пытаюсь закрыться от удара снизу, кулак чиркает по скуле, перехватываю левой запястье руки с кинжалом, еще один апперкот, одноглазый ловко уходит. Плечо словно в огне, нож медленно, но верно приближается к горлу. Обняв одноглазого за шею, резко бью лбом в переносицу. Это называется — работать головой... Упал, вроде...

И тут же вижу а-Смига, несущегося к эпицентру драки с обнаженным двуручным мечом — зрелище великолепное. Барон впечатляет — в грязнейшей полотняной рубаше, распахнутой на волосатой груди, сивая грива развевается, глаза горят. И несется как раз на светлорылого, заноса меч... Ору из всех сил:

— Сзади!

Светлорылому как-то сразу наскучил оруженосец, он отправляет его под стол мощным пинком и разворачивается навстречу а-Смигу, выставив меч. А тот, в полной уверенности, что мой вопль относится именно к нему, тоже поворачивается, как ужаленный. Маленькая приятная неловкость, все даже на секунду замирают, не понимая, что же, собственно, происходит, но надо отдать должное — оправились быстро. Драка продолжается, вижу перед собой наемника в кожаном камзоле, короткий дар по горлу, пропал... А одноглазый поднялся уже, смотрит на меня... Ох, как же он мне надоел! Зачем-то нащупываю в кармане хельгльвскую застежку, зажимаю ее в кулаке, уворачиваюсь от бокового удара не совсем удачно, тут же бью в ответ кулаком с зажатой мной брошью. Удар выходит слабый, но тут же вижу, как одноглазый заваливается навзничь, и я уже знаю, что он мертв. Да как так получилось, я ж его едва зацепил...

Наклоняюсь над трупом, тут же одновременно с холодом вдоль спины и сигналом Юрда, понимаю, что от удара сверху уже не увернуться... Свист тяжелого клинка, короткий хрип — и, едва не придавив меня, на пол обрушивается чье-то тело. Багровая жидкая маска вместо лица, золотой перстень на руке, сжавшей тесак, который должен был развалить череп мне... Один из Караванной гильдии. Это светлорылый помог, а сам снова поворачивается к

барону, но снова возникают всеобщие непонятки — а кто, собственно, кого бьет? Потом до караванщиков, вроде, дошло, что их товарища уложили, тянутся к тесакам.

Но светлородый по максимуму использовал возникшее замешательство и гаркнул так, что у меня в ушах зазвенело:

— А ну, прекратить!

От неожиданности прекратили все, даже барон. Длинный склонился над трупом одноглазого, рванул на его груди рубаху. Так и есть, на груди обнаружилась золотая пластина с мчащимся волком, но вот той непонятной и грозной Силы, что я в лесу почувствовал, не сей раз нет...Светлородый презрительно сплюнул:

— Так и думал...Шестерка.

Ардах, уже выбравшийся из-под стола, тоже наклонился над трупом, вытирая рукавом капающую из носа кровь.

Барон опомнился первым и сразу возмутился:

— Что это здесь такое?!

Я принял самый значительный вид:

— Видишь ли, барон, это наши люди, — кивнув на Ардаха и светлородого. — Из Ордена. Нам пришлось устроить этот спектакль, чтоб сбить с толку шпионов, а сейчас мы должны уходить. У тебя ведь есть лишняя лошадь? Та, на которой я сюда добрался.

А-Смиг нехотя кивнул. Ну уж коника-то я вправе у него реквизируют именем Ордена...Обычно таким правом в своих мелких корыстных интересах не пользуются, за такое из Ордена вышибают, но меня-то уже вышибли, а честность среди моих достоинств никогда не числилась, так что черта лысого я ему коня верну.

— Я ее забираю, — величественно информировал я, словно делая одолжение. Тем временем светлородый снял с мертвеца знак:

— Ты едешь в Столицу, барон? Тебе придется отвезти эту вещь.

Тот сразу вскинулся:

— А по какому праву ты мне приказываешь?

— По праву Чародея, — отрезал я. — Это — на благо Ордена и короны.

Светлородый важно кивнул, еле заметно подмигнул мне и продолжил инструктаж:

— Ты слышал о Сером Братстве, барон?

Тот настолько посерел, что все стало ясно:

— А сами вы никак не можете этого сделать? — как обычно...При любой опасности, связанной с чем-то из области Силы любой местный смельчак не из Чародеев стремится забраться в кусты поглубже.

Светлородый покачал головой:

— Нам предстоит сейчас драться, и это еще неизвестно чем кончится. А ты заверни эту вещь в тряпицу и вообще избегай к ней прикасаться, по пути старайся не ночевать под открытым небом, особенно избегай ночевки в лесу, и не ездь ночью. А в Столице придешь в Главную Цитадель, отдашь эту вещь Верховному Магистру, и только ему, и скажешь: "Серые вышли из-за моря, они на Пограничном". Награда не замедлит.

Барон угрюмо кивнул. Перспектива тащиться через всю Империю с подозрительной колдовской штуковиной в багаже ему никак не нравилась, но с Орденом не поспоришь...Он повернулся на каблуках и рявкнул:

— Коня Чародею! — а потом снова ко мне:

— Удачи тебе, Марко Книжник.

— И тебе удачи.

— Ну что, пошли? — светлородый похрустывал от нетерпения пальцами. Мы выкатились из трактира и направились к конюшне.

— Кстати, ты нас не представил, — напомнил я Ардаху. Светлородый ухмыльнулся:

— Я в виде исключения своим настоящим именем пользуюсь. Герман.

— А я здесь называюсь, как ты знаешь, Мик Меченосец. Как водичка?

— Прикрытие вышло великолепное. Ладно, други, поторопимся, погоня уже идет на

скоростях, надо свалить отсюда подальше.

— Куда? — поинтересовался я, затягивая подпругу. Мне достался все тот же коренастый степной конек. Герман нетерпеливо дернул плечом:

— Куда угодно, лишь бы на открытое место. В лесу они нас как захотят, так и сделают.

— Бегущей воды не бояться? — кратко осведомился Ардах, уже поставивший ногу в стремя.

— Кто боится, тех в передовую дюжину не посылают. Да не копайтесь вы! Они уже близко!

Я вспрыгнул в седло. А поливает-то до сих пор капитально, уже и плащ промок. Да и вообще холодновато. Ничего, сейчас, похоже, будет жарко.

ГЛАВА 18.

Скачка была короткая и яростная. Я не сразу заметил, что дождь кончился — летел, привстав в седле и подставив лицо сырому ветру. Да, погоня-то уже на хвосте... Пока ничего конкретного, но все то же чувство — цепкий взгляд на спине. И еще могу сказать, что они ближе, чем хотелось бы.

Ардах неплохо знал эти места — нас вел именно он. Наконец он осадил коня. Так, похоже, берег какой-то реки или речушки — откуда-то ползет туман, даже журчание слышно. И из мутно-серого тумана вырастают темными мохнатыми силуэтами две сосны.

— Дело, — одобрил Герман. — Огня они не любят. Жалко деревья, но если что — придется их запалить.

Мы спешились, отвели лошадей подальше от поля предстоящей свалки — еще для полного счастья не хватало пешими остаться. Герман, оставшийся у сосен, негромко бросил нам вслед:

— Факела захватите. Они в поклаже.

Я помог Ардаху свьючить тюки. Увесистые... И что-то в них по ощущению длинное и железное. Ардах распаковал один из них, я как бы невзначай наклонился над его плечом. Надо ж хоть одним глазком на эту их сверхважную поклажу взглянуть...

Вроде как ничего особенного. Мечи. Клинки тяжеловаты явно, но не намного тяжелей нормального двуручного меча. А вот рукояточки!.. Сантиметров десять в диаметре, не меньше, и в длину чуть не полметра. Интересно, кому ж такие по руке? Или по лапе... Разве сто гоблину какой-нибудь... А вот это уже спаси и сохрани, нам только гоблинов с мечами еще не хватает на этой земле! Сам я гоблинов не встречал, но по описанию — те еще зверушки, что-то вроде ископаемой гориллы ростом под три метра, живут колониями. Люди их обычно не трогают, а вот гоблины иногда людей трогают очень сильно — весной, например. То ли гон у них, то ли что-то еще, но тогда им навстречу лучше не попадаться — все на своем пути сносят, да еще и Сила у них, по слухам, та же, что питает нежить.

Об этом я раздумывал, возвращаясь под сосны. А в общем-то сейчас не до этого. Допустим, мечом я и одной рукой смогу орудовать — левая сейчас для подобных упражнений не пригодна, спасибо, хоть не кровит. Ладно, факел я в ней удержу, и то хорошо.

А Герман нервничает, его длинная фигура маячит на фоне темного выцветшего неба, шаг — циркулем, три туда — три обратно. Лица его разглядеть не могу, но знаю, что рот его сжат в прямую линию, а на лбу — вертикальная складка. Вот как, оказывается, я с ним неплохо знаком, а так же встречались мы с ним в кризисных ситуациях...

Внезапно он повернулся к нам, как на вертеле, и сообщил:

— Главное — до рассвета продержаться, при свете дня они тоже нападать не любят.

— Но могут? — решил уточнить я, в ответ оба моих спутника хором хрюкнули. Значит, могут. Эх, ввязался ж я опять на свою голову! До рассвета еще очень порядочное время. Беда с тобой, Меченосец, куда б ни пошел — везде в заваруху влетаешь, и одна другой гаже...

Мы постояли еще немного, молча кутаясь в плащи от всепроникающей сырости, потом

Герман полусшепотом объявил:

— Они меньше чем в полулиге. Десять штук. Четверо — при шкуре.

Значит, волков всего четыре, остальные люди. Почти.

Ардах с присвистом сплюнул и шумно перевел дух, я пробурчал сквозь зубы:

— Многовато на нас троих, а?

— Посмотрим, — процедил Герман, словно убеждая себя. — Это мы еще посмотрим...

Не слишком мне его тон нравится — я считаю, если уж стычки не избежать, надо к ней относиться спокойно — чему быть, того не миновать. Хотя и меня мандраж подколачивает...

— Слушай, а как ты их чуешь? Да еще с такой точностью...

— Их знак. Я его на себе, знаешь, долго протаскал.

Кажется, Ардах издал какой-то звук, но когда я повернулся к нему, он снова стал непроницаемым и спокойно стоял, расставив короткие ноги и подбрасывая на ладони секиру, словно нянчил ее — маленький, коренастый, надежный. В точности такой, каким я его помню по Берлоге.

И тут я чувствую присутствие Серых — пока еще не опасность, но какое-то странное напряжение, разлитое в тумане, незримое давление с трех сторон, чувство — как перед грозой. Обходят нас, подковой. Юрд пульсирует на груди, подкачивая мне Силу. Как насос. Как второе сердце. Герман выдыхает сквозь зубы:

— Идут...

— Поджигать? — вполголоса хрипло спрашивает Ардах.

— Подпустим еще чуток. Только тихо.

— Ардах, поджигаешь обе сосны, когда надо будет.

Короткий кивок в ответ. Вязкая, непроницаемая тишина, а невидимый пресс давит все сильнее. Они-то четко знают, где мы, почуяли... Змейство, вот если среди них кто-то может молнии кидать, вроде того типа на ладье Воронов, нам точно хана... Хотя нет, не похоже, такой силищи я что-то не чувствую. Тишина почти мертвая, и очень громко в ней наше сиплое дыхание и шум капель, шлепающихся с ветвей в траву. Попробую Силу задействовать... Закрываю глаза. Близко уже, твари, метров двести от силы... Ни сосчитать их не могу, ни различить — туманный серый полукруг прижимает нас к реке. И все ближе — неторопливо, бесшумно... Так, вроде что-то в фокусе появилось, пятно. Человек? Волк? Оборотень.

Еле слышно шепчу:

— Засек одного.

— Давай!!!

Формирую огненное кольцо, сжав его до размеров теннисного мяча, всей Силой посылаю в серое пятно впереди. Чем меньше — тем быстрее... Есть! Чуть затормозило перед самым попаданием, потом — на другой стороне луга — столб оранжевого пламени, хриплый вой, ему откликаются голоса по всему лугу. Ну, началось...

Сосны за моей спиной вспыхивают сразу, с гудением, теперь весь луг ярко освещен, и я вижу их — шестеро, все пешие и в доспехах, еще что-то длинное и темное движется к нам, почти незаметное в высокой траве. Знаком Огня поджигаю факел, справа из травы, метрах в пяти — стремительный бросок, Герман гибко отклоняется, молниеносный выпад... Следующая тень возникает прямо передо мной, пугающе близко, успеваю только выбросить вперед руку с факелом, закрывая горло, зубы лязгают о стальной наручень, тяжесть волчьего тела сносит меня на землю, в считанных сантиметрах, ударившись спиной, вижу сверкающие красноватым, не человеческим и не звериным огнем, глаза. Рефлекторно бью мечом снизу, кажется, попал во что-то мягкое, но тяжесть по-прежнему жива, когтистая лапа рвет рубаху на груди. Где-то над моей головой льдисто взблескивает секира, хватка зверя куда-то пропадает. Ардах. Нет времени на благодарности.

Рывком поднимаюсь на ноги, верет лупит в спину, пронося мимо искры. Странно, почему эти, которые в человеческом обличье, не приблизились? Ясно вижу только одного из них, в серебристых доспехах и с белым султаном на шлеме, он кажется громадным, чуть ли

не пяти метров ростом. Дешевый фокус, паря...Мороком меня не обманешь...

Белый Султан наносит точечный удар, отшибаю его коротко знаком Щита, бросаю в него огонь. Юрд наконец-то на всю катушку раскогегарился, теперь мой меч, как и в драке с Монахами, превращается в прямой метровый язык зеленого пламени. Развернув между руками защиту, парирую разом два удара Силы — спереди и откуда-то справа. Что ж они так слабо?...Неспроста ведь...И нежить чувствую где-то поблизости. Отбиваю светящуюся синим линию, направленную мне в грудь, вычерчиваю мечом знак Силы, изо всех сил закрутив его. Кажется, кого-то зацепил...Но этот придурок с белым султаном продолжает свои ресурсы расходовать, чтоб голову морочить — кажется громадным, чуть не выше сосен...

— Брукса!!!

Вопль Ардаха заставляет меня резко повернуться. Да, теперь я не только чувствую, но и вижу ее — пока не слишком близко. Судя по тому, как брукса сверкает и меняет оттенки, она в ярости, чтоб ее до такого состояния довести — не знаю, что уж надо...Она стремительно перемещается зигзагами, смахивает на женщину в белом платье до земли.

Швыряю в нее знаком Серебра, брукса легко уходит — просто исчезает в одном месте и возникает в другом, уже гораздо ближе. Ее вопль — на грани ультразвука, он врезается в нас, как таран, перешибая дыхание. Чувствую, как кто-то — Герман или Ардах — садит по ней знаком Огня, вижу даже след знака в темноте — как струю из огнемета. Бесполезно. Она не сама по себе, я уже чувствую связь между ней и тем, с султаном. Судорожно, буквально на ходу припоминая нужные жесты и направление Силы, выстраиваю перед собой знак Двойной Корень, но выпустить его не успеваю — кто-то из Серых шарахает меня Силой по мозгам так, что я на момент утрачиваю контроль. Новый вопль швыряет меня на колени, чувствую, как немеет лицо. Значит, мы уже в пределах досягаемости бруксы. Никогда я раньше с ней не встречался, но знаю — если она до нас доберется, то найдут только три изломанных, перекрученных, как выжатая простыня, трупа.

И в этот момент вижу ее прямо перед собой — ослепительный, переливающийся балахон. Сил подняться на ноги — никаких. Непонятная Сила заставляет меня напрячься, прогибает назад, не дает встать. Спина выгибается еще сильнее, брукса — вот она, над балахоном — подбобие постоянно меняющегося лица — то прекрасное, как Снежная королева, то маска мертвой старухи. Тело перестает меня подниматься, это напоминает судороги, голова запрокидывается назад так, что хрустят позвонки, кто-то, кажется, Герман, из последних сил наносит короткий слабый удар, это отвлекает бруксу — ненадолго, но у меня появляется возможность вскинуть правую руку и вычертить, выстроить перед собой запретный для Чародеев Ордена Алый знак.

Он появляется передо мной предельно четко, перед моим чародейским зрением — вместе со всей сопутствующей информацией. Алый знак является своего рода антинежитью, живой своей собственной жизнью. Насколько я помню, немногим Чародеям удавалось удержать над ним контроль, а еще меньше осталось в живых после этого. Под контролем его удержать исключительно трудно, а выпустишь — последствия непредсказуемы. Во всяком случае, нам-то уж точно хана, да еще и скольким после нас...Если он от меня вырвется, моих силенок не хватит, чтоб его нейтрализовать...Давление исчезает почти полностью, брукса уже готова ретироваться, но я чувствую, как медленно, но неотвратно выходит из-под моего контроля знак — как хвост удава, миллиметр за миллиметром из рук выскальзывает. И с отчаянной отчетливостью понимаю — не удержу. А в следующую секунду он вырывается на свободу, извиваясь, как обезумевший живой узор.

Тип с султаном тоже, вроде, знает, чем ему это грозит — вскидывает руку, навстречу моему Алому знаку с визгом снаряда устремляется что-то, напоминающее завязанную морским узлом молнию, проходит миг, в обычной ситуации слишком короткий для восприятия, а сейчас — как замедленное кино, знаки сшибаются в цветовую мешанину, потом — вспышка и темнота. Удар ветра вталкивает воздух в легкие так, что они вот-вот лопнут, сносит меня с ног и катит вниз по обрыву.

Через какое-то время, кажущееся невыносимо долгим, обнаруживаю, что лежу лицом

вверх, раскинув руки, потом — охваченная пламенем сосна нависает надо мной, увеличиваясь в размерах, успеваю только перекатиться на живот, сверху — дождь углей. Качусь к реке, спасаясь от палящего жара, поднимаюсь, стряхивая искры с одежды, оскальзываясь, бросаюсь наверх — и только тут соображаю, что я без меча. А, неважно! Чавкаю башмаками по мокрому склону, огибая гигантский костер, пламя с новой силой рвется в небо — и вдруг до меня доходит, что бой окончен.

Сперва я заметил Германа, он сидел на земле, откинувшись назад и опираясь на руки и жадно хватал ртом воздух. Подобрал свой меч, я даже не потрудился его в ножны закинуть — просто уронил рядом, когда уселся. Конечности словно свинцовые... А теперь, когда все окончилось, снова холодно стало, да еще клешня разболелась — просто сил никаких. Я подвинулся поближе к догорающей на земле сосне:

— А где Ардах?

— Здесь, — Ардах, хрипло и тяжело дыша, выбрел откуда-то из темноты, его шатало, обе руки он прижимал к животу.

— Ранен? — вскинулся Герман.

— Точечный. Скоро отойдет.

— Сообщение принял, — Герман растянулся на земле во весь рост, пошарил за пазухой. — Берег, берег для себя... На, — он протянул мне сигарету. Я рассеянно поблагодарил его, прикурил от уголька — и тут только до меня доперло: он же только что красивым почерком расписался в том, что он — Пришлый, но говорить об этом не хочет в присутствии Ардаха!

Я круто повернулся и уставился на него, мысленно подвывая от боли в плече. Герман на меня не смотрел, он увлеченно созерцал догорающую сосну, пуская дым углом рта. Наконец он пробормотал:

— Я, наверно, дурак. Ничего не понимаю. До рассвета еще часа два с лишним, навались они сейчас — и все, хана бы нам. А они уходят. Не понимаю...

— А чего тут понимать... — проворчал я. — Были — и ушли, мне лично от них ничего больше и не надо. Или Силу копят?

— Нет, — Герман упрямо помотал головой. — Они уходят, и очень быстро. Это ты их так напугал?

— Не их, а бруксу. А потом, этот, который у них основной, по-моему, без всяких проблем управился.

— Может быть, может быть. Просто не слишком мне это нравится, хотя бы потому, что непонятно. Ребра целы? — обратился он к Ардаху. Тот коротко кивнул. Похоже, не хочет он нас с Германом ни на миг из виду упускать... Боится, что мы за его спиной стакнемся?... Ладно, на данный момент у меня проблемки есть поважнее:

— Значит, дождемся рассвета — и разбежались? А то, если вас кто-то в компании отлученного увидит, хило вам придется, когда начальство узнает.

— А мы ему не скажем, — усмехнулся Герман. — Во всяком случае, я не собираюсь. Ардах?

— А мне-то что? — буркнул тот. — Грентвиг охоты не объявлял. Только вот Вигана ты зря убил.

— Чего?! — я аж подпрыгнул. Только таких предьяв мне еще не хватало для полного счастья! Ардах некоторое время пялился на меня, недоумевая, чего это я так вскинулся, потом нахмурился:

— На Забытом его нашли, как раз после тебя.

— Ну и сука же этот Даэл, — пробормотал я, ошалело потирая лоб. Герман протестующе вскинул руку:

— Легче. Это, как-никак, мой начальник.

— Все равно сука. Уж в одном-то я уверен, Вигана я не убивал. А погоню на Забытом Даэл и возглавлял.

— Да, друг-приятель, вкололся ты в историю... — Герман потянулся. — Кто-то хочет,

чтоб тебя убийцей считали.

— Кто-кто... Шеф твой. Только вот на кой ему все это?

— Хотят тебе кислород окончательно перекрыть. Где ты им на хвост наступил?

— Да так... Насчет твоего босса кое-что. Ты сам ведь в курсе, откуда он? Ну так вот, он раскрылся и пытался меня завербовать в свою команду. Ты же слышал о большой охоте на смертников?

Ардах недоуменно переводил глаза с него на меня. Ну, у нас кой-какие свои секреты...

Но Герман, похоже, тоже немного не врубился, о чем это я:

— Погоди-ка, это уже что-то новенькое. Ты не забывай, меня в Империи несколько лет не было, да и сейчас мне, в общем-то, в другую сторону. Что за охота?

— Дазл намерен объявить газават всем Пришлым. Я, кстати, до сих пор мишень номер раз?

— Насколько мне известно, да. Так что я бы на твоём месте пока в Империю не совался, там и так все на ушах стоят из-за этой смуты.

— Вот и могут не заметить, — внес свою лепту Ардах.

— А что вообще за смута? Кто там кого смутил?

— А, все как обычно. Драка за корону. Только я в этом слабо разбираюсь, да и не слишком интересовался.

— Типа Алой и Белой розы? — называется — тонкий зондаж...

— Типа, — согласился Герман. Получается, мы с ним кое-что одинаково помним, в разных мирах и история разная. Ардах, услышав, что мы снова заговорили какими-то загадками, насупился и отвернулся.

А вот интересно, понял ли Герман, что я о себе мало что помню? Если да, то может все весьма круто обернуться — раз он Пришлый и связан с Институтом, ему известно о существовании двойников. Насколько я понял, в тот период, что я не помню, мы с ним были друзьями, но вот с двойником-то его ничего не связывает.

А он продолжил после паузы:

— Сейчас бы я на твоём месте опять без вести пропал — уж очень ты всех интересуешь.

Так, в скобках отметим, что я некоторое время числился пропавшим без вести...

— Кого это — всех? Кстати, раз ты в Братстве состоял, может, скажешь — им-то от меня что нужно?

— Всего ничего. Тебя. На побережье налет — специально в твою честь, можешь гордиться. Они почему-то решили, что ты к ним примкнешь.

— С какой это радости? — все чудесатее и чудесатее... Все-таки я слишком популярен.

— Толком не знаю, в Братстве рядовым, вроде меня, тоже избегают лишнюю информацию давать. Сдается мне, ты там, в стойбище, что-то наворотил — нежить вызвал, или что-то еще в том же духе.

— Нежить? — приподнялся Ардах. — Это ж запрещено!

— И что из этого? Сам понимаешь, орденские запреты для меня сейчас ничего не значат. А потом, раз Учитель считал, что мне можно это знать, то предполагалось, что я это использую.

Герман усмехнулся:

— А вот тут ты сам себя наказал — внимание привлёк. На моей памяти такой погони, как за тобой, еще не устраивали.

— Кто именно? — сумрачно усмехнулся я. — Братство или Орден?

— И те, и другие. Наш с тобой общий друг тоже о тебе много хороших вещей наговорил, во всяком случае, мне.

— Этот наш общий друг — в очках и с повадками рейнджера? — уточнил я. Всякий, кто встречал Дэна, узнает его по этому описанию.

— Догадлив.

— А конкретно — что он тебе наговорил?

— Большую кучу чепухи: что ты — мина замедленного действия, и все в том же стиле. Да что я тебе говорю, ты ж его знаешь...

— Еще как... Ты его давно видел?

— Да с месяц назад.

— Вот уж кого я бы повидать хотел... Может, он и со мной бы поделился — насчет мины и всего прочего...

— Я бы на твоём месте не торопился — он так распространялся насчет того, что ты опасен...

— А насчет исторической экологии он тебе не рассказывал? Или твой шеф? Насколько я понял, он намеревается поохотиться за агентурой нашего общего друга, а я об этом теперь знаю. Охота на меня могла из-за этого пойти?

— М-да, закон джунглей: много будешь знать — не дадут состариться... Но сдаётся мне, вы просто друг друга не совсем поняли.

— Так что — ему настолько важно инкогнито сохранить?

— Может быть. Меня, во всяком случае, он к каким-то внутриагентурным разборкам не привлекал. Хотя мне и без них дел хватало — на том же Архипелаге.

— Ты там типа разведчика был?

— Скорей, типа резидента... Но во-первых, без пяти минут спалился, а во-вторых, новое задание подвалило. И, как водится, секретное.

— Это вроде поставок оружия гоблинам?

Уж это я ляпнул, не подумав. И кто меня вечно за язык тянет?

Повисло долгое, напряжённое молчание, потом Герман негромко, как бы через силу, произнес:

— Ты, конечно, не в курсе, но у нас инструкция уничтожить любого, кто о нашей миссии узнает.

Ардах кивком подтвердил его слова. Вот это я попал, кретиныще! Я и с двумя-то руками против них обоих не сдюжил бы... Но уж без драки я не сдамся.

Я поднялся, подхватив меч, и процитировал:

— Ну что, вздуем друг дружку?

Ни тот, ни другой с места не сдвинулись. Герман невесело улыбнулся:

— Ага, подеремся этак часиков до шести... Сядь, не дергайся, я на твою погремушку не зарюсь. Порядочность иногда и в этом сволочном Зазеркалье встречается.

Я снова опустился на траву. Ардах поглядывал на меня очень настороженно, задумчиво поглаживая рукоять секиры. Наконец он выдал:

— Не знаю уж...

Герман неторопливо, вальяжно даже, повернулся к нему:

— У меня ещё одна инструкция есть, и она гласит, что ты в случае чего можешь случайно не вернуться, а на меня в этом случае в обиду никто не будет. У тебя такая же, я угадал? — тон он выдержал самый ленивый, но при этом впился в Ардаху взглядом, и тот наконец неохотно признал:

— Тоже.

А вот это уже что-то новенькое... Разборки внутри Ордена?..

— Вы что, хотите сказать — вы из разных команд?

— Я тебе этого не говорил, — усмехнулся Герман. Вот ситуация, блеск и плеск, моя прелесть... А Ардах-то на кого работает? Если кто-то кого-то на такое ответственное задание отправляет, то этот отправляющий отправляемому должен полностью доверять. Ардах, когда я уезжал из Берлоги, даже Камня ещё не получил, так что единственным из орденских боссов, кто знает его настолько, чтоб послать против Братства, может быть только Грентвиг.

— Ардах, а что ты там говорил про то, что не весь Орден обложу на меня объявил?

— Грентвиг был против.

— Почему?

— Слишком много он в тебя вбил. И первая удача с настойкой.

Не пожелал, значит, старый звероящер опытный образчик загубить...И на том спасибо.

Ардах еще немного помолчал, облизал губы, оглянулся на Германа и решился:

— И еще он просил тебе сказать, чтоб ты его не искал. Он сам тебя найдет.

Совсем интересно...С какой стати Учитель решил, что я его искать буду? Или Орден настолько глубоко раскололся, что мое отлучение Даэлом для Грентвига недействительно?

— Кстати, а то, что вы из разных команд — это тоже со Смутой связано?

— Я тебе и этого не говорил, — весело сообщил Герман. — Но мой тебе совет: заляг на грунт и не лезь в эти дела. Обидно будет, если тебя и в самом деле убьют.

— Мне бы тоже обидно было...Нет, ребята, я просто кипятком писаю от нашей компании: вы друг дружку, как я понял, по достижении цели должны укокошить, а мне уж часа два, как полагается быть в лапшу порубленным. Прекрасная встреча добрых друзей...

Герман ухмыльнулся совсем уж безрадостно:

— Да ладно, чего уж там... Моя шкура не намного дороже твоей — Братство чужих резидентов отчего-то не жалуется, а в Ордене по какой-то причине спалившиеся агенты не котируются.

— А как насчет конторы нашего с тобой друга-рейнджера?

— Есть причины подальше держаться. Здесь безопасней.

— Вот уж ты придумал... — я ошалело поскреб бороду. — Схлестываешься с Братством, прешься с секретной миссией куда-то, где они себя как на своем Архипелаге чувствуют, да еще к гоблинам в пасть...

— Причины достаточно веские. Я здесь, похоже, до конца засел.

— И почему так?

— Знаешь, я тебе и так слишком много...не сказал, — мы хохотнули, на сей раз для разнообразия шутку понял и Ардах.

Герман хлопнул себя по ляжкам:

— Ладно, потрепались, пошутили, а уже совсем рассвело. Потрескаем давайте — и по коням, а то нам засветло надо бы подальше убраться.

Пожрали мы в полном молчании, сосредоточено и неторопливо, запасаясь силами на весь дневной путь. Тучи рассеялись, от реки пополз туман, и плечо у меня снова дико разнылось. Так же в гробовом молчании покурили и двинулись к лошадям. Ардах запрыгнул в седло и отъехал, ведя в поводу лошадь с поклажей, а я уже вдел ногу в стремя, когда Герман вдруг негромко бросил:

— А знаешь, ты ведь сильно изменился...

У меня даже рожу на сторону повело, я резко повернулся к нему:

— Изменился, говоришь? Попоробуй чисто для интереса пропасть без вести раз этак пару-тройку — поневоле изменишься.

— Твоя правда, — вздохнул он. — Я тоже как переродился...А, чего уж там говорить, оба мы с тобой тут до конца завязли. Тебе убраться отсюда не дадут, во всяком случае, постараются, а мне тут даже нравиться начинает. По крайней мере, мной тут не интересуются...слишком активно.

— А ты вообще в курсе, что за мою голову обещали?

— Ага, в курсе.

— Нет, — я наставил на него палец, — но ты сам-то в эту лабуду веришь? Что я диверсант, ходячая бомба?

Он совершенно неожиданно рассмеялся — точно так же, как когда-то давно:

— Опять ты в своем репертуаре! Эти сказки дядюшки Дэна пусть кто-нибудь другой слушает. Мне такое продать не выйдет.

Я ухмыльнулся было в ответ, но Герман снова посерьезнел:

— Знаешь, по-моему, все это тянется с того дела, когда ты без вести пропал. И с тех же пор все эти деятели и шишки на тебя слишком большой зуб имеют.

— Вероятно, — я пожал плечами. — Кому-то не хочется, чтоб я проболтался.

— О чем?

Я закусил губу, пробормотал сквозь зубы:

— Вот это я и хочу выяснить.

Он вскинул брови, но с удивлением своим справился быстро:

— Знаешь, я на твоём месте к этим делам близко не подходил. Раздавят, и не заметят.

— Пока не раздавили. Шустрый гад попался, — мы снова поухмылялись, потом Герман негромко предупредил:

— Ещё совет: пушкой не пользуйся. А лучше выкинь её от греха подальше.

— Разберусь, — пообещал я. Герман некоторое время смотрел мне в глаза, потом Ардах призывно свистнул и замахал рукой. Герман протянул мне ладонь:

— Ладно, живы будем — может и свидимся. Тогда и накрутим коре-кому хвост. Хватит тебе уже в погибших числиться.

Я молча стиснул его руку, потом взялся за повод — и тут он слегка подтолкнул меня в плечо и негромко пропел:

— Нам прививки сделаны от слез и грез дешевых...

— От дурных болезней и от бешеных зверей, — подхватил я, мы ещё раз хлопнули ладонью о ладонь, потом Герман легко запрыгнул в седло и поскакал, не оглядываясь, вдогон Ардаху.

Я с трудом взгромоздился на своего степнячка и смотрел им вслед, пока они окончательно не растворились в тумане, потом повернул коня, подпихнул его каблуками в бока:

— Ну, мертвая! — и двинулся дальше на восток.

ГЛАВА 19.

Быть одиноким ковбоем — это, конечно, до ужаса романтично, но не тогда, когда едва держишься в седле, а я с каждым часом держался все хуже и хуже. Левое плечо словно раскаленным обручем стянуло, пот глаза заливает, башка чугунная — и самое мерзкое, постоянно тянет прилечь и отдохнуть. Перед глазами все расплывается, и весь день я даже дороги толком не разбирал, следил только, чтоб с направления не сбиться. Похоже, у меня жар — башка то горела, то ледяной озноб наваливался, пить хотелось почти постоянно, так что вода во фляжке закончилась очень быстро.

Несколько раз мне навстречу попадались кучки всадников, но кто это был — латники герцога, егеря или просто рыцари большой дороги, я понятия не имею. Завидев меня, они ещё издали принимались ржать — что и говорить, после всех приключений мой наряд и на пугало бы не нацепили. Пару раз меня даже пытались остановить, но тут я в дискуссии не вступал, просто вынимал из-за пазухи Камень и показывал им, после чего они оставляли только большое облако пыли — такие штуки, как чародейские Камни им видеть приходилось, а кому охота с Чародеем связываться? Наверно, мне жутко повезло — ни одного ордена я не встретил.

Ближе к вечеру я все же решил дать отдых своей лошади, да и самому силенок набраться — ухитил из чьего-то стога пару охапок сена, бросил своему степнячку и уселся, привалившись к стогу спиной. Сейчас бы пару таблеток аспирина, да на боковую... Видно, все же не простая слюна у этого оборотня... Если дальше так пойдет, далеко не уеду...

Нет, вот на этом заморачиваться нельзя. В этом мире более-менее квалифицированную медицинскую помощь могут оказать только ордены и ведуны — или Пришлые, а мне ни с теми, ни с другими, а уж подавно и с третьими встречаться не стоит. Лучше подумать, куда я дальше двинусь. На базу. А может, меня там Дэн уже дожидается? Ну вот и дождется... Пальцы непроизвольно сжали рукоятку пистолета за поясом. Предупреждал меня Герман насчет ствола... Эх, даже поговорить толком не успели... Хотя тогда б пришлось сознаться, что у меня с памятью напряги, а это вполне можно счесть за неудачную отмазку. Хоть об этом хватило ума не протрепаться, браво, Мик... Значит, выходит, я числился погибшим? Интересно, какое время? Не меньше четырех лет, из них два года в этой

дерьмомешалке. Ладно, пока не принципиально, важнее другое — он не сдал меня своему начальству. И не сдаст — начальство осталось в другой стороне, там, куда мне как раз и надо. В Столице. Но сперва проведу ребят, Малыша и Старого. Плевать, шлепнут так шлепнут. А значит, надо ехать. Вот сейчас встану... Если еще хоть пять минут просижу, уже не поднимусь. Я кое-как утвердился на ногах, мысленно подождал коня и взобрался в седло.

Солнце осталось где-то далеко за плечами, провалившись в багровую хмарь, воздух слегка посвежел — и мне стало чуть получше. Настолько, что я оказался в состоянии принять сообщение Юрда о погоне — пока еще далеко, не сильная и довольно неторопливая — но все же погоня. нацеленная именно на меня, владеющая Силой. Но кто именно — Орден, не Орден — разобрать пока невозможно. А кроме погони есть оказывается, еще что-то вроде засады впереди. Большое. Неживое. Вроде, металлическое. Довольно опасное.

Я решил не дожидаться погони и ехать вперед. До встречи с тем, кто или что меня поджидает время еще есть, так что можно попробовать его классифицировать.

Юрду с подобной дрянью уже приходилось сталкиваться, так что определил я без особого труда — там, впереди, где-то в километре, меня дожидается один из тех, кого называют "детьми металлов". Странно, я-то думал, таких уж и не осталось... После Напасти было их — пруд пруди, потом повыбили. Оказывается, не всех. Насколько мне известно, эта дрянь представляет из себя что-то вроде механического дракона, Силу, в принципе, излучает, но вся она уходит на поддержание жизнедеятельности этого монстра. Но как бы то ни было, конь его боится, а значит, придется этого полудракона встречать пешком.

Я едва успел отвести коня в сторонку и привязать к дереву, когда услышал тяжелый топот и скрежет, а потом и сам ящер показался из-за поворота — старый бедолага железной породы, насквозь проржавевший, в сизых пятнах окалины, смахивающий на помесь паровоза и экскаватора. Но здоровенный, метров, наверно, семь-восемь в длину, глаза с тарелку, светятся тускло-красным, как раскаленное железо. И вообще весь он раскаленный, это чувствуется, и разит от него паленым. Голыми руками его, вероятно, лучше не трогать, хотя огнем он вряд ли в состоянии плеваться. Ох и будет мне сейчас потанцевать, а то стопчет. Или поджарит.

А он заметил меня, глаза еще ярче засветились, со скрежетом раскрылась тускло-багровая пасть, усаженная искореженными острями, я почувствовал тяжелое, горячее, пахнущее железом дыхание...

— Ну ты, металлолом! Вали отсюда, а то на запчасти пушу! — гаркнул я хрипло, подбадривая себя. Ящер секунды две оставался на месте, словно вникая в смысл сказанного, а потом ринулся на меня, грохоча и воняя.

На мое счастье, это чудовище оказалось неповоротливым, прежде чем оно до меня добралось, я успел сообразить, что ствол тут бесполезен — кроме глаз и сочленений ящер неуязвим. Так что я выдернул меч и приготовился к драке. Сперва он попытался протаранить меня головой, потом стоптать, я удачно увернулся и от того и от другого, чудом не оставшись без ног.

Снова удар головы сверху, отскакиваю, пытаюсь достать мечом глаз... Мимо! Тяжелая стальная болванка головы разворачивается ко мне, снова отпрыгиваю, проделав отчаянный пируэт, обжигаю плечо о раскаленный почти докрасна бок, голова на длинной суставчатой шее снова взмывает как-то очень высоко... Странно, ощущение — как на экзамене. При достаточном проворстве от ящера можно уворачиваться почти играючи, но вот убежать от него я бы не стал. А время работает против меня...

Отскок, промах, удар... Выдыхаюсь понемногу. Снова исполинским молотом обрушивается голова, на этот раз мне удастся его достать удачно — звон, как от разбитого стекла, правый глаз гаснет, рассыпавшись множеством искр. Едкий дым ест глаза, ящер снова вскидывает голову, мне еле удастся удержать меч в руках — и изо всех сил вогнать клинок в сочленение у основания шеи. Скрежет, короткий хрусткий звук, отскакиваю на несколько прыжков, чувствуя, что меч у меня в руке стал странно легким — и обнаруживаю

вместо клинка обломок, сантиметров тридцать, не больше. Выругавшись, отбрасываю его. Теперь — вся надежда на Силу...А я устал, как зараза...Но и ящеру досталось — обломок моего меча что-то заклинил в нем, теперь шея торчит под неестественным углом и почти неподвижна, из того места, куда я ударил, шлепаются на землю крупные капли едко пахнущей светящейся тускло жидкости — крови?...смазки?..

Ящер медленно, скрипуче приближается. Ну, Юрд, не подкачай! Задействую через него знак Силы, но получается что-то совсем другое, из моего Камня вырывается ослепительный, как электросварка, луч, ударяет в грудь ящера. На какой-то момент, кажется, вижу, как плавится металл, а потом вдруг ящер взрывается, как-то сразу весь, с оглушительным грохотом, раскаленный порыв ветра отрывает меня от земли, ударяюсь раненым плечом, не чувствуя боли, перекатываюсь, отползаю на локтях — и с наслаждением зарываюсь обожженным лицом в мокрую траву.

Лежал я ничком довольно долго, но силы почему-то возвращаться никак не желали, зато вернулась боль в ране. Глотка просто ссохлась. Наконец я смог сесть и устался на то, что несколько минут назад было ящером — громадный чадный костер. И обломки далеко раскидало — зазубренное, перекореженное железо. Как еще меня не зацепило...Наверно, я везучий.

Пораженный этим открытием, я несколько секунд сидел неподвижно, потом разразился диким, хриплым, похожим на кашель хохотом. И в самом деле — счастливчик, нечего сказать! Выбираюсь живым из таких передрыг, в которые не то что нормальных людей, нормальных Чародеев, и тех не заносит!

От смеха глотка высохла уже окончательно, так что я поднялся и отправился на поиски воды. Наверно, у меня и этот инстинкт есть — я очень быстро набрел на какую-то мелкую лужу с кучей головастиков. Напившись, я несколько раз плеснул себе водой в лицо — полегчало. А значит, пора ехать. Ехать дальше. Я уже толком и не помнил, куда я собирался — только направление. Конь испуганно шарахнулся даже от меня, мне с трудом удалось его успокоить. Останки Ящера пришлось объезжать очень далеко.

Почти сразу я соскользнул в какой-то туман, все вокруг стало призрачным, совершенно нереальным. Все силы уходили на то, чтоб хоть как-то усидеть в седле, хотя степнячок мой и бежал довольно ровно. Сигнал Юрда: "Серые!" вывел меня из забытья, мне удалось даже выпрямиться в седле и справиться о количестве преследователей. Так, один. Это ничего, это терпимо. Не буду я от него сматываться, тем более, он совсем близко. Вот сейчас должен появиться...

Я узнал его, прежде чем он вынырнул из-за поворота — тот самый, с белым султаном на шлеме, предводитель отряда, с которым мы дрались под горящими соснами. Лица я не разглядел — темно, да и сливалось оно у меня во что-то бесформенное. он думает, я безоружен? Ха! Герман, правда, предупреждал меня, чтоб стволом я не пользовался...А, ерунда.

Пистолет оказался невероятно тяжелым, да еще и мушка перед глазами ходила ходуном, а рука тряслась. Наверно, этот тип понял, в каком я состоянии — до меня как сквозь вату донесся его смех, а потом голос:

— Не горячись, Чародей. Я пока не собираюсь причинять тебе вред.

— Чего тебе от меня надо?

— Предложить тебе сделку.

— Какую? Я не заключаю сделок с нежитью.

Кажется, он усмехнулся — не уверен.

— Сначала выслушай, Чародей. Ты ведь хочешь, чтоб тебя перестали преследовать? Если да — переходи на нашу сторону.

— С какой стати?

— Ты наш, Чародей. Наш по духу. Орденские рамки оказались для тебя узки, верно?

— Я тебе сейчас расширю рамку... — пробормотал я, снова поднимая ствол на уровень глаз, он снова рассмеялся:

— Сейчас мне не нужен твой ответ. Я приду за ним ровно через неделю, в полнолуние.

— И что если я скажу: "нет"?

— Тогда мне придется тебя убить. Братство может больше, чем ты думаешь. Берегись, Чародей!

Я выругался, старательно лоя его на мушку, а он лениво, как бы невзначай, гарцевал на коне, сбивая мне прицел:

— И еще одно меня просили тебе передать, Чародей. Присоединиться к нам тебе мешает только упрямство, которое ты зовешь честью. А русскому человеку честь — одно только лишнее бремя. Так не забудь, через неделю! Увидимся при полной луне! — он повернул коня и через несколько секунд растворился в темноте.

Я запер предохранитель и вернул ствол за пояс, потом обалдело уставился ему вслед. Бред какой-то, такого и быть не может! Честь...Лишнее бремя...Откуда он может знать Достоевского, да еще и цитировать? Померещилось мне, что ли? Очень, кстати, может быть. Может, его вообще здесь не было. Учítывая, в сколь развратном состоянии я нахожусь, и то, что у меня жар...Могу и бредить. Хотел бы я, чтоб так оно и было...Ладно, во всяком случае, эти меня убивать не начнут раньше чем через неделю, а за неделю можно успеть очень многое, а самое главное сейчас — доехать.

А дальше я ехал как в тумане, и ночь все никак не кончалась. От нее в памяти осталась только тяжесть в затылке да стук в ушах — с пулеметной частотой, да еще помню темноту впереди на дороге. Все это время я находился в каком-то полубреду, мыслить связно не получалось, мысли перескакивали с пятого на десятое, но как-то вяло и неповоротливо. Темнота впереди то густела, то разжижалась, и из нее выплывали навстречу мне какие-то лица. Мелькнул и пропал Хельг. Посмотрела на меня откуда-то снизу вверх Гельда, затем на ее месте возник Герман, засмеялся, подмигнул и растаял, чтобы смениться лицом Дэна, открывающим целую вереницу незнакомых людей. Нет. Я знаю их всех.

Тогда (когда?) нас было пятеро в группе. Мы с Германом — тандем. Были еще двое, раньше работавшие в паре — Роберт, невысокий, щупловатый и ехидный, с усами, как у д"Артаньяна, и Раковски, громадный и громогласный мужик, гулко и заразительно хохочущий, темноволосый и темноглазый. Оба — настоящие профессионалы-диверсанты, их обязанностью было сопровождать нас (куда?). Пятый — Дэн. Официальный представитель Института и командир группы (неофициальный — Раковски). Но командирский статус Дэна никто всерьез не воспринимал, в том числе и он сам. Роберт еще, помнится, не упускал случая на эту тему проехаться...Где все это было? Куда и зачем мы шли? И еще выходит, что тогда я был связан с Институтом.

Это было у меня последней связной мыслью, а потом я соскользнул уже в полнейший бред, насколько я все это помню. Сначала передо мной колыхался какой-то серый занавес, потом вдруг оказалось, что я лежу в постели с Гельдой, но Гельда куда-то подевалась, а на ее месте возникла плотоядно ухмыляющаяся Амрата, во рту, полуоткрытом и слюнявом, только один зуб, длинный и кривой...Но уже нет ее, и на меня тупо смотрят бесцветные глазенки слабоумной из стойбища, она тянется ко мне. Пытаюсь отползти, спрятаться, но дальняя стена длинной и узкой комнаты обрушивается, и в проломе возникает Каменный Даэл. Его лицо — шербатый гранит — поворачивается ко мне, он звучно декламирует:

— Два месяца, как умер! Двух не будет! Нет месяца, но целы башмаки! — и с этими словами запускает мне в голову каменным башмаком.

Наверно, я и в самом деле получил чем-нибудь по башке — веткой, а может, шишкой, — только весь этот кошмар вдруг уплыл в никуда, и я обнаружил, что все еще сижу в седле, повалившись на лошадиную шею, поводья бессильно свисают. Не знаю, сколько ух времени я в отключке был, но как будто немного — все еще темно. Зато зрение обрело подобие резкости, и теперь я вижу, что места знакомые. Слева блестит сквозь редкий лес громадное водяное зеркало, а чуть впереди — возвышается сосна с тремя верхушками, похожая на закусившуюся вилку. Значит, база неподалеку — на берегу этого самого озера! Надо ж, попал, куда и хотел...Да еще и в таком состоянии — это просто чудо., мог ведь и

проехать дальше по тракту, а то и вообще в болото заехать... Это называется — пьяного бог бережет, а дурака судьба.

Я сполз с седла, подобрался к берегу и несколько минут жадно глотал божественную холодную воду, потом опустил лицо в мокрый ил, чувствуя, как остужается раскаленная голова. Ну вот, а теперь вперед.

До базы километра два — по прямой. На самом деле путь занял у меня почти час. Не доезжая метров сто, я спешился и повел коня в поводу. гадство, ноги подгибаются, голова как в огне, жар ежесекундно к глазам подкатывает. А зачем я вообще туда иду? Может, Малыш и Старый ждут меня, чтобы пристрелить? Ну, сейчас узнаем. У высокой температуры есть один плюс — все становится абсолютно пофиг...

Наконец я тихонько стукнул в дощатую дверь. Тишина. Да что они там, повымерли, что ли? Через бесконечную паузу раздался сонный голос Малыша:

— Кому там что надо в такое время?

Будто я не знаю, что Малыш сейчас предельно собран и в руках у него заряженный арбалет! Вместо ответа я тихо и хрипло пропел:

— И налево наша рать, и направо наша рать,

Хорошо с перепою мечом помахать.

Дверь тут же распахнулась, свет заставил меня на мгновение зажмуриться, а потом я узрел Малыша во всем великолепии, и действительно, с арбалетом в руках, только направленным не на меня, а вниз. Малыш некоторое время разглядывал меня, словно не узнавая, а потом гаркнул:

— Елки-палки! Ученик Чародея собственной персоной!

— Не базлай об этом на весь лес, — выдавил я из себя, а потом освещенный прямоугольник двери косо поехал куда-то вбок.

Как я приложился башкой к порогу, я уже не почувствовал.

ГЛАВА 20.

Так, мыслю — значит, существую. А мыслю связно — значит, почти здоров. Но чувствую себя все равно полудохлым. Камень на мне, и это радует — значит, Орден до меня покуда не добрался, да и вообще никого, владеющего Силой поблизости не ощущается. Пистолета, правда, при мне нет, рубаха тоже куда-то подевалась, а на левом плече — плотная повязка. руки-ноги свободны, укрыт я чем-то наподобие одеяла, и башка совершенно ясная, следовательно, наркотиками меня не напичкали. Помнится, последнее, что я отразил — Малыш в дверях хибары у озера, а значит, вероятнее всего, в этой самой хибаре я и нахожусь. только не буду лучше пока что показывать, что оклемался — а вдруг у моей постели сиделку изображает Дэн с автоматом? Очень неловко получиться может... Хотя не думаю, чтоб Дэн стал меня перевязывать, а если б чем-то и укрыл — то с головой. И вечно валяться с закрытыми глазами тоже не станешь, так что имеет смысл глянуть, что вокруг творится.

Я приоткрыл один глаз и тут же увидел Малыша — он восседал за столом, с кружкой и трубкой, нога на ногу. Мирная картинка, прямо куда бежать... Я приподнялся:

— Привет. Может, выпивкой поделишься?

Он ослабил и гаркнул:

— Смотри-ка, действительно Ученик Чародея! Очухаться толком не успел, и сразу за кружку!

— Значит, точно он, — откликнулся женский голос из-за перегородки. Знакомый какой-то голос... Я спустил ноги с топчана:

— Извините, что о визите не предупредил... А жратва у вас есть? А то я сутки с лишним ничего не хавал.

А в следующий момент я отвесил челюсть и дико вытаращил глаза — из-за дощатой перегородки показался Старый, а за ним....

— Ларико! Карцева, квадратный корень, тебя-то как сюда занесло?

Короткий удивленный взгляд на меня, легкое движение бровей, моментальная, почти незаметная оглядка на Малыша и Старого, и:

— Так уж получилось.

Ого! Похоже, дело тут не совсем чисто — когда человека не первый год знаешь, такие движения кой о чем говорят. Она явно удивлена моим вопросом, но не хочет меня выдавать в присутствии Малыша и Старого.

А Старый тоже вскинул брови:

— Так вы и в самом деле знакомы?

— Я ж тебе говорила! Ничуть не изменился, все тот же алкаш. Одно слово — Ордынцев.

— Как ты вообще сюда прийти додумался? — Старый хмурился и разглядывал меня. — Тебя же ищут.

— Уж это я знаю... Надеюсь, вы с меня скальп снимать не собираетесь?

— Там посмотрим на твое поведение, — ухмыльнулся Малыш. — как ты досюда добрался-то?

— Потом, все потом. Тут что-то звучало о еде... Да, а в отрубе я долго провалялся?

— Почти сутки. Ларико тебя антибиотиками напичкала, — Старый посмотрел на мое забинтованное плечо. — А где это тебя так располосовали?

— С оборотнем не поладил. Он почему-то решил, что может мной поужинать.

— А пушку где раздобыл? — заинтересованно осведомился Малыш, плюхая на стол деревянную миску с хлебом, сыром и холодным мясом. Я промямлил с набитым ртом:

— Подарили... — потом проглотил кусок. — Да, честно говоря, я вас тут и застать не надеялся.

— А что? — я почти физически ощутил, как взгляды Малыша и Старого скрестились на мне. Прямо как два клинка...

— Вам что — Друг Апачей ничего не передавал?

Взгляд Малыша стал жестким:

— Слушай, ученик Чародея, вот таких сказок не надо. Мы знаем, что такое он, и знаем, что такое ты, иначе б ты тут с нами не сидел.

— Мы знаем, тебе пришлось защищаться, — усмешка Старого как-то очень мне не понравилась. Я чуть не поперхнулся вином, отставил кружку:

— Вы что — хотите сказать, он мертв?

— Застрелен из пистолета. Перед смертью его допрашивали, — Старый буквально сверлил меня глазами. Вот это уже номер...

— И давно?

— Недели три назад. В предгорьях Свинцового.

— Я его действительно встречал там, и примерно в это время. И он действительно пытался меня заколбасить, но расстались мы с ним нормально. Я хочу сказать, он был в полном здравии, и даже пообещал вам от меня весточку передать.

Малыш со Старым снова переглянулись, теперь, к моему облегчению, в их взглядах явственно сквозило недоумение. Ларико вообще стушевалась. Ну, кажется, обойдется без очередной жестокой разборки...

— И что за весточка? — наконец осторожно спросил Старый.

— Поганая весточка, прямо скажем. Орден открывает охотничий сезон на вас. В смысле, на Пришлых.

— Думаешь, нашего морпеха в рамках этой охоты пристукнули? а откуда у Орденских пушка?

— Его и не орденцы шлепнуть могли... А откуда, кстати, информация?

— От Дэна.

Я мысленно выругался, потом повернулся к Малышу:

— Это он вам идею подкинул, что Друга Апачей я пристукнул?

Малыш пожал плечами:

— Он сказал, вроде больше некому.

М-да, получается красотища просто бешеная... Сначала выясняется, что Вигана я убил, теперь — Друга Апачей, да еще и смерть Аллена наверняка на меня списали.

— Ты, главное, не пугайся, — усмехнулся Старый. — Мы в курсе, какая за тебя награда. Скажи, только честно: после того, как он ее заработать попытался, тебе пришлось его грохнуть? В порядке самообороны.

Я криво улыбнулся:

— На пушку берешь, гражданин начальник... Слово Чародея, не убивал я его, а отправил сюда. Просто какая-то сволочь решила на меня всех собак повесить.

— Интересное кино... — протянул Малыш. — Охота, говоришь, на Пришлых? Дэн-то в курсе?

— Очень может быть. Он действовал заодно с Магистром, который за этими приготовлениями стоит.

— Ну и что ты собираешься дальше делать? — Ларико в своем репертуаре — вроде, нормальный конкретный вопрос, а попробуйте-ка на него ответить... Я отхлебнул вина и промямлил:

— Ну, не знаю... Поищу, где отсидеться можно. Вас я предупредил. Да, кстати: лишнего меча у вас нет?

— А свой-то ты где оставил? — поинтересовался Малыш.

— В железном ящере.

— Ну, как всегда, — Ларико указала на меня. — Где большая заваруха, без Ордынцева не обошлось. Рассказал бы хоть, что с тобой такое произошло.

— Ладно, так и быть, — притворно вздохнул я, а потом принялся вкратце излагать историю своих походов с того момента, когда я покинул базу.

Рассказ получился гораздо более долгим и красочным, чем предполагалось. Старый поначалу пытался влезать с ехидными вопросами, но Малыш и Ларико всякий раз на него шикали, а Малыш при этом не забывал подливать вина в мою кружку. Я почти ничего не опустил, разве что не стал упоминать о Германе — мало ли что может случиться, а подставлять его мен бы очень не хотелось. К тому же под конец рассказа Старый тоже слушал меня, открыв рот. Наконец я выхлебнул остатки вина из кружки и сообщил:

— Таким образом, братишки-сестренки, за мной сейчас охотятся целых три влиятельных корпорации, и задерживаться у вас мне никак не стоит, чтоб и вас за компанию не прихлопнули.

У Ларико глаза так и сияли:

— Ну, ты просто сам себя превзошел! Это сказка какая-то!

— Подальше б от таких сказочек, — мрачно буркнул Малыш. — Да, Ученик Чародея, влетел ты основательно, сдается мне.

— Основательней некуда, — подтвердил Старый. — Вот что ты мне скажи: то, что с тобой было до тех четырех лет, которые у тебя по твоим словам затерты, ты что-то помнишь?

— Достаточно отчетливо... Насколько это возможно, естественно.

— Так, — он повернулся к Ларико. — А ты с ним когда и где познакомилась?

— В Бурге, года четыре назад.

— Ага... — Старый что-то покумекал, снова повернулся ко мне. — А ты обстоятельства вашего знакомства помнишь?

— Отлично, — несмотря на следовательский тон Старого я усмехнулся, но он оставался серьезным:

— Рассказывай.

Ларико открыла было рот в мою поддержку, но Старый жестом остановил ее:

— Пусть расскажет сам.

— Ну... — я поскреб бороду, припоминая. Если им это почему-то важно, припоминать

надо любую мелочь. — Дело было, как сейчас помню, на дне рождения Черныша, пьянка была величайшая, дым коромыслом. Доктор Хэш выкинул из окна все пепельницы, кроме одной — я ее берег, как зенницу ока. Ты пыталась его салатом обстрелять, но попала почему-то в меня, Черныш залез под кровать и там уснул. Потом мы с тобой допивали на кухне, я тебе еще всякие красивые слова про театр говорил...

— И еле держался на табурете.

— Ну, ты не забывай — до кухни тебя донес именно я. Еще мыкался Зингельшухер, пытался пристроиться к тебе, потом, с горя, вероятно, ко мне, потом обиделся на всех, ушел в прихожую, а там укрылся детским велосипедом и заснул.

— Достаточно, — жестом остановил меня Старый. — Все было, как он рассказывает?

— В точности, — кивнула Ларико.

Малыш укоризненно уставился на него:

— Видишь? Получается два варианта: либо они сговорились, либо Дэн врет.

— Ну-ка, ну-ка, а что врет Дэн? — я даже перестал набивать трубку.

— Видишь ли, в связи с тем, что ты сейчас нам рассказал, все это белыми нитками шито, — раздумчиво произнес Старый. — Нам он еще до того, как ты тут появился, дал на твой счет инструкции и кое-какие разъяснения.

— Инструкции — вроде того, что я не должен знать об Институте?

— Вроде. И мотивировал это тем, что ты...как бы тебе сказать, чтоб не обидеть...в общем, не человек.

Я обалдело потряс головой, заглянул зачем-то в пустую кружку. Это уж совсем дивно получается...

— И кто же я в таком случае? Паштет из медвежьей печени? Зверь из моря?

— По версии Дэна — что-то наподобие андроида. Искусственная личность. Экспериментальный образец.

Я закрыл лицо ладонями и несколько раз глубоко вздохнул. Нет, если обо мне такие байки ходят, неудивительно, что меня убить считается большой заслугой! Вышел из-под контроля опаснейший андроид...Но ведь это ж настоящий бред сивой кобылы!

— Слушайте, мужики, вы-то сами в это верите? — я поднял голову, обвел их взглядом. Вы ж меня два месяца натаскивали...

— Понимаешь, — Старый выглядит даже слегка виноватым — непривычное зрелище, — об искусственных личностях мне лично известно очень мало. Но могу сказать одно: четыре года назад эти разработки только начинались, так что будь ты из них, ты б вряд ли что-то помнил. Да и обстоятельства вашего с Ларико знакомства вы до мелочей одинаково запомнили. Так что тут Дэн наврал.

— Спасибо на добром слове, — горько усмехнулся я. — Для начала выяснилось, что я диверсант, потом — андроид...А дальше меня в космические пришельцы зачислят.

— Сказали же тебе — не андроид ты, так что не психуй, — напустилась на меня Ларико. Так, а вот в начале нашего разговора некая странность присутствовала. Проясним:

— Да, мать, а ты давно здесь?

— Две недели.

— Так... — я чуть подался вперед. — А теперь — только честно и откровенно: когда ты меня в последний раз видела?

Малыш и Старый повернули головы ко мне. Явно не понимают, что я имею в виду. Ничего, сейчас поймут.

А Ларико показала мне еще более озадаченной — посмотрела на меня, как на идиота и пробормотала:

— Две недели назад. Перед перебросом сюда.

— Во время этого разговора я вел себя странно? — это прозвучало не как вопрос, а как утверждение. — Выкладывай все, как есть. Мне это очень важно.

— Да как тебе сказать...Сначала ты от меня шарахался и делал вид, что мы незнакомы, А потом прискакал весь в мыле и сообщил, что мне надо срочно когти рвать, если жить хочу.

— При этом я был должен послужить косвенной причиной твоей смерти? — снова вопрос-утверждение. Ларико в упор уста-вилась на меня:

— Так ты это помнишь?

— Нет. Я об этом догадываюсь, — отрезал я и тут же задал следующий вопрос, холодно разыгрывая свою партию:

— Во время этого разговора я был один?

— Нет. С тобой еще один человек был.

— Опиши.

— Слушай, а чего это ты меня допрашиваешь?

— Это очень важно. Ты ж меня знаешь... Как он выглядел?

— Чуть повыше тебя, в очках, волосы светлые, еще вьются слегка... По роже — типичный бабник, косит под Джеймса Бонда...

— Вот! — я вскинул палец и посмотрел на Малыша и Старого. — А теперь, о дружина и братие, вопрос на засыпку...

— Дэн, — коротко уронил Малыш и запустил пятерню в рыжую гриву. — Нет, дурдом какой-то...

— Ничего не понимаю, — пробормотал Старый. — Если то, что ты рассказываешь, правда...

— Мне такого и за десять лет не сочинить.

— Следовательно, с ней имел дело твой двойник, а следовательно, Дэн убирает с глаз долой всех, кто может допереть, что ты, который там — не настоящий... Бред.

— Погодите, — взвилась Ларико. — Мне-то хоть объясните, что там произошло!

— Произошло то, родная, — веско растолковал я, — что нас с тобой премило разыграли друг через друга. Вот только зачем?

— Ладно, гадай, не гадай — все равно ошибешься, — Малыш как всегда практичен. — Старый, давай-ка ему подарочек пере-дадим.

— Какой еще подарочек?

— Магистр твой тут приезжал, — пояснил Старый. Оп-па! Если Даэл тут побывал, жди каверзы. Я осторожно уточнил:

— Такой маленький, бородатый?

— Да нет, — отмахнулся Малыш. — Тот, который тебя от нас забрал, длинный и горбатый, как кочерга. Прискакал весь в мыле, как его лошадь, морда черной тряпкой замотана, сходу заорал, что мы его не видели, а потом велел при встрече передать тебе сверток. не знаю, что там, вероятно, что-то полезное.

— Интересно, — пробормотал я, Старый снялся с места и исчез за перегородкой, но почти сразу оттуда появился с длинным, больше метра, свертком черной ткани. он протянул его мне:

— Вот. Похоже, оружие.

Я эту штуку брать не торопился. Любое оружие, особенно Чародейское — палка о двух концах, а в этой вещи я чувствую Силу.

Наконец я протянул руку. Какого черта, волков бояться — в лес не ходить. К тому же я самый любознательный человек, хотя это когда-нибудь меня и погубит. Ничего не произошло. А предмет в свертке, похоже, металлический. И Силу так и излучает...

— Вот что, ребята, я эту фигню на улице вскрою, а вы держитесь подальше.

— Бомба? — усмехнулся Старый, я кивнул:

— Очень может быть. И взрыватель в таком случае настроен на меня, — потом поднялся, вышел из хижины, отошел метров на пять и развернул сверток. Так и есть, меч. Нормальный, "полторы руки", в истертых кожаных ножнах. Рукоять явно из накладного серебра, работа тончайшая, прямо-таки филигрань... Но вот это как раз не главное. Всякие чародейские вещицы, в частности, Камни и заговоренные мечи, очень не любят, когда их берет в руки кто-то, кому этого делать не положено. Последствия — самые разнообразные, вплоть до грома с молнией...

Я поводил над мечом руками, задержал ладонь над эфесом, ловя эманации. Непохоже, что этот меч должен меня убить. И как-то не чувствую я, что у него в данный момент есть хозяин. Чужая душа, конечно, потемки, а в особенности — душа Магистра Ордена Чародеев, но насколько я Грентвига знаю, столь многоходовое свинство как-то не в его характере. набрав в грудь воздуха и зажмурившись, я взялся за рукоять меча.

Шарахнуло, конечно, как от небольшого конденсатора, но я вздохнул с облегчением, когда меня перестало трясти. Вот теперь я этот меч чувствую. Для полной настройки должно, конечно, некоторое время пройти...Ладно, не буду пока с выводами спешить, лучше попробую вытащить его из ножен. Если я и при этом жив останусь, тогда все в порядке. Так, вытащил. Жив. Тогда можно и рассмотреть повнимательней, что за сувенир мне Грентвиг прислал. Баланс, вроде, приличный, и даже очень. Правда, чуть легче того, к какому я привык, но это уже детали, и вообще дареному коню в зубы не смотрят. Клинок вороненый, на нем — серебряный узор. И, если не ошибаюсь, не просто узор, а руны. Значит, с именем клинок...А имя у него...Хельмберт!

Я выписал мечом пару восьмерок в воздухе, забросил его в ножны и испустил победный вопль. В открывшуюся дверь тут же выставились все, и Малыш осведомился:

— Что орешь, как больной слон?

— Да ты только посмотри, дубина! Это ж царский подарок!

— Клинок, похоже, приличный, — сдержанно одобрил Старый.

— Да этот меч стоит всей вашей халупы вместе со всеми обитателями! Клинок с именем, да еще и с биографией, таких на всю Империю, плюс Гэлфост, плюс Ториан, плюс восточные земли — от силы десятка полтора.

Старый присвистнул, а Малыш снова вернулся к делам практическим:

— Такое дело надо обмыть.

— Вино закончилось, — сообщила Ларико.

— Ерунда. Старый, у тебя ведь есть? Давай, давай, крутись!

— Ладно, пейте мою кровь, — Старый ушил за перегородку и принялся там чем-то греметь. Ларико покрутила головой:

— И мечи с именами...Прямо фантастика.

— Ага, — хмуро согласился я. — Только куда посерьезней и на собственной шкуре. Вы не забудьте, скоро Братство до меня добираться начнет.

— Ну, не все так плохо, — Старый вышел из-за перегородки с кувшином, плеснул понемногу в кружки. — Раз меч даже не простой, значит, этот Магистр на тебя какие-то виды имеет.

— Знать бы еще, какие...

— Ну, это, по-моему, не так важно, — вмешался Малыш. — Главное — не все тут твоей смерти хотят. Кстати, дай оружие поглядеть.

— Не могу. Он тебя шарахнуть может.

— Тогда расскажи хоть, что в нем, кроме имени и приличной стали, заложено?

— Это пожалуйста. В общем, изготовили эту штуку во время Напасти, так что предназначен он в основном против нежити, но, как справедливо заметил Малыш, сталь вполне приличная и баланс великолепный. Обладает свойством усиливать...Ну, скажем так, чародейский импульс, уж не знаю, насколько, и, что ценно, знает хозяина.

— Серьезная штука, — одобрительно заметил Малыш. — Ладно, выпьем, что ли?

В кружке оказалась довольно крепкая самогонка, даже в башке слегка зашумело. Я поспешно отгрыз кусок хлеба.

— Ладно, орлы...А теперь, может, попробуете меня просветить насчет этих искусственных личностей?

— Тебе ж ясно сказали, ерунда это, — терпеливо объяснил Малыш, я помотал головой:

— Извините, тут что-то не вяжется. Я Дэна знаю на первый год, и он не дурак. Кто угодно, но не дурак. И вот, он рассказывает про меня сказки...

— И тут же присылает нам возможность убедиться, что все это туфта, — подхватил

Старый, указывая глазами на Ларико. — А сможет, его интересы не в этом, а в том мире?

— На самом деле вся разница между мной и двойником в том, что я Силой владею, а он нет.

— Забавно получается, — Малыш плеснул в кружки по новой. — Большие шишки явно хотят какие-то хвосты спрятать. Но вот какие именно? И куда?

— Дело тут сводится к следующему: мне предстоит раскопать свое прошлое. Разгадки этих приколов со мной должны быть там, — я снова выплеснул в глотку содержимое кружки и принялся набивать трубку.

На некоторое время все замолкли, потом Ларико осторожно спросила:

— Ордынцев, а зачем тебе это? Может, не имеет смысла старые дела ворошить — мало ли, на что там нарвешься? Судя по всему, у тебя там мало приятного было. А вдруг на такое наткнешься, от чего потом с ума сойдешь?

— Очень может быть, — протянул я. — Да, скелет в шкафу, согласен... Но это мой скелет... То есть, я не то хотел сказать, я хотел сказать, что у меня из жизни вычеркнули четыре года, и в течение этих четырех лет какая-то сволочь меня использовала по неизвестному предназначению, и я этого так оставлять не собираюсь, — м-да, набрамшись я уже основательно — появляется желание говорить на басах и выпячивать челюсть...

Старый, откинувшись к стене и попыхивая трубкой, внимательно разглядывал меня сквозь прищур:

— Да, пожалуй, опасный ты человек...

— Точно, — подтвердил я. — Знаешь, вот так вот, задним числом, лучше б мне сюда не приходиться. Вы же, вроде как, пристукнуть меня должны, верно?

— Кому должны? — Старый резко подался вперед и выругался — длинно и зло. Мы с Малышом выпучили на него глаза — уж Старый-то никогда любителем крепких выражений не был, хотя чаще всего выходил победителем из их словесных баталий, это я и Малыш — матершинники, каких еще поискать. Если честно, я впервые от Старого такую нецензурщину услышал.

А он обвел нас взглядом, криво усмехнулся:

— Ну, чего уставились? Сколько здесь сижу уж сколько лет, и все от кого-нибудь, да слышу: "Должен, должен..." А как быть, если я у этих тварей ничего не занимал? — он плеснул в кружки по солидной порции. — И в конце концов, когда-то надо назвать вещи своими именами, например, дерьмо — дерьмом.

Похоже, Старого крепко допекли — насколько я его помню, он всегда был спокойным, очень сдержанным и ироничным... Малыш похлопал его по плечу:

— Тихо, тихо, не заводись.

— А я и не заводюсь, — Старый обрел внешнее спокойствие и положил руку на плечо Ларико. — Просто нашим с тобой подопечным пора кое о чем узнать.

— Говорят тебе, не заводись, — негромко повторил Малыш, но Старый только отмахнулся:

— Не такой уж это секрет, а Ученик Чародея сам бы вскорости выяснил, что такое служба безопасности...

— Мы-то у них под колпаком...

— Думаю, ты меня закладывать не станешь?

— Так что мы узнать должны? — нетерпеливо прервала Ларико.

— Например, то, что средний срок жизни агента-смертника в этом мире — полтора года.

— Среднее арифметическое, — пояснил Малыш. — Натягивается за счет долгожителей, вроде нас.

— И агентов-женщин на моей памяти еще не было, — кивнул Старый.

— А мне, кстати, насчет агентурной работы и словом не обмолвились, — напомнила Ларико. Старый улыбнулся ей своей обычной, чуть иронической улыбкой:

— Что и делает данную историю особо интересной... Хотя речь-то о другом. О том, что

по количеству смертников этот мир очень похож на гигантский штрафбат. Кто сюда попадает? Те, кто провалился в других мирах — вроде меня. Кто самодостаточно вышел на институтскую агентуру — вроде Малыша...И вроде тебя, Ученик Чародея, из тех, за кем числится в прошлом некое дело, которое институтским шишкам очень хотелось бы скрыть. В общем, ссыльные, которым дается возможность пожить еще немного — и послужить на пользу Института. Сам понимаешь, об элитных командах речи нет — та же СБ, те же полевые группы...

— В Белых Пещерах, например, — зло усмехнулся я.

— Например. И группы очень неоднородны, вернее, у них разные цели и задачи, так что разборки и между ними возникают.

— Межмировые трения? — рискнул предположить я.

— Ни фиги подобного, там если что-то и возникает, то сор из избы стараются не выносить. Уровень трений — внутриинститутский — экологи цапаются с историками, паранормальщики — с вояками и СБ...Вот, кстати, между последней парочкой разборки наиболее вероятны.

Я подмигнул Ларико:

— Опять все как в кино.

— Не совсем понимаю.

— Ну, как у нас в России гебисты не любят всяких ГРУ-стных товарищей...Или типа ЦРУ и ФБР.

— Да не так просто, — ухмыльнулся Старый. — А судя по тому, как за тобой погнались, ты и для тех и для других опасность представляешь

Я невесело рассмеялся:

— Жаль, что тут не кино...А то б я их попробовал лбами столкнуть, типа "крокодилам положено жрать друг друга"...

— Я уж и слов-то таких не помню — "кино"-, усмехнулся Малыш. — А ты не думал на грунт залечь?

— Пробовал. Как видишь, подняли.

— А чем тебе эти твои Серые не нравятся?

— А чем вам не нравится СБ?

— Да, кажется, у вас тут не соскучишься..._ мрачно пробормотала Ларико. — Уж на что «там» гадости хватает, а тут...Кого-то убить — в порядке вещей.

— Ничего, привыкнешь, — посулил Старый. — Только держись от этих склок подальше, а? Та еще мясорубка...

— И в чародейские дела нос не суй, — поддержал я. Ларико, похоже, хотела высказать какую-то резкость, но воздержалась, глядя на наши похоронные физиономии.

Некоторое время помолчали, потом Малыш широко зевнул и подвел итог:

— Ладно, выпили, потрепались, а теперь не пора ли на боковую? Давайте еще по одной, и баиньки, а завтра еще раз все на трезвую голову обговорим.

Совет Малыша приняли все. Я уже собирался устраиваться на крытой шкурами лавке, когда Малыш неожиданно повернулся ко мне:

— Держи, только в белый свет как в копеечку не пали, — и переброем мне мой пистолет. Я кивком поблагодарил его — слов не нашлось. такой ход стоит на порядок дороже любых заверений в дружбе...

Я пристроил ствол под импровизированную подушку, потом накрылся остатками баронского плаща и некоторое время пытался обдумать услышанное, но мысли постоянно ускользали — жутко хотелось спать, к тому же мешала возня, начавшаяся за дощатой перегородкой, когда туда удалились Ларико и Старый. Спать я сначала даже обиделся, но вовремя себя одернул — не ждал же я, что Ларико у меня на шее повиснет, стоит мне появиться? К тому же, инструктор Института по технике выживания — прикрытие более надежное, чем отлученный орденец, которого в среднем раза три в неделю пытаются грохнуть. Ладно, какую-то сноровку в залегании на грунт, а так же в более активных методах

защиты я приобрел, будем надеяться...

Я еще немного покрутился с боку на бок, но зеленый змей победил, и я вскоре перестал слышать даже богатырский храп Малыша.

ГЛАВА 21.

Пойло Старого обладало одним замечательным, вернее — примечательным свойством: наутро после него тяжело просыпаться, а потом еще тяжелей вспомнить, где находишься. Мне все это удалось сравнительно быстро, но открывать глаза я не торопился, просто лежал, прислушивался и вдыхал запах какой-то готовящейся еды. Идиллию нарушил громкий голос Ларико:

— Эй, желудки, всавайте, а то жрать не дам!

Не открывая глаз, я пробормотал:

— Если сама все слопаешь, заворот кишок тут не лечат.

— А ты, говорилка, помалкивай, а то схлопочешь овсянкой по физиономии.

— Я тебя тоже люблю.

Малыш, приоткрыв один глаз, пробормотал:

— Разорались с утра пораньше... И так тяжело.

Я сел, изобразил самую елеиную улыбку и осведомился вкрадчиво:

— Малыш... Я давно спросить хотел, но вот никак собраться не мог... Ты, случайно, не знаешь, что такое отходняк?

В следующую секунду мне пришлось уворачиваться от подушки, пущенной могучей Малышовской рукой. Уклонился я успешно, но ветхая ткань лопнула, и мне на голову вывалилась целая куча перьев, сена и какой-то трухи. Я, матерясь, принялся стряхивать с себя эту дрянь, а Малыш пришел в веселое расположение духа и теперь оглашал хижину звуками случного стойла. Ларико уступала ему только в громкости, а Старый, выбравшись из своего закутка, ржал настолько неприлично, что я не выдержал и сунул ему за шиворот пригоршню перьев. Ларико тут же завопила, что заставит меня слопать каждое найденое в каше перо — в общем, всем почему-то стало очень весело. Когда ржание несколько улеглось, я направился к стоящему в углу бочонку с водой — слегка смочить глотку.

Я уже успел набрать воды в кружку, когда почувствовал что-то нездоровое — Малыш подозрительно притих. Значит, жди очередных проявлений тонкого юмора...

Я резко повернулся, расплескивая воду — и только в следующую секунду понял, что это спасло мне жизнь. Тонко звякнуло оконное стекло, пуля вышибла кружку у меня из руки и вошла, отбив щепку, в пол метра в полутора от окна. Старый четким, отработанным движением сшиб Ларико за печку и метнулся подкрытие стены слева от окна, Малыш моментально оказался справа, а я обнаружил, что скорчился в три погибели под самым окном и в руках у меня ствол. Значит, в подобных ситуациях мне уже бывать приходилось. Живучи рефлекс...

Малыш недовольно пробурчал:

— Интересно, какая там сволочь развлекается? Да еще с винтовкой...

— Выясним, — Старый перебрросил Малышу кочергу. — Проверь выход.

Малыш кивнул и медленно пошел вдоль стены, сжимая в руках кочергу и стараясь не оказаться напротив окна, я тоже отодвинулся, чтоб не попасть в возможный сектор обстрела. А в следующий момент Малыш резким ударом распахнул дверь и отскочил, прижавшись к стене. По дверному проему звонко хлестнула автоматная очередь, сметая со стола глиняную посуду, а с востока, со стороны окна, щелкнул еще один винтовочный выстрел, пуля снова брякнула стеклом, срикошетила о печку и взвыв, как злой шершень, ушла в потолок.

На некоторое время повисло молчание, слышно было только как из прошитого очередью бочонка течет на пол вода. наконец Старый зло сплюнул:

— Значит, их там не меньше двух...

Малыш буркнул:

— Я, конечно, все понимаю, но зачем же посуду бить? Как насчет их вежливости поучить?

— Надо бы, — пропыхтел Старый, отодвигая в сторону какой-то сундук. — Сейчас схожу.

— Каким образом? — я показал глазами на окно и дверь. Старый усмехнулся:

— Когда на одном месте долго сидишь, поневоле окапываешься, — он уже разобрал какие-то доски, открывая узкий лаз в полу, потом спрыгнул в него, через минуту вынырнул и перебросил Малышу короткоствольный автомат:

— Прикроешь. Попробую с типом на выстоке разобраться. А ты, Ученик Чародея, со своей пукалкой не высовывайся, держи дверь. Малыш, ножичек!

Малыш перебросил ему длинный кинжал, висевший у пояса. Я попробовал вмешаться:

— Не порите горячку. Им нужен я.

— Сиди, сказано, — Старый исчез в дыре.

— У вас и автоматы, оказывается, есть, — подала голос Ларико. Малыш подмигнул:

— У нас много чего есть... — и передвинулся поближе к окну, я переместился к двери, сжав рукоятку пистолета обеими руками. Вот гадство, ладони вспотели... От волнения, что ли? А чего тут волноваться? Ну, убить пытаются, пора бы и привыкнуть.

— И часто вы тут так развлекаетесь? — любопытствовала Ларико.

— Обычно только по субботам, — Малыш высадил стволом остатки стекла, автомат заплесал, сплевывая стрелянные гильзы. — На сей раз фейерверк для тебя специально... — он пригнулся, снова ударила винтовка, пуля отколола щепку от перегородки в метре от моей головы. А вот автоматные очереди ближе звучат, гадом буду... Надо хоть посильный вклад внести, чтоб этому стрелку жизнь медом не казалась.

Бросаюсь на пол, перекатываюсь, в перекате выпускаю пулю в дверной проем. Винтовка и автомат откликаются одновременно, вижу, как Малыш перемещается на другую сторону окна, снова выставляет автомат, чуть завалив его влево, выпускает короткую очередь, пригибается. Снова автоматная очередь, потом — винтовочный выстрел, на сей раз не по нам, где-то выше — и тишина.

Малыш некоторое время недоверчиво прислушивался, потом протянул руку чуть не до середины комнаты, подобрал кочергу, пошарил глазами, надел на нее стоящий на полу кувшин и несколько раз быстро провел ей перед окном. Тишина. Я вопросительно глянул на него, он пробормотал:

— Сдается мне, этих орлов стало на два меньше. Сейчас проверю.

— Это как?

— Пойду прогуляюсь. Сколько у тебя еще патронов?

— Два.

— Да, не густо... Ладно, не скучайте, — Малыш подобрался к двери, выбросился наружу одним мощным прыжком, несколько раз перекатился и исчез из виду. Тишина. Я сглотнул слюну:

— Кажется, отбились. Ладно, сиди покуда где сидишь, — Ларико как раз попыталась подняться из того закутка, куда зашвырнул ее Старый. Несколько бледновато она выглядит, но спокойна. Помнится, и «там» у нее не было привычки в кризисных ситуациях психовать...

Где-то минуты через две напряженного молчания послышался голос Малыша:

— Эй, там! Не стреляйте, это мы.

Я осторожно опустил курок пистолета, запер предохранитель:

— Ну заходите, раз пришли.

Малыш ввалился первым и рухнул на топчан, бросив автомат рядом с собой:

— Ну вот и повеселились...

Старый был настроен более мрачно, хотя за плечами у него висел трофей — длинная винтовка с оптическим прицелом. Он бережно поставил ее в угол:

— В другой раз будешь развлекаться — смотри, куда палишь. Возьми ты сантиметров

на пятнадцать пониже — и что бы вы тогда делали?

— Я бы извинился, — на голубом глазу ответил Малыш. Старый выложил на стол еще один трофей — помятую пачку сигарет:

— Тому снайперу они уже не понадобятся.

Сигарет оказалось как раз четыре.

После пары основательных затяжек я наконец заговорил:

— Ладно, в общем и целом дело сводится к следующему: меня засекли, и надо драпать, причем чем быстрее тем лучше. Сейчас соберусь и двину. Извините, что так вышло.

— Да не торопись, — прогудел Малыш, задрав бороду к потолку и пуская колечки. — Мы ж их исполнили...

— Ты так думаешь? — Старый шурился сквозь дым, лицо его выглядело очень сосредоточенным и даже более жестким, чем обычно, в углах рта залегли напряженные складки.

— А что? — Малыш повернул к нему голову. надо внести ясность:

— Такие штучки, — я кивнул на винтовку, — только у институтских водятся, значит, они меня вычислили. После того, как я свалю, вас оставят в покое.

Старый резко мотнул головой:

— Сматываться надо всем.

— Как?! — Малыш спустил с топчана ноги и рывком сел.

— Быстро, — любезно растолковал Старый.

— Но Ученик Чародея...

— Только одна из мишеней. — Старый чуть повысил голос. — Охоться они только за тобой — какой им смысл хижину обстреливать? Ты что — до ветру не ходишь? А с такой оптикой тебя снять — делать нечего.

— Логично, — сквозь зубы согласился я. Старый продолжал спокойно, будто речь вообще о чем-то постороннем:

— Далее, этот твой Магистр Даэл, или как его там, планирует охоту на Пришлых, но неизвестно, когда он планировал ее начать, так что сейчас вполне может наступить этот гипотетический "час икс", и он со своих орлов намордники снял. Сам он Пришлый, так что огнестрельное оружие у него может быть. А о нашей базе он знает, так что мы в списке мишеней.

Теперь нахмурился и Малыш, переложил автомат на колено:

— Допустим.

— Даэл — вряд ли, — вмешался я. — С Чародеями вы бы хрен справились, даже с одним бы поплюхаться пришлось. В Ордене, знаете, тоже не кисейные барышни, и уж Чародеев-киллеров вполне можно найти.

— Пусть так, — миролюбиво согласился Старый. — А теперь, малыш, подумай вот о чем: после Ученика Чародея сколько у нас было учеников? Только тот дикий десантник, в первые полгода. Потом — тишина, потом присылают Ларико, женщину. А под занавес появляются у нашего шалаша два придурка и без лишних слов принимаются палить во все, что шевелится. Что из этого следует?

— И что же?

— Вариантов, опять-таки, два: либо кто-то решил, что использовать смертников нерентабельно, и соответственно, инструктора, которые их обучают, лишние на этом празднике жизни, либо произошел передел сфер влияния, и теперь кто-то очищает плацдарм для своих кандидатур. Выбирай, какой больше нравится.

Малыш выругался, по-бычьему наклонил лохматую голову:

— Да, похоже, все об одном... Таких как мы в почетную отставку не увольняют.

Старый вздохнул, потом встряхнулся:

— И уматывать надо быстро, времени у нас не навалом.

— Это еще почему?

— По одной простой причине, — веско растолковал Старый. — Если б ты, Малыш, к

примеру, планировал налет на базу, где обитают два инструктора по выживанию и по всем видам убийства — ты б мог на то понадеяться, что два сопляка, пусть и с оружием, смогут их распатронить?

— Да еще если известно, что я здесь — так их не меньше двух десятков отправить должны, — я с уважением поглядел на Старого. нет, ребята, я б так не смог... Спустя пять минут после перестрелки просчитать все со скоростью компьютера и оставаться при этом спокойным, как дохлый лев...

Малыш, сосредоточенно хмурясь, что-то поприкидывал в уме:

— Пусть так. В этом случае они тут все законопатить должны, им здешние тропы не хуже нашего известны.

— Резонно, — кивнул Старый. — Но есть одно место, куда они не полезут.

— А именно?

— А ты подумай своей оранжевой тыквой. На всякий случай даю подсказку: они там могут утонуть.

— Болота, что ли?

— Догадливый растет... Далеко пойдешь, глаза стальные.

Малыш продолжал хмуриться:

— Так и мы с тем же успехом там потонуть можем.

Старый осклабился:

— Пока тут некоторые по окрестным хуторам пиво сосали да за девками бегали, один скромный труженик в топах тропу разведаль. Шоссе там, правда, проложить не успели, так что придется попотеть.

— Ладно, — Малыш поднялся, с хрустом потянулся. — С собой ничего, кроме припасов, полагаю, не берем?

— Угадал. Драпаем быстро и налегке. У нас, кажется, лошадь есть?

— Ага. Хорошо, хоть я о ней позаботился — напоил, накормил, вычистил... — Малыш повернулся ко мне:

— Твоя лошадка?

— Н-ну... Почти.

— Конокрад, — беззлобно проворчал он и выкатился.

— Лошадь, думаю, Ларико и мешки повезет? — предположил я, Старый повернулся к Ларико:

— Нет, в этом месте гении так и роятся! Оказывается, и у Чародеев мозги есть. Ладно, собирайся.

Ларико ушла за перегородку. За последние десять минут она ни слова не проронила, хотя и выглядит достаточно спокойно. Ну вот и боевое крещение для нее...

Я обернулся к Старому:

— Слушай, дай рубаху какую-нибудь, пуп прикрыть. А то от моей ничего не осталось, кикиморы засмеют.

— Ладно, грабитель, — Старый, сосредоточенно переключившись из сундука в мешок какую-то мелочь, перебрал мне что-то среднее между рубашкой и камзолом, застегивающееся массивными медными пряжками. — Доспехов не предлагаю, у нас только одна кольчуга, да и ту Малыш прибрал.

— Кто меня звал? — Малыш, возникший в дверях, великолепен, как сказочный богатырь — огненно-рыжая борода лопатой грозно встопорщена, кольчуга блестит, за поясом — внушительная секира... Только автомат несколько не из той оперы. Некоторое время он наблюдал, как я, тихонько ругаясь, вожусь с застежками, потом осведомился:

— И долго вы собираетесь копать?

— Готовы уже, — Старый поправил пояс с короткими мечами, опустил за голенище кинжал. — Ларико?

— Готова, — она появилась уже в высоких ботинках и сером плаще, Малыш одобрительно хмыкнул, окинул взглядом хижину и деловито осведомился:

— Может поджечь?

Старый покачал головой:

— Дым нас сразу выдаст. Они просекут, что у них сорвалось, а мы сваливаем.

Малыш с сожалением вздохнул:

— Жаль этим крокодилам оставлять...Ладно, пусть подавятся, — и вышел. Старый передал мне мешок — небольшой, но увесистый:

— Это ты потащишь.

— Годится, — я засунул в мешок свернутый плащ, поправил перевязь с Хельмбертом и повололся наружу.

Малыш уже стоял перед хижинкой, успокаивая лошадь:

— Хорошая скотинка, умница, умница...Только на ноги мне не наступай, пожалуйста...Да где там эти уроды со своими мешками?

Я вернулся за мешком Старого, Малыш навьючил их на лошадь. Старый вышел из хижинки, глянул на небо, посадил в седло Ларико и встал у правого стермени, я уцепился за левое. Малыш широко улыбнулся:

— А я, значит, впереди побегу? Я ж загоню бедное животное...Только скажите, куда теперь?

— Тропу к Беломшанникам знаешь?

— Ну.

— Так вот, не доходя сотни метров до развилка, сворачиваешь направо. Все, пошел.

Так я еще никогда не бегал. Первые несколько минут все это еще напоминало утреннюю пробежку трусцой, потом дыхалка начала засекается. Да еще и солнце палило нещадно, так что вскоре я перестал обращать внимание на все окружающее и сосредоточился на своем дыхании, стараясь удержать его хоть в каком-то ритме, а потом мне и на это стало наплевать. Я уже ничего не видел, кроме земли под ногами, несущейся навстречу, правая рука, которой я вцепился в стремя, онемела, пот стекал по спине ручьями, и, кажется, даже попал в ботинки — в них что-то противно хлюпало. Но что еще гаже — он попал и в рану, которая сразу начала дико саднить. Мыслей не осталось никаких, я просто переставлял ноги, чтоб не упасть — левая-правая, левая-правая...

Наконец, когда мне уже казалось, что у меня сейчас лопнут легкие или еще что-нибудь, и я свалюсь замертво, Старый хрипло выдохнул:

— Пришли!

Я не без усилия разжал затекшие пальцы и мешком повалился в траву. Сквозь частящие в ушах молоточки я расслышал, как рядом на землю плюхнулись еще два тела и шумно задышали. Вот это гоночка...

Когда дыхание стало более ровным, хотя и таким же частым, я рискнул открыть глаза и повернуться на бок. Да, зрелище мы представляем еще то! Малыш — тот ладно, тот хоть в сидячем положении удерживается, Старый раскинулся крестом, закинув ноги на какую-то корягу, а Ларико стоит чуть поодаль, упершись руками в колени, и лицо ее, словно ради контраста с нашими багровыми и потными рожками, бледное до зелени. перехватив мой взгляд, она вымученно улыбнулась:

— Морская болезнь...В жизни больше на такую животину не сяду.

— Не зарекайся, — не открывая глаз, предостерег Старый. — Может, еще амазонкой стать придется.

— Ага. И правую грудь отрезать. Сейчас, уже спешу.

Малыш перевел дыхание и усмехнулся:

— А недурной мы темп, однако, взяли. так нас нескоро догонят.

— Дальше-то хоть так бежать не придется? — мне кое-как удалось сесть.

— Так — не придется, — успокоил Старый. — Зато будет куда неприятней. И расслаживаться не стоит, в болотах лучше без погони за плечами топтать, а то и потонуть недолго.

Малыш недоверчиво нахмурился:

— Ты ж говорил — дорогу знаешь.

Старый усмехнулся:

— Вот чем мне эти болота нравятся — никто в них толком дороги не знает. Ладно, еще три минуты — и вперед.

— Ага... — пробормотал я и поднялся, чтобы развьючить лошадь. Может, и расседлать? Хотя нет, если барону посчастливится ее найти, я коня брал вместе с седлом. А вот подальше ее отогнать нехило было б, а то еще внимание привлечет. И лучше это с подключением Силы проделать.

На сей раз все прошло без проблем — лошади звери понятливые, с ними работать — одно удовольствие. Я просто напроосто передал в лошадиные мозги образ а-Смига и острое желание быть с хозяином, она послушно повернулась и затрусила прочь.

— Ого! — Малыш выкатил глаза. — Как это у тебя получилось?

— Могу показать, — ухмыльнулся я. — Правда, эта кобыла поумней некоторых...

— Не знаю, не знаю... Вы с ней, вроде, на равных общались.

— Ладно, орлы, — Старый рывком поднялся. — Пора.

Мы ответили дружным стоном, он усмехнулся, вскидывая на плечи мешок:

— Работайте, негры, солнце еще высоко.

— И далеко топать? — поинтересовалась Ларико. Еще не совсем оправилась после всех сегодняшних приключений... Старый не ответил — он ушил в заросли кустарника, через пару минут оттуда вылетела пара длинных, метра по два, жердей, а потом он и сам появился — задним ходом, волоча за собой еще две.

— Значит, каждый хватайте по этой палочке. Идти четко за мной, след в след. Шаг вправо, шаг влево...

— Считаю за попытку к бегству, — усмехнулась Ларико. Старый не был расположен шутить:

— И сообразить ничего не успеешь, в глубине окажешься. Малыш, идешь замыкающим, страхуешь Ларико. Ученик Чародея, тебя хоть страховать не надо?

— Не бойся, — усмехнулся Малыш. — Оно не тонет.

— И не горит, — я знаком поджег траву у его ног, Малыш подпрыгнул чуть не на метр.

— Ну вы. водо-огнеупорные, долго прохлаждаться собираетесь? Последняя инструкция: будете проваливаться — кладите шест поперек груди.

— Ладно, не учи ученого, — проворчал я, двинувшись вслед за Старым.

Не знаю, может, это и в самом деле была тропа — в таком случае она оказалась чересчур искусно замаскированной. Шли мы с интервалом шагов шесть, почва под ногами начала пружинить уже через пять минут, а потом из нее начала потихоньку выступать вода. Осока в человеческий рост, скрывающая с головой даже Малыша, только на вид казалась ломкой и чахлой, на самом деле резала она не хуже бритвы, и руки я себе тут же исполосовал в кровь. Очевидно, под переплетением корней и скрывалась трясина — земля под ногами ощутимо погулиwała, полное ощущение, что по батуту идешь...

Потом осока и камыши поредели, зато пошли мшистые ходуны, а потом — водяные окна, заросшие ряской. некоторые из них пришлось пересекать вброд — там вода поднималась почти до пояса, при каждом шаге на поверхности шоколадно-бурой жижи появлялись радужные пузыри, маслянистая пленка прилипала к одежде, каждый раз все трудней было выдирать ноги из сплетения корней.

Пекло немилосердно, раскаляло голову, солнце слепило глаза, отражаясь от поверхности воды, мешок, вроде бы довольно легкий вначале, с каждым шагом тяжелел, кожа под лямками зудела, болотная жижа, высыхая на одежде, делала ее жесткой, как накрахмаленная. Но все б ничего, если б в этой паскудной болотине не водилось такого количества всевозможных насекомых — от почти незаметных, забивающихся в нос, в уши, в глаза, под одежду, особенно в рукава, до здоровенных, чуть ли не с большой палец, рыжих и нахальных слепней. Воздух вокруг нас гудел, как высоковольтный трансформатор, разок, пробиваясь через переплетение осоки, мы испугнули целую тучу глянцевого-коричневых

мелких стрекоз и на какое-то время ослепли в живом пронзительно стрекочущем облаке...

За временем я не следил, просто у меня уже вошло в привычку отмечать его по Камню, так что с момента нашего выхода прошло часа четыре, когда мы выбрались на относительно сухое место, где росли даже какие-то чахлые ивы, и Старый объявил привал, после чего первым растянулся на земле, сбросив с плеч мешок. Мы с радостью последовали его примеру и тут же принялись ожесточенно чесаться — мошकारа в покое не оставляла ни на минуту. Не знаю уж как у меня, но у остальных вид был достаточно жалкий — мокрые, исцарапанные...

Мы выпили по глотку воды из фляжек и тут же, не сговариваясь, принялись набивать трубки. Дым помог мало — жужжащая туча продолжала колыхаться над нами. Малыш, ожесточенно, с каким-то мазохистским наслаждением, хлопая себя по шее, высказался:

— Гомосексомые, — а потом прибавил еще перочку словечек покрепче, мы ржнули. Старый, яростно расчесывая предплечье, оскалился:

— Черт бы этот Институт подрал! Шлют сюда все, от шнапса и презервативов до автоматов, а простого репеллента прислать не додумались.

— Тут, наверно, и змеи водятся? — Ларико с тревогой поглядывала на покрытую ряской гладь и островки камыша.

— Водятся, — успокоил Старый, потом рассмеялся, заметив, как у нас вытянулись рожи. — Да нет, сейчас их только дальше к западу встретить можно. А вот в августе...

Малыш встрепенулся:

— Ты что — хочешь сказать, мы тут до августа проторчим?

— Можно вообще подождать, пока все замерзнет, — предложил я. — А что — и дальше такая же дрянь? В смысле, болота эти далеко тянутся?

— Не расстраивайся, — поддел Старый. — Это еще цветочки были, а дальше-то и начнется самое интересное.

И есть еще одно обстоятельство, которое меня несколько нервирует:

— Ночевать хоть здесь не придется?

— Боюсь, придется. А что?

— А тебе уже приходилось в болтах ночевать?

— Да нет как-то. Говорят, всякое случиться может.

— Точно подмечено, — мрачно подтвердил я. Уж с болотной-то нежитью я с свое время столкнулся — мало не показалось... Так что я на некоторое время ушел в себя, соображая, как в случае чего отбиваться. Из раздумий меня вывел голос Старого:

— Досюда нас проследить — элементарно. Вот дальше им посложней будет — мы остюда в любую сторону двинуться можем.

— И в какую двинемся? — Малыш, кряхтя, поднялся, забросил на спину мешок.

— Есть одно место... Авось подумают, что мы потерялись.

— Как бы и в самом деле не потеряться... — вздохнул я.

— Тоже может быть, — на полном серьезе кивнул Старый.

Да, что и говорить, первый этап нашего перехода через топи по сравнению со вторым был просто веселенькой прогулкой, а теперь от нас потребовалось напряжение всех сил. Ноги то увязали в чем-то густом и вязком, то скользили на переплетении корней, когда мы продирались через заросли сизоватых, жестких, как проволока, хвощей, вода периодически поднималась по грудь, воздух стал сырым и тяжелым от испарений. кое-где мелькали ярко — зеленые островки травы — по словам Старого, одна из главных ловушек.

Раза четыре мы сбивались с направления, один из них чуть не стоил мне жизни — зыбун, по которому прошел Старый, не выдержал моего веса и резко ушел из-под ног, я окупнулся с головой и от неожиданности вдосталь нахлебался болотной воды — смрадной и теплой. После этого меня долго и мучительно рвало, а Малыш, явно претендуя на остроумие, советовал мне отфильтровывать головастики.

Ларико пришлось тяжелей нашего — насколько я помню, она никогда не была любительницей долгих пеших переходов, особенно по трясине. Разок она оступилась,

соскользнула с тропы и плашмя повалилась в маслянистую жижу, если б Малыш не подоспел и не обрезал лямки рюкзака — все, поминай как звали... Помнится, то же было и на Югрane — Роберт утопил рюкзак с пеленгатором и потом дико матерился. Только там, на Югрane, еще и стреляли... Еще Германа зацепило, Раковски пер его на себе...

Стоп, Мик. Югран... Где же это? Болота. Знаю, что там были болота. Но припомнить ничего не могу, кроме этого внезапно всплывшего названия. И еще — того, что там, на Югрane, я был в составе группы из пяти человек, и командовал этой группой Дэн. А вот что я там делал? Не помню. Только название — Югран...

Солнце уже садилось, когда мы добрались до места, где нам предстояло заночевать — островка твердой земли. Правда, и там было порядком сыро, но зато вместо хвощей и осоки наше пристанище поросло густым слоем мха, там даже торчало десятка два преждеверменно состарившихся узловатых сосенок. На сушу мы вылезали в буквальном смысле на четвереньках, а вылезши — растянулись на земле, не в силах даже пальцем пошевелить. У меня все тело болело, ноги, кажется, разбухли вдвое от этой воды... Зато стало попрохладней, над болотом потянулся туман с явным запахом чего-то наподобие тропической лихорадки — болото отдавало накопленное за день тепло.

Прошло не меньше получаса, прежде чем мы снова обрели способность двигаться. не слишком-то мы сейчас похожи на Пришлых — да и на людей, если уж на то пошло: четыре чучела, насквозь провонявшие болотиной, грязные, как неизвестно что, искусанные насекомыми... Даже огненная шевелюра Малыша приобрела цвет какой-то подозрительной ржавчины.

Больше всего на свете всем нам хотелось обсушиться, но Старый категорически возражал против костра, уверяя, что он выдаст нас. От липкого тумана промокло и то небольшое, что еще оставалось сухим. Мы молча перекусили размокшими в болотной воде сухарями, сыром с привкусом болота и пахнущим болотом вяленным мясом. Хорошо, хоть фляжки оказались плотно закрыты, так что болотную воду пить не пришлось. К тому же во фляжке Старого оказалась не вода, а остатки вчерашней самогонки, и мы пустили ее по кругу. В желудке сразу потеплело, рана стала болеть куда меньше и мне наконец перестало казаться, что я сейчас сдохну.

Ларико скорчилась, привалившись к сосне и обхватив себя за плечи обеими руками. Старый глянул на нее, усмехнулся уг-лом рта:

— Вот тебе и целая куча романтики. Можешь наслаждаться.

Я длинно выругался в том смысле, что от такой романтики надо бы подальше держаться, Малыш никак не отреагировал — он был слишком занят. Расстелив на земле какую-то тряпицу, он пытался просушить на ней бесценное сокровище — пригоршню табаку. Ларико тоже явно хотела сказать что-то ругательное, но передумала и вместо этого спросила:

— И долго нам еще по этим болотам переть?

Старый пожал плечами:

— А это зависит от того, куда мы пойдем.

Теперь интерес к разговору проявил и Малыш:

— А куда мы пойдем?

— А сейчас сообразим. Можно свернуть к северо-западу, в Ториан, а можно и к северо-востоку, в Империю.

— Не знаю как вы, а мне надо в Столицу попасть, — сообщил я.

— Желательно не позднее, чем через четыре дня.

— Что значит — "не знаю как вы"? — вскинула голову Ларико. Старый нахмурился:

— Ты что — отделиться хочешь?

— Да нет, не в том дело... Просто учтите, я волк-одиночка, если Орден или Институт вас в компании со мной застукает — вам не жить.

— Если Институт до нас доберется, нам так и так не жить.

— Ну, вас покуда оттуда никто не увольнял.

— Просто не попали, — усмехнулся Малыш. Старый почесал бровь:
— Вообще-то в Столицу — это мысль. Вряд ли кто допрет, что мы настолько обнаглели. А дальше что?

Я пожал плечами:

— Я, например, буду думать, как мне добраться до Дэна.

— Я б с ним тоже поговорил... _ мечтательно протянул Малыш.

— И все равно, после болот имеет смысл разделиться. За мной большая охота.

Ларико приподнялась:

— Слушай, Ордынцев, или как там тебя сейчас — Меченосец, да? — я понять не могу — ты что, нам не доверяешь?

— Ну, сейчас мне кому-то доверять трудно. Но дело не в том...

— А в чем тогда? Тебе ж человеческим языком говорят — надо кучей держаться, а он еще брыкается: "волк одиночка, волк-одиночка"... Койот нашелся. А будешь еще тявкать — в рожу вцеплюсь.

— Убедили, — махнул я рукой. — Только потом не говорите, что я вас не предупреждал.

— Не скажем, — пообещал Малыш. — Да и тебе в компании двух, если без ложной скромности, лучших мечей Империи и всей остальной планеты в Столицу добираться спокойней будет.

— А нам будет проще, если с нами в компании будет Чародей, — поддержал Старый. — А насчет охоты — так в Империи из-за Смуты бардак такой, что никому ни до чего дела нет.

— Слушайте, я с самого Ториана про эту Смуту слышу, только никто пока внятно и вразумительно не растолковал, кто там кого бьет.

— Да все как обычно. Корону поделить не могут.

— Игра такая, — растолковал Малыш. — В царя горы. Продолжается с перерывами уже лет, наверно, тридцать, этапы различаются количеством и наименованием претендентов.

— Нашли время, уроды!

— А чем хуже другого?

— Тем, что на подходе что-то вроде второй Великой напасти. Серое Братство пробудилось.

— А что — эти Серые такие страшные? — любопытствовала Ларико. Я сграбастал бороду в горсть:

— Вот ты меня давно знаешь... Скажи, принципы у меня когда-нибудь были?

— Ты всегда спрашивал: "А что это такое?"

— Ну так теперь врубился. Это то, что мне к Братству присоединиться не позволяет.

— М-да, — протянул Старый. — Хоть это им можно в заслугу поставит. Вообще, я смотрю, ты ни с кем ужиться не можешь. Ну Институт — еще ладно, они сами с собой разобратся не могут, где уж нам, простым смертным, их постичь... От Ордена бегаешь, от Братства этого...

— Бегаю — это еще что... Самое похабное во всей ситуации — то, что я слишком популярен. Куда ни сунься — везде меня знают, да еще при этом на раз выкупают, что я Пришлый.

— Повезло, — неожиданно ответил Старый. — Самое гнусное — то, что привыкаешь ко всему, становишься частью этого мира, таким же, как и все остальные, если не хуже. И глотки готов рвать за те же ценности.

— А именно?

— Деньги, власть, убеждения... Или просто за собственную глупость.

— Последнее — как раз про меня.

Малыш хмыкнул, повернулся к нам:

— Красиво излагаете, век бы слушал... Только я — человек грубый и деловой, и вопросы у меня соответственные. Например, такой: а до Столицы мы как добираться будем?

Пешком несколько далековато — километров триста-четырееста.

— А лошадей достать? — поинтересовался я.

— Наших капиталов и на одну не хватит.

Ларико находилась в настроении кусачем — она ехидно осведомилась:

— Институт жалованья не платит?

Я игнорировал ее выпад:

— А задерживаться нам вот уж никак нельзя. У меня в Столице уже стрелки забиты. И осталось в нашем распоряжении четыре дня.

— Ладно, — усмехнулся Старый, — что — по тракту мало народу ездит?

— Резонно, — кивнул я. — Только своих лошадей они вряд ли отдать согласятся. Я имею в виду, сами.

— Тем хуже для них.

— Ребята, — голос Ларико прозвучал удивительно тихо и отчетливо, — вы хоть соображаете, что несете? Вам же этих...у которых вы лошадей забрать собрались...убить придется. Вы что — ради быстроты передвижения на убийство пойдете?

— Если понадобится. И вообще, по местным законам конокрадство считается более серьезным преступлением, чем то же убийство.

— А ты сам как считаешь?

— Я считаю, — голос Старого тоже стал тих и жесток, — что нам надо выжить. Любой ценой. А ты чего хотела? Здесь законы волчьи.

— Волчьи законы... — Ларико словно пробовала эти слова на вкус. — С волками, значит, жить...

— Ну да, — Старый теперь чеканил слова, — я убийца. Хладнокровный. И руки у меня по локоть в крови. Только, извини, напоминаю: именно благодаря этому мы еще живы

Нет, я понять не могу, что это со Старым творится? Сколько я его знаю, а таких эмоциональных всплесков за ним не замечалось.

Я посмотрел на Малыша — он-то может знать, как прервать эту "семейную сцену" — но Малыш сплюнул и отвернулся. Старый повернулся ко мне:

— А ты? Тоже считаешь, что мне нравится убивать?

Я нарочито широко зевнул:

— Да вы тут разгалделись, слова не вставишь...Ну кто вам сказал, что в данном конкретном случае кого-то убивать придется? Я, извини, напоминаю, Чародей, так что наши клиенты просто своих лошадок проспят. Все? Закрываем тему?

Малыш с хрустом потянулся:

— Ну, раз вы с этическими проблемами разобрались, я вас снова приземлю. Наши столичные привязки наверняка у Института засвечены, так что давайте-ка сообразим, где и на что мы будем жить? На большую дорогу выходить как-то стремно.

— Да есть у меня один адресок... — промямлил я. — Некто Гарви Хромой.

— Че-го?! — Малыш со Старым аж подпрыгнули. Похоже, им это имечко говорит побольше, чем мне...

Старый, оправившись от потрясения, впился в меня глазами:

— Откуда ты его знаешь?

— Его я не знаю. Только имя и адрес.

— А откуда?

— Извини, чужих секретов не выдаю.

— А ты не забыл, что мы — одна команда?

— В данном случае это ничего не меняет.

— Ладно, — вмешался Малыш. — Сейчас еще подеритесь — и совсем чудно будет. Хромой так Хромой. на ловца и зверь бежит, пусть даже с большим опозданием.

Да, похоже, этот Хромой личность довольно одиозная...Но так или иначе, меня там будет ждать РОджер. Вместе с Гельдой..

— Слушайте, мужики, а кто вообще такое этот Хромой?

— Темная фигура, — пояснил Малыш. — Завязан с половиной уголовников и нелегалов по всей Империи, наши агенты уже на него выйти пытались. В результате одному ребра поломали, а второго так и не нашли. Да и сам я, в Столице будучи, им интересовался.

— И что?

— Прыгнул на меня какой-то задохлик с кинжалом...

— Со Смутой этот Хромой тоже завязан, — сообщил Старый.

— М-да, ребята, все это, конечно, очень интересно, только обещайте мне — никаких раскопок.

— Ладно, — снова вклинился практичный Малыш, — пришли мы в Столицу, денек-другой прокантовались, а дальше?

— Есть вариант, — успокоил его я. — Мне туда, правда, путь закрыт, но у меня главная забота — с Дэном разобраться и откопать дохлую киску, которую он на моем огороде зарыл.

— А Магистр твой нас к себе не возьмет? — поинтересовался Старый. — Он тебе какие-то презенты шлет, значит, ты ему нужен. Может, ему в нагрузку к Чародею нужна парочка боевиков?

Мысленно я прибавил: "И женщина в роли чемодана без ручки", но вслух сказал только:

— Это я не в курсе. Мне он весточку передал, чтоб я его искать не вздумал, он сам меня найдет. Вопрос только — когда?

— Скоро, вероятно, — предположил Старый. Только этого мне и не хватало — с учетом намечающейся внутриорденской свалки, он мне что-нибудь сверхгадостное попробует подсунуть, и отказаться — не выйдет никак...

Мы еще немного посидели молча, отхлебнули по глоточку из фляжки Старого, потом я повернулся к Малышу:

— Слушай, можешь парочку этих сосенок на дрова порубить?

— Ты что — костер разводить собрался? — встрепенулся Старый.

— А есть еще способы использования дров?.. Нет, кроме шуток, это болота все же, и нечисть всякая кишмя кишит. А вот огня они очень не любят.

— Ладно, — после короткого раздумья согласился Старый. — Даже если и засекут нас, на ночь глядя в топи лезть — прямое самоубийство.

— Вот и я так думаю... Так как, Малыш, нарубишь?

— А волшебное слово?

— А в глаз?

— А шнурки тебе не погладить?

— Это уж когда из болота вылезем. Слушай, серьезно, темнеет. Я бы и сам нарубил, но клешня ни к черту. Да и топором сподручней, чем мечом.

— Уболтал, черт языкастый, — вздохнул Малыш. — Тоже — нашли рабочую лошадь, — все так же ворча, он подхватил топор с земли и поплелся в сумерки, я крикнул ему вслед:

— Только далеко не забредай!

— Почуял что-то? — негромко осведомился Старый, я пожал плечами:

— Ничего конкретного. Просто болото есть болото, всякое может случиться.

— Хоть бы раз на живую кикимору посмотреть, — вздохнула Ларико.

— Извини, зеркала нет.

— Хамло.

— Как все гусары и поэты.

Малыш, пыхтя, выволоч на открытое место длинную лесину:

— Ты, гусар безлошадный, дров много надо?

— Чем больше, тем лучше. А то вот в самом деле кикиморы набегут...

— И что?

— Если ты завизжишь, я к тебе последние капли уважения потеряю. И вообще, поделись табаком. А то мне тут до утра следить, чтоб вас во сне никто не захавал.

— Ладно, крокодил, кури, только просуши как следует. И если к утру мне ничего не оставишь...

— Не бойсь.

В общем, вот так вот весело, с шутками и прибаутками, мы наготовили целую кучу дров, я развел костер, и ребята повалились спать. А я стянул с себя не желающую высохнуть рубаху, завернулся в одеяло и уселся караулить, положив рядом с собой Хельмберт.

Да, нежитью здесь разит — дай боже... К ночи еще и туман рассеялся, так что несколько страшновато, болотина эта наверняка на километры просматривается... А если у тех смертников, что на базу налетели, была винтовка с оптикой, так почему же ее еще у кого-то быть не может? И все ж без костра я не согласен, уж лучше на мой взгляд пулю в брюхо схлопотать, чем самому у кого-то в брюхе проснуться, говорю как специалист.

Винтовка, значит, с оптикой... Выходит, те, кто за мной охотится, окончательно плюнули на конспирацию и прут напролом. И Друг Апачей застрелен, если верить Дэну, а за отсутствием иной информации приходится ему верить. Собственно, до Друга Апачей, моего убийцы несостоявшегося, мне как-то дела нет, но грохнули его из-за меня, никуда тут не денешься. Да что я, в самом деле, — проклятый, что ли? Кто со мной ни свяжется — погибает. Что ж это с тобой творится, Майк.

Стоп, сударь мой, Чародей. давай-ка правде в глаза смотреть: художника по прозвищу Майк, а по паспорту Михаила Ордынцева, здесь нет. Есть средневековый воин-Чародей Мик Меченосец, битый-перебитый, обученный убивать. И обучили меня этому не здесь — в месте, которое предположительно называется Югран. Там я носил автомат, и вряд ли он был холостыми заряжен....

К ночи совсем посвежело, и я продрог, как цуцик, да и в сон клонило просто страшно, но все прошло относительно спокойно, во всяком случае, слишком активно нас сожрать не пытались. Некоторое время вокруг островка мыкался виппер — хрюкал, плескался, но не нападал. В конце концов я его пугнул — правда, довольно лениво, а он так же лениво убрался восвояси. Несколько очень неприятных минут я пережил, когда появилась стая Лунных Летунов, серебристо блестящих крыльями — но они описали над нами широкий круг и умчались к северу. До полнолуния пока далековато, так что настроены они довольно мирно, но я все равно несколько минут с облегчением переводил дух — взбреди им в голову напасть, я бы немного сделать смог.

Вообще, ТОрианские топи ночью — зрелище завораживающее, хотя и жутенькое, прямо скажем. Этакое царство призраков... Ноя чувствовал себя относительно спокойно — мы здесь никого не интересовали. С Ларико, правда, чуть истерика не приключилась — ее угораздило проснуться как раз тогда, когда вокруг нас на расстоянии метров тридцати абсолютно бесшумно задвигалось по поверхности болота что-то белое и громадное — то ли призрак, то ли что-то еще. Болотный Моби Дик...

Но болото жило своей, непонятной даже для меня, Чародея, жизнью, и здесь поминутно что-то происходило — уж что-что, а это я чувствую. Мы же оказались чужаками — по счастью безопасными. Страха особого не возникало, но с чужой Силой я все же соприкоснулся — и сразу почувствовал себя чуть не карликом. Знакомое ощущение, провалиться бы ему пропадом... Чем дальше, тем гаже и тем меньше я что-либо в окружающей ситуации понимаю. Дерешься наощупь, неизвестно с кем, а ту безликую и громадную силищу, что против тебя, не то что достать — увидеть, и то не можешь.... Наверно, так должен чувствовать себя ребенок, заблудившийся в страшной сказке для взрослых... Как там Герман говорил? Зазеркалье. Бесконечная шахматная партия, и ты в роли пешки, и невесть почему должен брести невесть куда, пока, оскальзываясь на грязи и крови, не выбьешься в ферзи. А если я не хочу? Если вся эта борьба за великие цели прежде всего к той же грязи и крови сводится? Нет уж, на фиг! Вон они, мои принципы, у костра дрыхнут. Пусть я для них всего лишь загадочная игра природы под названием Чародей, я за них половине Института и Ордена зубами глотки перегрызу. А есть еще Гельда и Роджер. И был еще Хельг, убитый стрелой, предназначенной мне... Нет, Мик, хорош об этом. Моя

задача на данный момент — дойти до Столицы и довести дотуда ребят.

Я, честно дрожа от холода, караулил до самого рассвета, потом растолкал Малыша и заявил, что просто обязан выспаться. Но долго спать мне, естественно, не дали, часа через полтора меня растолкал Старый — он по-прежнему уверял, что расслаживаться нечего. Мы по-быстрому перекусили и двинулись дальше. не знаю, то ли остаток пути был легче по определению, то ли за вчерашний день мы приобрели навыки хождения по трясине, но примерно к полудню мы выбрались на относительно твердую землю.

Это ж словами не передашь, какое наслаждение — после суток брождения по пояс в иле и вонючей жиже почувствовать, что из-под земли под тобой не выступает вода! Старый и Ларико отошли куда-то в сторонку, Малыш, привалившись к дереву, самодовольно попыхивал трубкой, а я, разувшись и лежа на земле, сосредоточенно вымывал грязь из ботинок.

— Брось это грязное дело, лениво посоветовал Малыш. — Все равно болотом пропахли на год.

— Пустяки, дело житейское, — я принялся выжимать носок. Малыш демонстративно потянул носом:

— Ты в курсе, что химическое оружие запрещено?

Я воззвал в ту сторону, где должны были находиться Старый и Ларико:

— Уберите носкомана! Малыш, не отдам, последняя пара! Дороги как память.

Но «носкоман» вдруг уставился куда-то за мое плечо, и рожа его вытянулась где-то вдвое, я даже рефлекторно потянулся к мечу и проследил его взгляд.

Вот уж действительно, есть на что посмотреть: Старый разобрал винтовку и теперь, словно щедрый сеятель, разбрасывал запчасти по водяным окнам. Я наконец выдавил из себя:

— Ты что — совсем?..

Малыш обернулся к Ларико:

— Ты что с ним сотворила? На глазах мужик в пацифиста превращается.

Старый отделил цевье и зашвырнул его куда-то в тину:

— Знаете, мужики, я б на вашем месте тоже со своими пушками расстался.

Я только и смог, что крикнуть удивленно — а Малыш, тот прямо так и взвился:

— Может, ты и совсем рехнутый, не знаю уж, с чего, но надо ж хоть немного соображать! Нам же еще через всю Империю топать, а без прикрытия...А может, Институт уже у нас на хвосте? — он опасливо придвинул автомат к себе поближе.

Старый не дал его возмущению развиваться в полной мере:

— Конечно, на хвосте! А теперь подумай, солнышко мое оранжевое — застукают тебя с этой сморкалкой, и что ты им споешь?

— Застукают — не до песен будет.

— А то, что ты пушкой воспользоваться не успеешь — это ж ясно, как божий день. А потом, как ты справедливо заметил, нам еще через всю Империю топать, а я как-то плохо представляю поездочку с такой штукой за спиной. В глаза бросается, не находишь?

— Ну, пусть так, — не сдавался Малыш. — А топить-то зачем? Уж сплавить — то так, чтоб потом найти. Зарыть где-нибудь.

— А если не ты ее отроешь? Ты не забывай, пусть мы смертники, но какие-то обязательства перед Институтом у нас остались. А нам только егерей с винтовками не хватало.

— У них перед нами почему-то никаких обязательств, — буркнул Малыш, я поддержал:

— Да и какой тебе егерь врубится, что такое винтовка? Ну, нашел он ее, поглядел и спросил: "А че за дубинка такая? И че такая легкая?"

— Есть и такие, которые врубятся, — сумрачно уведомил Малыш. Да, похоже на сей счет у моих инструкторов информации поболее, чем у меня...

А Малыш надолго погрузился в раздумья, запустив длань в густую шевелюру. Наконец

он тяжело вздохнул:

— Ладно, что тут поделаешь, раз вы такие правильные... В конце концов, мы и без этих штук кого угодно отпацифиздим, — после чего, щелкая затвором, выбросил в воду патроны и принялся с убитым видом разбирать автомат. Старый посмотрел на меня:

— Ну, Ученик Чародея?

Я помотал головой:

— Извини, я к институтской конвенции по разоружению отношения не имею. Моя пукалка из-под ремня не слишком выпирает, к тому же я человек суеверный, а мне эта штука дважды за последнюю неделю жизнь спасла.

— Как знаешь. ТОлько учти, если тебя Институтские повяжут, наверняка выяснится, что Друга Апачей из этой пушки пристрелили. Знаешь ведь, как это делается?

— Да уж знаю... То же самое выяснится, даже если никакой пушки при мне не будет.

Малыш, с размаху зашвырнув в болото затвор, поинтересовался:

— Так кто там насчет лошадей говорил?

— Я-то все помню... Ну, дети "Грин Пис", вы готовы? Тогда пошли.

ГЛАВА 22.

Путь до Столицы занял у нас без малого четыре дня, но, хвала создателю, все прошло без приключений — не считать же, в самом деле, приключением встречу с конным отрядом из пяти идиотов, не умеющих толком держаться в седле? Тем паче, эти придурки хотели не то пограбить нас, не то захватить на предмет выкупа — явный почерк местных мелких феодалов — едва мы вышли из болот, но я с ними справился, не напрягаясь. И даже совесть меня потом не мучила — в конце концов, нам пришлось обороняться и ограбили мы грабителей. Правда, кроме лошадей мы у них позаимствовали кое-какой гардероб, более соответствующий нашей, как это в шпионских романах называется, легенде — по официальной версии, разработанной Малышом и Старым, мы являлись чем-то вроде мелкопоместных дворян без громких титулов, младших сыновей обнищавших бастардов. Во-первых, это не привлекает внимания, во-вторых, множество такого молодняка движется сейчас в Столицу в надежде поступить на имперскую службу и урвать кусок пожирней в предстоящей свалке, а потом, какие-то верительные грамоты у подобных типов спрашивать не рискуют, да и вообще связываться с ними боятся. А у нашей компании и без того видок был, честно скажем, диковатый, хотя сходство Ларико с мужчиной, несмотря на широкополую шляпу и длинный плащ, было весьма относительным. Правда, мне из барахла достался жутко неудобный камзол, весь в каких-то идиотских бантиках и пряжках.

Ночевать старались на постоянных дворах — хоть толпа и большая, а все равно спокойней. Тем более, Братство хоть и обещало за меня только через неделю взяться, но мало ли чего... Внимание привлекал только рост Малыша, а так на нас особого внимания не обращали даже мои коллеги-Чародеи. Конечно, это бешеный фарт — не повстречать никого из товарищей по Западной Цитадели, но как я узнал, сейчас они все патрулируют Свинцовый и вообще юго-западный участок границы. А так — большинство встречных Чародеев оказались встревоженными и неразговорчивыми. И на то были причины — за последний месяц Орден потерял столько бойцов, сколько раньше за год, а нежить множилась темпами прямо-таки угрожающими. Я, в свою очередь, спокойствия не прибавлял — представлялся Чародеем, бежавшим из варварского плена и рассказывал, Что Серое Братство подняло голову и вся катавасия с нежитью очень может быть напрямую с этим связана. Старый, конечно, ворчал, что я-де конспирацию нарушаю, но я всякий раз парировал это тем, что раз у них с Малышом сохранились обязательства перед Институтом, то у меня оные имеются по отношению к Ордену. И есть еще одно соображение — мы, Чародеи, в чем-то сродни охотникам и рыболовам, и обязательно должны перед коллегами хоть чем-то похвалиться. А вот Чародей, такой похвальбы избегающий, внимание привлечет просто неизбежно.

Но вообще-то разок я чуть не спалился — столкнулся нос к носу с бывшим

однокашником по имени Аули — долговязым девятнадцатилетним парнем. на мое счастье, то ли он не узнал меня, то ли не пожелал узнать, оделил неприязненным взглядом и смылся. Вообще-то, может и потому, что носил на голове он не медный обруч, а кожаную повязку, а на левой руке — браслет Чародея-странника. По слухам, эта публика куда более терпима, чем Чародеи из регулярных подразделений Ордена, а в нейтральных землях частенько действуют рука об руку с Кланом Ведающих.

Малыш оказался удачливей меня в добывании информации, он постоянно крутился в компаниях наемников вроде нас. Его сведения, правда, большей частью относились к пресловутой Смуте, но тут мы хоть состав участников прояснили. Основных претендентов на корону на сей раз оказалось двое — ныне царствующий император Жибер, старикан, по слухам, не вредный, хотя и устранивший в свое время нескольких родственничков, покусившихся на его привилегии. Не менее популярной оказалась и вторая версия — то, что законным наследником престола является герцог Глорхауз, окопавшийся на южных отрогах Свинцового. Этому удалось привлечь под свое крыло чуть ли не половину местной феодальной вольницы из хищников покрупней. Третьим в этой милейшей компании оказался некий принц Финдо, молодой и не особо популярный, этот ошивался на западной границе. О четвертом претенденте мало что узнать удалось — темная лошадка во всех отношениях, даже имя у меня сразу из головы вылетело. Только одно на счет него я и запомнил — он обладает способностью как-то сверхъестественно заводить толпу. Что-то вроде местного варианта Пугачева... Но у этого хоть ума хватило пока в Империю не соваться. Обретался он, кажется, в Диких землях.

И вообще повисло этакое предгрозовое затишье, никто особенно ни с кем не воевал, только бряцали оружием и обливали друг друга грязью, разбрасывая подметные письма. В Столице, конечно, под шумок оттяпали пару-тройку голов особенно ретивым деятелям, но дальше этого дело пока не пошло. Хуже другое — выяснилось, что Верховный Магистр Ордена окончательно перебрался в Столицу, а с ним — изрядный контингент Чародеев. Вот это и не давало мне покоя всю дорогу.

Наконец, к вечеру четвертого дня, впереди замаячили дымки предместий, да и деревушки пошли погуще. Миновав очередную, мы остановились и отвели лошадей за обочину тракта — нам надо отдохнуть, да и им тоже. Вообще-то доставшийся мне жеребец той же масти, что и лошадь д"Артаньяна оказался сущим барахлом — уже через пяток километров пути начинал судорожно поводить боками, словно весь день галопом шел, тряс головой, как Старый с похмелья... Бедный симулянт с Чародеями явно дела не имел, но успокаивать его знаком Двойного Треугольника приходилось, пожалуй, слишком часто.

Ларико сползла с седла кое-как, прогнулась, со стоном разминая спину:

— Слушай, Ордынцев, ты же, вроде, конструктор, так собрал бы что-нибудь комфортабельное...

— А обычная метла тебя уже не устраивает? — нет, вот кому-кому, а Ларико в этом походе хуже всех пришлось — наша-то тройца ко всему привычна, у меня от верховой езды на заднице мозоли чуть ли не в сантиметр...

— Тут в десятке-другом метров ручей быть должен, — сообщил Старый, усаживаясь под деревом и вытягивая ноги. Я последовал его примеру.

— А лошадьми кто займется, тунеядцы? — возмутился Малыш. Я усмехнулся:

— Инициатива наказуема исполнением... Ладно, сейчас помогу, — и кое-как поднялся, после четырех дней в седле ноги нарастпашку...

Я уже собирался идти вслед за Малышом, когда Старый негромко бросил мне:

— Погоди, — а потом глянул вслед Ларико, явно ожидая, когда она скроется из виду. Похоже, хочет мне пару слов без лишних ушей сказать... Я вопросительно глянул на него, но он молчал, тяжело глядя в землю. Передумал, наверно...

И только у меня эта мысль мелькнула, как Старый поднял глаза:

— Не хочу, чтоб ребята об этом знали. А тебе стоит.

— Так-так... — я уселся рядом с ним на землю. Он помедлил, потом негромко

сообщил:

— Это насчет тех, которые нас атаковали. Чтоб ты знал: это точно Институт был.

— И приходили по мою душу? — я напрягся. Чего-то он не договаривает.

Старый, глядя мне в глаза, мрачно усмехнулся:

— Ты извини, но как по-твоему, стал бы я из-за тебя ребят под пули подставлять?

— Не думаю.

— Вот и не думай.

— Погоди-ка, а откуда тебе это все известно?

— Это я сам их навел.

Я сглотнул слюну. Вот это цирк. Бесплатный. С фейерверком. Сначала Хельг сюрприз поднес, теперь этот...

Помолчав, я хрипло выговорил:

— Ты хочешь сказать, ты меня им вложил, а они решили утечки информации избежать?

Старый покачал головой:

— Не совсем так. Я, может, и сволочь, но не настолько. Просто у меня существовал постоянный канал связи с Институтом, и насчет тебя я им должен был информашку передать, но я б с этим подождал, пока ты далеко не окажешься. Но как раз перед твоим приходом я любопытную директивку получил — форма нуль-четыре. Знаешь, что это такое?

— Нет, откуда?

— В общих чертах она означает следующее: ликвидация базы в течение недели. Желательно, сам понимаешь, со всеми, кто на ней находится. Причем мое участие в данной акции совсем необязательно было. Да и после этого был шанс выжить — Малыша и Ларико я бы сумел выдернуть.

— И что в итоге вышло?

— Команда ликвидаторов заявила раньше, чем должна была.

— И с чего бы это?

— Может, о твоём визите прослышали, — Старый пожал плечами. — Или действительно замена контингента.

Я октинулся к стволу дерева, массируя ладонями виски:

— М-да, как все просто и красиво, я прямо торчу. И что, подобные замены — в порядке вещей?

— Похоже, мы с тобой имеем честь присутствовать при начале некой массовой разборки. Директивка-то на предупреждение очень сильно смахивала...

— Все равно ничего не понимаю.

— И не пытайся. Я тоже.

— Так налет на нас — часть планомерной охоты?

— Больше смахивает на разовую акцию.

— Ладно, Старый, последний вопрос: а чего ради ты мне все это рассказываешь?

Старый поднялся, прогнулся, разминая спину:

— Ну так и быть, раз последний... Во-первых, мы с тобой в одной упряжке оказались, а во-вторых, оба за то, что произошло, в какой-то мере ответственность несем.

— Донести бы... — мрачно пробормотал я. Что ж это получается?...

— Получается, что ты, свин, обещался мне помочь, а вместо этого тут прохлаждаешься, — Малыш бесшумно вынырнул из кустов у меня за спиной. — А куда вы, орлы, Ларико девали?

— Никуда меня не девали, — ее голос прозвучал где-то поблизости. — Что за дела — минуты без меня и моего облагораживающего влияния прожить не могут...

Малыш потянулся, нарочито громко зевнул:

— Слушайте, а может, ну его к шути — в Столицу сегодня, а? Заночуем здесь...

— Да нет, время не терпит, — я тоже поднялся. — Мне сегодня там быть надо, кровь из носу.

— Хочешь, пойдет сейчас?

— Иди ты... Я серьезно.

Малыш и Ларико откликнулись на это заявление хоровым стоном, но Старый поддержал меня:

— Иначе просядем.

— Ну, раз такое дело, по коням.

На то, чтобы проехать предместья и добраться до Южных ворот, у нас ушло часа полтора, и смерклось уже порядком. Да, Столица выглядит весьма внушительно, даже снаружи, городская стена — что-то наподобие Великой китайской, такая мощная... Приземистые квадратные башни, высоченный вал, ров с хорошей речку шириной, только вода в нем даже по первому впечатлению, грязная и вонючая — пахнет гнилыми водорослями, нечистотами, солью... Ну, это как раз понятно: ров, опоясывающий Столицу по большой подкове, начинается и кончается в море, аз укреплениями же находится гавань. И даже в наступивших сумерках отчетливо просматриваются островерхие сторожевые башни Дворца с красными огоньками сигнальных костров и чудовищная корона мрачной башни Клыка, вытянувшейся в высоту на добрых полсотни метров... Впечатляет.

Естественно, стоило нам миновать подъемный мост, нас тормознул отряд пешей стражи десятка на два клинков во главе с парочкой конных — судя по наглым рожам, офицеров. И, конечно, нас тут же принялись с пристрастием выспрашивать, явно в расчете на поживу — кто мы, откуда, и что это нам такое в Столице понадобилось по вечернему времени. И тут в игру вступил Малыш, растолковав им все в пулеметном темпе и потом принявшись выяснять условия поступления на императорскую службу. В общем, не успели мы и глазом моргнуть, как он уже весело болтал с начальником патруля (кажется, он даже нашел с ним общих родственников!)

Малыш — это, конечно, шоу, но я как-то сразу почувствовал себя не в своей тарелке — есть у нашего брата, Чародея, такое свойство: чуют, когда за тобой наблюдают.

Ага, а вон и наблюдатель — чуть поодаль, конный. Не в форме стражника, в каком-то сером плаще, рожа неприятная, сморчковая какая-то, и пялится на нас во все глаза, ничуть не скрываясь. Не слишком-то мне такое начало нравится... Я тоже в упор уставился на него, чуть склонив голову на бок. Значит, этот сморчок любопытный, да?

Тем временем Малыш уже завершил переговоры со стражей и махнул нам рукой — проезжаем! Стража расступилась, и мы загремели копытами по брусчатке.

Выехав за длинную арку ворот, я оглянулся — сморчок продолжал, сощурившись, смотреть нам вслед. Я глянул на Старого, тот ухмыльнулся углом рта:

— Что, тоже заметил?

— Что заметил? — тут же насторожился Малыш.

— Да так... Похоже, пасти нас начали.

— Интересно, кто это?

— Да где? — продолжал недоумевать Малыш. — Мне-то этого... пастуха... покажите.

— Да вон, — Старый обернулся, указывая рукой. — Черт, смылся уже.

— Под колпак нас взяли? — предположил я. Старый кивнул:

— Догадлив. Я бы даже сказал, умен не по годам. Знать бы, кто это и что его привлекло?

Ларико расхохоталась:

— Вы, герои, тут что, по-вашему, каждый день типы в армейских ботинках разгуливают?

Я прыснул и хлопнул себя по лбу, но Малыш оставался серьезен — его, как обычно, интересовали вопросы практические:

— А где мы тормознемся? Может, ближе к гавани?

— В портовом районе без драки не обойдемся, — покачал головой Старый. — Да наемники там и не останавливаются.

— Тогда нейтральный вариант — едем к "Золотой подкове"?

— Дорого, — поморщился Старый. — А нам бы еще что-то по части конспирации предпринять, хоть сверху прикрыться.

— А зачем нам сейчас лошади? — вскинулся Малыш. — Их в деньги и превратим.

— Годится.

В общем, пока суть да дело, мы решили двигаться к "Золотой подкове, и я пялился вокруг во все глаза. Поначалу смотреть в общем-то было не на что, мы проезжали квартал мелких лавчонок, по позднему времени закрытых, застроенный одно-двухэтажными постройками, а вот потом потянулись узенькие и кривые улочки, тут дома были повыше, но куда более обшарпанные. И тут уже потихоньку начиналась ночная жизнь — добропорядочные граждане торопливо пробирались к своим пристанищам, стараясь держаться поближе к стенам; мелкие хищники с бледными испитыми физиономиями провожали нас цепкими, оценивающими взглядами; какие-то оборванцы в немыслимых лохмотьях, звероподобные, не кланчивали даже — громко и нахально требовали милостыню; полуодетые девки, выставившись из дверей тускло освещенных притонов, хрипло зазывали клиентов; посреди дороги валялся мертвецки пьяный мужичина в матросской куртке с вывернутыми карманами, но без штанов... Красотища. Сплошная романтика. Но нашу компанию задевать боялась даже пьяная матросня, так что никаких приключений, слава богу, не приключилось.

У самой "Золотой подковы", как я понял, чуть не самого фешенебельного заведения в этом квартале, Малыш снова начал проявлять деловую хватку: забрал у нас лошадей, велел его ждать и смылся. Надо отдать ему должное, обернулся он быстро и даже почти не потерял в цене. Кроме денег, он приволок четыре довольно новых плаща — последний вопль местной моды, как он объяснил. Мода заключалась в том, что эта тряпка без капюшона, зато отороченная снизу мехом должна волочиться сзади по земле. Хорошо еще, что мне плащик коротковат оказался.

В конце концов мы уселись в этой самой «подкове», Малыш тут же грозно шуганул каких-то девиц, на каждом шагу едва не выпадающих из одежды, и потребовал еды и питья.

Более-менее напившись и наевшись, я облокотился на стол и начал прислушиваться к песне — певец, невысокий и щупловатый, сидел за соседним от нас столом и аккомпанировал себе на чем-то вроде гитары. Получалось у него очень неплохо, но вот слов я не разобрал. Точнее сказать, не успел — Малыш со стуком поставил кружку на стол:

— Ладно, Ученик Чародея, а теперь давай-ка выясним, что будем дальше делать.

— Что-что... Хромого искать.

— Допустим. А дальше?

— А дальше — ждите здесь, а потом видно будет.

— А где примерно этот Хромой живет? — вмешался Старый.

— Квартал могильщиков. Кстати, это где?

— Ого... Там и потеряться можно. Это ж район Старой Церкви.

— Вы, родные, забыли — я ж провинциал, здесь в первый раз. Почему мне знать, что там за Старая Церковь? Вы мне растолкуйте по-человечески, где это?

— Покойников там раньше отпевали, — любезно объяснил Малыш. Ценная информация, что тут скажешь...

— Ну и как туда добраться?

— Это в сторону Западных ворот, не доходя с километр.

— Ну, хоть что-то... Только, мужики, я вас умоляю и даже где-то заклинаю: давайте без этих ваших агентурных примочек, хорошо? А то получится, что того человека, который адрес мне дал, я подставляю, а Хромой этот, по вашим рассказам, тот еще типус.

— Уболтал, — с сожалением вздохнул Малыш. — Даже оторваться не дадут.

— Ничего, сейчас оторвешься, — пообещал Старый, указывая глазами куда-то за мою спину, Малыш тут же стал серьезен. Так, похоже, приколы пошли...

— И что вы там увидели?

— Обернись, только незаметно.

Незаметно так незаметно... Я аккуратно уронил под скамью монету и полез поднимать. И что мы видим? Пьяный гвардеец с девкой на коленях... Ну, это явно не то. Ага, знакомая ряха — тот самый сморчок, что нас у Южных ворот изучал. Да к тому же не один — за его столом, так же, в открытую, на нас уставившись, сидит четверка орлов в одинаковых коричневых камзолах. Знаю эту породу, еще «там» навидался — развалились, кулачищи на столе, бычьи загривки, стриженные головы, глаза дохлых рыб...

Я выпрямился:

— И что за явление там?

— Судя по форме — внутренняя стража, — информировал Малыш. — Насколько знаю, выглядят круто, но в деле...

— Уходить надо.

— Тонкое жизненное наблюдение, — скептически усмехнулся Старый. — Покуда сиди, не рыпайся, здесь огни свалку устраивать не станут, навалются, когда мы отсюда выйдем.

— А пока, значит, давайте прикинем, куда мы отсюда ноги унесем, — Малыш, как ни в чем не бывало, потягивал из кружки. Старый огляделся, нарочито лениво, повернулся к нам:

— А мы тут, похоже, всех интересуем... Гитариста заметили? Смылся, даже выручку забыл.

Ларико в разговор не вмешивалась, только переводила взгляд на каждого из нас по очереди. Я буркнул:

— М-да, картина Репина "Приплыли"... Слушайте, от них оторваться надо, не могу ж я к Хрому хвост тащить.

— Вот об этом-то мы сейчас и подумаем. Малыш, ты, вроде, получше город знаешь?

— Довольно тихое место — «Пристань», но портовый район, от Старой Церкви далековато. Есть вариант такой — кварталов через пяток не слишком веселая корчма, называется "Желтый Дракон". Что ценно, ее тут почти все знают, так что найти — раз плюнуть.

— Ну, раз так — сейчас от этих клоунов отвяжемся, и ждите меня в этом самом «Драконе». Если через три часа я не появляюсь — отбой.

— Что значит — отбой? — не врубилась Ларико.

— Это значит, что, если верить Малышу, меня будут отпевать в Старой Церкви. Ну, пошли, а то мне эти уроды в коричневом уже на нервы действовать начинают.

— Нервный ты наш... — вздохнул Старый. — А чародейством своим ты можешь на них подействовать?

— Ага, чтоб меня Орден засек.

— Ладно, вопрос снят. Двигаем.

Мы поднялись и направились к выходу, четверка стражников, все так же, в наглую, потянулась за нами. Ларико усмехнулась побелевшими губами:

— Брать будут...

— Обожгутся, — Малыш улыбнулся лучезарно, потом обернулся к Старому: — Значит, сейчас берешь ее и ломишься к "Желтому Дракону", пока мы тут этим орлам будем копчики массировать.

— У них тут наверняка подмога где-то.

— Разберемся. А вы, как только выйдем, двигайте огородами.

Старый неожиданно улыбнулся:

— Спасибо.

Мы стояли уже в дверях, Малыш пропустил вперед его и Ларико:

— Пошли! — а потом и сам неторопливо выбрался на улицу.

Стражники уже в самый затылок пыхтели, когда Малыш неожиданно резко повернулся и нос к носу столкнулся с передовым — тот чуть не рухнул, а Малыш рывкнул так, что, наверно, по округе половину стекол вынесло:

— Ты хоть представляешь, кого толкнул?!

— Болва... — окрысился было тот, но договорить не успел — кулак Малыша по короткой дуге врезался ему в подбородок. Залязгали вынимаемые из ножен мечи, кто-то пронзительно засвистел, сзывая подмогу. Один из четверки метнулся в ту сторону, куда скрылись Ларико и Старый. Ну, это ничего... Подножка — и порядок, повалился парень с грохотом пустого доспеха...

Выдергиваю из ножен Хельмберт, тут же приходится отбивать удар короткого меча, у Малыша, как вижу, осталось всего двое противников, но судя по громкому топоту и пыхтению, из темноты переулка ломится еще как минимум шестеро..

Налетели они, конечно, как вихрь, но тем, собственно, все и исчерпалось — драться они не умели совершенно, в узенькой улочке дело с ними иметь одно удовольствие. Я и опомниться не успел, как один из них напоролся на мой меч, остальные толкались и галдели, бросаясь на Малыша. Еще одного я снес пинком в надежде, что свои довершат дело. Не умеешь драться — не лезь!

Получив в ухо так, что перед глазами все поплыло, я засомневался в оценке их умений, но тут Малыш пихнул меня в плечо:

— Жми! Быстро!

Кто бы спорил... Если Малыш утверждает, что он их всех в одиночку сделает, значит так оно и есть... Едва я только закинул в ножны Хельмберт, как один из этих уродов попытался заехать мне по роже. Близко стоишь, дурак! Захват, элементарнейший бросок через бедро. Порядок.

— Чего стоишь? Жми!!!

Я развернулся и ринулся по улице. гадство, тот, которого я на бросок поймал, уже на ногах. Без меча. Отлично. А как ты, паря, к регби относишься?... Я налетел на него, как настоящий центр-форвард, нырком ушел от удара и врезался плечом в его брюхо — как в копну сена. Слабоватое у него пузцо — сложился, лег. Дальше!

Не знаю, может, за мной кто-то и гнался — топот позади я слышал, но уходить так уходить, и я с разгону врезался в толпу пьяных матросов, идущих навстречу. Вот это уже получилось не так весело, как у меня ребра целы остались, сам понять не могу. Но ничего, врезал локтем одному, лягнул другого — прорвался. Тем, кто трюк мой сразу после меня попытается повторить сразу после меня, я не завидую, но и мне задерживаться не стоит.

Я пробежал пару улиц, потом сбавил темп. Бегущий человек у всевозможных блюстителей порядка в лучшем случае вызывает недоумение, а в худшем — пробуждает к жизни хватательный рефлекс. А это мне как раз ни к чему. По дороге я основательно петлял, если б не двухлетняя орденская практика — ориентироваться без компаса и визуальных наблюдений — наверняка заплутал бы. И что у них тут все улицы такие кривые?

Дело кончилось тем, что я поймал за ухо какого-то сопляка, продемонстрировал ему монету и посулил богатство, если он покажет мне квартал Могильщиков и мучительную смерть, если он отведет меня куда-нибудь не туда. Парнишка понял, что я не шучу, так что минут через пять быстрой ходьбы ткнул пальцем перед собой и возгласил: "Вот." Я дал ему монету и подзатыльник на счастье, после чего решил осмотреться. Гениальное решение, ничего не скажешь... Уж не знаю, кто тут живет, но темно действительно как в могиле. А тут еще изволь искать дом с драконами... Ну что ж, положусь на интуицию.

Квартал, на мое счастье, оказался небольшой, так что скоро я нужный (по-моему) дом отыскал. Вдоль основательно облупившегося карниза вились какие-то загогулины, на мой непросвещенный взгляд на драконов ничуть не похожие. Сумрачное воображение у этих могильщиков... Еще не меньше минуты ушло на то, чтобы определить, где же здесь все-таки дверь, но наконец я и ее обнаружил. М_да, не нагнувшись, не пройдешь, и, самое паршивое, заперто. Я постучался — для начала костяшками пальцев, через пару минут — кулаком, а еще через пять — каблуком, со всей дури. Да что они там — повымерли? Или предпочитают ближе к ночи не открывать?... Но тут по другую сторону двери кто-то зашаркал, после чего хриплый и очень нелюбезный голос осведомился:

— Кого там еще принесло?

Я пригнулся поближе и негромко бросил:

— Я от капитана Роджера.

— Тебя ни о каких капитанах не спрашивают. Кто ты и что тебе надо?

— Я ищу Гарви Хромого. Мое имя — Мик, — «Меченосец» я из осторожности опустил — мало ли какие уши тут имеются... — Меня прислал капитан Роджер. Я хочу его видеть.

— Так бы сразу и сказал, — пробурчали за дверью, потом она распахнулась, чуть не сбив меня. — Хромой — это я.

Мы молча изучали друг друга секунд, наверно, тридцать. Мне, естественно, было видно куда хуже — я-то стоял против света, но кое-что рассмотреть все же удалось. Стоящий в дверном проеме мужик — на вид лет тридцать пять-сорок — значительно уступал мне и ростом и шириной плеч, но я бы все равно дважды подумал, прежде чем с ним связываться. Вроде, ничего особенного, небольшой, сухонький, чуть сутуловатый, но опасной такой сутуlostью, как кошка перед прыжком. Лицо тоже не слишком примечательное — рыжая окладистая борода, тонкие губы, мясистый нос — но маленькие медвежьи глазки прямо насквозь буравят.

Наконец, когда молчание уже начало становиться тягостным, я осторожно осведомился:

— А мы что — тут будем беседовать?

— Ладно, заходи, — словно нехотя процедил он, отодвинулся в сторону, пропустил меня внутрь и запер дверь за моей спиной. Обстановка как обстановка, ничего примечательного. Я углубился в комнату, повернулся к Хромому, тот выжидательно посмотрел на меня:

— Ну?

— Роджер хотел меня тут дожидаться. как мне его увидеть?

— Это ты, пожалуй, опоздал. Он часа два назад ушел.

Плямс! Совсем красиво получается, хоть стой, хоть падай.

— С ним женщина была?

— Была.

— Вместе ушли?

— Вместе.

— И куда — не сказали?

— Они не говорили, я не спрашивал. Я им не сторож.

Вот так-так... По моим подсчетам, те три дня, что Роджер для встречи назначил, еще не истекли. Что ж их сорвало? Уж Гельда-то должна была его уболтать меня дожидаться. Хотя случаи всякие бывают, причина у них должна быть достаточно веская...

— Все? — Хромой пристально смотрел на меня, явно собираясь выставить. Вот так номер: топали-топали, и притопали к разбитому корыту. Ну, надо хоть что-то из этой уродской ситуации извлечь...

— Слушай, вот такое дело: не знаешь, кому нужны люди владеющие оружием и чародейством? Он ведь просил тебя мне помочь?

— Помочь-то просил... — Хромой прошелся по комнате, остановился, прислонившись к тяжелому резному столу. — Но речь шла о тебе одном, если ты еще тот, за кого себя выдаешь. А остальные... Нам чужаки ни к чему. Правда, Слиггер? — он бросил взгляд вверх. на галерею, я тоже повел глазами. А там, наверху, стоял, облокотясь на перила, некий юноша бледный со взором горящим, тоненький и темноволосый. Вот уж точно — вечер неожиданных встреч! Тот самый гитарист из корчмы, который, по словам Старого, весь вечер наблюдал за нами. Я улыбнулся ему, он на улыбку ответить не пожелал, вместо этого тихо и очень серьезно заявил:

— Истинная правда. Если он тот, за кого себя выдает. Я сегодня видел его в «Подкове» — я там играл — в компании с тем рыжим, который искал тебя полгода назад, помнишь?

— Да, очень интересно, протянул Хромой, огибая стол, уселся. — Что ты на это скажешь?

А вот что я скажу — тут надо хорошенько подумать. Черт бы подрал все виды агентурной деятельности — вечно от нее одни неприятности...

— Что я скажу? То, что я Чародей, я могу доказать, не откладывая. А мой друг тебя искать не собирается, и ты можешь с ним поговорит.

— Где он сейчас?

Так я тебе и сказал...С этого Хромого вполне станется засаду устроить.

Опять вмешался Слиггер:

— Еще за ними следила внутренняя стража. Во главе с Огурцом.

— Барахло ваша внутренняя стража, — обрадовался я повороту темы. — Мы с этим, как ты говоришь, рыжим, раскидали их с десятков за минуту.

— Это приятно слышать, — Хромой говорил негромко и мягко. — Только это еще ничего не доказывает и слов твоих не подтверждает.

Так, атмосфера накаляется, сейчас даже в воздухе опасностью пахнет, и Юрд встревожился. А Хромой...Ох, как мне не нравится его манера руки под столом держать! Ситуация — ясней некуда, на нелегалке мужик, и всяческие подозрительные типы ему совсем не нужны. А способ их спроваживать существует только один. Если до сшибки дойдет, шансы у меня, конечно, есть, особенно если у Хромого под столом нет чего-нибудь наподобие арбалета, но на сей счет лучше не обнадеживаться. И даже если арбалет, с ним я разобраться могу, Слиггер вообще в расчет не принимается, но в доме-то их явно больше двух, а сколько — Силой не определишь, а начни я ей, Силой, работать — половина столичных орденцев слетится...

Все это пролетело у меня в голове за пару секунд — когда под задницей горячо, соображается очень быстро. и решил я ситуацию не усугублять, и за оружие не хвататься.

— Знаешь, я не слепого доверия у тебя прошу, но ты своей удачи не видишь. Нам деваться некуда, только к тебе, а с нами вполне можно состояние сколотить. Мы одни целой армии стоим.

Хромой открыл было рот, намереваясь изречь что-то язвительное — моим замешательством и попытками выкрутиться он явно забавлялся, — но тут кто-то несколько раз тихо стукнул в дверь. Хромой нахмурился:

— Мы, вроде, никого не ждем...Слиггер, посмотри, кто там. А ты стой, как стоял.

Возражать я не стал — на то были причины кроме возможного арбалета. И напряжение сразу свалилось.

Слиггер за моей спиной что-то негромко спросил, стукнула щеколда, и я услышал раздраженный голос Роджера:

— И что с ними, тварями, сегодня?! Законопатили все — мышь не проскочит. Пришлось вот вернуться.

Я, плюнув на указания Хромого, повернулся к дверям — и тут же из-за спины Роджера, буквально отпихнув его в сторону, в дом ворвалась Гельда — она тоже наверняка почувствовала меня еще до того, как вошла — и повисла у меня на шее:

— Мик! Живой!

— Вроде, так, — пробормотал я, зарываясь лицом в ее волосы. Роджер что-то удивленно спросил у Хромого, тот ответил — но я все это попускал мимо ушей. Все это, голуби, ерунда по сравнению с лучшей на свете ведьмой, которую ты уже лешак знает сколько не видел! Я целовал ее в глаза, в нос, в губы, бормотал ей в ухо какие-то уже полные идиотизмы, когда до меня донесся вопрос Хромого:

— Интересно, а долго они так могут?

Так, а вот это уже, пожалуй, адресовано не столько Роджеру, сколько нам. Я мягко отстранил Гельду, повернулся к Роджеру:

— Ну, здорово, что ли!

Он так стиснул мою ладонь, что я чуть не присел:

— Мы уж думали — тебя и в живых-то нет.

— Мафия бессмертна... Ну, как вы там без меня? На Гнездо больше налетов не было?

— Налетов не было, только оцепление еще с неделю держали после того, как ты ушел. А в общем и целом — порядок. Ты-то как?

— Замысловато. Помнишь, ты на странности моей биографии внимание обратил? Не зря, как выяснилось.

— Ну-ка, а что такое?

— В пять минут не обскажешь. Да, слушай, а что тогда звучало насчет того, что вы меня будете три дня ждать? Что стряслось-то?

Роджер усмехнулся в пшеничные усы:

— Да ты, парень, никак, в календаре запутался. Стряслось то, что мы тебя, как и условлено было, через три недели после твоего отлета ждали здесь три с лишним дня, вот по этому самому адресу.

Что-то тяжело провернулось в голове, я приостановился:

— Погоди-ка... А какое сегодня число в таком случае?

Вся честная компания уставилась на меня как на психа, потом Роджер проинформировал:

— Шестнадцатое июля, 216 год Империи.

Так, а вот это уж совсем чудесно... Словно отвечая на эту мысль, над городом понесся заунывный трезвон колокола на башне Клыка.

— Уже семнадцатое, — услужливо сообщил Слиггер. Я немного постоял, чувствуя, как немеют щеки, потом тихо выругался и выскочил на улицу. Вслед мне донесся недоуменный вопрос Хромого:

— Что это с ним? Припадок?

Припадок! Провалиться им, таким припадкам! Я стоял, уставившись в небо, а на востоке над крышами медленно поднималась луна — рыжая, как медный таз. Круглая, без единого изъяна. Нет, но вот это надо ж так лопухнуться, просто классика! Сам бы себе за это по заднице напинал, честное слово! Придурок, кретин, лопух злокачественный! Ну ладно, допустим, день у меня потерялся — скорее всего, когда я по тракту пер, в бреду ведь был... Так меня этот козел, с белым султаном, из Братства, человеческим языком предупредил: "В полнолуние"! А мне для того, чтоб фазу луны определить, даже на небо пялиться не надо, я ж это чувствую! Вот угораздило! Ладно, себя ругать можно долго и обидно, а вот толку от этого нуль. Я разжал кулаки и повернулся обратно к двери.

Войдя, я с порога объявил:

— Поздравьте, я дебил.

— Поздравляю, — откликнулся Хромой. — А что такое?

— Просто сегодня полнолуние.

— Ты в это время всегда такой?

— Да, если в этот день на меня очередную охоту начинают.

— Опять с кем-то подрался, — буднично констатировала Гельда. — С кем хоть на сей раз?

— Серое Братство. Слыхала про таких?

Явно слыхала — сделала глаза по полтиннику:

— Их-то ты где нашел?!

— Не я их, они меня... Ладно, не принципиально. Раз такие пирожки с котятками, давайте не будем терять времени.

— Что еще за Братство? — нахмурился Роджер.

— Долго объяснять. Слушай, тут такое дело: со мной трое ребят, из них двое — инструктора, я тебе про них рассказывал. Можешь их к себе определить?

— Н-ну... Тут подумать надо.

— Только думай быстрее, на нас уже стража глаз положила.

— Ну, разве что под твое ручательство. А ты тоже с нами?

— Да шут его знает... Надо одного деятеля найти — того, который десантом руководил — да посчитаться с ним.

— Опять с кем-то разбираться собрался, — Гельда осуждающе на меня смотрела. — Дождешься — убьют.

— Убить меня и сегодня могут... Вся надежда на то, что эти Серые братцы в Столицу сунуться не рискнут.

— Ты ж рискнул... — буркнул Хромой. Роджер повернулся к нему:

— Гарви, можешь ребят хоть на одну ночь у себя поместить?

— Сложности есть, — нехотя отозвался тот, я поспешил вмешаться:

— Сложности в том, что ребята до недавнего времени работали на Институт. Затем их вместе со мной попробовали убрать, и в результате — мы здесь.

— Так и быть, — решился Роджер. — Гарви, ты как?

— Что делать, — согласился с видимой неохотой Хромой. — Только стражу за собой не притащите. Или этих, как их...

— Тогда я пошел. Роджер, ты со мной?

— Годится, — пожал он плечами.

— Я тоже, — заявила Гельда. Я чуть не взвился:

— Еще чего придумашь! Тут орденцы кишмя кишат, а она туда же — со мной!

— Если ее за три дня не вычислили, так почему сейчас должны? — рассудительно вставил Роджер. Я не сдавался:

— По закону бутерброда — знаешь такой? А поскольку нас сейчас двое, орденцы слетятся, как стервятники на падаль.

— Не слетятся, — пообещала Гельда. — Я свой Камень хорошо научилась прятать.

Глазки Хромого остановились на груди Гельды, он чуть заметно усмехнулся. Ну уж нет, будь что будет, а ее с этим перпетуум кобеле я оставлять не собираюсь, тем более, он в этом городе какая-то шишка.

— Ладно, пошли.

— Слиггер, подготовь все на случай отхода, — распорядился Хромой, когда дверь уже закрывалась за нами.

Дорогу к "Желтому дракону" Роджер знал отлично, так что ориентировкой мне себя затруднять не пришлось. По его словам, ходу туда было минут пятнадцать, так что я успел вкратце изложить свои основные похождения с тех пор, как покинул Гнездо, прежде чем Юрд у меня на груди начал напряженно, с холодком, пульсировать. Опасность. Я остановился так резко, что идущая следом Гельда чуть не налетела на меня:

— Что такое?

— погоди, — пробормотал я, прислушиваясь к своим ощущениям. Так, окна. Чисто. Засады, во всяком случае, не чувствую. Уже легче, хоть знаю, что сверху стрелами не забросают...

Роджер остановился, как сеттер, делающий стойку, напряженно уставился на меня. Юрд уже не просто предупреждал, теперь пошла конкретная информация: Серые, Силой владеет один, общее число — трое или четверо. Приближаются. Я сообщил Роджеру:

— Похоже, добрались до меня. Не больше четырех рыл. Твои рекомендации?

— Драпать на стрелку с погоней за плечами? Несерьезно.

Гельда тоже что-то учуяла, развернулась в сторону предполагаемой опасности, я взял ее за плечи, повернул к себе:

— Значит так, маленький. Сейчас ломишься со всех ног...

— Я не уйду.

— Слушай и не перебивай. Корчму "Желтый дракон" знаешь? Отлично. Несешься со всех ног туда, находишь там Малыша — его ни с кем не спутаешь, здоровенный и рыжий — и скажешь ему, что тут творится какая-то ерунда. Вместо пароля — слова: "И налево наша рать, и направо наша рать". Потом полным ходом ведешь их сюда. Все поняла?

Она кивнула.

— Все, пошла.

Гельда исчезла за поворотом, и буквально тут же мы с Роджером услышали шаги в

боковом проулке — шли сюда, неторопливо. Слава мощным улицам! Роджер накрест взялся за рукояти коротких мечей на поясе, я скрестил руки на груди, держа правую поближе к рукояти Хельмберта. Роджер пробормотал:

— Интересно, а эти твои инструктора и в самом деле такие крутые?

— Надеюсь, увидишь. Попробуем потянуть время.

И в этот момент они вывернули на нас — один впереди, двое чуть приотстали. Передового-то я идентифицировал еще до того, как увидел — тот самый, с которым мы дрались на Торианском тракте под горящими соснами, тот самый гонец, ночью меня нагнавший... Мы с Роджером стояли под единственным на улице тусклым масляным фонарем, и я наконец-то смог разглядеть этого типа — ростом значительно ниже меня, особо внушительной фигурой не отличается. Двое у него за спиной выглядят поосновательней, а этот вертлявый какой-то, и физиономия у него несерьезная — белявенький, смазливый, с мелкими чертами лица. Этакий герой-любовник. Херувимчик киношный...

Они остановились шагах в пяти от нас, не притрагиваясь покуда к оружию. Херувимчик улыбнулся:

— Здравствуй, Меченосец.

— Тебя так же. Кстати, как твое имя — я не люблю разговаривать с незнакомцами.

— Тебе его знать пока ни к чему. Договоримся любовно — узнаешь, а нет — так оно тебе не понадобится.

— И что ж тебе от меня надо?

Он словно удивился:

— Неделью назад, на торианском тракте, я сделал тебе одно предложение и хочу знать, согласен ли ты?

Надо бы время потянуть, под дурачка закосить...

— Какое предложение? Я на торианском тракте чувствовал себя неважно, ничего не помню. О чем вообще идет речь?

С его лица сбежала улыбка, рука упала на рукоять длинного меча. И как такую бандуру можно на поясе таскать?..

— Не валяй дурака, Мик Меченосец! Я здесь не для приятных бесед. Ты отлично все помнишь!

— Допустим, — согласился я, сверкнув (надеюсь) рекламной улыбкой. — Если даже и так, сделка есть сделка, и я такие вещи на улице не обсуждаю. Предлагаю обговорить все это в спокойной обстановке, за бокальчиком.

Херувимчик тут же принял мой тон:

— Согласен, обычно сделок так не заключают, но мы-то с тобой находимся в необычных условиях — нас обоих ищут. Так что ответ твой мне нужен здесь и сейчас.

— И что будет, если я откажусь?

Он снова осклабился:

— Тогда, боюсь, мне придется тебя убить. Итак, Меченосец, твой ответ?..

— А такой не устроит? — рявкнул я, вырывая из ножен Хельмберт, он сначала отпрянул от серебра, потом осклабился совсем уж по-волчьи:

— Вполне. Извини, Меченосец, — и почти неуловимым движением обнажил свой клинок. Слева от меня коротко лязгнули короткие мечи Роджера, пара шакалов за спиной у Херувимчика метнулась вперед, он крикнул, указывая на меня:

— Этот мой! — и понеслась душа по кочкам.

Да, внешность бывает обманчива, как сказал ежик, слезая с сапожной щетки. Не знаю, насколько Херувимчик может быть хорош в Силовом контакте, но на мечах он оказался классом повыше меня — первые три моих атаки моментально захлебнулись. И это несмотря на то, что я и выше, и сильнее физически, да и в оружии кое-что понимаю! Так что не до смеха мне стало уже в первые полторы секунды, а потом уже все наперекосяк пошло.

Отступаю на полшага, меняю стойку — и Херувимчик зеркально повторяет мое движение, острие клинка замирает напротив моего живота, один его выпад — и все! Резко

сшибаю клинки вверх, но разомкнуть их не удастся, он вместо рубящего удара закручивает мой клинок так, что его меч вдруг оказывается слева от меня, острием мне в живот. Полшага, закрут, смена соединения...Его меч снова направлен мне в пузо. Мать твою, да что ж они — примагнитились?! Отскакиваю, он наступает, повторяя мои перемещения. На момент вижу его лицо — он улыбается. И тут до меня потихоньку доходит — он бы меня мог с первых двух ударов завалить, но ему еще и развлечься охота...Нет, пора в глухую защиту.

Кружим, не размыкая клинков, нервы вот-вот лопнут от напряжения...Спокойно, он того и ждет, чтоб я занервничал, раскрылся, и тогда пришьет меня без всякого риска...Играет, как кот с мышью. Слева — звон мечей. Так, Роджер еще дерется, а значит, жив. Со всех сторон, из окон, наверно, голоса — советы, подначки, смех. Зрители, чтоб их! А я, по ходу, начинаю сдавать, и Херувимчик это чувствует. Прыжок, финт — и мне наконец-то удастся разомкнуть клинки, но тут же они снова как слипаются. Интересно, а долго еще это может продолжаться?..

И тут, как хор ангелов с ясного неба, где-то, пока еще далеко, два хриплых, задыхающихся голоса взревели:

— И налево наша рать, и направо наша рать,
Хорошо с перепою мечом помахать!

Ага, живем! Я гаркнул Роджеру:

— Держись! — и тут же пришлось парировать весьма пакостный укол — Херувимчик тоже понял, что игрушки кончились. Занервничал, гад! И тут уж я заработал ногами поживей, прыгая вокруг него и крутя Хельмбертом восьмерки. Серьезной атакой тут, конечно, и не пахнет, и надолго никого при таких упражнениях не хватает, зато и противника заставляет покрутиться, пусть и с меньшим расходом сил. Краем глаза я успел заметить две выскочившие из переулка фигурки — длинную и маленькую, Херувимчик на долю секунды обернулся на топот. Самое время использовать рост и вес!

Я взвыл дурным голосом:

— Йох-хо-гаа! — и прыгнул вперед, но малость не рассчитал и вместо того, чтобы рубануть мечом, схлопотал здоровенный удар в скулу. Херувимчик, врубившись, что соотношение сил изменилось, бортанул меня и метнулся в сторону, но слишком поздно — в следующий момент лезвие меча Старого, пробив плащ, вышло у него из спины пальца на четыре, дымящееся и покрытое черной кровью. Роджер пинком отшвырнул одного из противников Малышу, шакал повалился с раскрытым черепом, второй тут же запрокинулся назад, уронив меч. Старый остановился, переводя дух, и явно собирался потребовать объяснений, но тут воздух взрезал пронзительный вопль:

— Патруль!

Я перевернул труп Херувимчика, рванул камзол у него на груди, чтоб было видно золотую пластину с мчащимся волком и тут же, подхватив под руку вывернувшуюся из-за поворота Гельду, рванулся в темноту вслед за Малышом и Роджером.

ГЛАВА 23.

Мы петляли какими-то узкими проулочками минут, наверно, десять — ума не приложу, зачем. За нами, по-моему, никто не гнался. На бегу я еще умудрился засунуть в ножны Хельмберт — левой рукой, за правую цеплялась Гельда. Наконец мы остановились на каком-то пустыре, с двух сторон зажатом глухими стенами, и принялись шумно переводить дух. Тогда-то Старый и задал тот вопрос, который, очевидно, собирался задать сразу после драки:

— Слушай, Ученик Чародея, а кому мы, собственно, наломали?

— Серому Братству.

— Жидковато, не находишь? По сравнению с тем, что ты рассказывал...

— Еще не вечер, — мрачно уведомил я. Малыш тем временем повернулся к Роджеру:

— Слушай, а где ты так ногами махать научился?

— В бронепехоте научили, — скромно ответил Роджер. Старый высоко поднял брови,

но промолчал. Гельда, наконец отдышавшись, выпалила:

— А знаешь, что они спросили, когда я сказала, что тебя быют? "Что, уже?"

— А чего еще от них ждать? Кстати, рекомендую: вот этот, который делает вид, что самый умный, называется Старый. А эта дурмашина в рыжей бороде — Малыш. Называется так потому, что ума в нем где-то на пятилетнего.

— Привет, фитиолька, — прогудел Малыш, обращаясь к Гельде с высоты своего роста. Из-под всклокоченных волос у него по щеке сползла струйка крови.

— Э, тебя что, зацепили?

Малыш беспечно отмахнулся:

— А, ерунда. Два сантиметра скальпа.

— Дай посмотреть, — повернулся к нему Старый. — Да нагнись ты, урод!

— А может, тебе еще скамеечку подставить?

— Кончай свою интеллектуальную недостаточность демонстрировать.

— В самом деле, Малыш, — поддержал я. — Гельда, покажи ему, на что способна, чтоб не выступал. Да нет, я не бить его прошу, а дырку в нем залатать.

— Давай голову, — безапелляционно скомандовала Гельда, Малыш пожал плечами и подчинился, она хмыкнула и принялась за дело, а я обратился к Старому:

— А это, как ты догадался, капитан Роджер. Он в рекламе не нуждается, верно?

— Верно, — согласился Старый, протягивая руку.

Исторический момент слегка подпортил Малыш — он выпрямился, провел ладонью по макушке, внимательно ее осмотрел, удивленно уставился на Гельду, потом повернулся ко мне:

— Вот это класс! Ученик Чародея, только по секрету: где такие продаются?

— Вот назначат за твою голову две тысячи — узнаешь.

— Так, а с тобой что? — повернулась ко мне Гельда. — Э, да ты ранен!

Только тут я обратил внимание на то, что левая рука снова начала болезненно пульсировать, рукав промок горячим и липким от плеча до локтя. Вот гадство, опять рана вскрылась! Но вот не к месту и не ко времени этим сейчас заниматься, так что я отмахнулся:

— Да так... Собачка покусала.

— Знаю я этих собачек. Снимай камзол.

— Что, прямо здесь? — я невинно округлил глаза. Гельда, похоже, собиралась наградить меня приличным тычком, но передумала и взялась за пряжки камзола, а стащив его, занялась рукой. Я, стараясь, не морщиться, обернулся к Старому:

— Да, орлы, а Ларико-то вы в корчме оставили?

Он пожал плечами:

— Ну да, а что? Место тихое...

— Это "Желтый дракон" место тихое? — недоверчиво переспросил Роджер. Малыш усмехнулся:

— Нас, во всяком случае, не трогали.

— Неудивительно, — буркнул я. Рожу все-таки перекосило — скоростное чародейское заживление штука болезненная.

И в этот момент в проходе между стенами возникла темная фигура:

— Эй, Меченосец!

Я вывернулся от Гельды, развернулся, метательный нож незаметно даже для меня самого лег в ладонь, рука пошла вверх, для броска. Вот, кретинище, расслабился! Второй раз за сутки так лопухнуться — это, пожалуй, немного чересчур...

— Дикс?!

— Тише, идиот! Хочешь чтоб меня заметили?

Вот странно, никогда б не подумал, что Дикс захочет тайно со мной встречаться. И вообще, что это он в Столице делает?..

— Что это за?.. — осведомился Старый, ему ответил Роджер:

— Да так, старый знакомый. В горах встречались.

— Заткнитесь и слушайте, — прошипел Дикс тоном не допускающим возражений. Ох, сдается мне, опять жареным пахнет... А Дикс продолжал все тем же свистящим шепотом:

— Никогда не назначайте встреч в "Желтом драконе", там хозяин работает на внутреннюю стражу. Женщину, которая была с вами, схватили. Искали какого-то рыжего, длинного.

Вот это клюква... Я беспомощно выругался, вернул на место метательный нож и подхватил с земли перевязь с мечом. Старый моментально подобрался, одним движением вскочил на ноги и двинулся из проулка, Малыш загородил ему дорогу:

— Не пори горячку.

— Отойди, — негромко и повелительно бросил Старый, я разглядел его лицо, до странности спокойное. Малыш, стоя спиной ко мне, пошире расставил руки:

— Придурок, ты соображаешь, что делаешь? Если ты сейчас туда сунешься, от тебя места мокрого не оставят!

Старый так же тихо повторил:

— Отойди.

— Ага, уже спешу. Дождись.

И тут произошло нечто непонятное — Старый качнул корпусом, еще какое-то движение, которого я не уловил, и Малыш — Малыш! — отлетел в сторону. Следующим на пути Старого оказался я, он остановился передо мной:

— А ты — тоже мне помешать хочешь?

— Я еще не самоубийца, — проворчал я, отодвигаясь в сторонку и перехватывая поудобней ножны с Хельмбертом. — Но ты все равно идиот.

Старый мое утверждение к сведению не принял, а зря. Когда он миновал меня, я, махнув мечом, как следует приложил рукоять к его затылку. Роджер прыгнул вперед, подхватил обмякшее тело, бережно прислонил к стене:

— Вот так-то лучше.

— Так-то оно так, — Малыш задумчиво поскреб бороду. — ТОлько ведь и в самом деле что-то предпринимать пора.

Странно, Дикс еще не ушел... Я обернулся к нему:

— А куда ее повезли?

— Не знаю. Я тебе и так слишком много сказал. Все, прощай, — он повернулся и растворился в темноте.

— Я твой должник, — крикнул я ему вслед. Его уже не было видно, но до меня донеслось крепкое ругательство. Малыш сумрачно усмехнулся, потирая ушибленное плечо:

— М-да, отменно вежлив... Но и на том спасибо. Ладно, братишки-сестренки, попробую я туда сходить и тихонько разобраться.

— Искали тебя, — тихо напомнила Гельда, Роджер поддержал:

— Высокий рост от стрел не спасает. К тому же этому парню, орденцу, я бы с очень большой оглядкой верил — может, подруга ваша по-прежнему в "Желтом драконе" сидит, а вот вас там стадо арбалетчиков дожидается.

Малыш далеко сплюнул:

— На проблеме проблема...

— Ладно, — вздохнул я, набрасывая на плечи плащ, — поскольку из всей честной компании там только я не засветился, пойду и тихо разберусь именно я.

— Куда ты сейчас пойдешь? — накинулась на меня Гельда. — Ты на руку свою погляди, дубина!

— Она права, — кивнул Роджер. — Ну ладно, меня там тоже не видали, так что пойду-ка я побеседую с этим хозяином. А то уж я твоей популярности завидовать начинаю... Ученик Чародея.

Ч-черт, похоже, это идиотское прозвище намертво ко мне пристало...

Роджер бесшумно сгинул в темноте, а я стянул плащ и снова подставил левое плечо Гельде. Малыш посмотрел вслед Роджеру, потом перевел взгляд на меня:

— Слушай, а ты этому капитану веришь?

— Как себе. Гельда, а потише нельзя? У меня рука не казенная.

— Ничего, терпи.

И я терпел, только зубы пришлось сжать покрепче. Все на свете сейчас бы отдал за хороший глоток водки, но водки нет, так что остается отводить душу, ругаясь про себя последними словами. И кто их только придумал, оборотней этих! Малыш, нахохлившись как воробей-переросток, устроился на каком-то камне и бережно покачивал на ладони секиру, бросая взгляды в темноту и время от времени что-то угрожающе боромоча.

Наконец Гельда велела:

— Забирай свою руку.

Слушаю и повинуюсь... Да, нормально, только шрам остался. Жалко, камзол весь в кровище — вроде ничего особенного, а все равно неприятно... Хотя в Столице такими вещами кого-то удивить трудно. Так что я принялся сосредоточенно напавливать его — и тут заворочался Старый.

Я на всякий пожарный отодвинулся подальше — кто его знает, а вдруг ему в голову придет разбираться... Но он сначала застонал, потом сел прямо, ощупал затылок и осведомился:

— Интересно, а какая сволочь меня долбанула?

— Поскользнулся, — на голубом глазу ответил Малыш.

— Да, гололед кругом, и как я не заметил... Ладно, давайте решать, что делать дальше, раз уж вы так настаиваете. Я бы все равно рискнул в этот трактир прогуляться.

— Роджер уже пошел, — сообщила Гельда. Роджер опять же совершенно бесшумно возник из темноты, заставив мою руку дернуться к рукояти меча:

— Роджер уже пришел.

Старый тут же оказался на ногах:

— Узнал что-нибудь?

— Узнал, узнал, только давайте об этом не здесь — а то у стен в этих краях не только уши с языками бывают, но и арбалеты.

— Ну так пошли, — нетерпеливо переступил с ноги на ногу Малыш, вбрасывая топор в петлю на поясе.

Мы шли по темным улицам, быстро и молча, но я все же, улучив момент, поравнялся с Роджером и вопросительно глянул на него, он тут же тихо ответил на мой непрозвучавший вопрос:

— Паршиво. Хуже просто не бывает. У этого инструктора как — нервы крепкие?

— Он вообще не знает, что это такое. Ты там что-то разузнал... У кого, кстати?

— У хозяина.

— И что он — сам тебе сказал?

— Почти, — Роджер, мрачно ухмыльнувшись, посмотрел на ободранные костяшки пальцев. — Я его убедил. Мои методы лучше скополамина, так что после парочки доводов он стал просто болтлив, — больше ничего он объяснять не пожелал, и остаток пути мы проделали в гробовом молчании.

Хромой, встретив нас на пороге, сразу подозрительно прищурился:

— Вы говорили, вас больше будет... Где еще один?

— У нас проблемы, — негромко сообщил Роджер, Хромой только плечами пожал:

— Мне до ваших трудностей... Заходите, раз пришли, — а потом, прикрыв дверь за нашими спинами, окинул взглядом Малыша:

— Так это ты полгода назад меня искал?

Малыш сверкнул зубами:

— Было дело... А это ты ко мне того задохлика с кинжалом подослал?

— Одного? Я не дурак. А что?

— Да мало ли... Соболезнования выразить, то, се...

— К делу, — прервал их Старый. Хромой неприязненно посмотрел на него:

— А ты кто будешь?

Я быстро представил всех незнакомых между собой и уселся на скамью у стола, Гельда устроилась рядом со мной. Лицо у нее было спокойно и сосредоточенно, как перед дракой. Роджер молчал, глядя в пол. Старый подошел к нему почти вплотную:

— Ну так что ты узнал?

— Хуже некуда, — выдавил Роджер. — За мной увязался хвост...

— Где он? — тут же насторожился Хромой, Слиггер, бесшумно спустившись с лестницы, встал у него за плечом.

— Сбросил, — Роджер не стал вдаваться в детали. — Не это главное. У хозяина «Дракона» я забрал вот это, — он выложил на стол какую-то пластинку, похоже, серебряную. Все столпились вокруг стола, причем рожи у них вытянулись буквально на глазах. Надо хоть тоже глянуть, что это за штука...

Я поднялся, оттер плечом Малыша и наклонился над непонятным предметом. На вид напоминает монету, сантиметра два в диаметре, только вместо родного и знакомого профиля императора красуется на ней непонятный герб — корона на фоне скрещенных меча и факела.

— Действительно, хуже если и бывает, то редко, пробор-мотал наконец Малыш. Старый просто побелел, губы сжались в прямую линию. Да, держаться ему стоит немалых усилий...

— А что это такое? — наконец отважился спросить я. Хромой окинул меня презрительным взглядом, явно не понимая, как это можно столь элементарных вещей не знать:

— Это печать Секретной Инквизиции.

— А что такое эта Секретная Инквизиция? Не забывайте, я в столичной жизни новичок.

Физиономии ребят после моего вопроса вытянулись еще приблизительно вдвое, они бросали нервные взгляды то на дверь, то на тяжелые портьеры, словно ожидая, что сейчас оттуда вылезет взвод институтского спецназа в масках и с автоматами. Малыш в конце концов хмуро просветил меня:

— Личная гвардия Верховного Магистра.

— Слушай, это мне еще ни о чем не говорит. Что они из себя представляют?

— Всякое рассказывают.

— Да скажи хоть — они люди?

Ребята мрачно заухмылялись:

— Внешне — может быть...

— Так кто они — оборотни? Зомби?

— Нет.

— Они Чародеи?

— Чародеев в эти отряды не берут, — сообщил Хромой. — Верховный Чародеям доверяет меньше.

— Слушай, Роджер, — взмолился я, — хоть ты мне толком объясни — они, получается, обычные люди?

— Примерно, — помедлив, отозвался Роджер. — Они — тренированные убийцы. По слухам, их кто-то из Пришлых обучал.

— Вот так бы сразу, — с облегчением вздохнул я. — Хоть одной проблемой меньше... Если нам с толпой Чародеев не придется схлестываться, так я почти счастлив.

— Ты уверен, что это были они? — тихо спросил Старый, глядя на Роджера. — Орденец говорил — внутренняя стража.

Роджер медленно кивнул:

— На сто процентов. Были они в форме внутренней стражи, но действовали тихо и оперативно. И взяли ее как ведьму, — он старательно избегал встречаться со Старым глазами.

Хромой побарабанил пальцами по столу и принялся рассуждать вслух:

— Так... В городскую тюрьму, в старый монастырь, свозят воров и неплательщиков, этим занимается стража.

— Может, в башню? — предположил Роджер. — Хозяин говорил — в сторону Гавани. Я б проподобней выпросил, только линия пришло.

— Нет, в башню только дворян сажают и тех, кто в Смуте участвует... Если это были Секретники и повезли ее в сторону Гавани... Судя по всему — во внутреннюю цитадель. И если ее взяли как ведьму, — то потрошить начнут, не откладывая, — закончил Хромой, как мне показалось, с некоторым злорадством. Старый, чуть ссутулившись, сидел на стуле, сложив руки между колен, только желваки на скулах выдавали, каково ему сейчас. Я почти автоматически обнял Гельду за талию. Понимаю, шкурные мысли, но я почти рад, что она на месте Ларико не оказалась. В сравнении со Старым я бы, наверно, вел себя куда хуже...

Мы молча посидели еще немного, потом Старый, почти не разжимая губ, произнес:

— Надо ее вытаскивать.

Хромой посмотрел на него слегка иронически, но промолчал. Малыш взял со стола печать, подбросил как монету, поймал:

— А вот такая штучка поможет в эту внутреннюю цитадель с докладом пройти, как думаете?

Хромой покривил губы:

— А спросят тебя, к кому ты — и что ты им споешь?

— К тому ж они своих агентов наверняка в лицо знают, — дополнил Роджер. Он пристроился на низкой скамейке у камина, вытянув ноги чуть не до середины комнаты.

— Ну хорошо, а форма у них есть? — не сдавался Малыш.

— Ладно, достал ты форму, а пароль тебе кто скажет?

— Скажут, — мрачно пообещал Старый.

— Времени нет, — помотал я головой. — Знать бы еще, зачем ее забрали?

Малыш насмешливо уставился на меня:

— А вот это как раз не принципиально. Надо быстренько определиться — и действовать, а то мы тут сидим, треплемся — а ее там, возможно, уже допрашивают. Давайте думать, как нам внутрь попасть.

Уж мне эти супермены, люди действия!

— Не принципиально, говоришь? А ты подумай немного, напрягись. Охота за нами троими продолжается, а теперь хватают Ларико, а Верховный — сам из Пришлых, так что вполне может с Институтом завязан быть. А может, ее вместо приманки используют? Предполагается, что мы ее вынимать полезем, и вот, приползаем мы в эту внутреннюю цитадель, а нас там ожидает пара десятков институтских. С автоматами.

Старый усмехнулся, не скрывая презрения:

— А ты предлагаешь всех обмануть и не полезть, так?

Честно говоря, в другой бы ситуации за подобные вопросы я б по роже заехал... Я повернулся к нему и медленно отчеканил:

— А вот дерьмом меня считать не надо, хорошо?

— Если драться собираетесь, то не у меня в доме, — влез Хромой. Ехиден, как гремучая змея... Я жестом остановил его:

— А то что-то у вас очень лихо все получается: забрались в эту цитадель, загнали там всех в позу прачки и спокойненько смылись.

— Ты что-то конкретное предлагаешь? — нетерпеливо прервал Старый.

— Я предлагаю действовать не сгоряча. Что такое эта цитадель?

— Резиденция Верховного Магистра.

— Так... Следовательно, придется иметь дело с кучей орденов, не считая этого вашего хваленного стада головорезов. А для штурма у нас силенок маловато будет, как считаете?

— Кто-то говорил, что ваша команда целой армии стоит, — негромко, как бы про себя, пробормотал Хромой. Малыш неожиданно рассмеялся:

— А что, в самом деле... Трое Пришлых, один из которых Чародей а остальные —

инструктора по выживанию, которых кой-чему учили...Для штурма действительно жидко, а вот диверсионная группа вполне приличная.

Роджер неторопливо прикурил от пламени свечи и негромко, но предельно четко произнес:

— Четверо Пришлых. Вы забыли еще капитана бронепехоты, которого тоже кое-чему учили.

Старый недоуменно посмотрел на него, потом благодарно улыбнулся — впервые за последний час. Я тоже почувствовал себя несколько ошарашенным и уставился на Роджера во все глаза. Вот ведь, до чего дошел — во всяком действии первым делом ищу корыстные мотивы, а то, что существует на свете такая вещь, как элементарная порядочность, у меня из головы вылетело...

А Хромой — тот чуть не подскочил, во всяком случае на его непроницаемой физиономии появилось нечто похожее на удивление:

— А тебе-то что в этом деле надо? Эта баба тебе кто — кума?

Роджер бросил быстрый взгляд на меня и сообщил:

— Я ее ни разу не видел. Но эти ребята — из моей команды.

Малыш за спиной у Хромого помотал головой, у него на физиономии даже нарисовалось почтение. Правильно, Малыш, такие жесты надо ценить — фактически, Роджер сейчас перед этим Хромым за нас головой поручился.

Гельда вдруг тоже вскинулась:

— А меня что — не берете?

Так, в данной ситуации решающее слово за мной.

— Маленький, если внутрь попадем — будет большая драка.

— Что я — драк не видела?

— Видела, видела, успокойся...Только тогда получается, что ты наравне с нами рискуешь.

— Ну и что?

— А сейчас подумай, — какой шанс что мы выйдем оттуда живыми и невредимыми? — я уже обращался не только к ней, а ко всем. — Даже живыми-то, вероятно, не все. А сейчас — вопрос на засыпку: кто-нибудь из нас, кроме тебя, целительством владеет?

— Верно, — подтвердил Старый. — Тобой мы рисковать не можем.

— Ладно, — Малыш пристукнул ладонью по колену. — Состав определился, а теперь надо подумать, как мы туда пролезем.

— А главное — как мы потом оттуда вылезем, — напомнил Роджер. Я кивнул, соглашаясь:

— А то смеху-то будет, если мы и Ларико не вытащим, и самих нас утречком на просушку вывешат.

Хромой неожиданно решил поделиться ценной информацией:

— Тюрьма расположена во внутреннем здании, скорее всего, где-то в подвальных ярусах. Всего этих ярусов — четыре или пять.

— Ладно, так как же мы в это внутреннее здание попадем? — теперь Старый выглядел так, словно решал какую-то любопытную математическую задачу. Повисла пауза минут, наверно, на пять, после чего я выдал очередную гениальную идею:

— Надо появиться откуда-то, откуда нас никто не ждет.

Удивительно — остальные отреагировали на мои слова как на удачную, но несвоевременную шутку:

— Открыл Америку! Из-под земли, что ли, вылезти или с неба свалиться?

— С неба?...А что, идея. Что поблизости есть высокого?

Ребята уставились на меня так, что я себя ощутил полным идиотом. Потом Роджер все же снизошел до объяснений:

— Строить вообще что-то поблизости, не говоря уж о высотных сооружениях,

запрещено еще лет полтора назад. Вокруг футов на триста — голая каменная площадь, да еще и патрули.

М-да, триста футов — это даже в метрах прилично получается... Я заткнулся, пристыженный.

И все же на данный момент я единственный предложил что-то, отдаленно смахивающее на конструктивный вариант. А после того, как меня обломали, вообще наступил мертвый штиль и повисла напряженная тишина. Я еще несколько минут честно ломал голову, изобретая и отбрасывая всевозможные варианты действий, а потом принялся втихушку оглядываться, изучая все виды симуляции бурной умственной деятельности. Старый, скрестив руки на груди, расхаживал по комнате как тигр по клетке. Гельда рядом со мной что-то неслышно бормотала себе под нос, загибая при этом пальцы. Малыш неизвестно зачем выволок из-за пояса секиру, утвердил ее между колен и водил большим пальцем по лезвию, сосредоточенно хмурия брови. Роджер, вытянув ноги, коротко и яростно пыхтел трубкой. Хромой, ссутулясь над столом, покручивал ладонями пустую кружку. И даже Слigger, юноша бледный, принял участие в мозговом штурме — уселся в лермонтовской позе, подперев рукой голову. И тишина такая, что вот-вот услышишь напряженное гуденье мозгов и перестук шариков под черепушками. Честное слово, не будь все так паршиво, я бы ржал.

Черт его знает, сколько б мы еще в бесплодных раздумьях просидели, но тут Хромой неожиданно поднял голову:

— Ладно, так и быть, помогу.

Старый одним неуловимым каким-то движением переместился из противоположного угла, встал перед ним:

— Ну?

— Сядь, — поморщился Хромой. Тоже не любит бурной жестикуляции... Хотя кто ее любит... Старый помедлил, отодвинулся, присел на край скамейки. Хромой выдержал драматическую паузу, потом важно изрек:

— Наверно, тут все про Нижний город слышали.

— Кроме меня, — скромно напомнил я.

На сей раз для разнообразия Хромой оказался доволен, что его спросили. И вообще вид у него такой, словно он нас облагодетельствовать собрался — прямо лопается от скромности.

— Нижний город — это ходы под Столицей. некоторые построены, когда самой Столицы и в помине-то еще не было., некоторые недавно прорыли, а некоторые вообще неизвестно кто проделал. Говорят, кой-какие и в подвалы цитадели выводят.

— Слушай, а это точно? — снова качнулся вперед Старый, Хромой окрысился:

— А я-то почему знаю? Я там не хожу. Тамошние, из Нижнего города, должны знать.

Роджер нахмурился еще сильнее и теперь сосредоточенно теребил ус:

— Вот насчет тамошних-то я и боюсь... Там же корпоранты окопались.

Малыш расплылся в улыбке:

— Так это ж милое дело!

Я потряс головой:

— Слушайте, просветите, ради Аллаха, не дайте помереть дурой... Кто такие корпоранты? Бурши?

Я понимаю, конечно, подобное незнание смешно, но при условии, что тебе самому все известно. Отсмеявшись наконец, Малыш сообщил:

— Там, Ученик Чародея, такие бурши... Это — корпорация уголовщины, причем самой отмороженной, которую все церкви поотлучали и любая власть ловит.

Старый пригладил бородку:

— Все это хорошо, только эти корпоранты, насколько я знаю, чужих не любят.

— Да можно с ними договориться, — махнул рукой Малыш. Помолчал и прибавил:

— А можно и не договориться.

Роджер мрачно хмыкнул и сообщил:

— Нравится мне это...Ход, который то ли есть, то ли нет, потом в цитадель то ли прорвемся, то ли нет, потом найдем нужного человека, а может нет...И еще такой вопросик, уже пару раз сегодня прозвучавший: а как мы, собственно, оттуда выйдем?

— На каком-то из подвальных ярусов в этой Цитадели должен быть подземный ход, — сообщил Хромой. Ведет куда-то за городской ров.

— Погоди-ка, — Старый прищурился, — а откуда ты все это знаешь? Что тюрьма в подвале, что ход должен быть, все остальное?

Хромой, против ожидания, не разозлился, наоборот, усмехнулся в усы:

— Был там у меня один сержант...Только он почему-то решил, что может меня обманывать, — да, лучше не уточнять, что с этим сержантом случилось...

Роджер снова дернул себя за ус:

— Корпоранты — это здорово, только к ним без денег лучше не соваться.

— А с деньгами — тем паче, — дополнил Малыш. Хромой поскреб в бороде:

— Ну уж ладно, помогу вам еще раз...Знаю я главу этих корпорантов, более того — он мой должник. Попросите провести к нему, скажете, что от меня.

— А как его звать? — сразу заинтересовался Малыш. Хромой помедлил и сообщил:

— Старнное у него имя. Его обычно называют Изя.

— Как?! — не выдержал я.

— Изя, — повторил Хромой, недоуменно наблюдая за моей реакцией. А чего, собственно, я так вскинулся? Совпадение, наверно... Уж этот-то, я надеюсь, не Пришлый...

Роджер хрустнул пальцами:

— Ладно, с главным разобрались...насколько это вообще возможно. Теперь детали: а как мы в сам этот Нижний город попадем?

— Слиггер вас проводит.

Слиггер согласно кивнул и принялся подтягивать потуже пояс с кинжалом. Гельда придвинулась ко мне:

— Ну, только рискни не вернуться... — некоторый мандраж в голосе... Я ободряюще улыбнулся ей, посмотрел на Хромого:

— Еще такой момент: нам после дела в Столице и пяти минут оставаться нельзя. Где встречаемся?

— В лиге от Южных ворот по тракту старый дом. Ждем вас там.

— Если мы, после того, как выйдем, хоть лигу проползти сможем, — впал в пессимизм Малыш. Я еще раз улыбнулся Гельде, погладил ее по плечу. И что за паскудная судьба — два месяца девчонку не видел, только встретились — и вот опять надо куда-то прорываться с большой дракой, лезть под землю, цитадель эту штурмовать... Кто бы знал, как мне это надоело...

ГЛАВА 24.

На обсуждение кое-каких оставшихся моментов и сбор всего необходимого для успешного завершения предприятия мы потратили чуть меньше часа, так что времени сейчас — около двух часов ночи. Нас почему-то предупреждали, что в Столице это самое опасное время, но почему именно не объяснили. На самом деле мы так никого и не встретили: местные жители слишком умны, чтобы попадаться на дороге пятерым вооруженным головорезам, из которых трое по здешним масштабам невиданные здоровяки. А патрулями в этой части города и не пахнет, сюда они и днем-то избегают соваться.

Слиггер, как наш провожатый, топает на полшага впереди, на голове у него красуется черная повязка с узлом над левым ухом, придающая ему вид нелепо-залихватский, я топаю чуть поотстав. А за мной — Роджер, Старый и Малыш. Шаги глушатся многолетними наслоениями грязи, так что единственное звуковое сопровождение — позвякивание каких-то железок в мешке у Роджера. Как он нас со своей фирменной улыбочкой уверил, без них нам в цитадели делать нечего...И сейчас мы четверо действительно чувствуем себя одной

командой. Но меня все равно слегка подколачивает — не мандраж, а легкое возбуждение перед предстоящим делом. И всю дорогу, то есть где-то уже с полчасца, я стараюсь отогнать от себя мысли о том, что кого-то из ребят уже через пару часов может не оказаться в живых. Да и меня если убьют, наверно тоже приятного мало...

Мы брели по какой-то особенно узкой улочке, когда до меня дошло, почему это время самое опасное и на улицах никого нет — из распахнувшегося окошка на третьем этаже на дорогу передо мной с громким плеском излилось не меньше ведра каких-то зловонных помоев. Я отскочил, брезгливо отряхивая плащ, задрал голову и гаркнул:

— Ворона! Носи очки, пока без головы не осталась!

Откликнулся визгливый женский голос:

— Очки?! Носит вас, выроdkов, по ночам под окнами честных людей, да еще и очки им подавай! Ишь ведь что удумал, чернокнижник — очки!

Монолог явно имел целью привлечь всеобщее внимание, но до того, как он превратился в шедевр абстракции и феномен чистого искусства, Малыш выступил вперед и грозно рявкнул:

— Закрой хлебало!

Я всегда говорил, что МАлыш производит впечатление — старая карга испуганно пискнула и убралась куда-то в глубины дома, откуда тут же донеслись ее скрипучие вопли, побуждающие кого-то, очевидно, мужа, быть мужчиной.

— Бедняга, — посочувствовал Роджер. — Такие призывы в два часа ночи...

— Пойдем отсюда, — заторопил Слиггер. — А то они сейчас изo всех щелей повылезают.

Явно нервничает парень... Нет, теперь я понимаю, почему Хромой с нами не пошел — когда тебя на старости лет дерьмом окатят, это, наверно, вдвойне обидно...

И все же Хромой решил нам помогать... А с чего, собственно? Вряд ли только из-за симпатий к Роджеру... Хотя можно догадаться — если наша акция увенчается успехом, он заполучит в должники еще и нашу троицу, а нет — невелика потеря, к тому же, сдается мне, он считает, что в этом случае ему достанется Гельда. Ладно, я уж постараюсь, чтоб она ему не досталась. Я поправил на спине лямки мешка с факелами и пристроился след в след за Слиггером.

Как я понял из разговора, идти нам предстояло прямо к этой Старой Церкви. Чем ближе мы к ней подбирались, тем глуше становились трущобы вокруг — никаких каменных домов, сплошь покосившиеся деревянные развалюхи, да еще и грязь по щиколотку. Да еще и я постоянно начинаю нервно озираться, стоит мне посмотреть на небо — а там во всю сверкает идеально круглая луна, уже потихоньку клонящаяся к западу. Ох, прав был Старый — как-то несерьезно за меня Серое Братство взялось... Хотя опасностью пока что не пахнет, и то хлеб.

Внезапно Слиггер остановился так резко, что я чуть не сшиб его с ног, указал куда-то вперед и объявил:

— Почти пришли. Вот она, Старая Церковь.

Да, внушительно выглядит, несмотря на то, что почти разрушена — стрельчатые окна ослепли, рамы из всех повыдернуты, кой-где даже кладку разобрали — надо ж из чего-то строить, — и торчат голые стропила громадного купола, как ребра какого-то вымершего исполина... Упадок и разрушение. С тех пор, как Орден все под себя подгрел, религия не в почете, но церковь сохранилась, а ее деятели шестерят на Магистров. Хотя у местных отношение к религии, в общем-то, здоровое — кто ни поп, тот и батька...

Основное здание Старой Церкви, облупившееся, в белесых потеках, мы миновали, и Слиггер постучался в ставню какой-то боковой пристройки — три удара, пауза, два, пауза. Пауза получилась долгой, потом из-за ставень послышалось невнятное бормотанье, и низенькая дверца распахнулась с протяжным царапающим скрипом, а потом, словно продолжение этого скрипа, раздался старческий дребезжащий голос:

— Кого это ты приволок, Слиггер? Опять какие-то ханурики спрятаться от стражи

хотят?

— Это к Изе, от Хромого, — торопливо пояснил Слиггер. При свете свечи, которую старикашка держал в руке, я разглядел, что он основательно побледнел, даже против прежнего. А так же разглядел и самого старикашку. Ну и рожа! Абсолютно голый череп, причем кожа на черепе, кажется, этому типу на пару размеров великовата — свисает складками где только можно, плотно обтянуты только непомерно широкие скулы да остренький, крысиный какой-то нос. И все это бы еще не столь отталкивающе выглядело, если б не костюм этого деда — сейчас уже трудно предположить, чем это было раньше, такие невообразимые лохмотья! Похоже, старикан его от своего дедушки унаследовал, а тот отбил в честном бою у старьевщика... Но в глазенках у этого типа сразу вспыхнул характерный огонек мелкого хищника, и он заскрипел, обращаясь к нашей группе, явно издевательски:

— Ого, какие важные господа пожаловали! Рыцари пришли грехи замолить?

— Хальзорг, это к Изе, от Хромого, — снова попытался объяснить Слиггер, но старикашка, судя по всему, отзывающийся на имя Хальзорг, его проигнорировал:

— Ну-ка, ну-ка, племя конокрадов, подойдите-ка поближе, чтоб я на вас посмотрел! Всякой швали я на своем веку навидался...

— А ты, никак, в этой церкви святой отец-настоятель, — нежно пробормотал Малыш, приподнимая старика за шиворот с явной опасностью для исторического костюма.

— Но ты, полумеч без рукояти! — завизжал тот. — А ну-ка, клешни убери, а то пройдешься до канавы на широком коне!

Малыш поставил его на землю, глядя на маленького и щупленького старичка словно на редкостную букашку:

— Да ты, никак, законник, прыщ жаберный? — и тут же без всякого перехода осведомился:— Сколько?

— Четыре веселых.

— Что-о?! — Малыш на глазах раздулся чуть не вдвое, нависая над Хальзоргом, как башня. — Да вся твоя часовня на круг по четыре веселых не повиснет! Паршей тебе воронить за четыре веселых, гурко и с храпом! — и миролюбиво предложил:— Две рыбешки.

Мы со Старым недоуменно переглянулись, слушая эту галиматью, Роджер и Слиггер заухмылялись, а Хальзорг — тот так и взвился:

— На глаза тебе их положить! Сейчас морганы прикатят, так тебе пять футов за кружку пройдут! Да кто ты такой?!

Малыш принялся громовым голосом объяснять почему-то не кто он такой, а кто такой Хальзорг, пользуясь все тем же невообразимым языком, старикашка визгливо отвечал ему. По тому, что время от времени в их дуэте мелькали цифры, я догадался: Малыш торгуется. Наконец они с Хальзоргом пришли к какому-то соглашению, и Малыш вручил ему золотую монету. Слиггер тут же поспешил испариться, а Хальзорг сделал нам приглашающий жест и повел через здание церкви, явно уверенный, что имеет дело с шайкой самых крутых громил от Южных отрогов до побережья.

А внутри все так же ободрано, как и снаружи — громадная и пустая каменная коробка с обломками колонн, каменные плиты на полу разъехались, засыпаны какой-то дрянью, но все равно каждый шаг отдается гулко. В лунном свете, проникающем через разрушенный купол, я разглядел только громадный рельеф на стене, на высоте метров десяти — лицо какого-то древнего святого или бога. Мне даже немного не по себе стало — лицо это, смотрящее сверху вниз, казалось, пристально изучает нас — с какой-то отстраненной жалостью... Но долго любоваться им не пришлось, мы завернули за кучу каменного крошева и вслед за Хальзоргом по очереди протиснулись в какой-то узкий лаз. Я, уловив момент, придвинулся поближе к Малышу:

— Слушай, где ты этой фене научился?

Малыш только подмигнул и вслед за Хальзоргом полез в узкий сырой ход с земляными стенами — настоящая нора.

Оказавшись под землей, я первым делом запалил факел и передал его Малышу. Стало не то что бы светлее, но по крайней мере не так мерзко, хотя и воняло тут — дай боже. Несколько раз Хальзорг, ставший после получения платы почти предупредительным, сообщал что-то наподобие: "Рой капы", что очевидно обозначало что-то вроде: "Смотри под ноги" — это я понял, когда вляпался в пересекающий нору ручей. Впрочем, второе предупреждение меня так же не спасло, я промочил обе ноги и теперь ругался про себя последними словами.

Не знаю, сколько мы топали по этой норе, уходящей все вниз и вниз — наверно, долго. Знаю только, что стены у нее оказались покрытыми жутко липучей грязью — когда приходится протискиваться боком или задевать головой свод, это очень ощутимо. Потом мы свернули в более широкий поход, а когда впереди замаячил низкий каменный туннель с круглым сводом, нас наконец окликнули. Собеседников я не видел, но судя по тону, они сначала намеревались пристрелить нас — разговор велся все на том же непонятном арго. Но Малыш тут же вступил в яростный торг и в конце концов вышел победителем — из темноты вынырнула четверка мрачных личностей, трое занялись Хапльзоргом — похоже, старому козлу придется-таки поделиться полученной выручкой! — а один, заросший до глаз детинушка наружности явно криминальной, в потасканной матросской робе и новеньких офицерских сапогах, вызвался нас проводить. По пути нас еще несколько раз окликали, верзила, идущий впереди, отвечал что-то неразборчивое, и продолжали идти мы без всяких помех. Мы миновали еще один каменный коридор, на сей раз пошире и повыше, но прошли по нему совсем уже недолго — за следующим поворотом перед нами открылся зал величиной со среднюю базарную площадь.

Хотите знать, как выглядит изнутри преисподняя — загляните на досуге в Нижний город... В воздухе висит застоявшийся чад от множества костров (интересно, а основной дым куда выходит?), вокруг них расположились кучки самых разнообразных личностей. Все, что их объединяет — они жутко грязные и копченые. У одного костра жрут, у другого собралась толпа — там режутся в кости, у третьего, яростно рыча на посторонних, делят добычу... Такой мелочью, как клеймо на лбу или отрезанные уши, тут, по-моему, удивить кого-то сложно. Тут же шарятся бабы, все как на подбор толстые, грязные, пьяные, в рванье, почти утратившие сходство с женщинами — но местных этим не остановишь, то одну хватают, то другую, тащат куда-то в темноту... К своему удивлению я заметил в этой сутолоке даже нескольких детей, совсем пацанят.

Если б у меня оставалась душа, это зрелище, безусловно, навсегда б ее травмировало. К моему облегчению, "общий зал" мы миновали довольно быстро, на нас никто даже внимания не обратил. Через пару поворотов мы снова попали в большое помещение, где собиралась публика почище (по уголовным меркам, естественно). Там шла великая пьянка, но нас все же попытались тормознуть, на что провожатый наш на сей раз ответил просто и понятно: "К Изе от Хромого". Посреди зала, ни на кого не обращая внимания, стоял, гордо вскинув голову, молодой человек с бледным, изможденным пьянством лицом, похожий на Сливгера как родной брат (а может, он им и был). Прижав к подбородку странный инструмент, напоминающий скрипку, он выводил на нем (я ушам своим не поверил!) нечто, до жути смахивающее на «Сороковую» Моцарта. Я было раскрыл пасть и развесил уши, но приходилось поспевать за Малышом, а сзади подталкивал Роджер. Ладно, если представится случай, я с этим музыкантом еще побеседую...

Дальше мы шли совсем уже недолго — перед нами открылась комнатка, довольно ярко освещенная факелами, в которой мыкалось около десятка здоровяков, все трезвые и при оружии. И тут же я почувствовал Силу — исходила она из дальнего конца комнаты, отгороженного дощатой перегородкой. Бог ты мой, неужто этот Изя еще и Чародей? Только этого для полного счастья не хватало...

Все обошлось без лишних формальностей — просто наш провожатый снова сказал, от кого мы и к кому, и нас пропустили за перегородку. Еще не успели мы туда войти, как из-за нее послышался голос — гнусавый и надтреснутый:

— Среди них орденец, Изя!

Так, значит этот Изя сам не Чародей. Пустячок, а приятно...

Мы вошли в малюсенькую дверь, телохранители сопели нам в спину. М-да, по сравнению с тем, что мы тут видели, комнатка просто поражает своей чистотой и освещенностью — даже потолок можно разглядеть. Но на потолок я пялиться не собирался, вместо этого переключил внимание на человека в черно-серебряном камзоле, сидящего за столиком. На низкой скамеечке у его ног скукожился какой-то бледный, испитой типчик, который тут же ткнул в меня пальцем:

— Вот он!

Я оставил его слова без внимания, изучая старика в черно-серебряном. Роскошная седая борода, черные пронизательные глаза, крупный семитский нос, но в углах губ притаилась насмешка над всем и всеми... Помесь библейского пророка с отощавшим Фальстафом. А он, в свою очередь, разглядывал нас — недолго. Потом он заговорил:

— Изя? А что Изя? Все ходят и просят — Изя, сделай то, сделай се... Вы считаете, Изя — пророк Авраам и может все, что его просят? А я всего старик. Вы пришли от Хромого, и значит, опять будете просить...

Ого, вот это номер — выговор классический, самый настоящий одесский. Как у него еще акцент сохранился?... И фразу свою он выпалил прямо-таки в пулеметном темпе, от чего мои товарищи совсем ошалели. Ну, уж "там"-то я в Одессе побывать ухитрился, причем не раз...

Наконец Старый вымолвил:

— Изя, нас прислал Хромой. Он сказал, что ты можешь показать вход в Цитадель.

— Ой-ей, это он вам так сказал? Кто ж не знает входа в цитадель, когда он находится на самой главной площади Столицы, так зачем же для этого лезть под землю и меня беспокоить?

Мы все, как по команде, посмотрели на Малыша, но тот понял, что его блатняцкие замашки здесь не помогут, и тоже молчал. Так, похоже, пускать в ход актерские способности придется мне.

— Послушайте, Изя, мы с вами деловые люди, так не будем размазывать кашу по столу и размахивать руками, как пьяные биндюжники. Будем уже говорить, как деловые люди. Мы хотим попасть в цитадель и готовы за это заплатить.

Глаза старика сузились, он усмехнулся — едва заметно:

— Да вы, молодой человек, кажется бывали в Одессе? Только не говорите мне, что вы там родились и жили... А не приходилось ли вам встречать там такого Яшу Хейфеца, пианиста?

Да, его на кривой не объедешь... Меня, впрочем, тоже.

— Может и встречал, только не знал, что это он... Изя, мы с вами вполне можем найти общих знакомых, только сейчас нет на это времени — нам необходимо попасть в подвалы цитадели.

— Какой торопливый юноша... Могли бы выкроить минутку, чтоб поболтать со стариком. Сколько вам пришлось заплатить, чтоб попасть сюда? — неожиданно осведомился он. Я покосился на Малыша, тот сообщил:

— Один золотой.

— Да, вы умеете жить. Но так для чего ж вы так торопитесь умереть? Соваться в пасть Секретникам — верная смерть, поверьте старому человеку. Так зачем же вам, деловые люди, это надо? Не отвечайте, — протестующе вскинул он руку, — я сам могу вам сказать: вашего товарища сцапали Секрктники, — иллюстрация жестом, — и вы боитесь, что он вас заложит. Так я вам скажу, напрасно вы боитесь, он вас уже заложил, Секретники даром хлеб не едят. А вам, если вы останетесь здесь, ничего не грозит, вы крепкие молодые люди, бойцы — так без хлеба вы не останетесь.

Странно, он не хочет даже платы... Наверно, вполне понятное человеческое желание — придержать у себя земляка...

— Спасибо за предложение, Изя, но тем не менее нам надо попасть в цитадель.
— Так надо, что вы не боитесь подставить шеи под оригинальный галстук? — изящный жест маленькой бледной руки вокруг шеи.

— Именно так, к сожалению.

— Так почему б вам не пойти и не сдаться Секретникам?

— Понимаете, Изя, мы рассчитываем выйти оттуда живыми.

Старик на долю секунды изумленно вскинул брови, потом словно преобразился.

— Хорошо. Если вам так не терпится подставить головы под петлю, кто я такой, чтобы вам мешать? Я всего старик... Но вы упоминали, что готовы заплатить за это удовольствие. Итак, сколько?

Я посмотрел на Малыша — как-никак, роль коммерческого директора выполняет именно он, — тот некоторое время соображал, потом произнес:

— Ну... Я полагаю, мы будем в состоянии заплатить тридцать золотых.

Изя насмешливо присвистнул и откинулся к стене. Нет, мне так продолжать торг не нравится... Малышу, вероятно, тоже:

— Назови свою цену.

Изя невозмутимо сообщил:

— Моя цена — сто золотых.

Малыш со стуком захлопнул рот, Роджер гулко сглотнул слюну. Я тоже ошарашенно заткнулся. Сотня золотых — сумма громадная. Для сравнения, лошадь в Столице можно купить за двадцать, причем породистую.

Малыш опомнился первым:

— Сорок.

Изя в упор смотрел на меня:

— Вы, молодой человек, только пять минут назад уверяли с пеной у рта, что вам смерть как надо в цитадель, а сейчас торгуетесь, как на Привозе. Моя цена — сотня золотых, и ни рыбешкой меньше. За ваше неумное желание это не сумма.

— Слушайте, Изя, за такие деньги я сам пророю ход отсюда до цитадели.

— Начинайте, я заплачу.

Я снова заткнулся. Какое там — мелкий хищник! Акула. Никакой он не Фальстаф, а самый настоящий сатана, деловой и предприимчивый адский администратор.

Наконец Малыш медленно произнес:

— Если мы отдадим шестьдесят, все, что у нас останется, это оружие, а без него нам внутри делать нечего.

— Это ваше дело. Еще раз повторяю: моя цена — сотня золотых, а если вас не устраивает, попытайте счастья в другом месте.

— Послушай, это ж выгодная сделка, — попытался урезонить его Старый. — Всего за шестьдесят золотых и делать ничего не придется, и получить цитадель на разграбление.

Изя все так же усмехался:

— Разграбление цитадели, когда там полно Секретников — вы считаете, что это весело?

— Да, но делать-то ничего не придется, — продолжал настаивать Малыш. — Только дорогу показать.

Изя снова повернулся ко мне:

— Послушайте, молодой человек, объясните вашему другу, что я могу получить ваши деньги, не показывая никакой дороги.

— Хромой будет недоволен, — подал голос Роджер, Изя только плечами пожал:

— В результате сделки всегда кто-то недоволен... Если вы выйдете отсюда вперед ногами, Хромой поймет только, что сделка не состоялась, и будет требовать свой долг по другим статьям.

Вот оно даже как... Предположим, разобрались мы с Изей и его телохранителями, которые, кстати, придвинулись поближе, явно не понимая, как это мы, дерзнув с паханом

торговаться, еще живы. Так вряд ли нам удастся пробиться через остальных и выбраться отсюда, а главное — в цитадель мы не попадаем...

И тут я решился:

— Послушайте, Изя, тот человек, которого мы хотим вытащить оттуда, он... Он тоже был в Одессе.

Изя некоторое время смотрел на меня, потом неожиданно резко приказал:

— Выйдите отсюда. Все, кроме Чародея.

Малыш подпихнул меня локтем и вопросительно посмотрел, я негромко бросил ему:

— Иди.

Он сунул мне в руку тугой увесистый мешочек, в котором что-то звякнуло, и вышел вслед за остальными.

Изя поднялся из-за стола, подошел ко мне почти вплотную. Теперь его плечи как-то обвисли, словно из него выпустили воздух, и только сейчас я рассмотрел, что он очень небольшого роста. Помолчав немного, он тихо заговорил:

— Молодой человек, я не знаю вашего имени и не хочу его знать. Я понимаю — вам надо в Цитадель. Не знаю, кто ваш товарищ и не хочу этого знать, мне это не интересно... Но я старик... Помолчите, я был уже в годах, когда вы пешком под стол ходили, и я жил тогда в Одессе... А теперь я здесь, и вы приходите ко мне, и вместо того, чтобы все рассказать, начинаете с места в карьер совать мне деньги, словно вокзальной шлюхе. Вы думаете: "Изя бандит и старый прожженный ростовщик, который все купит и продаст вместе с родной матерью"... Не возражайте, это так. Трудно вас за это осуждать, но чтоб вы знали, юноша: старый бандит Изя был и остается Иосифом Рубинштейном с Одессы... А сейчас идите и скажите там, что Изя велел вас провести в Шакалий Ров. Только сразу предупреждаю, прямого хода там нет, там стена.

Я потоптался на месте, смущенный, потом неловко протянул ему мешочек с монетами:

— Вот, Изя... Возьмите, пожалуйста.

Углы его рта опустились еще ниже, на лбу собралась складка:

— Ничего-то ты не понял, молокосос... Забери свои деньги.

Он отвернулся, мне показалось, что плечи его задрожали. гадство, все как-то не по-людски... Я только и смог, что выдавить:

— Спасибо, Изя.

— Иди уже, — бросил он, не оборачиваясь, почти сердито. Я еще помялся, потом вышел из комнаты.

У меня еще хватило ума сообразить, что мешочек с золотом лучше на виду не держать. Вышедши, я сказал в точности так, как велел мне Изя, один из громил свистнул, обернувшись куда-то в темноту:

— Э, малой! Где ты там?! Проведешь парней в Шакалий Ров до стены Цитадели, понял?

Из бокового прохода, на ходу поддевая штаны, вылез пацан лет десяти, в большой не по росту куртке. Засунув руки в карманы чуть не по локоть, он далеко сплюнул и потребовал:

— Четыре рыбешки.

Малыш добродушно усмехнулся:

— А уши открутить? Ладно, до места дойдем — получишь пять.

— Пошли, — паренек явно старался поменьше разговаривать — "для солидности". Мы потянулись за ним, освещая себе дорогу единственным факелом — остальные пока у меня в мешке, на всякий пожарный. Малыш, отстав от нашего малолетнего провожатого, полупшепотом осведомился:

— И сколько ты этой старой сволочи заплатил?

— Нисколько, — я вернул мешочек с монетами МАлышу, он даже присвистнул от удивления:

— Сколько конечностей ты ему сломал? Или чародейство свое на нем опробовал?

Я не ответил. Парнишка, шедший впереди, — возраст все-таки свое взял — без умолку болтал о том, что тут сначала крыс было море, а потом все куда-то ушли, а я изо всех сил старался отвлечься от мыслей об одиноком старике, волей случая заброшенном за сотни километров и лет от родной Одессы. Скоро драка, и убитые предвидятся с обеих сторон. Какие уж тут сантименты...

Наконец паренек остановился и сообщил:

— Вот она, стенка. За ней ихняя шакальская кладовка. Только учтите, она толстая. А как вы ее ломать будете?

— Увидишь, пообещал Роджер, осторожно снимая с плеч мешок. Сзади до нас донесся шум шагов — человек двадцать, не меньше. Мы, не сговариваясь, потянулись к оружию.

— Не, — успокоил пацан, — это наши. Тоже хотят поглядеть, как вы стенку сломаете.

— Кстати, а как мы ее сломаем? — Старый выжидательно глянул на Роджера. — У тебя, вроде, на этот счет идея была?

Роджер усмехнулся в усы:

— Не только идея, — и извлек из мешка нечто, напоминающее чудовищно разжиревший стальной огурец. Младший с сомнением нахмурился:

— Слушай, а этой штуки хватит? Кладка-то, наверно, толстая...

— На тяжелый танк обычно хватает, — успокоил Роджер. Интересно, а есть здесь куда спрятаться?

— Вон, — пацан мотнул подбородком в сторону узенького и низкого бокового прохода, не забывая с интересом наблюдать за загадочными действиями взрослых дяденек. Остальные о битатаели Нижнего города солились чуть поодаль и смотрели на нас с почти суеверным ужасом — в их представлении мы, наверно, были чем-то вроде колдунов.

Роджер тем временем вынул из мешка плоскую жестяную коробочку:

— Одно плохо — детонатор моментального действия... без веревки не обойтись.

— Потянет? — Старый тоже копался в своем мешке. Сейчас он протянул Роджеру кольцо тонокого капронового шнура. Роджер приподнял брови:

— Давненько я таких штучек не видал... Ладно, а чем бы сейчас машинку под стеной закрепить?

— Камней, что ли, мало? погоди, сейчас еще наломаем.

Мы с Малышом, вооружившись монтировками, быстренько выломали несколько булыжников из стен прохода, Роджер, присев на корточки, принялся закреплять мину у стены.

— Вот смеху-то будет, если свод обрушится, — пробормотал я, он покачал головой:

— Не должен. Мина направленного действия, — и принялся закреплять веревку на кольцо детонатора, смахивающего на обычный запал от гранаты, потом обернулся и зычно скомандовал:

— Всем отойти подальше за поворот. Как можно дальше.

Подествовало — зрителей тут же как ветром сдуло. Роджер снова полез в мешок и пробормотал, словно извиняясь:

— Не хотелось бы, чтоб видели...

Да, по здешним меркам его мешок — кладезь сокровищ. На сей раз Роджер вынул оттуда коротенький тупорылый пистолет и принялся сосредоточенно навинчивать глушитель. Малыш, вскинув брови, осведомился:

— Слушай, а кролика живого тебе оттуда достать слабо?

— Не знаю, не пробовал... А что, кролик нужен?

— Да, кстати, Роджер, — я достал свою пушку и оттянул затвор, заглядывая в патронник, — а как у тебя с патронами? У меня два воробушка осталось.

— Да, не густо... Извини, на сей раз у меня тридцать второй калибр. Пукалка не слишком, но свалить из нее можно.

— Вот и пусть при тебе будет, — кивнул Старый. — Ты с этими штучками, похоже, не меньше моего общался.

Мы неторопливо отошли за поворот, Роджер, снова преобразившись в боевого офицера, четко скомандовал:

— Значит, так. Малыш, идешь первым. Топором слишком не размахивай, чтоб нас ненароком не задеть. Мы со Старым — сразу за тобой. Ученик Чародея, пойдешь последним. На всякий пожарный смотай веревку, может понадобится. Стволом пока не пользуйся. Все ясно?

Мы согласно кивнули. Даже командирские амбиции Старого испарились. Роджер передал мне конец веревки:

— На счет «нуль» — тяни. Не дергай, а именно тяни.

— Понял, шеф...

Роджер вздохнул и взялся за рукояти мечей:

— Ну, с богом... десять... Девять... Восемь...

Вот теперь — ох, как не вовремя! — навалилось что-то похожее на мандраж. Семь... Ничего, будем надеяться, выкарабкаемся. И все равно... Шесть... Не по себе — стоит представить убитым того же Малыша... Пять... Не думать. Пора снова превратиться в боевую машину, в автомат... Четыре... Уже приходилось раньше. Отключить мысли, оставить рефлексy. Три... По спине сбегает струйка пота, время опять растянулось, как резиновое. Хоть бы скорей. Два... Интересно, куда все же выходит дым из Нижнего города? Не отвлекаться. Один... Привычно открываю рот в ожидании взрыва, следя, чтоб в случае чего не прикусить язык, в глотке сразу становится сухо, а ладонь, вокруг которой обмотан шнур, вспотела. Собраться...

— Нуль!

Тяну веревку на себя, почему-то всем корпусом — и в следующую секунду обрушивается дикий грохот, перед глазами появляются на момент сиреневые круги. Странно, продолжаю слышать что-то похожее на шум дождя... Немного погодя до меня доходит, что это падают обломки, но Малыш уже устремляется вперед, задев меня плечом, следом за ним — Старый и Роджер. Ч-черт, а я-то без оружия, обе руки веревкой заняты...

Это я понимаю уже на бегу, но не останавливаюсь, вылетаю в пролом — на свет, кое-как пробивающийся сквозь едко-сернистый желтоватый дым.

ГЛАВА 25.

Как выяснилось, насчет оружия напрасно я тревожился — как только дым развеялся и Малыш перестал махать секирой, оказалось, что в кладовой, куда мы попали, воевать особенно не с кем. Бардак, конечно, ужасающий — каменные обломки выперемежку с мешками, на полу быстро набегала красная лужа. Приглядевшись, я понял, что это не кровь — просто кто-то не успел закрыть кран большой бочки. Рядом с ней валялись на полу три бесчувственных тела в темно-коричневой форме, у одного в руке оказалась вместительная оловянная кружка. Значит, традиция "на троих" и здесь блюдется... Корпоранты куда-то за нами не спешили, напуганные грохотом взрыва.

— Так, давайте, снимаем с них форму и напяливаем на себя, — на лице Роджера никаких признаков волнения. — Они друг друга наверняка в лицо знают, но это хоть слегка отвлечет.

— Напяливайте вы, — возмутился Малыш, — а мне эта форма и пуп не прикроет. я ж не виноват, что такую мелюзгу в Секретники берут...

Роджер возражать не стал, наклонился и начал стаскивать куртку с одного из лежащих, над самым маленьким завозился Старый, я последовал их примеру.

— Штаны не обязательно, только куртки и плащи.

— Поздно, — откликнулся Старый, затягивая пояс широких форменных шаровар, натянутых поверх своих. Я до сих пор продолжал, вполголоса матерясь, возиться с рукавом, который никак не желал слезать с руки Секретника. Может, конечно, его и оглушило, но мне сдается, он просто мертвецки пьян — дыхнул мне в лицо многолетним перегаром и что-то

невнятно пробормотал. Зато куртка слезла! Я принялся натягивать ее поверх камзола, а Малыш недовольно пробормотал:

— Копаетесь, копаетесь... Эх, не гнить же зерну, — с этими словами он подставил кружку под струю из крана а потом жадно припал к ней.

— Не увлекайся, — предупредил Старый, уже облачившийся в полную форму. — У нас боевая операция, а не пьяный дебош. И вообще, дай сюда, — он выхватил кружку у Малыша и моментально прикончил.

— Быстрей, быстрей, — заторопил Роджер. — Тревогу уж наверняка подняли.

— Вот тут-то мы им и поможем, — я радостно портер руки, справившись наконец с широким кожаным поясом. — Значит, кто в форме, будем орать про мятеж и про то, что в цитадель куча народу прорвалась.

— И так прорвалась, — буркнул Роджер, кивком указывая на проскакивающие в пролом фигуры. Я напоследок развел и свел руки, раздался громкий треск рвущихся ниток.

— Не слишком аккуратно, зато функционально, — пояснил я уже на бегу.

Мы в полдесятка прыжков добрались до двери кладовой, за нашими спинами слышалось уже множество грубых голосов — корпоранты почуяли поживу. Как только мы выскочили, за нашими спинами тут же захлопнулась дверь, лязгнув засов. Не хотят ребята, чтоб им жратвой запастись мешали. И к лучшему: авось будет тут Секретникам повозиться, а мы под шумок и проскочим... Только вот куда? От кладовой пока только одна лестница, крутая и вверх. Роджер выругался, но Старый обогнал его и кинулся по ней. Так, а вот и первые ласточки — кто-то грохочет сапогами вниз, и этот кто-то не один.

А в следующую секунду они вывернулись нам навстречу — трое, с оружием. Старый, не раздумывая, прыгнул через три ступеньки и пригнулся, бросаясь им под ноги. Такого подлого приема они не ожидали, и результат превзошел все ожидания: передовой полетел головой вперед, где-то внизу глухо ударившись о ступеньки, второго, тоже споткнувшегося, Роджер аккуратно поймал на каблучок, а третий, столкнувшийся с Малышом, тоже полетел, только вверх.

— Ремиз, — сообщил Малыш. — Чем дальше займемся?

— Свалим подальше от этой крысоловки.

Лестница завивается под ногами, только не сбить дыхание... Коридор, откуда-то слева накатывается топот, Роджер поспешно гасит факел. Секретники, человек двадцать, выкатываются на нас:

— Что? Что случилось?

Хриплым, задыхающимся голосом сообщаю:

— Мятеж. Прорвались в цитадель из Нижнего города.

Роджер ревет начальственным басом:

— А ну, шевелитесь! Вниз, живо! А то на южную границу загремим завтра же!

Упоминание о южной границе действует на Секретников, как ушат скипидара — исчезают за полторы секунды. Отходим поглубже, в правый коридор, в темноту. Старый, переводя дух:

— Знать бы теперь, куда идти...

Интересный вопрос...

— Есть мнение — посоветоваться с аборигенами, — Малыш небрежно помахивает секирой. — Ученик Чародея, у тебя должно получиться — ты в форме. И рожа у тебя самая деревенская — должны поверить.

Я было взелся на него за "деревенскую рожу", но тут кто-то гулко затопал из левого коридора по направлению к нам. Я повернулся к ребятам:

— Значит, так. Ушейтесь куда-нибудь, чтоб видно не было. Малыш, не светись, но будь наготове.

Договаривал я уже с пустым пространством — рассосались моментально. Интересно, кто там плетется?

Я рассчитал довольно точно, мы столкнулись с ним прямо под факелом — толстый,

плешивый и усатый дядька, в такой же форме, как у меня, только пуговицы золотые и нашивка на груди. Начальство, видать... Я вытянулся и проорал что-то наподобие "здравия желаю" с набитым ртом. Плешивый неодобрительно посмотрел на меня и пробурчал:

— Смотри куда прешь!

— Ага, — нейтрально согласился я. Толстяк фыркнул:

— Ты, сопляк, что, не знаешь, как отвечать?

— Не-а...

— Новенький, что ли? С южной границы?

Так, похоже, к ним пополнение недавно пришло... Бог обманщиков ко мне сегодня милостив. Я заговорил, изо всех сил подражая знакомому мне по Западной цитадели грубому акценту горцев:

— Так эт-тэ... Только сэднэ пришел... А тут начальнику мне сказал: "Вэдьму, значитсе, говорит, пымали", так тут эт-тэ проводить надо, как оно? Чтоб узал, мож я эе на границе встречал...

— Опознание? — нетерпеливо прервал мои заикания толстяк, я, внутренне улыбаясь, кивнул:

— Во.

— Так куда ж ты прешься, балбесина?! Понабрали вас тут, орясин горных — росту много, ума нет! Тебе ж, кретин галахарский, на четвертый ярус, в подвал надо, а ты тут ошиваешься!

Я остроил рожу еще поглупей — вот-вот слюна потечет — и тупо осведомился:

— А эт-тэ который?

— Недоумок! — толстяк в сердцах сплюнул. — Второй! Торчал бы у себя на южной границе, так ведь нет, сюда пихнули, будто нам своих дураков не хватает! Спустишься на два яруса, найдешь лейтенанта а-Брогана... Стой, — он подозрительно прищурился и словно невзначай уронил ладонь на рукоять меча, — а какой твой номер? А ну-ка, покажь бляху!

— Сейчас, будет тебе бляха, — пообещал я и негромко позвал: — Малыш!

Малыш выскочил из темноты бесшумно, как большой кот. Голова толстяка сбрыкала о стенку как пустая тыква. Остальные тут же выросли рядом, Роджер с восхищением пробормотал:

— Ну ты артист!

— Куда уж мне с моей деревенской рожей... Упустил свой шанс. Малыш, ты его хоть не убил?

— Нет, если череп крепкий. Ладно, орлы, ноги в руки.

— Если что, запомните, — пропыхтел я на бегу, — четвертый подвальный ярус, лейтенант а-Броган.

И снова коридор, петляющий зигзагами, факела мелькают через каждые метров пять, как сигнальные огни. Узенькие коридорчики — не разойтись в них, тут же в этом убеждаюсь — навстречу, дробно топоча, выворачиваются пятеро гориллоподобных ублюдков в коричневой форме с обнаженным оружием. Не успев ничего понять, вытаскиваю Хельмберт, передовой уже со всхлипом обвис на клинке Старого. Кто-то успевает еще заорать, сзывая подмогу, но крик обрывается. Что, как — не вижу, передо мной вырастает здоровяк с секирой, ухожу нырком, вижу искры, высеченные железом из камня, снова замах... не теряя времени и не думая о последствиях, сношу его знаком Молота. выпрямляюсь — конечно, ребята вытирают физиономии:

— Дальше!

Несемся, петляем коридорами. Зря я, дурень, Силой воспользовался — уж теперь-то Чародеи меня наверняка засекли, это уж сто процентов... Ладно, появятся — тогда и разберемся...

Поворот, двадцать метров по прямой, поворот, прямая, перекресток... Факелов пока не зажигаем, тут их и так хвата-ет, неверный, копотный оранжевый свет... Двери по бокам, и все заперты. Топот слева, быстро скрываемся за поворотом, пережидаем — и снова вперед.

Поворот налево, а за ним — о радость, о счастье! — лестница вниз.

— Ноги!

Карусель винтовой лестницы, сердце колотится... Только не споткнуться! Решетка двери не заперта, точно везет сегодня... Малыш в один прыжок обгоняет меня, скрывается из виду, сразу вслед за этим — чей-то короткий вопль наподобие хриплого мява. Оказываюсь замыкающим, вылетая на поворот, на третий ярус, мощный удар отбрасывает меня к стене, выпад Хельмбертом — мимо, тут же мелькает лезвие короткого меча, входит снизу в горло типа в коричневом. Роджер.

— Налево, — хрипло выдыхаю, снова несемся по низкому каменному коридору, на сей раз я впереди, а сзади — пока еще далекий топот. Сигнал Юрда: "Справа!", отскакиваю, заносю меч, клинок поджидавшего меня типа походит в каких-то сантиметрах от моего живота, смаху опускаю Хельмберт на щетинистый затылок. Упал... преодолевая подступившую к горлу кислую тошноту, выдергиваю клинок, наступив ногой на раскинувшееся, нелепо вывернув руки, тело, обтираю его полый плаща. А топот все ближе...

Снова прямой отрезок, поворот, слева и справа — двери, двери, двери... очередной поворот, за ним, метрах в пяти, решетка из вертикальных прутьев, а за ней — трое с арбалетами наизготовку:

— А ну, стоять!

Хе-хе... Не останавливать они нас собираются, а застрелить, ясно как божий день. На взводе Секретнички, врубилась уже, что творится неладное... Перебрасываю Хельмберт в левую руку, сгибаю колено, чувствую холод ножа в ладони — и посылаю через прутья в горло тому, который ближе всех. Второй — лица не вижу — наводит арбалет, все как в рапиде, медленно, я вижу даже его палец, нажимающий на спусковую скобу, но арбалет вдруг вскидывается вверх, стрела глупо чиркает по низкому каменному своду, теперь вижу лицо стрелявшего, но оно взорвалось темно-красным, он заваливается назад... Последний поворачивается, бежит, бросаю ему вслед Силу, затягивая на его шее невидимую удавку. Кончено Поворачиваюсь, переводя дух. Роджер с пистолетом стоит чуть позади, сгорбился. Малыш, обогнав нас, подскочил к решетке, подергал ее, выругался:

— Гадство!

— Что такое?

Он мрачно усмехнулся, показывая на Секретника, которого я свалил Силой:

— Ключики-то — вон они...

— Нас уж наверняка засекли, — напомнил Старый.

— Да уж знаю... Сюда почему-то не спускаются, похоже, знают, что я здесь...

И тут я почувствовал Силу — не ту, что ощущается постоянно как фон, нет, на сей раз конкретная. Ищут меня...

Я обернулся к своим:

— Так, вот меня-то точно уже засекли. Чародеи сюда топают, по крайней мере, один.

— И что? — встревожился Малыш.

— Что-что... Пойду их встречу.

— Один?

— Я не понял, тут кто-то еще чародейством владеет? Ладно, братцы-кролики, я их подержу сколько смогу, а вы пока как хотите, но откройте решетку. Закончите — свистите.

— погоди, — Роджер сунул мне ствол. — Для вящего спокойствия.

— Годится. Ладно, удачи мне, — я развернулся и двинулся к лестнице.

Торопливо шагая по коридору, я гасил факела, оставив только свет у решетки. Наши темные делишки лучше делать в темноте... Идиотская фразочка, но всю дорогу вертится в башке в такт движениям как популярный эстрадный мотивчик. Лестница. Там, наверху, не меньше десятка человек, сюда пока не спускаются. Боятся. И правильно делают... А мне, с другой стороны, наверху делать абсолютно нечего, стрелу я получить всегда успею. Однако действовать пора, тот Чародей, который сюда направляется, куда далеко, но если б он был один... Через Юрда чувствую, буквально кишками ощущаю — сползаются сюда, гады. Ну и

пусть. Ну и ладно.

Закрыв глаза, тщательно формирую перед собой в воздухе знак Дождя, бросаю его вверх по лестнице, на прилепившиеся к стене факела, гаснут все, кроме одного, у самого поворота. Чем черт не шутит, в случае чего подсветка не помешает...

Сверху — приглушенные вопли, град арбалетных стрел зацокал по камням — все пока на безопасном расстоянии. Нервы у них на пределе, это радует...

И тут меня как кипятком ошпарило: орденец оказывается совсем близко, его Силу я ощущаю предельно четко. Гадство, где ж я так лопухнулся? Стены, наверно, экранируют, все эти повороты долбанные... Сейчас главное — самому не занервничать. Спокуха, Мик...

Неожиданно гаснет последний факел, лестница погружается в темноту. Так, во взглядах на сей вопрос мы с коллегой-Чародеем солидарны. Бережно — только не шуметь! — вкладываю в ножны Хельмберт, замираю в позе наибольшей концентрации Силы. Так, а Чародей-то там уже не один, второй к нему прибавился, и посильней — при взгляде Чародейским зрением выглядит ярко-зеленым, первый подохлей, с желтизной какой-то. Досадно то, что они тоже меня наверняка видят, но дотянуться друг до дружки и ударить мы не можем. Они-то понятно, ждут, пока силы посерьезней соберутся, и как бы я ни хитрил — просто массой задавят...

Наверху — какой-то тихий диалог, один приказывает, второй возражает, слов разобрать не могу. Наконец слышу тихие шаги по лестнице вниз, сконцентрировавшись еще сильнее, вижу спускающегося — расплывчатое серое пятно. Значит, погнали сюда кого-то из рядовых. Рассчитывают на то, что я его завалю Силой, проявлю себя — и раскроюсь, тут-то они меня и уконтропупят. Нет, ребята, не дождетесь... Втягиваю брюхо, затаив дыхание — только не шуметь! — тащу из-за пояса ствол. Справа что-то резко звякает об пол, еле сдерживаюсь, чтоб не пальнуть туда. Спокойствие, просто швырнули что-то, чтоб отвлечь, дешевый фокус, меня этим не купишь... А оба Чародея уже ближе, чем раньше. И ближе, чем хотелось бы. А вот Секретник — почти что рядом, метрах в пяти уже. Вытягиваю руку с пистолетом, левой поддерживаю правое запястье. Так, вроде, зафиксировал, должен попасть. Поехали!

Негромкие хлопки выстрелов с глушителем раскатываются как гром, отдача дважды подбрасывает руку, серое пятно меркнет, пропадает. Есть. И тут по ушам и по нервам — звонкий сухой удар винтовочного выстрела сверху, пуля, судя по звуку, ударяется метрах в полутора от меня, по-щенячьи взвизгнув, рикошетит. Эт-то уже хреново... Чародеи стремительно приближаются, первым — тот, что послабей. Значит, хоть пальбы не будет... Тот, с желтизной, внезапно бьет по мне чем-то наподобие знака Черный Корень, разворачиваю защиту, наношу ответный удар, простой и экономичный, отскакиваю заячьим прыжком в сторону, чье-то тело мягко обрушивается на ступеньки. Достал его, но сам раскрылся, второй наносит удар Силой, который Юрду удастся погасить только отчасти. Стреляю наугад в темноту, парирую точечный удар — теперь я и мой противник «видим» друг друга как на ладони. Быстрый обмен выпадами, слабыми знаками — и ему снова удастся зацепить меня. Перед глазами ползет что-то вроде цветных полос. Локаторы, значит, мне решил расстроить?

Ну, паря, по части подлых приемов тебе у меня поучиться можно... Провожу простенький, как все гениальное, приемчик — что-то вроде мысленной подсечки, он на время пропадает. Но вот то, что сюда еще как минимум десяток-другой Чародеев торопится... Да что там ребята с этой решеткой — век копать будут?! Противник-то меня потерял, но и я его тоже, что самое гнусное...

И как раз когда, по моим подсчетам, Чародеи и прочая зондеркоманда должны были где-то через полминуты стереть меня с лица земли, из-за поворота послышался тихий свист. Ну, наконец-то! Снова «вижу» противника, на этот раз совсем близко, несколько потускнел, от души добавляю ему Силой, по-ворачиваюсь, ломлюсь, как лось, по коридору, от удара Силой немеет плечо. Ладно, ребятня, раз вы такие продуманные, я вам сейчас устрою похихотать...

Пробежав еще шагов с пяток, резко останавливаюсь, стараясь не обращать внимания на катящуюся где-то позади, по-моему, уже на лестнице, погоню, снимаю с шеи Камень, вычерчиваю на стене знак Скорпиона, обвожу пентаграммой. Вот где художественное образование пригодилось... А теперь, строго напротив, на другой стене — в точности такой же. Главное — чтоб размеры совпали, иначе может не сработать...

Вообще-то такие штучки являются элементом магии, Орден их не использует. А я эту фишку слизал в Камне Амраты, называется магическая ловушка. Пока мне не заблагорассудится ее активировать, черта лысого кто ее засечет... А вот повозиться им придется, пока ее обезвредят.

Покончив со Скорпионом, я кинулся дальше, на ходу надевая на шею цепочку с Юрдом, а он тут же засигналил: "Сзади!" Так, тут должен быть поворот... Не раздумывая, пригибаюсь, ныряю рыбкой за поворот, не заморачиваясь на том, как я, собственно, буду приземляться. Вовремя! Уже когда я находился в полете, в спину мне ударил яркий свет фонаря (электрического!), снова раскатисто гроыхнула винтовка.

Приземляюсь крайне неудачно, проехавшись по полу правым локтем. Главное теперь — контакта со знаком не терять, они уже почти добрались до него... Ну, с богом! Коротким жестом снимаю блокировку с ловушки, там, за поворотом — шипение, пляска тусклых синих молний, чей-то короткий и страшный вопль. Поднимаюсь, со всех ног бегу к решетке — туда, где маячит тусклый свет факелов. Сработал мой Скорпион, сработал Скорпиончик, Скорпиошечка моя ненаглядная...

Задышавшись, я простучал каблуками вниз по лестнице, попутно прикрыв за собой решетку. Так и есть, локоть ободрал основательно... Внизу меня поджидал Роджер с факелом:

— Ты чего так долго? И что ты там такое учинил?

— Устроил ребятам развлечение, на некоторое время это их задержит, но не думаю, что надолго. Если еще на этот ярус один вход... Забери свою пушку. А у вас что?

— Да так, была небольшая стычка. Старого ранили.

— То есть? — я даже притормозил.

— Да, ничего особо серьезного, засадили стрелу в ногу. Вот и он.

Старый, привалившись к стене, сосредоточенно перетягивал ногу жгутом.

— А Малыш где?

— На разведку пошел, — Старый для пробы согнул и разогнул ногу. — А что ты там за шум устроил?

— Да так... Меня обстреляли. Из винтаря, по-моему.

Роджер со Старым озабоченно переглянулись:

— Институт?

— А кому ж еще?

Рука Роджера с пистолетом моментально среагировала на движение в коридоре справа, но оттуда появился Малыш:

— Значит, так: искомого не нашел, но там, через пару поворотов, решетка. Сторож с нашей стороны, к тому же один. А где погоня?

— Несколько минут форы у нас есть.

— Ну так чего ж мы их теряем? Пошли!

— Ты пока держись не на виду, а мы этого часового потрясем на предмет информации, — Роджер закинул на спину свой мешок и двинулся первым.

К решетке мы подошли быстрым деловым шагом, около нее мыкался молоденький, явно из пополнения, Секретник с ключами на поясе. Увидев нас, он даже обрадовался:

— Ну, наконец-то! А то я тут стою, стою... А что там наверху творится?

— Так, парень, где лейтенант а-Броган?

— А вам зачем?

— Мятеж в цитадели, — жестко растолковал Старый. — Капитана убили, теперь лейтенанту а-Брогану надлежит принять командование.

— Здесь он, здесь, — засуетился солдатик, отпирая решетку. — Только допрашивает он.

— Это ведьму, которую сегодня взяли?

— Ага, вроде так...

— Ну, такая еще, с черными волосами...

— Так я ж не видел.

— А где именно?

— Второй поворот налево, потом опять сразу налево.

— Спасибо, парень, — Роджер улыбнулся солдатику, зашел сзади и врезал ему ребром ладони по шее, тот мешком осел на пол.

— Понабрали сопляков, — проворчал Роджер, снимая у него с пояса ключи. — Малыш, где ты там?

Указанный солдатиком путь мы пробежали почти до конца, и тут до нас донесся крик — явно женский. Старый рванулся было вперед, но Малыш придержал его:

— Сначала я разужнаю, где именно, чтоб номером не ошибиться, — и шмыгнул за поворот. Роджер пробормотал:

— Что-то погони не слышно...

— А ты что — соскучился?

— Да нет, не то что бы... Ты их надолго задержал?

— Не думаю. Хорошо, хоть решетку за собой догадались — хоть чуть-чуть, да задержит их.

Из-за поворота показалась Малышовская голова, потом рука, он поднес палец к губам, потом махнул нам — "За мной". Старый захромал первым, на штанах чуть повыше колена у него расплзлось темное пятно.

Вслед за Малышом мы прошли метров десять, потом остановились перед массивной деревянной дверью, Малыш указал на нее. Словно подтверждая его слова, оттуда снова послышался крик, забубнили мужские голоса. Старый напрягся, Малыш покачал головой. На его физиономии застыло жесткое, решительное выражение. Он указал на Роджера, потом себе за плечо, Роджер согласно кивнул и занял место позади него, Малыш уперся локтями в его подставленные ладони — и обеими ногами изо всех сил ударил в тяжелую дверь, она с треском повалилась внутрь.

И снова на миг передо мной все замерло, как на фотографии — Малыш в прыжке, Роджер, накрест выхватывающий из ножен короткие мечи, верзила в форме Секретника, приподнявшийся со скамьи и обернувшийся к нам удивленное лицо. Потом в адском свете от тлеющих в жаровне углей я рассмотрел Ларико — раздета, руки притянуты к крюку в потолке камеры, а за спиной у нее стоял, ожидая распоряжений, тщедушный старичок в кожаном фартуке, по виду образцовый служащий, больше смахивающий на бухгалтера, чем на палача. Еще один, по-видимому, писец, пристроился за столиком в дальнем углу.

А потом фотография ожила.

Старый, несмотря на рану, оказался в камере быстрее меня, старикашка взлетел, прогнувшись, повалился плашмя, повалив жаровню. Здоровенный детина-Секретник среагировал раньше всех, но все же запоздал и рухнул под топором Малыша, Роджер тем временем деловито и сосредоточенно размазывал по стенке писца. Я кинулся к Ларико, обрезал веревку, она обвисла у меня на руках. Когда я увидел багровые рубцы у нее на спине, меня затрясло чуть ли не сильнее, чем ее. Но Роджер, похоже, владел своими эмоциями лучше — оставив в покое писца, тут же стекшего на пол, он выудил из мешка монтировку, парой ударов сбил замок с колодок, я содрал с себя куртку Секретника и набросил на плечи Ларико, Малыш завернул ее в плащ, подхватил на руки:

— Куда теперь?

— Они скоро сюда прорвутся, — сообщил я. Давайте-ка драпать еще ниже и искать тайный ход.

— А найдем? — недоверчиво осведомился Старый, я пожал плечами:

— Хоть какой-то шанс... Ладно, не стойте, Чародеи уже сбегаются, скоро здесь будут.

Охрану пятого глубинного яруса мы — Старый, Роджер и я — уничтожили тихо, быстро и беспощадно. Никогда еще в жизни я так чьей-нибудь крови не хотел... И опять винтовая лестница, на сей раз — абсолютно темная, даже факел пришлось зажечь — уже другой, первый мы посеяли. Конечно, рискованно это, но после всех приключений сломать себе шею, свалившись с лестницы — ничего глупее я придумать не могу. Зато погони пока что не чувствуется.

Наконец мы двинулись по длинному извилистому коридору — быстро и молча, лишь бы от возможной погони оторваться. Станный какой-то коридор, ответвлений масса — и ни одной двери. Лабиринт как чистое искусство... Ну, в какой-то мере это обнадеживает — такие штуки вполне могут быть предназначены для маскировки тайных ходов, и в прятки тут играть — одно удовольствие. Только ощущение такое, что здесь нога человека уже давно не ступала — воздух затхлый, сырой, заставляет факел жутко коптить, стены осклизлые...

Мы отмахали по этому лабиринту уже довольно прилично, когда Ларико на руках у Малыша неожиданно произнесла:

— Отпусти. Я сама могу идти.

Я чуть не вздрогнул от неожиданности, услышав ее голос. Хотя чему тут удивляться, в кризисных ситуациях она себя всегда неплохо вела, насколько я помню... Малыш послушно поставил ее на пол, она обернула плащ вокруг талии, затянулась ремнем, запахла куртку.

— Слушайте, люди, пока нас догонять не торопятся, давайте-ка присядем отдохнем, — предложил я.

— Годится, — согласился Малыш. — Тем более, впереди еще вторая серия — нам отсюда как-то вылезать предстоит.

— А вот как мы это сделаем? — Роджер поставил мешок на пол и опустился на корточки у стены. — По-моему, мы этот тайный ход до второго пришествия проискать можем. Если он еще существует.

— Меня другое интересует, — Старый, поморщившись от боли, уселся рядом с Роджером, далеко вытянув раненую ногу. — Почему они за нами гнаться не стали?

— Да, дела, — пробормотал Малыш. — А может, пока мы тут кочуем, они нас планомерно со всех сторон обкладывают? Ученик Чародея, ты как считаешь?

— Ничего такого не чую, — отрезал я. Меня со страшной силой тревожит нечто другое. Пока не определился, что именно, но само по себе оно не опасно, и атакой не является...

— А может, нас у этого тайного хода караулят? — предположил Старый. Малыш тут же уточнил:

— Если он еще есть. Можно попробовать, конечно, через верх прорваться... Хотя ничего хорошего от этого не предвидится.

— А ты хочешь сказать, ты дорогу назад отыщешь? — я наконец-то разобрался ос своими ощущениями, даже прозондировал окружающую обстановку через Юрд. Ничего. Сплошная серая муть, как в густом тумане.

Старый озадаченно приподнял брови:

— А что? Сначала... Ч-черт!

— Дошло наконец? — я криво усмехнулся. По розам остальных тоже заметно, что они лихорадочно соображают, как мы сюда шли. А что там о них говорить, когда даже я, Чародей, оказался полностью дезориентирован?.. Вообще-то штука, на которую мы напоролась, тоже к чародейству отношения не имеет — магия чистой воды, но я-то с такими штучками знаком...

Малыш выругался, ударил себя кулаком по ладони:

— Теперь понятно... Э, орлы, что-то тут мокро становится!

Пол коридора слегка прогибается к середине, и теперь заметно, что Малыш стоит посреди огромной лужи. Раньше ее, помнится, не было... Ох, как мне все это не нравится! Ладно, в любом случае, не будут же целый ярус городить только для того, чтоб заставить

случайных посетителей поблуждать...

Я рывком поднялся на ноги:

— Ну что, пошли?

И тут же почти физически ощутил на себе взгляд четырех пар глаз. Наконец Малыш осведомился:

— Куда? Думаешь, есть шанс этот тайный ход разыскать?

— Если на месте сидеть будем — нет. Ладно, не пугайтесь, с вами Чародей, а на меня такие ловушки не рассчитаны. Ноги, ноги!

Ребята принялись потихоньку подниматься — Старый, опершись на меч, как на посох, протянул руку Ларико, Роджер деловито проверил, как ходят в ножнах мечи, Малыш поправил на спине мешок с инструментами. Вот змейство, смотрят на меня, как на Моисея, а я...самозванцем я себя чувствую. Следующие минут десять больше напоминали отрывок из кошмарного сна в духе Кафки. Впереди тянулся, кажется, все тот же коридор со множеством ответвлений, везде одинаковой ширины, с потеками какой-то слизи на стенах. И ориентиров никаких, даже камни везде одинаковые... И ноги промокли насквозь, как вляпались в эту лужу, так она и не кончается...

Малыш внезапно остановился, побултыхал ботинком в воде:

— Слушайте, а водичка-то прибывает...

— Может, пол наклонный просто? — усомнился Роджер, Малыш тут же мрачно пояснил, чем он чует, Роджер покосился на Ларико, потом — неодобрительно — на Малыша, но промолчал. Старый оперся на стенку:

— А ты что думаешь, Ученик Чародея?

— А я думаю, что пора из этой сырости вылезать, а то аспирин тут днем с огнем не сыщешь.

— А ты хоть знаешь, куда мы идем?

На сей раз я ответил со всей откровенностью:

— Нет. Но что-то определенно быть должно, не зря ж этот ярус выстроен...

— Между прочим, — невозмутимо информировал Малыш, — пока мы тут стоим, она еще поднялась. Я имею в виду, вода.

Самое паршивое — он абсолютно прав, вода поднялась почти до верха моих высоких ботинок, и спадать, похоже, не собирается.

Ларико прислонилась к стене, закрыла глаза:

— Теперь понятно, почему за нами не гонятся...

Роджер сплюнул в воду:

— М-да, мышеловочка...

— Так не стоим, пошли! — взорвался я. — Значит, дальше жить будем так: Малыш, поведешь меня.

— Ты что, заболел?

— Да нет, просто мне придется с закрытыми глазами топать. По приборам.

Ларико тем временем наклонилась к уху Старого:

— Если что, сможешь меня убить?

Это явно для моих ушей не предназначалось, но я все равно услышал — так тут тихо. Зараза, они что — помирать собрались?! Я им поумираю!

— А сейчас заткнитесь-ка все на пару минут и дайте мне сориентироваться.

Все-таки хорошо быть Чародеем — в экстремальной ситуации все тебя слушаются... Но это как раз не главное, главное сейчас подключить к внутреннему зрению Юрд, сделать его своим глазом. А так пока получается только общая настройка по сторонам света... И еще могу заметить какое-то подобие течения внизу, в воде. А раз она пахнет солью, значит, из моря. А значит, имеет смысл топтать в направлении этого условного течения.

— Ладно, Малыш, сейчас посмотрим, какой из тебя поводырь. Только направляй меня сзади.

Идти пришлось недолго — Юрд уловил впереди какую-то слабенькую эманацию Силы,

я сразу ломанулся туда. А вот вода прибывает и прибывает, сейчас до колен не доходит на какие-то десять сантиметров. Ничего, раз тут предметы, связанные с чародейством или хотя бы их следы, значит, тут кто-то ходил, а значит, есть выход!

— Так, ребята, уже тепло, — проинформировал я и просто шкурой почувствовал, что навалившееся на нашу команду напряжение ослабло. Так, вот оно! Сквозь колышущуюся серую муть я различил что-то похожее на тонкую, словно карандашиком по полу прочерченную оранжевую линию. А может, меня уже глючит? Я открыл глаза, потряс головой, снова закрыл их. Ничего не изменилось, линия осталась на месте.

— Йо-хо-хо и бутылка рому! — я подпрыгнул чуть ли не на метр, подняв фонтан брызг. Малыш, идущий за мной, поинтересовался, вытирая лицо:

— Что нашел?

— Указатель, люди! Гадом буду, указатель!

— И куда он указывает? — остудил мой пыл Старый.

— А вот и узнаем, — я снова погрузился в себя. Похабно, когда не только за себя отвечаешь, но и за всех остальных... Сейчас если с направлением ошибусь — всем нам точно хана... Ладно, главное не отвлекаться, всякие соображения морального порядка надо отложить до того времени, когда наружу выползем. А на линии направление не указано... Стало быть, пойдем в сторону условного течения.

Я ткнул рукой:

— Нам туда. Только сейчас я впереди пойду, а вы держитесь за мной шагах в пяти.

— А что такое? — любопытствовал Роджер. Я пожал плечами:

— Мало ли... Такие вещи не для того строят, чтоб из них шутя выбирались. Вполне может оказаться нечто вроде того, что я на третьем ярусе устроил.

Возражений не последовало. Мы молча развернулись и двинулись по линии в указанном мной направлении.

Вода оказалась просто ледянущей и поднялась уже выше колен. Такие прогулочки пахнут ревматизмом, да еще и идти куда тяжелее. На ребят я не оглядываюсь, знаю, что они следуют позади метрах в двух. Только то и радует, что оранжевая линия ведет себя лучше некуда, светится ровненько и ясно, только вот конца ей что-то пока не предвидится. Потом из-за какого-то поворота вынырнула еще одна линия, на сей раз зеленая, присоединилась к моей, потянулась рядом. Потом, когда вода уже доходила нам до бедер, зеленая свернула направо, оранжевая — куда-то влево и под углом. Может, выбрать зеленую, попробовать пойти по ней? Хотя нет, раз уж по оранжевой прошел, так и продолжим. Тем более, зеленый цвет у меня прочно ассоциируется с Орденом.

Мы прошли еще немного, я вскинул руку:

— Стоп!

— Что такое? — ребята сразу залязгали мечами и прочим железом. Хе, если б все так просто было... Я открыл глаза и повернулся к ним:

— Ловушка, как и ожидалось.

— И можно ее проскочить попробовать? — заинтересовался Малыш.

— Попробовать-то можно, только вот что после этого от тебя останется? Ладно, придумаем что-нибудь.

— Ордынцев, думай быстрее, — попросила Ларико. — Холодно здесь.

Я не ответил, чтоб не нарушать сосредоточенности. Чувствуется там, метрах в пяти, что-то такое, некий невидимый барьерчик... Но указатель-то через него проходит, а стало быть, этот барьер вполне проходим...если только знаешь, как. А как проверить? Не палец же туда совать...

Так, но раз это ловушка, то настроена она должна быть на что-то, предположительно живое. И что там именно — не узнаешь, пока она не сработает, а когда сработает, может, и успеешь понять, только вот костей после этого с гарантией не соберешь. Ей-богу, в следующий раз в такую дыру полезу — прихватчу с собой парочку кроликов... Стоп... Вариант, конечно, бредовый, но эта штуковина должна быть настроена на нечто, являющееся

живым исключительно с точки зрения магической ловушки! И по-настоящему живым это нечто быть совсем не обьязано. Таким фокусам меня не обучали, но если вдуматься, то дело, в общем-то, элементарное, только тяжелое в плане расхода Силы и зело неприятное. И заключается оно в подкидывании этой пакости своего рода двойника, Силовой куклы, излучающей тепло.

Наверно, я все-таки здорово перепугался — с созданием «двойника» я управился в считанные минуты и неторопливо направил его на ловушку. Ребята за моей спиной задышали чаще и шумней, Ларико тихо ахнула. Понятно, видимую мне картинку они рассмотреть не могли, но присутствие почувствовали. Так, для достоверности имитации еще подкачаем Силу...До ловушки считанные сантиметры... Есть!

Капкан сработал моментально, я даже едва успел разглядеть, что это такое, а разглядев — заржал, как дурак. Вот уж, действительно, дешево и сердито! Элементарный треугольник Мечей, примененный, правда, в графическом варианте. Обычно такие штучки работаются двумя-тремя Чародеями в Силовой связке.

Но смех я тут же оборвал, сообразив, что строить такие вещи я умею, но вот проходить через них — тут в моем образовании пробел. Хотя, помнится, если две стороны этого треугольника рассечь, фиг он сработает... Эта фиговина работает по принципу турникета в метро, и я, помнится, в свое время проходил через такие, придерживая «челюсти» руками... Вот и имеет смысл попытаться провернуть аналогичный фокус. На одной из граней вполне может сработать обратный знак... Но ведь не так-то это просто — обратный знак... Вся последовательность действий в обратном порядке. В зеркальном. Эврика! На вторую грань забабахаем знак Зеркала. Все куда проще, а эффект тот же. Только главное при этом — не потерять обратный знак.

Обратный знак мне пришлось удерживать левой рукой, не давая ему пропасть. Вообще-то работать с двумя знаками одновременно — упражнение на редкость изматывающее, даже для Чародея экстра-класса, а я к таким себя при всем желании отнести не могу. Ладно, теперь хоть знаю, что искать... Я быстро нашел Треугольник, разместил знаки на двух сторонах и занял место на "линии огня". Ну, теперь если сбой — так меня просто ломтиками нарежет...

Я обернулся к ребятам и гаркнул:

— А теперь вперед, живо!

Хвала Аллаху, они себя долго упрашивать не заставили, ломанулись так, что только брызги полетели (а вода, кстати, уже до пояса поднялась).

— Все проскочили? Подальше отойдите.

Кажется, сейчас лопнут и мышцы и голова... Наконец, решив, что выждал уже достаточно, я отскочил в сторону убираю знаки. Мне повезло в который уж раз за эту ночь — никакой конечности я не лишился, меня просто шваркнуло об стенку, как соплю, и я погрузился с головой в вонючую, отдающую тухлятиной воду. Кто-то, кажется, Малыш выдернул меня за шиворот на поверхность:

— Живой?

— Ага... Соленая, гадство... Ладно, потопали дальше.

С тем же успехом можно было сказать: «Поплыли» — вода поднялась уже почти по грудь, и приходилось загребать руками, чтоб двигаться с мало-мальски приличной скоростью, но моя оранжевая линия до сих пор просматривалась отчетливо. Наконец она свернула, и я торжественно объявил:

— А сейчас — налево.

— Налево стена, — не без иронии сообщил Роджер. От неожиданности я даже открыл глаза:

— Это как?!

— Смотри сам.

Хм-м... Действительно, стена. Каменная.

Малыш опомнился первым, выдернул из-за пояса секиру, постучал в стену обухом.

Звук вышел глуховатый, но явно металлический. Мы обрадованно переглянулись, но Ларико тут же разочарованно протянула:

— Так она ж закрыта...

— А ты чего хотела? Ладно, раз уж сегодня мой бенефис...

— Откроешь? — с сомнением спросил Роджер. А за ней что?

— Я хоть и Чародей, но сквозь железо видеть не умею.

— Я не к тому... Может, рвануть ее, благо, есть чем?

— Экий ты... Ну, рванем, а дальше что? Сейчас она по крайней мере герметичная, хоть воду задержит.

— Кстати о воде, — напомнил Старый. — Времени у нас не навалом.

— Ч-черт, как подумаешь, что опять в эту гадость нырять... — пробормотал я, подключая Юрд на полную катушку — посмотреть, что за замок. Картинка получается, хотя и запутанная. Радиосхему напоминает, а я в них дуб дубом... Ладно, кажется, если вот этот вот шпенек приподнять, цепочка разомкнется. А вот чем же я его поднимать буду?

Я уже весь, полностью, погрузился в Юрд, протянул сквозь металл мысленное продолжение пальцев. Все равно что мизинцем пудовую гирию держать... Придется на этот шпенек с реальным весом грамма, может, в три, давить снизу, всем корпусом. Я вздохнул и с головой погрузился в воду.

Вынырнув глотнуть воздуха, я пожаловался:

— Током бьется...

Малыш округлил глаза:

— А откуда здесь электричество?

— А откуда здесь ты? — вопросом на вопрос ответил Старый, я махнул рукой и снова нырнул. На сей раз сработало — толстенная металлическая плита поехала в сторону, и мы ввалились внутрь — вернее, нас туда просто втащило потоком воды. В глаза ударил яркий, ослепительный электрический свет, громко и надсадно взвыла сирена.

ГЛАВА 26.

На наше счастье дверь оказалась оборудована какой-то приспособой, автоматически ее закрывающей, и нас далеко не унесло, но я все равно оказался стоящим на четвереньках. Поднявшись, я первым делом выдернул из-за пояса свой "Универсал 9мм. спец", остальные уже стояли полукругом с оружием наизготовку — Старый, загородив Ларико, поводит подобранным где-то по дороге арбалетом, Роджер обеими руками наставил свою пушку в дальний конец помещения, где мы оказались. Но никаких направленных на нас стволов и вообще чего-то такого я не заметил. Свет по-прежнему лупил нам в глаза, сирена продолжала надрываться, но ни людей, ни вообще чего-то живого видно не было и даже не чувствовалось, только вода с легким журчанием продолжала растекаться по полу. Я напряженно обшаривал глазами помещение, смахивающее на гостиничный холл с цементным полом и без мебели, только в дальнем конце оказалось что-то смахивающее на конторку. да виднелся из-за нее опрокинутый металлический стул.

Сирена наконец заткнулась, Роджер облегченно перевел дух, но пистолет прятать не спешил:

— Не понимаю... Электричество есть, сигнализация работает... Институтское помещение?

— Похоже на то, — Старый, кривясь от боли, опустился на пол. — А если так, то тут по меньшей мере один охранник должен быть.

— И всадить в нас уже магазинов восемь, — жизнерадостно дополнил Малыш.

— Они что — повымерли или запили все разом? — поинтересовался я, усаживаясь на пол, прямо в лужу... Хотя какое это значение имеет — тут везде сплошная лужа, да и с нас ручьями течет...

— Это как раз не актуально, — Роджер тоже принялся устраиваться на полу, положил

ствол на колено. — Важно то, что это институтская база, а местным по какой-то причине не до нас. Вот и надо когти рвать, пока они не расчухали.

— Логично, — кивнул Малыш. — Только я бы сначала дух перевел, а то со мной сейчас пятилетний ребенок справится.

— Я его только тогда переведу, когда вылезу на поверхность, — угрюмо обронил Старый. — Ученик Чародея, а ты что скажешь?

— А я скажу немного, — я тщательно сверялся с Юрдом. — Зона дезориентации осталась позади, находимся мы на глубине метров пятнадцать-двадцать, вон те симпатичные коридорчики в конце зала выходят один на север, другой, соответственно, на юг... А сейчас, если не хотите, чтоб я у вас на руках помер, хотя бы минут пять меня ни о чем не спрашивайте. Сегодняшние мои упражнения из Магистра мокрую тряпку сделают, — я откинулся к стене, пытаясь подкопить и собрать воедино остатки Силы.

Итак, я сидел, прислонившись к стене и закрыв глаза, и в происходящее совсем не вникал, а ребята негромко переговаривались. Роджер, обращаясь, очевидно, к Старому, негромко предложил:

— Ты ведь с дыркой в ноге далеко не уйдешь... Давай хоть повязку нормальную сделаю.

— Ну давай.

Потом — треск рвущейся материи, Старый зашипел. Роджер заговорил снова:

— Ничего, вот выберемся — Гельда тебе эту дырочку в шесть секунд зачинит.

— Хотелось бы верить... Ну вот тебе и целая куча романтики, — последнее, судя по всему относилось к Ларико. — А так же пища для размышлений на этические темы. Милейших ребят-Секретников тоже ведь нехорошо убивать?

Зря это он... Хотя рана и последующее пребывание в соленой воде увеличивают стервозность индивида где-то втрое...

Ларико ответила как-то глухо, но без истерики:

— Не знаю. Теперь — не знаю. Тут, оказывается, все по-настоящему.

— Ага, а ты думала понарошку? Или кино тебе показывают. С хэппи-эндом, — Старый помолчал, потом резко сменил тему:

— Кстати, насколько я знаю, в Столице или под ней базируется институтская группа, которой руководит некий доктор Риккард. Я его когда-то хорошо знал.

— Риккард? — в голосе Малыша прозвучало удивление. — Это маленький такой, коренастый, лысый, с бородицей до пупа? Так я ж у него стажировался!

— Я тоже.

Роджер, судя по голосу, снова хмурился и теребил усы, как обычно с ним бывает, когда он в чем-то сомневается:

— И что — думаете, он вас по старому знакомству отпустит с миром и нас за компанию тоже?

Малыш вздохнул:

— А шут его знает... Во всяком случае, мужик он порядочный, и группа у него — ученые, а не эсбешники и солдатня. По крайней мере, сразу нас не пристукнут.

— Ой ли? — протянул Старый. — Мы с тобой тоже, вроде, мужики порядочные...

— Ладно, не продолжай, — великодушно разрешил Малыш. — Ваш разговор на тракте я от слова до слова слышал.

— Ничего в тайне не сохранишь... А, Ученик Чародея?

— Уж это точно, — я открыл глаза. — Отдохнуть даже не даете, так о какой порядочности тут говорить?

Роджер поднялся:

— Ну, если все в состоянии двигаться, давайте отсюда потихоньку вылезать. Для начала поступим так: мы с Малышом осмотрим коридоры, а вы сидите и будьте готовы.

— Всегда готовы, — с вялой иронией откликнулся я. — Да, Роджер, я вас с дамой еще не представил: Ларико, этот человек — капитан Роджер. Операция по твоему вызволению

только благодаря ему и состоялась.

— Треплется, по своему обыкновению, — Роджер галантно поклонился — зрелище забавное, принимая во внимание его растерзанный вид. Я не жалею, что пошел и рад познакомиться.

— Взаимно, — в голосе Ларико проскользнула нотка заинтересованности. Малыш подтолкнул Роджера локтем:

— Ладно, капитан, кончай хвост распускать. Еще успеешь, если мы отсюда выберемся. Ученик Чародея, одолжи-ка свою пукалку.

Я перебрал ему пистолет, он двинулся вдоль правой стены, Роджер, распластавшись по стеночке у левого коридора, подождал, пока он достигнет поворота, вопросительно на него посмотрел. Малыш кивнул. Роджер вскинул левую руку, показывая три пальца, Малыш снова кивнул. Смех за ними наблюдать, ей-богу! Если б там, в коридорах этих кто-то был, нас бы уже раз восемнадцать успели на винегрет покрошить...

Тем временем три секунды, о которых Роджер маячил Малышу, истекли, и оба прыгнули вперед, замерли, поводя стволами, потом Роджер нагнулся и озадаченно выругался:

— Т-твою мать... Вот это уже забавно...

Малыш, очевидно не обнаружив в своем коридоре ничего интересного, присоединился к нему, потом обернулся к нам:

— Идите-ка сюда!

Я поднялся, с трудом разминая затекшие мышцы, и двинулся к ним, Старый и Ларико потянулись за мной.

Да, действительно есть на что посмотреть: посреди коридора, уходящего куда-то в темноту, лицом вниз раскинулся труп, вернее, не труп даже, а скелет в изодранной черной форме, чуть поодаль валялся автомат с разбитым в щепы прикладом. Роджер подобрал его, заглянул в патронник:

— Разряжен...

— Ты вон на что посмотри, — Старый кивком указал чуть дальше. На полу рыжевато отблескивали в тусклом свете ламп маленькие цилиндрики стрелянных гильз. Малыш подобрал одну из них:

— Слушайте, а гильзы-то свеженькие, неделя, не больше... Когда ж парень так истлеть успел?

— Его и обглодать могли, — мрачно предположил Роджер. — Уже постфактум.

Старый опустился на корточки рядом с ним, рассматривая нашивку на левом рукаве трупа:

— Так... Предположительно он относился при жизни к группе «Плутон», Институт Экспериментальной истории, соответственно.

Роджер тем временем занялся часами, потом бесстрастно, словно эксперт-криминалист, сообщил:

— Часы марки "Джейси"- знает кто-нибудь такую? — остановились, вероятно, в результате механических повреждений, в четыре часа двенадцать минут либо в шестнадцать с теми же минутами... четырнадцатого числа неизвестного месяца.

— Сегодня семнадцатое, — напомнил я.

— Получается, три дня, — пробормотал Малыш. — Или месяц и три дня.

Роджер продолжал тем же ровным тоном излагать:

— Ботинки или вообще какая-либо обувь отсутствуют. Следов от пуль, переломов, за которыми могла последовать смерть, во всяком случае не видно.

Я посмотрел на Ларико, выглядела она так, словно ее сейчас вырвет, на труп она старалась не смотреть. Я бросил ей:

— Ничего, привыкай.

Малыш тем временем обратился к Старому и Роджеру:

— Вы, шерлоки-любители, наша задача — выбраться из этой ямы, а не загадочные

убийства распутывать.

— А может, тот, кто его так обгрыз, захочет за нас приняться... — Роджер выпрямился. — Без сапог... Что бы это значило?

— В карты он свои шлепанцы пропер. Или босиком его побегать прибило, мало ли что? Давайте выбирать, а?

— И лучше побыстрей, — подала голос Ларико. — Нехорошо здесь.

— Это уж точно, — буркнул я. — Что-то нездоровое тут творится, не знаю, что именно, но лучше не засиживаться.

— Тогда действительно давайте валить, — Роджер посерьезнел еще больше. — Для начала по глотку, — он отстегнул от пояса флягу и пустил ее по кругу. Слегка разбавленный спирт тепло растекался внутри, стало чуть полегче.

— Да, еще момент: там, как вы заметили, темно. Ученик Чародея, факела у тебя?

— Вроде... А, чтоб тебя! — я почувствовал, что заливаюсь краской. — Мешок-то я посеял, пока там нырял!

— Ладно, не возвращаться же, — проворчал Роджер. — И по какому коридору пойдем? Оба узкие, оба темные...

— Лучше по южному. Хромой-то с Гельдой будут нас за Южными воротами ждать, — предложил я. Малыш кивнул:

— Резонно. Кстати, заberi свой ствол. Ты, вроде, и в темноте нормально видишь.

— Не жалуюсь, — буркнул я, первым углубляясь во тьму коридора.

Брели мы уже довольно долго, стараясь не растягиваться, я, естественно, впереди, напряженно зондируя обстановку и выстукивая Хельмебртом дорогу, словно посохом. Конечно, так использовать меч с именем и Силовыми характеристиками — варварство чистой воды, но если я вместе с Хельмбертом загремлю куда-нибудь в бездонный колодец, это будет совсем не смешно... А потом под моей левой рукой, которой я придерживался за стенку, возникла пустота. Ага, угол — поворот или что-то в этом роде.... А чуть дальше, сантиметрах в пятнадцати от угла — рубильник. Освещение, наверно — а что еще на углу располагают...

— Да будет свет! — гордо провозгласил я и дернул рукоятку рубильника. И стал свет.

— Да будет, — щурясь и моргая кивнул Старый. — Только в следующий раз я тебе за такие эксперименты по соплям надаю...если оба живы останемся.

Вообще-то он прав, мало ли чем может оказаться незнакомый рубильник... Например, может открывать шлюзы, кингстоны, или как оно тут зовется... Поэтому я ограничился нейтральным:

— Если б оголенный провод, было б веселей.

Малыш с Роджером тем временем осматривались. Зальчик оказался поменьше первого и такой же пустой, только в дальнем конце приоткрытая железная дверь. А вот беспокойство мое все увеличивается — чувствую Силу, неопределимую покуда, ощущение — как от здобного, хищного взгляда на спине, но стоит сосредоточиться на ней, как взгляд дробится на сотни булавочных уколов и пропадает. Зондаж, не иначе...

— Слушайте, давайте-ка отсюда ноги поскорей сделаем, а то мне тут очень не нравится.

— Принимается, — буркнул Малыш, подошел к железной двери, распахнул, выругался и сообщил:

— Да тут, похоже, настоящая бойня была!

Я в три прыжка оказался рядом с ним. Сдается мне, он прав...

За дверью лежала совсем небольшая комнатешка, буквой «Г» загибающаяся налево, а на полу оказалось еще два скелета в знакомой уже черной форме, чуть поодаль — еще один, в шлеме и кольчуге, с иззубренным боевым топором.

— Тоже группа «Плутон», — определил Старый, наклоняясь над ними. — Автоматы разряжены, гильзы выброшены сравнительно недавно, на оружии даже смазка сохранилась.

— И все без ремней и сапог, — мрачно дополнил Роджер. Я остановился у скелета в

кольчуге, некоторое время пялился на него, потом изрек:

— Это не человек.

Действительно, на человечьи эти кости мало походили — существо, которому они принадлежали, при жизни явно было гуманоидом, но ростом чуть побольше метра, зато невероятно широким, с толстенной, мощной костной структурой. Да и топор рядом с ним вряд ли человеку бы по руке пришелся.

— А кто это? — голос Ларико слегка дрогнул.

— По-моему, гном.

Малыш почесал в затылке:

— Что ж получается — институтчики с гномами поцапались?

Роджер покачал головой:

— Как ты думаешь, что бывает с человеком после удара вот таким вот топориком?

— Две половинки человека... А что ж тут тогда было?

— Вот сейчас разбираться не время, — я нервно постукивал себя Хельмбертом по плечу. — Чтоб тут ни стряслось, надо драпать побыстрей. Нас вот-вот атакуют.

— Кто?

— Сам бы хотел знать... Ладно, пошли, — и я снова двинулся вперед.

Миновав поворот, я остановился и ошалело присвистнул — комнатка выходила в длинный, метров тридцать, зал обрывающийся низкой платформой, а дальше тянулся тоннель, заканчивающийся каменной стеной на севере и уходящий в темноту, пронизанную редкими красноватыми лампочками, на юге. Я соскочил с платформы и тут же споткнулся о матово блестящий металлический рельс:

— Эт-то что еще?!

— Не видишь — подземка, — Малыш, похоже, решил ничему не удивляться. Он спрыгнул и остановился рядом со мной:

— И когда следующий поезд?

— Откуда она тут взяться-то могла? — Роджер тоже спрыгнул с платформы. Малыш невозмутимо пожал плечами:

— Построили, наверно... Но вопрос в том, можно ли по этому тоннелю куда-то выбраться.

— Раз есть тоннель, должна быть и следующая станция, — рассудительно заметил Старый.

— Ага, а так же газетный киоск и торговля прохладительными напитками... Через сотню-другую километров, — Малыш сплюнул.

— Ну, других вариантов все равно нет, — я задумчиво уставился в темноту. — Зато в таких вот штучках всегда должны быть вентиляционные ходы... Да и тоннель идет к югу, то есть в нужном направлении.

Старый оскалился:

— Бред какой-то... — помолчал и добавил: — Группа Риккарда занималась гномами, я об этом что-то слышал. Выходит, они все погибли.

Ох, не нравится мне его голос... Я рывкнул:

— Меня с ними не было! Кто б там ни был, он еще узнает, что такое Чародей. Все, ходу!

Мы топаем по тоннелю уже не меньше получаса, я, как обычно, прую впереди с видом тяжелого танка, стараясь сохранить на физиономии бодрое и решительное выражение и пресекая поползновения оной к вытягиванию. А вытягиваться ей, прямо скажем, есть от чего — чужая Сила становится все более ощутимой, давит как пресс. И не нежить это, а что-то живое, причем не одно существо, а множество, связанное объединенной Силой, хищной и ненавидящей. И вся она сосредотачивается на мне... Ребятам, конечно, тоже перепадает — за мной идет Ларико, я спиной ощущаю ее страх, и бодрости мне это как-то не прибавляет, но не могу ж я ей сказать: "А ну-ка, перестань бояться!", тем паче, что сам из последних сил держусь, пот по физиономии градом катится. От основного тоннеля то вправо, то влево

ответвляются какие-то низенькие ходы, но в них меня свернуть не заставишь — оттуда так и несет чем-то скверным. Смертью оттуда несет...

Ларико сзади простонала:

— Слушайте, давайте передохнем немного, а то чем дальше, тем хуже...

Я кивнул. Как бы мне ни хотелось отсюда выбраться, но куда я больше ни шагу ступить не могу, мышцы как свинцом налиты. Очевидно, побочный эффект Силовой борьбы...

Мы молча опустились на землю. Так, надо бы прислушаться... Основное сосредоточие врагов сзади, чуть ли не на пятки нам наступают. Впереди тоже есть, но там их поменьше. Малыш пробормотал:

— Сколько лет живу, а такого мандража не припомню... Не нравится мне все это...

— А кому нравится? — окрысился Старый. — А может, мы коридором ошиблись?

— Назад поворачивать нельзя, там смерть, — хрипло сообщил я. И в тот же миг почувствовал удар чужой Силы, волна ее ненависти захлестнула меня с головой, я шкурой ощутил ее желание до меня добраться — до моей плоти, до моей Силы... В игру вступил Юрд, ощущение страха несколько утихло, чужая Сила отступила. Пока отступила.

— Э, Ученик Чародея, что с тобой?

Да, похоже, видок у меня еще тот... Просто чувствую, как кровь от щек отлила. Стискиваю рукоять Хельмберта, чтобы подавить дрожь в руках:

— Психическая атака... Кто б там ни был, он понимает, что надо первым делом меня обезвредить.

Роджер до этого момента что-то сосредоточенно обдумывавший, поднимает голову и негромко спрашивает:

— Те, кто там... Их много и они маленькие, так?

— Так.

— Без ремней и сапог... — раздумчиво повторил он. — А ремни и сапоги из кожи. Помнишь, что пацан в Нижнем городе рассказывал?

— Ты думаешь... — у меня даже голос прервался. Роджер кивнул:

— Крысы. Много крыс.

— Только-то, — усмехнулась было Ларико, но замерла, увидев, как у меня, несмотря на все старания, рожа вытягивается на добрых полметра. Вот оно что... Но откуда взялась та Сила, что их держит? Она ж явно разумного происхождения... Ладно, сейчас в этом разбираться не время.

Рывком поднимаюсь с земли:

— Пошли. Сваливать надо — чем быстрее, тем лучше.

И в следующую секунду начинается атака — та Сила пригибает меня к земле, парализует волю... Бросаю вперед, как можно дальше, знак Огня, где-то впереди, пока еще далеко — многоголосый негодующий писк. Основная сила — та, что позади — в ответ на мой удар усиливает прессинг, теперь его мишень не только я. Краем глаза вижу, как Роджер, сжав руками голову, оседает на землю, заваливается вперед Ларико...

Новый натиск чужой Силы швыряет меня на колени, злоба ее не дает подняться, застилает глаза серой пеленой. Чувствую, как моя Сила, моя жизнь потихоньку уходит из меня, кажется, уже слышу топот тысяч и тысяч маленьких лап, Юрд подкачивает мне Силу, но и этого не хватает...

Ну нет, какая угодно смерть, только не такая! На меня накатывает ни с чем не сравнимое омерзение, оно пересиливает даже страх и усталость, и я поднимаюсь на ноги. Прессинг усиливается, я знаю, что долго мне не продержаться, но тут совершенно неожиданно появляется третья Сила, подключается ко мне, заставляет выпрямиться, поднять меч — и я вижу вдруг четко, как на картинке, всю структуру этой мерзостной стаи — тончайшие коричневые Силовые нити, сходящиеся в одну точку. Они связаны и между собой, но стоит ударить в точку пересечения — и связи распадутся... Это я понимаю уже не умом, спинным мозгом, выкрикиваю, словно заклинание, короткое и яростное ругательство,

вычерчиваю в воздухе Хельмбертом знак Силы, собираю его в микронной толщины луч — и направляю в эту точку.

Прессинг сразу исчезает, но пропадает и контакт с Силой, поддерживавшей меня, я стою на подгибающихся ногах, опершись на Хельмберт как на трость. Стена чужой, непонятной Силы, двигавшей крысами, рассыпалась как стекло, вдребезги, распалась на тысячи осколков, до сих пор смертельно опасных, хотя сейчас ими движет всего навсего голод. Собираю остатки своей Силы, бросаю в них огонь и оседаю на землю. Сейчас — будь что будет, я выхожу из игры. Кто-то, кажется, Малыш, подхватывает меня на руки, куда-то несет, сворачиваем с прямой, приоткрыв на момент глаза, успеваю заметить, как Роджер, покашляв пригнувшись, швыряет за поворот одну за другой две гранаты, а потом опять опускается пелена тумана.

Дальнейшего я не отразил, мне только показалось, что мы долго бежали вверх по винтовой лестнице, вернее, бежал Малыш, а я находился у него на руках, фактически в полном отрубе. Потом за нами захлопнулась какая-то дверь, лязгнув засов, и меня бережно опустили на пол. Пол, по-моему, железный.

С этого момента я начал потихоньку приходить в себя — спасибо Юрду. Но окончательно очнулся только тогда, когда кто-то принялся осторожно похлопывать меня по щекам:

— Э, Ученик Чародея, ты в порядке?

— В полном. Отвали, — пробормотал я, подтянул под себя ноги и уселся, привалившись спиной к стене. Только после этого я открыл глаза. Надо мной наклонился Роджер:

— Наконец-то... Мы уж думали, ты все...

— Не дождетесь. Все в сборе?

— Все. Сказочный фарт.

— Мы еще не выбрались, — напомнил Старый. Я приподнялся еще немного и огляделся. Комнатешка что надо — примерно десять на десять метров, и абсолютно пустая. В дальнем конце вдоль стен поднимаются два железных трапа, на уровне метров трех железная же галерея, под ней — три распахнутых двери, откуда несет какой-то затхлостью. На стене между ними останки переговорного устройства — такое ощущение, что по нему от души кувалдой врезали... Посреди комнаты валяются какие-то деревянные обломки, скомканная черная куртка, пожарный багор... И везде — отстрелянные гильзы. Картинка ясная.

— Теперь понятно, как группа Риккарда погибла, — Старый чуть скособочился у стены, стараясь поудобней устроить раненую ногу. — Слушай, Ученик Чародея, а что там внизу было, кроме крыс?

— Было — и нет, чего нам еще надо... — пробурчал я. — Психическая атака. А потом, сдается мне, этими крысами кто-то управлял, уж больно организованно они действовали.

— Слушай, — Малыш мелко и часто дышал, привалившись к стене, — а Братство твоё могло такую штуку устроить?

— А почему бы нет? Насколько я понял, шуточка в их стиле.

— Так Орден, получается, не стрелять в нас должен, а памятник нам поставить... Эта команда крысиная вполне могла в Столицу визит сделать.

— Да, а что это ты так дышишь? — Роджер с тревогой глянул на него, Малыш поморщился:

— Да, похоже, пара ребер треснула — обломком долбануло.

И он еще после этого меня на руках черт-те сколько пер! Но пока, что и говорить, везение просто сказочное: не только сами все уцелели, но и Ларико выдернули. А она пока в разговоре участия не принимает, сидит у стенки, лицо осунувшееся, глаза закрыты... Свезло ей, конечно — ничего себе, первое знакомство с чужим миром...

— Меня вот что смущает, — задумчиво нахмурился Старый. — Электричество работает, к тому же на аварийное питание это не похоже, значит, основной генератор цел. А

по идее, эвакуируясь, они должны были его взорвать.

— Маза такова, — проворчал я угрюмо, — что эвакуироваться, похоже, никто не успел. А если и успел, так ему не до того было, чтоб генераторами заниматься.

— Жаль, если Риккард погиб, — Малыш вздохнул и тут же сморщился от боли в боку. Роджер выглядел куда более озабоченным:

— А ведь на этом ярусе тоже крысы могут быть... Интересно, а почему они проводку не тронули?

Я помотал головой:

— Здесь крыс не было, или я не Чародей. Не знаю, почему — но сюда они даже и не совались. Все, кто погиб — погибли внизу, в тоннеле.

— А чего ж их туда понесло? — продолжал недоумевать Роджер, я сумрачно усмехнулся:

— Психическая атака. А на местных, сдается мне, навалились еще посильней, чем на нас. Да, кстати о птичках: кто это из вас мне там, внизу, чародейством помогал?

Мне никто не ответил. Что это точно не Гельда была, я уверен — уж ее-то я бы узнал. Я по очереди обвел всех взглядом. Малыш? нет, я его давно знаю, с ним в этом плане глуховато. То же относится и к Старому. Ларико? Тоже знаю не один год, и ничего такого за ней не наблюдается, хоть я ее еще в Бурге и дразнил ведьмой... Роджер? Его я еще в первую нашу встречу на сей предмет прозондировал.

Ларико открыла глаза:

— Знаете, по-моему, это потом можно выяснить. Надо из этих катакомб выбираться.

— Логично, — согласился я. — Только я в ближайшие пять минут даже пальцем шевельнуть не смогу.

— А фляжку ко рту поднести сможешь? — поинтересовался Роджер.

— Где? — тут же оживился Малыш.

Фляжка дважды обошла круг и опустела. Я прикрыл глаза, чувствуя, как по телу разливается живительное тепло от спирта — очень вовремя, а то я себя в мокрых шмотках чувствую несколько неловко. Малыш вытер рукавом усы:

— Сейчас бы еще покурить...

— Что б вы без меня делали... — Роджер полез за пазуху, извлек какой-то сверточек, размотал несколько слоев непромокаемой кожи и продемонстрировал нам полдесятка сигарет. Мы все, в том числе и Ларико, испустили хищные гортанные вопли. Роджер недоуменно приподнял брови:

— А что, дама тоже курит?

— Дама, как и я, из России, — информировал я. — Ты так и собираешься свои сигареты держать?

Сигареты оказались волглыми, даже слегка пожелтевшими — но какая ерунда! Я уже оклемался настолько, что смог даже поднести всем огонька от пальцев. Вроде, идиотизм — измотаны, как собаки, двое пострадавших, и вообще еле спаслись, да и спаслись ли еще — и в то же время элементарная сигарета дарует нам чуть ли не эйфорию. Малыш — тот вообще размечтался:

— Эх, сейчас бы еще в душ!

— Иди ты со своим душем! — подключился я. — Лучше сауны ничего пока не придумано.

— Потянет и сауна, — чинно согласился Роджер. — А потом порции три-четыре сосисок в томате...

— С пивом, — сладострастно улыбнулся Старый. — Вот представь: открываешь баночку, садишься перед телевизором смотреть футбол...

— Я больше бейсбол любил, — признался Роджер. — А кто-нибудь из вас помнит, что такое шлепанцы?

Я поднял руку:

— Насчет пива протестую! Пиво в бутылках лучше, у него вкус особый. Особенно

когда бутылочка только из холодильника, запотевшая такая...

— Замолчите, садисты! — взмолилась Ларико. — Может, мы все-таки выбираться отсюда будем?

— Принимается, — одобрил я. — А то у меня душа не на месте — ох, как не нравится мне, что я Гельду с Хромым оставил!

Малыш проворно ощупал мою макушку:

— Не бойся — не растут пока.

Старый, опершись на руки, сел более прямо:

— Кроме шуток, есть еще соображения, по которым надо убираться: если кто-то из команды Риккарда спасся, сюда прибудет команда ликвидаторов. Или просто вздумается им посмотреть, с чего группа вдруг замолчала, а когда появятся и увидят — будут палить во все, что шевелится.

— Эх, припасов здесь, наверно, — вздохнул Малыш. — Хотя не стоит из-за них рисковать.

— Это ты правильно заметил, — усмехнулся Роджер. — А кто-нибудь знает, в какой тут стороне выход?

Я сверился с Юрдом и сообщил:

— Сейчас мы на глубине одиннадцать метров. Вообще-то все это смахивает на типовую институтскую базу, а у них обычно несколько выходов, просто на всякий пожарный.

— Ты что — на типовых подземных базах бывал? — вскинулся Старый. Я пожал плечами:

— Похоже на то... Судя по всему, мы находимся в нижнем ярусе — подсобные помещения, кладовые... Второй обычно самый обширный — жилые помещения, арсенал, технический отсек. Третий — наблюдательные пункты и, соответственно, выход.

— Только подземка в эту схему не укладывается, — пробормотал Малыш. — Кому, интересно, понадобилось ее долбить?

— Да шут его знает. имею следующее предложение, — я тоже встал, размялся, — сейчас поделимся на три группы. Первая — Старый и Ларико — остаются здесь, вторая в составе Малыша и Роджера, пойдет по левому коридору, третья в составе меня — по правому.

— Разделяться... — недовольно пробурчал Роджер.

— Зато наверняка быстрее получится, — я вынул из-за пояса «Универсал», снял его с предохранителя. — Ну, вас учить не надо, кого встретите — бейте в репу, или скажите, что меня сейчас позовете.

— И возвращайтесь побыстрее, — напутствовала нас Ларико, обращаясь уже к нашим спинам.

Я прогремел каблуками по железным ступенькам, вошел в открытую дверь. Так и есть, типовая база, второй ярус в два этажа, наверх ведут такие же металлические трапы, а там по преиметру вдоль стен тянутся галереи с рядами дверей, соединенных между собой мостками. И еще тянется целая куча каких-то толстенных кабелей, до которых мне дела нет. Эх, сейчас бы еще вспомнить, когда я успел на типовой институтской базе побывать... Да еще вряд ли на одной. Точно помню, что на втором ярусе должен быть ход на третий. Но двери, как обычно, без маркировок... Печально, зато есть повод этот ярус осмотреть — век бы себе не простил, если б этого не сделал. "Пойди, разузнай и разнюхай"- начертано на семейном гербе мангус...я хотел сказать, Чародея.

Чтоб создать для себя видимость полезной деятельности, я сразу взбежал на второй этаж, заглянул в первую попавшуюся дверь. Свет горит... И сразу ясно, что жилое помещение — две койки по бокам, стенной шкаф... Но уходили отсюда весьма поспешно и, похоже, не без драки — бардак просто жуткий, по всему полу рассыпаны какие-то бумаги, все исписанные и исчерканные, настольная лампа выдернута из гнезда, что называется, с мясом, тумбочка опрокинута, из шкафа на пол вывалены какие-то шмотки, посреди комнаты

валяется армейский ботинок, к сожалению, всего один. Правый. Там же, на полу, раздавленный тюбик зубной пасты, выстреливший содержимое метра на два, и на бумагах — какие-то бурые пятна, подозрительно смахивающие на засохшую кровь. Полное запустение... Я наугад подобрал с полу какой-то листок — сплошь непонятные математические выкладки. Да, тут ловить нечего.

Я вышел из комнаты и направился по мостку на другую сторону «колодца», держа ствол наготове. Непохоже, чтоб на меня тут кто-то порывался напасть, но все равно спокойней. Так, а вот и дверца, напоминающая искомую. Поглядим...

Держа пушку обеими руками, я изо всех сил пнул дверь, намереваясь прыгнуть внутрь, но тот, кто эту базу строил, наверняка не те книжки читал: вопреки всем боевиковым стандартам, дверь открывалась наружу. Естественно, когда я ее открыл, на меня никто не набросился — даже слегка разочаровывает. Тут оказалось темно, но света, падающего из коридора, оказалось вполне достаточно, чтобы определить — вычислительный центр, правда весь разгромленный. Пол усыпан битым стеклом, осколками пластика, какими-то электронными потрохами... Вряд ли что-то уцелело. А дальше, если я правильно помню, находятся генераторный отсек и отсек переброса.

Я быстро прошел в соседнее помещение. Так и есть — в громадной комнате с бетонным полом и стенами, матово мерцаая экранами, расположилась она. Машина временного переброса. Обратный билет в свой мир.

Нет, радоваться пока погодим — а вдруг она еще и не пашет? Хотя нет, судя по индикаторам, вполне в рабочем состоянии, и ничего в ней не закоротило. И стартовая площадочка хорошая, рассчитана где-то на полтонны, рубильник на ней же расположен, так что вполне можно убраться, прикрыв за собой дверцу.

Я исполнил короткий боевой танец и испустил радостный вопль, снизу тут же послышался голос Малыша:

— Чего вопишь, как потерпевший? Крыса в штаны забралась?

— Сам ты... Поднимайтесь сюда, бегом!

Не знаю, как насчет бегом, но поднялись они довольно быстро, все четверо, я встретил их в дверях.

— А мы выход нашли, — сообщил Роджер.

Я скромно потупился:

— Я тоже, хотя и несколько иной, — а потом драматическим жестом указал на машину.

Реакцию это вызвало не вполне мной ожидаемую — Ларико вообще не поняла, чего это я так обрадовался, Роджер нахмурился, поигрывая пистолетом, а Малыш негромко выругался и запустил пятерню в волосы. Заинтересовался, кажется, только Старый:

— И работает?

— Должна бы.

Снова возникла долгая, неприятная какая-то пауза, потом Малыш приблизился к машине, неторопливо ее осмотрел, повернулся к нам:

— Это здорово, конечно... Но вот такой вопрос: а вы считаете, нам есть, куда уходить?

Хорошее настроение сразу испарилось. Куда уходить... Вот гадство, еще недели две назад спал и видел, как я в моем родном мире окажусь, а тут возникает такой простенький вопрос: а что я там, собственно, делать буду? Тем паче, там есть мой дубликат, вполне реальный Михаил Ордынцев, художник... А я что умею? Нежить истреблять? Там это никому не нужно и не интересно...

Роджер заговорил первым:

— Даже если б и было, куда, я все равно не имею права свалить. Меня ребята в Гнезде ждут, — он замолчал и вопросительно уставился на меня, я пробормотал:

— Я бы пошел... Только Гельду-то я как тут оставляю? А с собой ее не потащишь.

— Тем более, нас найдут в любом другом мире, — теперь и Старый выглядел очень недовольным. — Институтские каналы все под контролем, так что нас по незарегистрированному перебросу вычислят, куда б мы ни забрались. И, кстати, вычислять

будут куда активней, чем сейчас.

Ларико посмотрела на Старого:

— И что, через эту штуку можно домой вернуться?

— Можно, — вздохнул он. — Если, конечно, есть дом.

— Мой дом, похоже, здесь, — проговорил я. — Отныне и во веки веков.

— Аминь, — мрачно усмехнулся Малыш. — Полностью солидарен.

Ларико неожиданно улыбнулась:

— Ну, раз так — пусть стоит. И вообще, давайте наружу выбираться, а то я уже по солнцу соскучилась.

Я кивнул:

— Годится. Вы пока разведайте, что снаружи, а я в этой машинке покопаюсь. Чисто из спортивного интереса, прослежу, куда с нее в последний раз перебрасывались.

Ларико округлила глаза:

— Ты что — с ней обращаться умеешь?

— Похоже на то.

Малыш поправил пояс с секирой:

— Ладно, только долго не задерживайтесь. А я тут секунды лишней не останусь.

— Катитесь, — напутствовал Старый. — Я еще малость передохну — копыто разболелось, просто сил никаких.

— Скоро придем, — пообещал Роджер, потом он, Ларико и Малыш загремели ступенями куда-то вверх.

Я повернулся к Старому, он смотрел не на машину, а на меня:

— Все же хочется свалить, а, Ученик Чародея?

Я снова тяжело вздохнул:

— Не без... Только как ни грустно, Малыш прав: сваливать мне некуда.

Старый немного посидел молча, потом поднялся и вышел в коридор, а я продолжал увлеченно щелкать клавишами. Как я и предполагал, информация в блоке слежения закодирована. Ничего, я этот код скоренько расколю... Пистолет я убрал за пояс и выпростал из штанов мокрую рубаху — пускай хоть немного подсохнет. Я так увлекся, что чуть не пропустил сигнал Юрда "Опасность!" и уловил его, только услышав шаги за спиной.

Я резко повернулся, потянувшись к ножу на голени — и замер, уставившись на ствол автомата. Автомат — еще не самое плохое. куда меньше мне понравилось то, что держал его жилистый и ражий детинушка в форме Секретника и твердой мускулистой лапой направлял его мне в живот. В брюхо.

От неожиданности я только и смог, что тупо выговорить:

— Привет...

— Дегина оскалился:

— Привет. А сейчас руки за голову сделай и выходи не торопясь. И главное, без глупостей. Резких движений не делай.

Конечно, снять его я б смог без особого труда, но ведь он не один тут, и пока я его снимаю, остальные меня вполне могут изрешетить. И ребят за компанию. Ладно, для начала прикинем, что тут к чему. Я заложил руки за голову и, мысленно матерясь, на чем свет стоит, двинулся к выходу.

Ребята оказались выстроенными вдоль стенки галереи, так же с руками за головой, под прицелом пяти автоматов. Автоматы держали в лапах Секретники, и такое ощущение, что эти игрушки им не в диковинку.... Тут же находилась и Гельда, вид у нее был втрещанный и напуганный — объяснялось это тем, что ее держал за волосы Хромой, оперев ей подбородок дуло тяжелого, с длинным стволом, пистолета. Секретник легонько подпихнул меня стволом автомата, я встал рядом с Малышом. Да, пока что рыпаться и думать нечего — напигуют свинцом, как поросенка...

Роджер опомнился первым:

— Что за представление, Гарви? Что этот балаган значит?

На физиономии Хромого появилось подобие кислой улыбки:

— Этот, как ты говоришь, балаган значит то, что я использовал момент и подвернувшуюся возможность. Проигрывать надо уметь, — где-то я уже подобную фразочку слышал...

— Как получилось, что ты с этими ублюдками связался? И чего ты хочешь от нас?

— Эти люди в данный момент находятся под моим командованием. А связан я с ними таким образом, что я человек Верховного Магистра Даэла, но сейчас действую не от его имени, просто хочу с вами кое о чем договориться. Это, сам понимаешь, проще делать, когда все козыри у тебя в руках.

— Это называется предательством.

— Называй как хочешь. У меня появился шанс, и упускать его — преступление.

Роджер побагровел:

— Ах ты... — и он начал длинную тираду, а когда у него не хватило дыхания, Малыш подхватил и развил мысль, вкратце сводившуюся к тому, что Хромой относится ко всем наиболее омерзительным представителям местной фауны и страдает всеми мыслимыми и немыслимыми половыми извращениями и венерическими болезнями. Меня так и подмывало подключиться к этому, но на данный момент есть дело поважней. Надо прикинуть, смогу ли я срубить Хромого знаком, не зацепив при этом Гельду. Ага, есть такая возможность. Только Силу еще чуть подконцентрировать...

Я резко выбросил вперед правую руку, но Секретник слева от меня оказался проворней. Я только успел заметить мелькнувший автоматный приклад, а потом металлический пол галереи встал дыбом и крепко съездил меня по лбу.

ГЛАВА 27.

Так, похоже, я все еще жив. Валяюсь мордой вниз, под щекой — что-то холодное и твердое. Пол. Цементный. Башка просто разламывается. Странно, в пол я лбом впечатался, а болит почему-то затылок... Попробуем подвигать конечностями. Так, руки связаны за спиной, причем, похоже, давно — кисти совсем онемели. Ноги, вроде, свободны.

— Так, шевелится. Значит, скоро очухается.

Ага, это я шевелюсь, а значит, скоро очухаюсь...

— Так давайте его к остальным.

Меня подхватывают с двух сторон, куда-то тащат. Надо постараться открыть глаза... Под черепом наявливает в трубы и барабаны сумасшедший оркестр, перед глазами все плывет и колыхается. Наконец удастся кое-как сфокусировать зрение, и я вижу ребят — сидят рядочком на полу, со связанными руками, а позади них мыкается тощий долговязый Секретник... Е-мое, да он же Силой владеет! Без Камня, правда, и послабей меня... Хотя насчет того, что Чародеев в Секретники не берут, говорил тот же Хромой, а ему, как выяснилось, верить не стоило.

Тут же вижу и самого Хромого, он устроился в специально для него принесенном лабораторном кресле, закинув ногу на ногу и положив на колено ствол, по бокам еще пара Секретников с автоматами. И находимся мы, судя по всему, в вычислительном центре — раздолбанная аппаратура сброшена со столов, под ногами хрустят осколки.

Меня усадили на пол рядом с Ларико. Так, а наше оружие — вон оно, свалено позади кресла. Меч у меня забрали, нож тоже, но пушка по-прежнему при мне, за поясом под рубахой. Несколько обнадеживает... Хотя что толку? Если я даже каким-то чудом сумею руки освободить, стрельба никогда моей сильной стороной не была, да к тому же пары воробушков на пятерых здоровых амбалов, не считая Хромого, маловато будет... И вряд ли они будут бездействовать, наблюдая за мной.

Секретники отошли в сорону, и Хромой заговорил, вероятно, продолжая начатый ранее разговор:

— Мне все это нравится не больше, чем вам, но у меня просто не было другого выхода.

Такой подарок судьбы упускать я просто права не имел.

Ответил ему Роджер:

— Все зависит от того, чего именно ты хотел добиться. Зачем тебе делать нас своими врагами?

— Я бы наоборот хотел вас своими друзьями видеть. Надеюсь, этот вариант еще не упущен?

— Не нравится нам, когда свою дружбу таким образом навязывают, — зло проворчал Малыш.

— Ничего, придется стерпеть. Иначе я вспомню, что работаю на Верховного Магистра, а он по крайней мере двоих из вас рад будет увидеть. Меченосца и его ведьму.

— И какова альтернатива? — включился в разговор Старый.

— Вы работаете на меня, я не вспоминаю о своем служебном долге. Эта акция, например, с Верховным Магистром не согласована. Я действую на свой страх и риск.

— И при чем же тут мы? — рискнул наконец встаться я. Роджер подарил мне неодобрительный взгляд, но смолчал. Хромой улыбнулся:

— Хороший вопрос... Такую команду, во-первых, предпочтительно иметь на своей стороне. А во-вторых, мне теперь невыгодно вас просто так отпускать — вы знаете о существовании этой базы, и есть только два способа обеспечить ваше молчание: первый — переманить вас на свою сторону, а второй... вы, наверно, сами догадались.

— И ты пойдешь на это? — недоверчиво осведомился Роджер. — А я считал, что мы с тобой друзья.

Хромой взмахнул пистолетом:

— Слишком много на карту поставлено. Кстати, еще одно соображение: вы теперь мои должники. Мы ведь так договаривались, верно?

— С одной стороны так. А с другой — тот фокус, что ты с нами провернул, зачеркивает все.

— Ну уж и все... Учти, вы до сих пор живы только благодаря мне — вас не накрыли на четвертом ярусе, затопление пятого произошло не сразу.

— Ты хочешь сказать, это благодаря тебе?

— А кому же еще?

— Я думаю, твой шеф, когда об этом узнает, будет очень недоволен, — доверительно сообщил Малыш. Хромой расплылся в улыбке — на сей раз вполне искренней:

— Но мы-то ему не скажем?

— Вести двойную игру с Чародеем, да еще с Магистром... — проворчал я. — Ох, с огнем играешь...

— Ну, не настолько ему хочется вас заполучить, чтоб от моей помощи отказываться... А обмануть можно любого, даже Чародея. Гельда, например, до самого последнего момента ничего не знала.

Я посмотрел на Гельду, сидевшую, нахохлившись, как воробей, а она, перехватив мой взгляд, бросила негромко, почти агрессивно:

— Ну не просвечивает он!.. Что я поделать могу?

Хромой рассмеялся:

— Видишь, как все просто... Не просвечиваю.

Роджер, разыгрывая свою партию, чуть подался вперед:

— Пусть даже все так... Долги платить я никогда не возражал, но сотрудничать с твоими орлами в коричневой форме просто противно. Давай договоримся о другом способе.

Хромой снова сделал неопределенный жест стволom:

— Я уже думал об этом... К сожалению, мой план предусматривает участие Секретников. Не всех, конечно, а моей доверенной группы.

— Хорошо, — снова вступил Старый. — Но мы хотя бы должны знать, на что идем. А насчет того, что мы про весь этот металлолом распространяться начнем, можешь не тревожиться. У Пришлых и без этого поводов хватит, чтоб нас пришить.

На лице Хромого появилось жесткое выражение:

— Не надо песен! Я знаю, что стоит в соседней комнате, и мне нужны люди, которые могут этой машиной управлять. Которые знают дальние миры.

Мы молча переглянулись. Это уж как-то совсем несмешно получается... Раз Хромому известно, какой ему клад на голову свалился, он челюстей не разожмет.

Хромой помолчал, оглядывая наши посеревшие физиономии как мне показалось, с легким сожалением, потом снова заговорил:

— Как видите, выбора у меня нет, я и так рискую всем. Если кто-то, тот же Магистр, узнает, что я вышел на эту машину, мне не поздоровится. Если, конечно, он узнает о нем не слишком поздно.

Малыш помолчал, что-то взвешивая в уме, потом осведомился самым деловым тоном:

— И что же именно от нас требуется? Мы не можем покупать кота в мешке.

— Если хочешь нашей поддержки, давай полную информацию о своем... скажем так, проекте, — поддержал Роджер.

Хромой откинулся в кресле, почесал дулом висок, потом решил:

— Хорошо. Спрашивайте.

На некоторое время повисла пауза, потом Роджер все так же неторопливо выговорил:

— Начнем издали... Ты знал, что здесь находится машина?

— Догадывался.

— И отыскать ее без нас никак не мог?

— Отыскать-то мог... Только попасть сюда было тяжело, сами знаете, что в тоннеле творилось...

— А куда он ведет? — изменил направление атаки Малыш. Хромой пожал плечами:

— Пока не важно. Со временем я это выясню, а с вашей помощью или нет — зависит только от вас.

— Хорошо, — теперь за Хромого взялся Старый. — Но ты вполне мог дожждаться пока мы отсюда уйдем.

— И вообще интересно, как ты все это осуществил, — Роджер чуть подался в сторону Хромого. — Ты что, так точно рассчитал, что мы окажемся здесь? И ее арест, — он подбородком указал на Ларико, — тоже твоя работа?

Хромой покачал головой:

— Нет, к этому я не причастен. Но когда появилась возможность, я ее использовал. Я знал, что вам удалось попасть в Цитадель, что вы будете уходить через глубинные ярусы, а следовательно, была приличная возможность, что вы попадете сюда и воспользуетесь выходом на поверхность. Мне было известно, где он расположен, но, к сожалению, снаружи в него не попасть.

Ничего себе — просчитал он... Что б там ни было, башка у него варит очень неплохо.

Но Малыш нахмурился:

— Ладно, это пока разговор мимо денег. Ты как-то связан с Институтом?

— Я о нем слышал.

— Ты сам из Пришлых? — в лоб осведомился я, Хромой даже обиделся:

— Еще чего!

Вообще, наш разговор стал напоминать перекрестный допрос — теперь с вопросом влез Старый:

— Меня интересует еще и другое: откуда у вас автоматы? Кто рассказал тебе об этой машине? Кто научил пользоваться огнестрельным оружием?

— Я в свое время успел побывать в ваших мирах.

— Где именно?

— Без понятия.

— А кто дал тебе оружие?

— Инструктор.

— А кто он такой? Он из Пришлых?

— Да, из Пришлых, но больше я о нем ничего сказать не могу. Моих парней тоже он обучал.

— Ты работаешь на него?

Пауза.

— Нет, сейчас я работаю на себя.

— И чего ты лично для себя добиваешься? — требовательно спросил Роджер. — Какой именно выгоды?

— Выгоды есть, и немалые. Я согласен с Верховным Магистром — первым делом надо раздавить Смуту, обезопасить себя от нашествия с запада, из степей. А вот в средствах мы с ним не сходимся. Я считаю, что для этого нужно оружие. Много оружия. А потом, когда все закончится — выгоды будут, если я вообще не окажусь единственной реальной властью.

— Высоко метишь, — не без яду заметил Роджер. — И что по этому поводу твой Инструктор думает?

— Я у него не спрашивал. Он уже с полгода, как пропал куда-то. И вы его замените.

— Слишком большой риск, — заметил Старый. — Институт тебя рано или поздно выследит, а когда узнают, что ты затеваешь заваруху с оружием, на тебя спустят таких убийц, против которых даже мы с Малышом жидковаты.

— А если Дазл дознается, что ты ведешь двойную игру, против тебя поднимут весь Орден, — поддержал я.

Хромой тем временем начинал уже тяготиться разговором:

— Приходится рисковать... Тут-то и вступаете в игру вы — Чародей и двое ПРИшлых.

— А при чем тут Роджер?

— Так уж получилось... И пока нас не раскусили, вы помогаете мне обзавестись оружием посерьезней, чем эти сморчки. А потом с нами уже будут говорить по-другому. Решайте. Мне нужны люди, которые умеют обращаться с машиной переброса, которые помогут попасть в ваши миры и найти Инструктора. А уж он поможет мне с оружием.

— Любой переброс с этой машины тут же зафиксирует Институт, — проворчал Старый.

— А вот это уже не ваша забота. Мне нужно только ваше согласие.

— На такое даже Друг Апачей, покойничек, не пошел бы, — буркнул Малыш. — только средневековых баронов на танках нам еще не хватало...

— Сколько у нас времени на обдумывание? — после долгой паузы спросил Старый.

— У вас его нет.

— А если мы откажемся?

— Тогда вам придется погибнуть при попытке к бегству... Но перед этим я разрешу своим парням развлечься с вашими женщинами. Мне это не нравится, но такова жизнь.

М-да, перспективочка... Отказаться — значит, всем погибнуть, а согласиться — вляпаться в историю, из которой выйти никак не получится, и вляпаться по самую маковку... Ладно, на первом этапе главное освободить руки, а там уж что-нибудь придумаю. Опять придется актерские способности в ход пускать...

Я старательно потупил глаза, якобы в нерешительности, потом вскинул голову:

— Хорошо. Выбор у нас, похоже, небогатый, так что деваться некуда. Я согласен помочь тебе, если ты пообещаешь, что не причинишь никакого вреда никому из нас.

— А ты с машиной-то обращаться умеешь?

— Если я не устраиваю, ищи другого специалиста, — огрызнулся я. Роджер нахмурился:

— Ты хорошо подумал?

— Лучше некуда. Если уж лезть в это дерьмо, так кому-то одному. В случае чего вы останетесь в стороне.

— Так приступим, — поторопил Хромой.

— Со связанными руками я ничего сделать не смогу, это раз. А во-вторых, машина повреждена.

Во взгляде Старого мелькнул лучик понимания, он тут же пустился подыгрывать мне:

— А ты не думал, что когда ты ее починишь, мы станем не нужны? В самом крайнем случае — когда он достанет оружие.

Я усмехнулся как можно злее — без всякого труда:

— Не думаю... Я Чародей, и двойные игры со мной вести не посоветую.

— Со мной тоже, — теперь мы с Хромым буравили друг друга взглядами. наконец я жестко, глядя ему в глаза, отчеканил:

— И еще одно. Раз мы с тобой в деле — мы партнеры. Я тебе не какая-то секретничья мелочь, которую можно заставить на цырлах бегать, ясно?

Убедительный получился штришок — Хромой задумался, потом сообщил:

— Хорошо. Когда отладишь машину и пойдет оружие — так и будет. А пока у меня нет причин доверять тебе.

— У меня тоже.

Хромой улыбнулся одними губами:

— У тебя такая причина есть, — и стволом пистолета указал на Гельду.

Я вздохнул, словно смирившись с судьбой:

— Пожалуй, ты прав.

— Ну так что там с машиной?

— Насколько я понял, дефекты в системе питания. Сейчас ее хватит только на то, чтобы перебросить одного человека и килограмм тридцать груза. И понадобится кое-какие детали заменить.

— Уж не думаешь ли ты, что я тебя за ними отправлю?

— А сам-то разберешься?

— Ты мне дашь записку, на которой укажешь, что нужно, и отправишь, куда я тебе скажу. Если я не вернусь через три часа — всем вам конец. Сколько времени тебе сейчас понадобится?

— Часа полтора, наверно, — я пожал плечами. — Может, больше.

Малыш изучал меня с нарочито кислой миной — тоже врубился, что неспроста я тут распинаясь, — потом осведомился:

— Один-то справишься?

— Справится, — ответил за меня Хромой. — Двоих вас пускать — слишком серьезный риск.

— Придется поплясать, — вздохнул я. — Может, скажешь, чтоб мне руки развязали?

— Скажу, — пообещал Хромой, потом обратился к Секретнику за нашими спинами, тому самому, владеющему Силой:

— Значит, пойдешь с ним. Держи его на мушке. Если он попытается чародействовать — убей его. Если встанет на площадку под красной лампой — убей его. Если просто заметишь что-то подозрительное — убей его. Я разрешаю. А теперь освободи ему руки.

— Мило, — пробурчал я, поднимаясь с пола и разминая затекшие кисти. — Получается, этот твой орел меня за все что угодно пришить может?

— Получается, так, на полном серьезе ответил Хромой. — А теперь — вперед и за дело.

— Надеюсь, ты понимаешь, на что идешь, — вслед мне тихо произнес Старый.

Мы прогрохотали ботинками в соседний зал, я тут же опустился в кресло у пульта, Секретник остановился у входа, привалившись к притолоке, но автомат его по-прежнему был четко направлен мне в живот. Да, не слишком приятная ситуация — ствол, конечно, до сих пор у меня за поясом, но прежде чем я его достану, парень успеет из меня дуршлаг сделать, и то же самое произойдет, если я попробую воспользоваться Силой — на простейший знак времени уходит все же больше, чем на то, чтобы спустить курок. А у меня пока даже четкого плана действий нет...

— Ну, приступай, — поторопил Секретник, я повернулся в кресле и в упор уставился на него:

— Это кто тут еще понукает? Я без сопливых разберусь, что делать, а ты захлопни хавало и гони табак.

Наглый тон сработал безотказно — Секретник, поколебавшись, перебросил мне трубку и кисет. Я неторопливо закурил и подключил экран встроенного компа. Таблица кодов с тех пор, как я ею пользовался ничуть не изменилась. Но вот на Пятерку настраиваться, как того, вероятно, хочет Хромой — с моей стороны было бы просто дико, так что остается мой родной мир. Я, тихо поругиваясь для виду, принялся щелкать переключателями на пульте. То, что они все после этого оказывались в нужном мне положении — разумеется, чистая случайность.

Но настройка по кодовой таблице — еще в лучшем случае полдела, существует кроме нее и такая вещь, как локальная настройка, обычно на другую машину, хотя можно обойтись только той, с которой уходишь. Но тут нужны четкие привязки, а где их взять?

Пока я об этом размышлял, мне удалось привести в полную боевую негодность блок слежения, благо, особых технических познаний для этого не требуется. Также ко мне в карманы переключались из ящичков отвертка и четыре страховочных браслета — до сих пор не понимаю, как они функционируют, но если что-то стряслось с машиной, то имея на руке такую штучку, моментально возвращаешься к тому месту, с которого перебросился. По крайней мере не застряну "там"...

Вообще, даже имея я четкий план действий, слабых мест в нем предостаточно — а вдруг этот Секретник так же, как и Гельда, чует вранье? А вдруг он ловит не только внешние проявления Силы, но и внутренние? А вдруг он знает, что такое электричество? И еще, наверно, с десятков таких "а вдруг?..", от которых зависит моя жизнь. В общем, снова я как дурак бросаюсь грудью на амбразуру, даже не зная, будет ли от этого какой-то толк...

Но это все покуда лирика, а как все же быть с локальной привязкой? Если я после переброса окажусь где-нибудь в Антарктиде, толку от этого действительно будет маловато. Даже если меня зашвырнет куда-нибудь в чисто поле в десятке километров от Бурга, тоже приятного мало: судя по тому, что я помню, в моем мире сейчас ночь, да еще, к тому же, зима. То есть, надо мне сверить свое положение с тем, которое я займу, оказавшись «там», а затем сработать по принципу кальки, наложения карт... Вот если б я еще мог это сделать, а то зрительная память у меня далеко не на таком уровне...

Стоп, а Юрд на что? Предположим, карт я не помню, имеется в виду, сознательно — но ведь где-то в мозгу они у меня должны отпечататься, и с помощью Юрда я вполне могу их на поверхность извлечь... Только вот проделывать такой фокус на глазах у Секретника — это как-то не концептуально... Я вздохнул и ушел в подсобку, где за тонкой перегородкой басовито гудел генератор.

Вообще-то подсобка — слишком громкое название для такого шкафчика, но это уже детали. Секретник со своим автоматом переместился и продолжал держать меня на мушке, а задница моя из дверей все ж торчала, но мне было как-то не до того. Когда из тебя с помощью Силы извлекают нечто, что ты помнишь чисто теоретически, это обычно очень неприятно — все равно что ржавые гвозди из мозгов тащить, так что сам процесс отпечатался у меня в памяти как сплошной кошмар и медленная пытка, но все же дело увенчалось успехом, и данные для локальной настройки я получил. Правда, вид у меня, когда я из подсобки вылез, наверно, был очень уж нехорош — даже Секретник посмотрел на меня с сожалением:

— Не напрягайся ты так... Посиди, покури.

Я согласно кивнул и мешком повалился в кресло, как бы машинально трогая переключатели. Когда табак дотлел в трубке, машина оказалась к перебросу готова. Теперь остается еще этот придурок с автоматом. Самое скверное — он владеет Силой... Извини, коллега, может, ты и человек неплохой, но избавляться от тебя я буду решительно и беспощадно.

Покури, я снова полез в подсобку. Так, выводы с генератора здесь. Основная система питания... Ее мы трогать не будем. Рубильник, а что за рубильник... Переключает все это

безобразия на... Как раз то, что требуется. Вот она, дублирующая система, от машины, само собой, отцеплена. Вырублено? Вырублено... А то еще не хватало, чтоб меня током шарахнуло... Десять киловольт, шесть ампер. Прилично... Вполне должно хватить. А вот тоже полезнейшая вещь — моток толстой, миллиметра на три, медной проволоки. Мне много не надо, двух с половиной метров вполне хватит. А где у нас фаза? Вот она, родимая... Сейчас будем знакомить коллегу-Чародея с электричеством.

Я выругался громко и зло, смаху лягнул что-то железное, чтоб гремело, высунулся из подсобки и гаркнул Секретнику:

— Ну что встал, как столб?! Иди быстро, помогай!

— А что надо? — он приблизился, по-прежнему держа автомат направленным на меня. Я протянул ему один конец проволоки, второй уже был примотан к клемме генератора.

— На, поддержи. Только натяни как следует.

Секретник взял провод левой рукой, указательный палец правой до сих пор оставался на спусковом крючке. Нехай... Я снова ушел в подсобку:

— Натянул?

— Ага...

— Спокойной ночи, — тихо и зло буркнул я себе под нос, а потом резко рванул рубильник.

Крик — короткий, продлившийся меньше секунды, но страшный. Не время внимание обращать — рубильник вверх, машина подключена, до стартовой площадки — полтора прыжка, красная лампочка мигает над головой, пусковой рубильник вниз — и мягкая чернота временного переброса подхватывает меня. Уже погружаясь в нее, продолжаю чувствовать омерзительный запах горелого мяса.

ГЛАВА 28.

Временной переброс длится довольно долго, но это чисто субъективное ощущение — о каком «долго» может идти речь, когда сам переброс осуществляется во времени?... Просто некоторое время ты находишься нигде, в сплошной черноте, стискивающей тебя словно кокон, а потом возникаешь где-нибудь в другом месте и чувствуешь себя при этом как хорошенько взболтанная бутылка пива — полное ощущение, что из тебя туча пузырьков выходит. Я лично после такого соображаю плоховато.

Зато в самом процессе мозги более-менее нормально действуют, чем я и воспользовался, чтобы хоть как-то наметить варианты дальнейших действий. Насчет ребят я не слишком беспокоился — того же Малыша вполне хватит, чтоб залечить Хромого, будто со мной произошел несчастный случай. А вот что я буду делать оказавшись в Бурге — это вопрос...

Для начала надо бы достать оружие, желательно — что-то не меньше АКМ-а, а так же подрядить себе в помощь пару-тройку крепких ребят. Ладно, с теми, кого принято именовать "криминальными структурами" у меня кой-какие связишки остались, но ведь вот в чем проблема: если я заявлюсь к кому бы то ни было в столь гнусном виде, с расквашенной мордой и с порога заору, что мне нужно оружие и поддержка в параллельном мире, меня сразу в дурку сдадут. Даже Доктор Хэш с его сумеречным воображением и склонностью к тяжеловесным мистификациям, и тот решит, что я просто кукласа обхавался сверх всякой меры. А собственно, на кой мне нужен Доктор Хэш? С оружием он никак не связан. А надобен мне человек, который воспримет эту историю нормально и согласится помочь, да еще и найдет нечто стреляющее. В таком случае единственной подходящей кандидатурой из моих знакомых является... я.

Все ж таки переброс действует на мозги — когда я представил себе, как заявлюсь к двойнику посреди ночи, возможно даже сняв его с очередной бабы, какая у него при этом будет рожа, и как он будет врать что-то наподобие того, что я его пропавший брат-близнец, меня начало разбирать какое-то нервное, почти истерическое хи-хи. Сначала я пытался

противиться этому, но потом сдался и захохотал, и чем дольше я ржал, тем сильнее меня разбирало, так что материализовавшись, я греготал уже почти до слез, громко и весело. Наконец я что-то сообразил и открыл глаза. И тут же обнаружил, что нахожусь в комнате, судя по всему, общажной, и при этом сижу с ногами на столе. Свет оказался выключен, а рядом с кроватью стояли, испуганно глядя на меня, парнишка с девчонкой, обоим лет по восемнадцать. Оба были раздеты и явно собирались лечь. Глядя на их озадаченные физиономии, я вообще зашелся от хохота, а потом только сообразил, что мое здесь присутствие в общем-то неуместно, кое-как прижал ладонь к сердцу в качестве извинения — ни словечка произнести не мог — и выкатился в дверь. Правда, расстояние я четко определить не смог — врезался в нее с разгону, всем корпусом. Открывалась она, к сожалению, внутрь, и сделана была, как и все общажные двери на фу-фу, так что в коридоре я оказался вместе с ней. Хохоcha во всю глотку, я скатился по лестнице с третьего этажа, бабка-вахтерша проводила меня диким взглядом, что еще прибавило мне веселости, и я выскочил на улицу. Я пробежал в соседний дворик, за гаражи, там повалился на занесенную снегом лавочку и дал себе волю. Я ржал, как идиот, представляя себя на месте того парнишки — только я кого-то соблазнил, раздел и уже было собрался — и тут откуда ни возьмись появляется на столе этакая волосатая и бородатая чума, причем хохочет диким голосом, потом выносит к чертям собачьим дверь и исчезает где-то в ночи. Да, в Бурге мне суждено войти в легенду... Справиться с собой я не мог долго, сначала я пытался переключиться и подумать, что мне отчаянно повезло, но тут же снова срубался ржать. Более-менее отсмеявшись, я набрал пригоршню снега, растер им разгоряченное лицо, вторую пригоршню сожрал — от смеха глотка пересохла. А теперь стоит подумать, чем я, собственно, займусь дальше.

Выяснилось, что мне и в самом деле сказочно повезло — и дворик и общага мне знакомы, и до мастерской не так уж и далеко — где-то с километр. Хотя это еще если двойник живет по моему прежнему адресу... Вот номер-то будет, если его из мастерской за что-то выперли! Ладно, в любом случае у меня он первый на очереди... Только по пути дворами надо будет держаться и избегать освещенных улиц — вид у меня, прямо скажем, развратный — морда разбита, шмотки кровью забрызганы, так что первый встречный патруль мной заинтересуется. Документов у меня, понятно, никаких, а за поясом — пушка, затевать же перестрелку с ментами совсем не в моих интересах.

Весь путь до мастерской — минут двадцать — я пробежал достаточно бодрой трусцой, так что замерзнуть не успел, но когда я вбежал в темный, без малейших признаков фонарей, проулок, уши у меня просто отваливались. Дышать я старался через нос — только воспаления легких мне для полного счастья не хватало! А сам дом, в котором находилась мастерская, остался на прежнем месте, и таким же облупленным, каким я его запомнил.

Я взлетел по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж и принялся барабанить в дверь мастерской. Да, вот если двойника попросту нет дома, совсем красиво получится! Не могу ж я тут до утра торчать... Когда я, потеряв уже всякую надежду, смаху лягнул обитую чем-то вроде мешковины дверь, изнутри раздался очень недовольный голос (мой голос!):

— Кого там еще принесло?

— Открывай, Ордынцев. Это Ордынцев.

Дверь распахнулась, и я заморгал от яркого света, а проморгавшись, обнаружил, что дубль-я стоит, отвесив челюсть, и смотрит на меня, как на привидение.

— Что, не ждал? — я криво усмехнулся. Двойник пожал плечами:

— Да как сказать...

— Ты один?

— Один.

— Может, зайти пригласишь? — против моей воли вопрос прозвучал довольно резко. Дубль-я отодвинулся:

— Ну заходи уж, раз пришел... — и попытался улыбнуться. Я вошел в жарко натопленную мастерскую, в одну из двух крошечных комнаток, и прикрыл за собой дверь:

— Слушай, я, дело тут к тебе на тысячу долларов. Отношения потом выясним, мне б тебя кое о чем подрасспросить очень хотелось... А сейчас мне нужна помощь.

— Ты в бегах?

— Как обычно... Только возвращаться бегом надо, там, в Преисподней вообще черт-те что творится.

— А по-человечески?

— Малыша и Старого помнишь?

— Само собой!

— Ну так вот, их, Ларико и еще двух людей Секретники зацапали, так что вытаскивать надо спешно.

— Ч-черт... — двойник запустил лапу в волосы, потом справился с собой и деловито осведомился:

— И какая помощь тебя интересует?

— Во-первых, парочка-другая крепких ребят, умеющих с оружием обходиться и таких, которые нас за психов не примут. Оплата — золотом.

— Оплата, оплата... — проворчал дубль-я, вскинул голову. — Я тебя в качестве подмоги устрою, двойничок?

Ох, не блефует ли? Маза такова, что он может оказаться не то андроидом, не то агентом Дэна. Хотя нет, не похоже. Что я — себя не знаю?..

— Вот будет Секретничкам мозги напрячь, когда два одинаковых трупа найдут, — мрачно усмехнулся я. — А чо у тебя с оружием?

— Какое ни есть... Два ножа, топорик, монтировка...

— М-да, жидковато против пяти стволов.

— Стволо-ов?! — рука двойника, потянувшаяся к карману испачканной краской клетчатой рубашки, замерла на полпути. — Слушай, двойничок, а ты ничего не перепутал? Откуда вдруг стволы у Секретников?

— А я почему знаю? Просто такой вот любопытный факт: они вооружены автоматами.

— Дела... — протянул дубль-я, все-таки вытянул из кармана свой (когда-то мой) неизменный «Беломор», повалился в кресло и протянул руку за спичками, я дал ему прикурить от знака Огня:

— Ну так как? Сколь реально раздобыть нечто стреляющее, желательно автоматическое, причем быстро?

— Реально-то реально, — проворчал двойник, потянулся, взял с подоконника часы. — Так, без пятнадцати четыре, а раньше шести никого из этой братии не достанешь... Да ты сам помнить должен.

Я пристукнул кулаком по колену:

— И больше — никаких вариантов? А то шлепнут ребят, пока я тут прохлаждаюсь, и где я тогда окажусь?

Дубль-я сказал, где, потом осведомился с плохо скрытой тревогой:

— И что, все так серьезно?

— Да уж, куда серьезней... Иначе я б не рискнул сюда соваться.

— А ты-то как свалил?

— Да так... Пришлось кой-кого поджарить, — я вкратце, опуская подробности, поведал о драке в Цитадели и под ней.

Мой рассказ произвел впечатление — двойник даже курить забыл. А у меня появилось время сообразить, что возможно и даже скорее всего версия с несчастным случаем прокатила, ведь не совсем же дураки мои друзья, в случае чего Хромому голову заморочить сумеют. Тем паче, для него наилучший вариант — убедить их работать на себя, а мое преждевременное появление, да еще без оружия и серьезного прикрытия, может очень осложнить дело. Так что, закончив рассказ, я осведомился:

— Ты как, Дэна видишь?

— Редко.

- Обо мне он ничего не рассказывал?
- Рассказал, что ты Чародеем заделался.
- И все?
- И все.

— Странно даже как-то... Дай-ка папиросочку... Спасибо. Так вот, он в последнее время обожает распускать обо мне всяческие интереснейшие слухи, в связи с чем я б хотел с тобой посоветоваться. Ну так как, я, кто ж из нас все-таки андроид? Или синтетическая личность?

— Та-ак... — двойник чуть приподнялся из кресла. — А ну-ка, с этого момента подробней.

Я, опять же в предельно сокращенном варианте поведал о наставлениях Дэна Малышу и Старому на мой счет. Двойник встал, прошелся по комнате, отшвырнул погасшую папиросу, выругался и пробормотал:

— Нет, но на этот раз он сам себя превзошел! А ты, значит, полагаешь, что нас с тобой специально местами поменяли, чтоб внедрить меня в человеческое общество, так?

— Нет дыма без огня, двойничок.

— Нет, говоришь, двойничок?.. — его глаза чуть сузились, он закатал левый рукав и показал мне длинный и тонкий беловатый рубец от кисти до локтя. — А у тебя?

Я продемонстрировал свой рубец со словами:

— Это еще ничего не доказывает, физически мы вполне идентичны.

— Не доказывает, говоришь? А помнишь, как ты его заработал?

— А ты?

— А вот и слушай, — и двойник пустился в обстоятельный рассказ о своем (моем, то есть) путешествии на заброшенный чердак вместе с Костылем и Шурой Толстым, где я в свое время предплечье и располосовал (и как еще вены целы остались, после того, как я по битому стеклу проехался!)

— ...А было мне тогда, как ты должен помнить, одиннадцать лет, — закончил дубль-я и пристально на меня посмотрел. — Так что теперь насчет дыма и огня, двойничок?

— Не знаю, что и думать, — несколько ошалев, пробормотал я. — Слушай, а какой смысл Дэну распускать про меня заведомую парашу, причем такую, расколоть которую — делать нечего?

— Это уж ты у него спроси... Ты ж его знаешь, вечно неожиданный и загадочный, как ворона из анекдота.

— Ладно. Кстати, на всякий пожарный напоминаю: если он на твоём горизонте возникнет, ты меня не видел.

— Понял... Да, история душевная, без поллитра не разберешься.

— А у тебя что — есть?

— Обижаешь, двойничок, — дубль-я нагнулся к тумбочке, выудил поллитровку водки. — Я три дня держался, работал. Но раз уж пошла такая пьянка... Кстати, если хочешь — горячая вода сегодня в кои-то веки пошла, можешь помыться.

А ведь точно — я на себя в этих подвалах грязюки всякой нацеплял просто ворох! Я издал боевой клич племени слонопасов, моментом сбросил с себя шмотки и запрыгнул в низкую напольную раковину.

Мыло и горячая вода — что может быть прекрасней?! Я фыркал и плескался под краном, дубль-я, развалившись в кресле, покуривал, а на тумбочке уже имел место порезанный хлеб, а так же открытая бутылка и стаканы. Двойник откровенно разглядывал меня — вернее, дырки в моей шкуре:

— Да, двойничок, отметин у тебя, я смотрю, теперь побольше моего.

— А, ерунда. Короткий меч, пара арбалетных стрел, пара ножевых колотых, зубы оборотня... А на закуску — автоматный приклад. И все за последние два месяца. Как тебе?

— Впечатляет... А что за побрякушку ты на себе таскаешь? Она какая-то непростая?

— Сам ты как побрякушка! Я без этой штуки не Чародей, но задница, слепая и

глухая, — я выбрался наконец из раковины и, растираясь несвежим полотенцем, осведомился самым светским тоном:

— Раковски, кстати, как поживает?

Дубль-я помрачнел, отвернулся к темному окну и коротко бросил:

— Раковски не поживает.

— То есть? — я, придерживая полотенце на бедрах, подошел почти вплотную. — Он что — погиб?

— А ты не знаешь?

— Где? На Югране?

Двойник молча кивнул. А вот это уже чем-то нехорошим пахнет...

— И что тебе об этом известно? Конкретней, пожалуйста.

— Ничего мне об этом неизвестно.

— Слушай, двойничок, не надо песен, я их уже наслушался. Что я — не знаю, какая у меня рожа, когда я вру? Выкладывай, не обманывай сам себя.

— Ну уж блефовать-то ты первым начал... Хотел показать, что все помнишь, да?

— Ага, значит и об этом ты знаешь? Отлично. Колись.

— Есть вещи, которых тебе бы лучше не знать.

— Так-так-так... — я прошелся по комнате. — По твоему поведению я заключаю, есть большая вероятность, что Раковски по моей вине погиб, так?

Снова молчаливый кивок.

— И об этом ты от Дэна услышал?

— От него.

Я отшвырнул полотенце, врезал кулаком по ладони и обложил Дэна всеми известными мне гнусными ругательствами, а так же теми, что изобрел на ходу. Потом заметил, что дубль-я удивленно на меня смотрит:

— Ты чего это, а?

— Да просто этот... — я опять вклеил сочный эпитет, — с тех пор, как начал на меня охоту, уже пару убийств на меня подвесил. Узнаю характерный почерк.

— Ты хочешь сказать, он наврал?

Я мрачно проворчал, натягивая штаны:

— А вот тут на сто процентов не уверен — Югран мне затерли прочно. А что ты об этом знаешь?

— Только то, что Дэн рассказывал. А что за охота на тебя? Впервые слышу...

— Ну так еще бы... Дэн мог предполагать, что тебе сей факт не слишком понравится. И еще, просвети, не дай дураком помереть — что за история с Ларико вышла? Зачем ты ее-то туда закинул?

— Просто так получилось, что она на местную агентуру вышла, институтскую. И, соответственно, могла их рассекретить, меня в том числе.

— Это тебе, конечно же, Дэн подкинул?

— Вечно ты его во всех смертных грехах обвиняешь... Ему приказали для этого меня задействовать.

— Кто?

— Институт.

— Насчет агентуры, конечно, туфта полная... А вот ты почему на это пошел?

— Дэну я обязан достаточно многим, слишком долго мы с ним в одной упряжке работали, — дубль-я плеснул в стаканы пальца на три. — Ну что, двойничок, за встречу?

— За встречу, — я осушил свой стакан. — Слушай, двойничок, я что-то никак врубиться не могу: тебе, вроде, про меня должны были как по трафарету расписать, какой я оказался сволочью — и тут заявляюсь я, смываясь от институтского хвоста, а ты мне сразу предлагаешь себя в качестве подмоги.

— А чего тут понимать, — дубль-я тоже выпил, закусил хлебом. — Просто я себя в последние два года чувствовал последним засранцем... Ведь по идее, на твоём месте я

должен был быть. А потом, — он усмехнулся, — уничтожение Секретников с автоматами тоже входит в институтскую компетенцию.

Мы молча посидели, покурили, двойник налил еще понемногу:

— Слушай, я, у нас еще почти час в запасе. Хочешь глянуть, что я за время твоего отсутствия натворил?

— Валяй, — проворчал я без особого энтузиазма. Дубль-я снял с полки объемистую папку:

— Графика, — и перебрал ее мне на колени, пристроился рядом. Я углубился в работы, но минут через пять почувствовал разочарование... Нет, не в работах дело, работы-то классные, это я понимаю, но только каким-то дальним уголком сознания, теперь прочно запертым. Я бы мог такие вещи делать, но сейчас мне на них неинтересно даже смотреть. Дело во мне. Изменился я.

Внезапно мой взгляд упал на кособокую осколок зеркала у противоположной стены. Да, то, что я изменился — не слова. Теперь нас с двойником просто спутать невозможно, и дело тут не в том, что волосы и борода у меня длиннее и выгорели на солнце, не в моем жестком загаре и даже не в здоровенной ссадине на лбу. Из зеркала пристально, с прищуром, уставился на меня средневековый воин-Чародей — угрюмый, жесткий, беспощадный, в углах рта залегли две глубокие складки, даже усы не скрывают, глаза смотрят сурово и подозрительно, скулы вдвое сильнее заострились. Нехорошее у меня личико, прямо скажем. Серый брат какой-то...

— Что, двойничок, налюбоваться не можешь?

— Я б на твоём месте тоже посмотрел. Очень, знаешь ли, любопытное зрелище.

Двойник молча смотрел в зеркало — минуту, не меньше, потом повернулся ко мне и негромко, но как-то непривычно серьезно проговорил:

— Да, двойничок, здорово тебя обработали... Такое ощущение, что между нами теперь лет пять разницы.

— Пять... А пятьсот не хочешь? — я зло усмехнулся. — Готово, ко всему привык. Сейчас мне только в музей и место. Или в Преисподней...

— Не знаю, почему так, — негромко, пристально глядя на меня, сказал дубль-я. — Я вот не смог в Преисподней притерпеться.

— Слушай, я, — теперь в моем голосе, опять же против моей воли, зазвучала почти мольба, — но мы же с тобой идентичны до последней молекулы! Какая-то причина должна же быть у всего этого?

— Причина... Причина может быть та, что у тебя оказались способности для работы в И-группе.

— Что за И-группа? Ничего такого не помню.

— Интуитики. Исследователи. Ищейки. Особое подразделение, которое в Институте использовали. Для разведки в основном. Связано со всякой паранормальщиной и прочими радостями.

— Вот оно что... — я откинулся в кресле и потер подбородок. — Смотреть, значит, и анализировать... Но чародейству там, вроде, не учили.

— Насколько я знаю, нет, — дубль-я заглянул в папку. — Вот гадство, курево кончилось... Слушай, еще минут сорок у нас есть, так я смотаюсь, куплю, а потом и попробуем подробней перетолковать. Под пули я лезть согласен, но вот отказывать себе в мелких радостях...

— Где ты сейчас купишь?

— Да тут ларек ночной за углом. А что это ты так вскинулся?

— Почему я знаю, может, ты сейчас из ближайшего автомата Дэну позвонишь?

— Ты, двойничок, не забывай, мы с тобой один и тот же человек. Вопрос на засыпку: ты бы побежал звонить?

— Резонно.

— Ну то-то же, — двойник уже напялил длинное серое пальто и шапочку-"пидорку". —

Так, капуста, вроде, есть.

— Давай я схожу?

— Ладно, не компрометируй меня в глазах торгашей... — он вышел, прикрыв за собой дверь.

Я откинулся в кресле, плеснул в свой стакан на палец водки, покрутил его в ладонях, поставил. Все, вроде, нормально, но ощущение какое-то нездоровое. И идет по нарастающей. Через Юрд. Проходит несколько долгих, бесконечно долгих секунд, прежде чем я понимаю — опасность. Угрожает не мне. Ч-черт, только этого сейчас не хватало!

Подхватываю с пола пистолет, еще какое-то время вожусь с замком. Наконец удается открыть, через три ступеньки бегу вниз по лестнице, на ходу сдвигая предохранитель и взводя курок, вылетаю на улицу, морозный воздух обжигает легкие...

И тут же вижу двойника — засунув руки в карманы, чешет по улице — но сделать что-то не успеваю, в глаза бьют остлепительные фары. Сощурившись, вижу, как из-за угла, из-за недостроенной кирпичной коробки, выворачивает на двух колесах огромный грузовик. Все это кажется нестерпимо медленным, как в кошмарном сне, что-то внутри обрывается, остается только ледяная пустота, как со стороны слышу чей-то пронзительный, животный крик. В горле саднит. Это я кричу... Дубль-я оборачивается, отскакивает назад, в ярком, неживом каком-то свете фар на долю секунды вижу его (мое?) искаженное страхом лицо, потом фары накрывают, грузовик сворачивает на встречную полосу, глухой, мокрый какой-то удар — и в воздухе мелькает нечто, полностью лишенное сходства с человеком, нелепо растопырившая руки и ноги тряпичная кукла... И еще до того, как она ударилась о дорогу, грузовик тормозит так резко, что его разворачивает бортом ко мне, из кабины соскакивают двое, подбегают к тому, на земле, у одного в руках что-то негромко хлопает — раз, другой...

И тут я наконец-то вспоминаю про ствол, вскидываю его обеими руками, выкрикивая что-то бессвязное, давлю на спусковой крючок. Первая пуля разносит боковое стекло в кабине, вторая бросает одного из выскочивших на подножку, а я продолжаю яростно и бессильно нажимать спусковой крючок, ответный выстрел проходит как-то мимо моего сознания, только по щеке хлещет, обжигая, кирпичная крошка, отбитая пулей... Двое заскакивают обратно в кабину, один из них странно скособолен; грузовик резко, только полсекунды пробуксовав толстыми шинами, рвет с места, исчезает где-то за поворотом, в черноте улиц. Бегу к беспорядочно раскинувшемуся на земле телу, судорожно сжимая в руке бесполезный теперь пистолет, и еще не добежав, знаю уже, что он мертв — не может живой человек так лежать. Мне остается каких-то метров пять, я пока еще не осознал того склизкого, черно-сизого в холодном свете звезд, между шапкой и воротником — и в этот момент меня подхватывает знакомый уже черный вихрь временного перебреса.

Через какое-то время я вернусь обратно на институтскую базу, в подвал Цитадели. Вернусь безоружным, с одним только разряженным пистолетом. Пусть. Я могу убивать и без оружия, а других желаний у меня не осталось. И не осталось никаких чувств, только ледяная бешеная ярость. Пусть попробуют до меня добраться. Кое-кого я с собой прихвачу...

Возникаю на стартовой площадке машины уже без всяких следов эйфории, собранный, как стальная пружина, движимый только яростью. К драке готов. Но кругом по-прежнему темно. Чувствую где-то слева чужую Силу. Знакомую. Поворачиваюсь, чтобы нанести удар, но уже знаю, что мне с ней не совладать — и меня останавливает такой знакомый, ворчливый и лязгающий голос:

— Меченосец? Наконец-то! Ждешь тебя, ждешь... Поворачивайся!

— Учитель?!

— Тише ты, болван! Хочешь, чтоб кто-то знал, что я здесь? — он выворачивает из темноты с факелом в руке, в неярком пляшущем освещении вижу пульт — вернее, то, что от него осталось — судя по всему, после нескольких хороших ударов топором. На пульте ничком лежит Секретник, вместо затылка — что-то темное и текущее.

— Где остальные? Мои?

— Наверху. Их моим ударом слегка зацепило. Ничего, оклемаются.

— Хельмберт?

— Захватил. Живей, живей! Хромой ушел... Да что ты копаешься?!

Странно, голос Грентвига, несмотря на резкость тона, как-то успокаивает... Бегу следом за ним по длинному коридору, потом — винтовая лестница завивается куда-то вверх, оттуда падает дневной свет, вначале неяркий и сероватый, потом — ослепительный.

Выбираемся через узкий лаз в распахнутый погреб, попутно отмечаю еще два безжизненных тела у дальней стены, четыре деревянных ступеньки — и мы в какой-то хибаре с заколоченными окнами, а оттуда наружу.

У полуразвалившегося крыльца — пять коней, уже оседланных, бока их лоснятся от пота. Видно, скачка была тяжелая. И седоков было пять. Сейчас, кроме Грентвига, вижу только двоих — коней удерживает и успокаивает какой-то вьюноша бледный, владеющий Силой, но без Камня, явный Учителев адепт. А под деревом с абсолютно невозмутимой рожей сидит какой-то старикан в пятнистом плаще следопыта и сосредоточенно полирует лезвие короткого меча, одного из двух, имеющихся при нем. Завидев нас, он повернул голову и проворчал:

— А еще медленней нельзя? Не хватает только, чтоб меня здесь увидели... Официально я в Гэлфосте с поручением короны.

И тут же вижу ребят — лежат рядочком на траве, вид бледноватый, но явно не покойники. Гельда — та вообще уже сидит, смотрит на меня несколько ошалело. Хотя она ж ведьма, какой-то иммунитет к ударам Силой должен быть...

— Живей! — снова рявкает на меня Грентвиг. — Нам еще подальше отсюда убраться надо и погоню со следа сбить. Женщину, — он кивком показывает на Ларико, — возьмишь к себе на седло. Ясно?

Отвечаю кивком, наклоняюсь над Ларико, обрывком веревки аккуратно связываю ей руки впереди, подсаживаю в седло. Она все еще без сознания. Учитель оборачивается к Гельде:

— В седле усидишь, ведьма?

Старикан под деревом, забросив в ножны меч, оборачивается к нам, лица пока не могу разглядеть, только громадный хрящеватый нос:

— Давайте поторопимся, а? А то меня тут каждая собака знает.

— Собака — может быть... — я поворачиваюсь к нему, он отмахивается:

— Успеем познакомиться, остряк. Все готовы?

Вскакиваю в седло, продеваю голову через руки Ларико, хрященосый старец берет к себе на лошадь РОджера, вьюноша бледный — Старого, Учитель — Малыша. Еще вижу, что Гельда тоже уже в седле.

— Поехали!

И начинается бешеная скачка.

Странно, я не заметил, как скачка меня увлекла. Внутри — до сих пор вакуум, звенящая пустота, но боли от утраты пока еще нет. Я знаю, она придет позднее, а пока — тугая земля звенит под копытами коней, ветер бьет в лицо, отдувает назад волосы, высушивает пот на лбу, и я лечу, слегка привстав на стременах. Временами вижу своих спутников — угрюмые лица, летящие по ветру волосы и плащи — и как-то отстраненно понимаю, что в этом заключена какая-то дикая и суровая красота. И нет пока ничего, кроме ветра, земли под копытами, да яростного солнца, слепящего глаза. И поднимается несмотря ни на что откуда-то из глубины цыганское злое веселье.

Лучший способ выбросить лишние мысли из головы — заняться делом. Так что я им и занялся, благо, на то, чтоб в седле держаться, сил много не уходило. Но выяснился такой любопытный момент: оказывается, временной переборос напрочь сбивает с Камня ориентировку по сторонам света. Для себя-то мне ее восстановить — раз плюнуть, но на Камне она просто необходима, так что я всю дорогу занимался тем, что отстраивал Юрда, а потому не сразу заметил, что скачем мы, собственно, уже по лесу — до меня это окончательно дошло только тогда, когда Грентвиг резко осадил вставшего на дыбы коня и

пронзительно свистнул — никогда не думал, что Магистры так свистеть умеют. Из зарослей, откуда-то слева, тут же выскочил, отбрасывая с лица пятнистую повязку, парнишка лет четырнадцати, я чуть с седла не свалился:

— Виган?! Тебя ж на Забытом убили!

— Вранье, — отреагировал он, потом обернулся к Учителю, ожидая приказаний. Тот соскочил с седла, аккуратно сгрузил на землю Малыша, повернулся к Вигану:

— Значит, так. Берешь этих лошадей, и насколько их хватит, жмешь до второй подставы. По дороге путай следы.

Виган кивнул, отмахнул рукой, из кустов высыпалось еще три сопляка, быстро подхватили наших лошадей, попрыгали в седла, гикнули, свистнули — и как сдуло. Юноша бледный тоже с ними ускакал.

Учитель прошелся, разминая ноги:

— Теперь можем несколько минут отдохнуть и вашими ранами подзаняться.

Я склонился над лежащей на земле Ларико, пошарил у пояса в поисках кинжала, поднял глаза:

— Нож есть?

Грентвиг, естественно, в своем репертуаре: вынул из ножен на поясе длинный кинжал, продемонстрировал его мне, а потом резким, почти неуловимым движением метнул его в меня. Да, уж в этом старому ящеру не откажешь — бросок у него великолепный, я едва успел затормозить и поймать лезвие сантиметрах в тридцати от своего горла, а поймав, поблагодарил, как того требует этикет, невозмутимо:

— Спасибо.

— Видишь? — Грентвиг повернулся к хрященосому старцу. — Реакция у него отличная.

— Знавал я Чародеев, у которых она и получше, — проворчал тот.

Я разрезал веревку на руках Ларико, отошел в сторонку и уселся под деревом. Тут есть специалисты получше меня в том, что касается приведения людей в нормальное состояние... Гельда устроилась рядышком со мной, я обнял ее, зарылся лицом в грязные и всклокоченные, но все равно такие родные волосы. Через некоторое время она высвободилась:

— Что случилось, Мик?

— Ничего не случилось, маленький.

— Мик, я же знаю, меня не обманешь... Что-то случилось. Нехорошее.

Угроздило ж найти подругу, от которой ничего не скроешь... Я горько усмехнулся:

— Случилось то, что меня опять убили.

— Но ты ведь здесь, живой!

— Это олько кажется... На самом деле я лежу на цинковом соли, и надо мной судмедэксперты колдуют.

Хрященосый, кажется, впервые проявил ко мне интерес:

— Так, а вот это и в самом деле может неплохо получиться...

— Уши, — многозначительно пробормотал Грентвиг, наклонившийся над Малышом. Тот уже начал потихоньку приходить в себя, попытался приподняться:

— Приветствую тебя, Магистр...

— Ладно, рыжий, без чинов, — взмахом руки остановил его Учитель, а потом повернулся к Гельде:

— Эй, ведьма! Раны лечить умеешь?

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ.